ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

БАРАБАШ Богдан Алексеевич

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Харитонова Оксана Геннадьевна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОТРАЖЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЕРАРХИИ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ И ИХ РОЛЕЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ 42

§ 1.1. Классификации суверенных государств с точки зрения международной иерархии 42
Возможности и ограничения глобального компаративного анализа государств 42
Иерархия как отражение неравновесности суверенных государств 48
Позиционные иерархические модели классификации государств 55
§ 1.2. Теория ролей в международных отношениях и мировой политике 69
Генезис концепта роли в социологии и психологии 70
Теория ролей в международно-политических исследованиях 74
Статус как звено между теорией ролей и международной иерархией 84
Выводы Главы I 91

ГЛАВА II. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ КАК ОТДЕЛЬНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ 93

§ 2.1. Концептуализация и операционализация категории малых государств 93
Малые государства как объект изучения теории международных отношений 93
Операционализации категории малых государств на основе абсолютных и относительных критериев 110
§ 2.2. Типологизация и кластеризация современных малых государств 128
Типология малых государств на основе широкого подхода к операционализации 128
Перечень малых государств на основе сочетания абсолютного и относительного подходов к операционализации 134
Выводы Главы II 142

ГЛАВА III. ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ РОЛИ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ 143

§ 3.1. Генезис ролей пространственно ограниченных политий в международных отношениях 143
Довестфальские пространственно ограниченные политии и традиционные роли малых государств до XX столетия 144
Место малых государств в мировой политике в XX веке 155
§ 3.2. Положение малых государств в постбиполярную эпоху 170
Значение параметров современной системы международных отношений для малых государств 170
Объектное и субъектное измерения статуса современных малых государств в системе международных отношений 179
Стратегии и ресурсы увеличения статуса малых государств в мировой политике . 185
§ 3.3. Значимые роли малых государств в современной мировой политике 197
Социально-демографическая сфера 197
Международные транспортные пути и коридоры 211
Экономическая сфера 215
Военная сфера и стратегическое взаимодействие 226

Дипломатическая сфера.....*243*
Культурная и спортивная сферы.....*250*
Нормативное предпринимательство.....*252*
Научно-техническая и инновационная сферы.....*264*
Предоставление международной гуманитарной помощи.....*267*
Развитие двусторонних контактов с малыми государствами как часть стратегии ведущих держав на примере Китая.....*269*
Многосторонние институционализированные форматы.....*273*
§ 3.4. Трансформация ролей малых государств в мировой политике на примере аравийского кластера.....300
Выводы к Главе III.....312
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....**315**
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР.....**323**
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....**324**
СПИСОК ТАБЛИЦ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....**349**
Приложение № 1. Картограмма членов Форума малых государств (108 государств-членов)......*350*
Приложение № 2. Позиционная иерархия государств согласно значению Индекса размера государства Трейвиша......*351*
Приложение № 3. Рейтинг оффшорных зон/налоговых бухт и легкости ведения бизнеса (первые 30 позиций)......*353*
Приложение № 4. Профили финансовых центров (2023 год)......*354*
Приложение № 5. Количественное участие в ММО некоторых государств в Европе......*356*
Приложение № 6. Количественное участие в ММО некоторых государств в Азии. *358*
Приложение № 7. Перечень государств с населением менее 14 млн чел., которые являлись членами Совета Безопасности ООН хотя бы один срок......*359*

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

На современной политической карте мира существует по меньшей мере 193 государства, каждое из которых характеризуется набором функций, ролей, статусов и моделей поведения, вносит различный вклад в мировую политику с учетом своей субъектности, а также в силу существующих структурных возможностей и ограничений. При этом исторически в центре «мироздания» расположены относительно крупные великие (ведущие) державы, которые формируют основы мирового порядка и, будучи двигателями прогресса, определяют содержание фундаментальных процессов развития человеческого социума[1]. В то же самое время их число весьма ограниченно и не превышает и одного десятка государств. Также на мировой арене существуют государства-региональные лидеры и так называемые державы среднего уровня, которые отмечены более ограниченным, но существенным уровнем влияния в рамках отдельных региональных подсистем или целого ряда сфер международного взаимодействия[2]. При этом их число также невелико и редко превышает два десятка государств, многие из которых входят в Группу двадцати[3].

Однако бóльшую часть суверенных политий составляют так называемые малые государства, или малые державы, которые в силу непропорционально большого числа весьма непохожи друг на друга – ещё в большей степени, чем великие и средние державы между собой. Так, к данной категории могут относиться как мельчайшие тихоокеанское государство Науру и южноевропейское государство Сан-Марино, так и более крупные

---

[1] Шаклеина Т. А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Ответственный редактор книги и всей серии: О.В. Гаман-Голутвина. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 313-324.
Здесь и далее автор использует термины «великая держава» и «ведущая держава» синонимично.

[2] Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов / В. В. Вершинина // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 25-40.

[3] Neumann I.B., Gstohl S. Lilliputians in Gulliver's World?: Small States in International Relations. – Centre for Small State Studies. Institute for International Affairs. University of Iceland, 2004. – 24 p.

южноамериканская страна Суринам, африканское государство Джибути, североатлантическая Исландия, восточноевропейская Молдавия, южноазиатский Бутан, ближневосточные ОАЭ и многие другие суверенные политии разного уровня развития, государственной состоятельности, устойчивости, открытости международной среде и внешнеполитической активности.

Существует различные способы концептуализации малых держав, выработанных исследователями – так, например, испанский политолог и экономист Ж.Коломер объединяет подобные государства в группу *«малых наций»,* которые имеют при прочих равных высокую степень этнической однородности и простые формы правления[4], в то время как американский политолог Р.Кохэйн пишет о государствах, лидеры которых считают, что они никогда не смогут – действуя в одиночку или в составе небольшой группы – оказать существенное влияние на мировой порядок[5].

Принимая во внимание множество подходов к концептуализации термина, важным представляется предварительная фиксация основных характеристик малых государств, которые позволяют ввести рабочее определение термина. Под ***малыми государствами*** подразумеваются такие суверенные страны, у которых отмечается наличие ограниченных физико-географических и (или) демографических ресурсов, а именно – относительно малая площадь территории и (или) небольшая численность населения, которые при прочих равных отрицательно[6] влияют на степень их субъектности в мировой политике, прежде всего понимаемой как способности выживать, развиваться, оказывать влияние на локальный, региональный или глобальный

[4] Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. – London; New York: Routledge, 2007. – 128 p.

[5] Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. – No. 2. – P. 291-310.

[6] Существует примеры территориально и демографически ограниченных политий, которые признаются исследователями и мировым сообществом непропорционально значимыми, как и примеры стран с большой территорией и (или) населением, имеющих относительно низкий статус в мировой политике. Тем не менее рабочее определение термина исходит из того, что наличие скромных материальных ресурсов для большинства государств является скорее ингибитором развития, а не его катализатором.

уровни мировой системы, сохранять и увеличивать свой статус в рамках международной иерархии, достигать национальные интересы и проявлять самостоятельность при проведении собственного внешнеполитического курса на фоне деятельности своих соседей и, особенно, великих держав. С последними малые государства склонны иметь особые отношения, которые, как правило, характеризуются зависимостью или протекцией, чувствительностью к давлению и определённой степенью периферийности, ведь именно на фоне великих держав малые страны в первую очередь и считаются таковыми.

Вместе с тем, несмотря на то что некоторые исследователи, традиционно фокусирующиеся на великих и средних державах, расценивают категорию малых государств как «остаточную» и имеющую незначительный исследовательский интерес, представляется, что это не вполне соответствует действительности. Во-первых, группа малых государств не является полностью тождественной и идентичной категории несостоявшихся, слабых или полностью лишенных субъектности государств, так как существует ряд стран, которые играют значимые роли или выполняют важные функции в отдельных сферах международного взаимодействия или подсистемах международных отношений, но по отдельным материальным показателям или их совокупности не могут считаться ни средними, ни тем более ведущими государствами. Во-вторых, даже те малые страны, которые практически утратили свою акторность, в условиях нарастания конфликтогенности между центрами силы на международной арене сами могут являться ценным ресурсом для сохранения и укрепления статуса ведущих держав.

С одной стороны, эти наблюдения говорят о том, что малые государства несмотря на свой пониженный статус всё же способны выполнять значимые функции и роли в мировой политике. С другой стороны, содержание этих функций и ролей, а также степень акторности и суверенности малых держав с учетом их значительного числа, а также сменяющихся временных эпох весьма

разнородны, что сохраняет актуальность их идентификации, систематизации и прогнозирования изменений.

Исследовательский интерес к деятельности малых государств в современной мировой политике, как представляется, обусловлен по крайней мере двумя основными факторами. *Во-первых,* на сегодняшний момент именно малые страны составляют абсолютное большинство суверенных государств, находящихся в орбите притяжения великих государств. Учитывая, что они находятся внизу международной иерархии и обладают минимальным потенциалом, малые государства по определению неспособны оказывать существенное влияние на мировой порядок. В этой связи представляет интерес то, *какие роли играют различные малые государства в мировой политике с учетом имеющихся у них ресурсов и как адаптируются к существующим структурным ограничениям для обеспечения собственного выживания и развития*. *Во-вторых*, после завершения биполярного противостояния между двумя сверхдержавами в начале 90-ых годов прошлого столетия мировой порядок первой четверти XXI века претерпевает не менее значимые изменения, характеризующиеся разнонаправленными векторами развития и вызывающие противоречивые оценки. Фактически можно говорить о трех периодах развития мирового порядка за последние пятьдесят лет. Так, если в 1970-1990-ые годы международно-политическая система характеризовалась зрелым биполяризмом[7] с опорой на принципы политического реализма[8] (анархия, склонность государств к конфликтности, первостепенное значение мощи и необходимость построения баланса сил[9]); период 1990-ых годов оценивается как однополярный, а 2000-2010-ых годов как распадающийся однополярный или «полутораполярный»[10] и характеризуется (1) демократизацией, (2) укреплением международного права, (3)

[7] Morgentau H.J. Politics among Nations. – N.Y.: A.A.Knopf, 1948.
[8] Frankel B. Roots of Realism. – London: Frank Cass, 1996.
[9] Алексеева Т.А. Перечитывая «Классиков»: Фукидид и политический реализм // Сравнительная политика. – 2015. – № 3(20).
[10] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт, 1997. – 352 с.

либерализацией, (4) глобализацией, (5) повышением транспарентности политических систем, (6) регионализацией, (7) увеличением активности негосударственных акторов, а также (8) оформлением новых центров силы в рамках формирующегося многополярного мира[11]; то к 2010-2020-ым годам из указанных трендов сохраняются только последние три, а в отношении первых пяти наблюдаются откаты, и противоречия между западными и незападными странами во многих отношениях достигают значимого пика[12]. О проблемах современного мирового порядка говорится и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в частности упоминаются стагнация и рецессия ведущих экономик мира, снижение устойчивости мировой валютно-финансовой системы, обострение борьбы за доступ к рынкам и ресурсам[13]. Кроме того, как отмечает политический аналитик Ф.Закария, изучение незападных государств в современном мире, составляющих большинство государств, является важной стартовой точкой для создания новых объяснительных теорий XXI века на фоне того, как незападные страны (многие из которых являются «новыми» малыми государствами) усиливают свои позиции (the rise of the rest)[14]. В этой связи представляет интерес то, *как модели поведения различных малых государств трансформируется* вместе с изменением основных параметров международно-политической системы «в своеобразном контексте».

В этой связи необходимо отметить, что вышеупомянутые качественно новые характеристики мирового порядка влияют как на категорию малых государств в целом, так и отдельных малых государств, принадлежащих

---

[11] Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004.

[12] Дегтерев Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? // РСМД. – 2020. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/; Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 3(66). – С. 6-21; Шаклеина Т.А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века // Россия и США: к новому мировому порядку. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2023. – С. 527-543.

[13] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 г. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/

[14] Zakaria F. The Rise of the Rest, 2008. – URL: https://fareedzakaria.com/columns/2008/05/12/the-rise-of-the-rest

данной категории, в частности. Это наблюдается не только в контексте международных отношений как комплекса политических и дипломатических связей между государствами, но и в рамках **мировой политики**, понимаемой в качестве нерасчленённого взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем и ситуаций[15].

Функциональные способности и роли малых государств в современной мировой политике не постоянны и более динамичны по сравнению с эпохой биполярного противостояния, в связи с чем можно говорить об их трансформации как из-за общесистемных факторов (вышеуказанные мегатренды развития), так региональных и внутриполитических, оказывающих влияние уже на отдельные подгруппы малых государств. Комплекс вышеуказанных процессов приводит разнонаправленной **трансформации роли малых государств в рамках мировой политики**, так как традиционно демонстрирующие низкий уровень участия в международных отношениях, опирающиеся на невоенные инструменты внешней политики, крайне озабоченные проблемами собственной безопасности и ориентирующиеся на позиции великих держав, преследуя традиционные стратегии балансирования и примыкания[16] в нынешних условиях ряд малых государств получает больше возможностей для увеличения собственного влияния, достижения собственных национальных целей и инициатив, а также проведения более самостоятельной политики и получения пространства «для манёвра», в то время как другая часть малых государств постепенно утрачивает маркеры самостоятельности и субъектности. Еще в начале 2000-ых американская исследовательница малых

[15] Богатуров А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. – 2004. – Т. 2, № 1(4). – С. 16-33; Цыганков П. А. Мировая политика и ее содержание / П. А. Цыганков // Международные процессы. – 2005. – Т. 3, № 1(7). – С. 53-65.
[16] Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. – 2014. – № 12(4). – С. 88-100.

государств Дж.Хей писала о том, что малые государства отличаются низким уровнем участия в международных делах и упором на интернационализм, ориентацией на ведущие государства и соблюдением международных соглашений[17]. Однако российская исследовательница И.В.Кудряшова справедливо возражает, что в действительности трудно одновременно придерживаться нейтральных позиций, опираться на влиятельные державы и тратить основные ресурсы на цели безопасности, а значит – в данный перечень вошли особенности **разных** «второстепенных» политий[18], которые имеют различное соотношение национальных интересов, масштаба внешнеполитической деятельности, наконец, собственных представлений о месте в мире и международной иерархии.

Как представляется, полиаспектное и комплексное изучение факторов трансформации роли малых государств в мировой политике и её проявления позволит ликвидировать данное противоречие, расширив теоретическую базу исследований политий с проблемной и ограниченной суверенностью, а также рассмотреть малые государства в качестве отдельной аналитической категории в рамках мировой политики для более детального понимания различий малых государств между собой, а также между малыми державами и другими типами государств.

Учитывая вышеизложенное, **объектом** настоящего исследования выступают роли суверенных государств, принадлежащих к категории малых, в соответствии с их положением в международной иерархии, в современной мировой политике (начало XXI века).

Предмет исследования – трансформация роли малых государств в современной мировой политике по сравнению с предыдущим этапом развития мирового порядка. При этом под трансформацией понимается качественно

---

[17] Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behaviour. Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2003.

[18] Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим… // Международные процессы. – 2008. – № 3 (18). – С. 78-83.

новое содержание роли малых держав как отдельной категории государств, так и роли отдельных государств, которые принадлежат к категории малых.

Хронологические рамки исследования подразумевают сравнение нескольких периодов развития современного этапа функционирования малых государств в мировой политике (1991-2024 гг.) с опорой на период «международной турбулентности»[19], обострившейся в период 2022-2024 гг., когда статус государств независимо от их принадлежности к конкретной группе становится более противоречивым.

Однако для понимания содержания трансформации роли малых государств в том числе потребовался анализ параметров послевоенного периода (1945-1990-х гг.) системы международных отношений, в рамках которого появляется большинство современных малых государств, оформляются основные параметры их функционирования на международной арене, а также зарождается важный феномен глобального мультилатерализма, имеющего исключительное для них значение в части признания права на существование и отказа от захватнических войн как инструмента ведения внешней политики ведущими державами.

Пространственный и географический охват. Целостное понимание феномена трансформации роли малых государств в мировой политике требует проведения комплексного анализа критериев, на основе которых малые государства категорируются в качестве таковых на нескольких уровнях, включающих глобальный, региональный, локальный, а также диадный[20]. Это представляется необходимым ввиду того, что статус малого государства может присваиваться конкретной политии на основе принципов **относительности и контекстуальности** (так называемый «горизонтальный срез»). В диссертации устанавливается перечень малых государств на основе

[19] Дынкин А.А. Международная турбулентность и Россия // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 3. – С. 208-219.

[20] Барабаш Б.А. Современные малые государства: подходы к операционализации, классификации и уровни комплексного анализа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2023. – Т. 45. – С. 101-117.

Индекса размера государства А.И.Трейвиша (далее – Индекс Трейвиша), учитывающего сумму долей площади территории, численности населения и размера экономики государства от соответствующих общемировых показателей[21]. В частности, такой подход позволил концептуализировать 68 стран в качестве малых государств, 30 из которых являются микрогосударствами[22]. Кроме того, данный подход позволил установить 20 государств, попадающих в условную группу «переходных средних»[23].

Полученный список был сопоставлен автором с перечнем участников неформальной группы в рамках ООН «Форум малых государств»[24] (далее – ФМГ), объединяющей по состоянию на 01.01.2024 108 суверенных государств (Приложение № 1). Данный перечень имеет особую значимость, так как в отличие от формальных списков различных международных организаций (например, Всемирного банка и Содружества Наций), государства, являющиеся участниками данного формата, присоединяются к нему добровольно, заведомо соглашаясь со своим статусом, а значит данный перечень имеет идентитарную компоненту. В результате перечни совпали на 74% (за исключением 8 государств, являющихся малыми по Индексу Трейвиша, но не являющихся членами ФМГ[25], и 28 государств, не являющихся малыми по Индексу Трейвиша, но которые входят в ФМГ[26]). Наконец,

---

[21] Трейвиш А.И. Россия среди стран-гигантов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. – №1. – С. 141-158.

[22] **Малые государства (68):** Гаити, Бурунди, Коста-Рика, Гайана, Сьерра-Леоне, Литва, Того, Либерия, Грузия, Сальвадор, Эритрея, Суринам, Ливан, Босния и Герцеговина, Латвия, Словения, Исландия, Эстония, Албания, Армения, Молдова, Бахрейн, Северная Македония, Люксембург, Ямайка, Экватор. Гвинея, Гвинея-Бисау, Лесото, Кипр, Тринидад и Тобаго, Гамбия, Бутан, Маврикий, Эсватини, Джибути, Фиджи, Тимор-Лешти, Соломоновы острова + из них **микрогосударства (30)**: Бруней-Даруссалам, Черногория, Мальта, Багамские О-ва, Белиз, Мальдивские О-ва, Коморские О-ва, Кабо-Верде, Вануату, Барбадос, Самоа, Монако, Андорра, Лихтенштейн, Сент-Люсия, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские острова, Гренада, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Кирибати, Тонга, Федеративные Штаты Микронезии, Доминика, Сан-Марино, Сент-Китс и Невис, Маршалловы острова, Палау, Науру, Тувалу.

[23] **Переходные средние (20):** Республика Конго, Лаос, Куба, Болгария, Азербайджан, Бенин, Иордания, Таджикистан, Киргизия, Гондурас, Сербия, Габон, Словакия, Катар, Уругвай, Кувейт, Руанда, Панама, Хорватия, Никарагуа.

[24] Барабаш Б.А. Политико-географическая типология современных малых государств на глобальном и региональном уровнях // Псковский регионологический журнал. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 3-25.

[25] **Не-члены ФМГ, являющиеся малыми по индексу Трейвиша (8):** Республика Конго, Куба, Эритрея, Экваториальная Гвинея, Сан-Томе и Принсипи, Кирибати, Доминика, Тувалу.

[26] **Члены ФМГ, не являющиеся малыми по индексу Трейвиша (28):** Ливия, Монголия, Боливия, Швеция, Норвегия, Замбия, Мавритания, ОАЭ, Намибия, Швейцария, Австрия, Ирландия, Чехия, Финляндия, ЦАР,

отдельно стоит упомянуть ряд государств, которые ни входит в ФМГ, ни являются малыми согласно Индексу Трейвиша, но которые относительно часто исследуются и концептуализируются в литературе в качестве малых[27].

Исследовательские вопросы диссертации заключаются в следующем. В чём проявляется содержание трансформации роли малых государств в современной мировой политике и каковы её признаки? Релевантна ли она в одинаковой степени для всех государств, принадлежащих к категории малых? Какие малые государства являются наиболее успешными примерами, извлекающими выгоду из перебалансировки мирового порядка в начале XXI века?

Основные научные гипотезы работы состоят в следующем.

Во-первых, трансформация роли малых государств в мировой политике неоднородна и демонстрирует одно из измерений дивергенции государств, которая в современных условиях только усиливается. В результате ряд малых государств теряет признаки субъектности и попадает в более зависимое положение от структурных условий и своих отношений с ведущими державами, отдельные малые государства получают возможности не только сохранить свой статус, но и играть более значимые роли в отдельных сферах международного взаимодействия, в то время как для третьих значимых перемен статуса не наблюдается. Во-вторых, для более целостного понимания феномена малых государств необходимо выделение дополнительных аналитических переменных, позволяющих произвести компаративный анализ, так как сама по себе категория малых государств является весьма неоднородной и сложносоставной. Иными словами, у различных малых государств признаки, на основании которых они категорируются в качестве малых, могут быть некомплиментарны и выделены с учетом различных факторов. Наконец, малые государства, которые наиболее успешны не только

Сингапур, Папуа-Новая Гвинея, Ботсвана, Венгрия, Парагвай, Новая Зеландия, Сенегал, Доминик. Республика, Камбоджа, Оман, Беларусь, Дания, Тунис.

[27] В частности, Румыния, Узбекистан, Нидерланды, Украина, Польша.

в сохранении собственного статуса, но и его увеличении, составляют меньшинство от всей группы и обязаны совокупности уникальных факторов, которые не наблюдаются в других, менее успешных кейсах.

Таким образом, **цель диссертационного исследования** заключается в выявлении и систематизации проявлений трансформации роли малых государств в современной мировой политике в начале XXI века.

Для реализации данной цели автором были поставлены следующие **задачи**:

1) Обобщить основные способы классификации и типологизации суверенных государств с учетом их позиции в международной иерархии;

2) Уточнить теоретико-методологические подходы к изучению ролей государств в международных отношениях и мировой политике;

3) Систематизировать способы концептуализации и операционализации категории малых государств;

4) Осуществить кластеризацию государств на основе избранного подхода к концептуализации и операционализации малых государств для определения их рабочего перечня;

5) Идентифицировать традиционные роли пространственно ограниченных и слабых политий, а также их место до середины XX века и в биполярный период.

6) Раскрыть основные параметры современной системы международных отношений, определяющие возможности и ограничения малых государств по сохранению и увеличению собственного статуса в мировой политике и их возможностей играть определенные роли;

7) Концептуализировать международно-политические роли малых государств в мировой политике и рассмотреть специфику её трансформации на основе избранной модели в основных сферах международного взаимодействия с учетом актуализации имманентных ресурсов, в рамках

двустороннего взаимодействия с ведущими державами, а также в многосторонних институционализированных форматах.

8) Определить содержание трансформации ролей трех малых аравийских монархий – ОАЭ, Катара и Бахрейна – в современной мировой политике как наиболее ярких примеров малых государств, которым удалось значимо увеличить собственный статус в XXI веке.

Степень научной разработанности проблемы. Следует отметить рост числа публикаций по тематике внутриполитического развития малых государств и их внешнеполитического поведения как зарубежных, так и отечественных исследователей, что отражает перспективность данного направления. Литература, связанная с темой диссертационного исследования, может быть сгруппирована в четыре обширные группы. В первую группу входят исследования, изучающие феномен международной иерархии, статуса и функциональных ролей государств различных категорий. Признанными экспертами в данной области являются зарубежные исследователи Т.Волги и Д.Лейк[28], одни из первых современных исследователей иерархий в международных отношениях и мировой политике; А.Заракол и Дж.Маттерн[29], выделившие три логики и способа построения иерархий в международно-политическом контексте; а также Д.Ларсон и А.Шевченко[30], Т.Пол и В.Уолфорт[31], осуществляющие исследования в области изучения статуса государств и механизмов его повышения. Стоит отметить, что тематика международной иерархии в последнее время активно разрабатывается и отечественными учёными – в частности, Д.А.Дегтяревым[32],

[28] Lake D.A. Hierarchy in International Relations. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. – 248 p.
[29] Zarakol A. Hierarchies in World Politics. – Cambridge University Press, 2017. – 344 p.; Zarakol A., Mattern J. B. Hierarchies in world politics (IO) // International Organization. – 2016. – Vol. 70. No. 3. – P. 623-54.
[30] Larson D.W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. // International Security. – 2010. – Vol. 34. No. 4. – P. 63–95.
[31] Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. Status in World Politics. – New York: Cambridge University Press, 320 p.
[32] Дегтерев Д.А., Буторов А.С. Международный статус стран постсоветского пространства: традиционный и реляционный подходы к оценке иерархии // Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 95 – 103.

И.А.Сафранчуком, А.Д.Несмашным и В.М.Жорнист[33], использующими разнообразные количественные методы, экспертные опросы и эконометрику для построения различных глобальных и региональных иерархий. Важно отметить авторские концепции типологий государств, предлагаемые Ж.Коломером[34] и М.В.Ильином[35], позволяющие по-новому взглянуть на традиционное разделение государств на великие, средние и малые.

Вторая группа научных работ в русле социологического подхода переносит теорию ролей в область международно-политических исследований. В этой связи важно отметить вклад изобретателя концепции национальной роли К.Холсти[36], а также немногочисленных современных авторов, применяющих идентитарный подход к ролям, которые государства играют на мировой арене: М.Брейнинга[37], М.Гензеля и М.Мёллера[38], К.Тиса[39] и Д.Маккорта[40], Д.Николлса[41], фокусирующихся на самоидентификации и восприятии ролей ряда европейских государств, Индии, Израиля и латиноамериканских государств, соответственно. Стоит признать, что теория ролей в рамках отечественных исследований внешней политики не так часто встречается. В этой связи следует выделить важную научную статью

---

[33] Несмашный А.Д., Жорнист В.М., Сафранчук И.А. Международная иерархия и функциональная дифференциация государств: результаты экспертного опроса // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №15(3). – С. 7-38.

[34] Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. – London; New York: Routledge, 2007. – 128 p.

[35] Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. – №3(5). – С. 11-19; Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – № 4. – С. 8-41; Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – №4. – С. 8-41. Ильин М.В. Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах // Политическая наука. – 2016. – №. 4. – С. 22-73. Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 432 с.; Ильин М.В., Мелешкина Е. Ю., Мельвиль А. Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // ПОЛИС. Политические исследования. – 2010. – №. 3. – С. 26-39.

[36] Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. – 1970. – Vol. 14. No 3. – P. 233-309.

[37] Breuning M. Words and Deeds: Foreign Assistance Rhetoric and Policy Behavior in the Netherlands, Belgium, and the United Kingdom // International Studies Quarterly. – 1996. – Vol. 39. No. 2. – P. 235-254.

[38] Hansel M., Möller M. Indian Foreign Policy and International Humanitarian Norms: A Role-Theoretical Analysis // Asian Politics & Policy – 2015. – Vol. 7. No. 1. – P. 79-104.

[39] Thies C. The United States, Israel, and the Search for International Order: Socializing States. – New York and London: Routledge, 2013.

[40] McCourt D. M. The roles states play: a Meadian interactionist approach // Journal of International Relations and Development. – 2011. – Vol. 15. No. 3. – P. 370–392.

[41] Nicholls D.H. Roles and locations in relational hierarchies: imperial role-authority order in Cold War Latin America // International Politics. – 2022.

З.О.Балаховой[42]. В целом, П.А.Цыганков считает, что применение социологического подхода к международным отношениям является важным полем для исследований[43].

Исследования в рамках третьей группы научных работ представлена собственно теоретическими исследованиями в рамках школы изучения малых государств, зарождение которой связывают прежде всего с именами А.Фокс[44], Д.Вайтала[45], Р.Ротштейна[46], А.Вулферса[47], Р.Кохэйна[48], исследующих малые государства с точки зрения классического и структурного неореализма. Основателем соответствующей школы в отечественной науке считается российский экономико-географ Б.Н.Зимин[49], разработавший концепцию малых высокоразвитых стран Западной Европы. Среди важных современных отечественных исследований в данной сфере – работы Н.Ю.Кавешникова[50],

[42] Балахова З.О. Концепция роли во внешней политике современного государства // Наука и мир. – 2016. – № 7-2 (35). – С. 108-110.
[43] Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М.: Радикс, 1994.
[44] Fox A.B. The Power of Small State: Diplomacy in World War II. – Chicago: The University of Chicago Press, 1959.
[45] Vital D. The Inequality of States: A Study of the Small Power in International Relations. – L.: Oxford University Press - Clarendon Press, 1967; Vital D. The Analysis of Small Power Politics // Small States in International Relations. / Ed. by August Schou and Arne Olav Brundtland. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1971.
[46] Rothstein R. L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.
[47] Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The John Hopkins Press, 1962.
[48] Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. – No. 2. – P. 291-310.
[49] Зимин Б.Н. Малые высокоразвитые страны Западной Европы — теоретические итоги исследований // Известия РАН. Серия географическая. – 1993. – № 2. – С. 95-104.
[50] Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. – 2008. – Т. 6, № 3(18). – С. 84–92.

Л.В.Смирнягина[51], И.Ю.Окунева[52], И.Н.Новиковой[53], И.В.Кудряшовой[54], А.С.Скрибы[55], Н.М.Межевича[56], В.А.Смирнова[57], Д.А.Ланко[58],

Наконец, четвёртая группа представлена обширными кейс-стади, изучающими отдельные аспекты конкретных малых государств. Среди предметов *внутриполитического трека* в изучении малых государств, которые можно выделить в литературе, следует назвать изучение их политических систем, режимов и характера социетальных связей с учетом фактора малости. Так, двумя основными исследовательскими вопросами книги Дж. Корбетта и У. Венендаля являются «почему малые государства более демократичны, чем крупные государства» и «как в них функционирует внутренняя политика»[59]. У. Венендаль особенно внимательно изучает личные

[51] Смирнягин Л.В. Общественная география. Федерализм. Регионализм: публ. 1989-2005 гг. – Москва: КомКнига, 2005. – 464 с

[52] Окунев И. Ю. Моделирование пространственных факторов развития микрогосударств и территорий океании: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Окунев Игорь Юрьевич. – Москва, 2011. – 33 с. Окунев И. Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4, 2011 – С. 162-174. Окунев И.Ю. Атлас международных отношений. Пространственный анализ индикаторов мирового развития. – М.: Аспект-Пресс, 2020. – 448 с. Окунев И.Ю. География международных отношений: структура и элементы мирового политического пространства / И.Ю. Окунев // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2019. – №13(3). С. 5-16. Окунев И.Ю. Мировые порядки и беспорядки // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. № 3. – С. 10–18. Окунев И.Ю. Размер государства и уровень развития демократии // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности: сборник докладов / Под ред. И.М. Бусыгиной, Л.В. Смирнягина, М.Г. Филиппова; Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – (Книги и брошюры ИМИ. Т. 15) – С. 51–60. Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. – 2018. – №1. – С.18-25. Окунев И.Ю., Барабаш Б.А. Город-государство в современном мире: Отличительные черты, преимущества и проблемы // Историческая география. – 2020. – № 4. – С. 391-415.

[53] Новикова И. Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – №3. – С.219 – 242;

[54] Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим… // Международные процессы. – 2008. – № 3 (18). – С. 78-83.

[55] Скриба А. С. Реализм и политика малых государств в XXI в // Политика и общество. – 2014. – № 3(111). – С. 347-357. 181.

[56] Межевич Н. М., Шимов В.В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик "средней страны" (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 436-450. Межевич Н.М., Шадурский А.В., Грозовский А.М. Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013.

[57] Смирнов В. А. Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. – 2016. – № 5(71). – С. 44-54; Смирнов В. А. Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Балтии) / В.А. Смирнов // Вестник МГИМО. – 2015. – №6(45). – С. 135-144.

[58] Ланко Д. А., Долженкова Е. Латвия в территориальной системе европейской безопасности // Балтийский регион. – 2015. – № 1. – С. 73-78.

[59] Sanches E. Review of Democracy in Small States. Persisting Against All Odds by Jack Corbett and Wouter Veenendaal. Oxford: Oxford University Press, in Small States & Territories. – Vol. 1. No. 2. – 2018. – P. 215-216.

связи между различными группами политического класса малых государств и избирателями и приходит к выводу, что они могут конвертироваться в концентрацию власти или её фрагментацию, в то время как патрон-клиентские связи структурируют взаимодействие между гражданами и политиками[60]. Полевые исследования, выполненные автором в южноамериканском государстве Суринам и микрогосударстве Океании Вануату, подтверждают данную посылку[61]. О важности теоретической разработки комплекса вопросов, связанных с деятельностью политических элит в малых странах, говорит и российский исследователь В.А.Смирнов[62]. Наконец, исследовательский интерес представляет изучение источников устойчивости монархии в некоторых микрогосударствах – так, Дж. Корбетт и его соавторы делают вывод, что логика её сохранения различна в таких государствах, как Тонга, Бутан и Лихтенштейн[63]. В целом следует отметить, что в ряде «кейсовых» исследований наблюдается использование акторно-ориентированного подхода, который используется для изучения того, как социальные субъекты в конкретных малых государствах принимают решения, имеющие значение для внешнеполитического измерения. Так, М.Тетро подробно изучает Кувейт и его исторические патрон-клиентские связи с Великобританией, а также становлением Кувейта в качестве важного игрока на нефтяном рынке. Хотя работу в целом следует признать устаревшей, тем не менее она показывает важность изучения исторического развития и решений элит в малых государствах[64].

---

[60] Veenendaal W. When Things Get Personal: How Informal and Personalized Politics Produce Regime Stability in Small States / W. Veenendaal // Government and Opposition. – 2020. – Vol. 55. No. 3 – P. 393-412.

[61] Veenendaal W. How instability creates stability: the survival of democracy in Vanuatu / W. Veenendaal // Third World Quarterly. – 2021. – 2021. – Vol. 42. no. 6. – P. 1330-1346;
Veenendaal W. Does Smallness Enhance Power-Sharing? Explaining Suriname's Multiethnic Democracy / W. Veenendaal // Ethnopolitics. – 2020. – Vol. 19. – P. 64-84.

[62] Смирнов В. А. Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Балтии) // Вестник МГИМО. – 2015. – №6(45). – С. 135-144.

[63] Corbett J., Veenendaal W., Ugyel L. Why monarchy persists in small states: the cases of Tonga, Bhutan and Liechtenstein. / J. Corbett, W. Veenendaal, L. Ugyel // Democratization. – 2017. Vol. 24. No. 4. – P. 689-706.

[64] Tétreault M. Autonomy, necessity, and the small state: ruling Kuwait in the twentieth century // International Organization. – 1991. – Vol. 45. – P. 565-591.

Малые государства также исследуются *с позиции экономического развития* в рамках политэкономии, при этом предмет подобных исследований весьма широк – от работ классика в области исследования малых государств П.Каценштайна, который исследует вопросы корпоративизма в Австрии и Швейцарии[65], до статей коллектива исследователей МВФ, исследующих экономическую выгоду от диверсификации экспорта в малых государствах[66] и эффектов климатических изменений на туризм в малых государствах – на примере Барбадоса[67]. Следует упомянуть более теоретическую работу Д. Ли и Н. Смит, целью которой стало установление различных дискурсов малых государств в мировой политической экономии, включая их участие в международных организациях[68].

Безопасность малых государств в международно-политическом измерении можно считать одним из основных направлений исследований. А. Бэйлс и Б.Торхалльссон приводят в пример Европейский союз как организацию, играющую защитную роль для малых государств и покрывающей различные измерения безопасности. При этом, как отмечает автор, в отличие от военных альянсов, ЕС более эффективно справляется с невоенными угрозами[69]. В целом, как отмечает А.А.Ковалев, стратегии безопасности малых государств различаются с учетом географических и исторических факторов, а также экономических, политических и территориальных возможностей[70]. Российские исследователи подробно изучают особенности формирования системы национальной безопасности малых государств Балтии. В частности, В.А.Смирнов предлагает полезную с

[65] Katzenstein P. Small States and Small States Revisited. New Political Economy // New political economy. – 2003. – Vol. 8. – P. 9-30.
[66] McIntyre A.M., Xin Li M., Wang K., Yun H. Economic Benefits of Export Diversification in Small States. PSN: Import/Export Strategies (Topic), 2018.
[67] Cashman A., Cumberbatch J. Moore W. The effects of climate change on tourism in small states: Evidence from the Barbados case // Tourism Review. – 2012. – Vol. 67. – P. 17-29.
[68] Donna L. Smith N. Small State Discourses in the International Political Economy // Third World Quarterly. – 2010. – Vol. 31. No. 7. – P. 1091-1105.
[69] Bailes. A. Thorhallsson B. Instrumentalizing the European Union in Small State Strategies // Journal of European Integration. – 2012. – Vol. 35. – P. 1-17.
[70] Ковалев А. А. Актуальные вопросы стратегии безопасности малых государств // Вопросы безопасности. – 2021. – №2.

исследовательской точки зрения классификацию ролей элит малых стран для поиска внешнеполитической ниши – «посредник», «привратник», «миссионер»[71]. Представляется, что энергетическая безопасность также является важным элементом для многих малых государств. Т.Горкина поднимает вопрос энергетической безопасности малых стран Европы на примере государств Скандинавского региона[72].

Н.Каул делает значительный вклад в изучение малого государства южной Азии Бутана, подробно рассмотрев его дружественные отношения с Индией и конфликтный дискурс с Китаем, а также отношения с немногочисленными государствами, которые осуществляют активные дипломатические связи с малым государством. Автор находит связь между внутренней политикой государства и его внешнеполитическими шагами, открыв «волны» и «паузы» дипломатической активности Бутана[73].

Отдельно следует упомянуть отечественные диссертационные исследования, прямо или косвенно связанные с тематикой малых государств. Прежде всего это работа 2003 года Ё.Отгонбаяра о безопасности малых стран, исследование 2004 года К.А.Ефремовой о модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений, диссертация И.Ю.Окунева о пространственных факторах развития микрогосударств Океании от 2011 года, а также исследование В.В.Вершининой 2021 года о внешней политики средних держав[74]. Среди наиболее близких по исследовательскому замыслу диссертационных исследований зарубежных авторов – работа С.Псайлы о деятельности малых государств в ООН,

---

[71] Смирнов В.А. Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Балтии) // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 6 (45). – С. 135-145.

[72] Горкина Т.И. Энергетическая безопасность малых стран Европы (на примере государств скандинавского региона) // Географическая среда и живые системы. – 2021. – №2.

[73] Kaul N. Beyond India and China: Bhutan as a Small State in International Relations // International Relations of the Asia-Pacific. – 2021.

[74] Отгонбаяр Ё. Становление и основные тенденции формирования концепции безопасности малых стран. – 2003. – 158 с. Ефремова К.А. Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений: на примере Китая, Индии и Мьянмы. – 2004. – 223 с. Окунев И.Ю. Моделирование пространственных факторов развития микрогосударств и территорий Океании. – 2011. – 188 с. Вершинина В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама). – 2021. – 247 с.

исследование Л.Кроллена о малых державах в международных отношениях до 1962 года, а также исследование Т.Лонга асимметричных отношений между латиноамериканскими странами и США, где он впервые концептуализирует три вида ресурсов, доступных более слабым игрокам (присущие, деривативные и коллективные)[75].

Резюмируя состояние дисциплины, следует признать, что несмотря на наличие большой выборки научных исследований внутриполитического развития и внешнеполитического поведения малых государств, а также исследований в сфере их безопасности, ощущается нехватка системного анализа факторов, лежащих в основе трансформации роли и статуса малых государств в современной мировой политике. Кроме того, в литературе отсутствуют способы сравнения эффективности внешнеполитического поведения различных малых государств, за исключением вышеуказанной концепции о трёх типах ресурсов у малых государств. Предлагаемое диссертационное исследование призвано закрыть идентифицированные лакуны.

Источниковая база диссертационного исследования сформирована официальными документами органов отдельных малых государств, заявлениями дипломатов и лиц, принимающих решения, опубликованными в новостных сообщениях региональных и глобальных информационных агентств, интервью с должностными лицами, отдельными резолюциями и проектами резолюций ГА и СБ ООН, аналитическими комментариями ведущих экспертов по рассматриваемой проблематике, рядом интернет-ресурсов.

В работе также используются статистические данные и индексы различных международных организаций и аналитических центров (Всемирный банк, Политический атлас современности, Атлас международных

[75] Psaila S. Small States at the United Nations. - Dissertation presented to the Faculty of Arts, University of Malta, for the degree of Master’s in Contemporary Diplomacy, 2010. Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974. Long T. Latin America Confronts the United States: Asymmetry and Influence, 2015.

отношений, «The World Factbook»[76], «Correlates of War»[77], «Tax Justice Network»[78], «The Global Financial Centers Index»[79], «Global Soft Power Index»[80], «Fragile States Index»[81] и других).

Теоретико-методологическая основа исследования. Для достижения заявленной цели работы требуется проведение комплексного и полиаспектного анализа внешнеполитической деятельности малых государств на основе *системного подхода,* который целостно рассматривает международные отношения в качестве единой замкнутой системы с учетом взаимосвязанности и взаимообусловленности её элементов и *структурно-функционального подхода*, позволяющего рассмотреть статус отдельных государств в зависимости от функций, которые они выполняют в международной системе, влияющих на их положение в глобальной иерархии, статус и набор ролей в качестве субъектов или объектов. Данные подходы позволяют рассматривать государство не самостоятельно («вертикальный срез»), а в контексте целого комплекса асимметричных и относительных взаимоотношений («горизонтальный срез») на различных уровнях комплексного анализа – глобальном, региональном (географическом и геополитическом), локальном, а также диадном.

Кроме того, данная исследовательская работа учитывает достижения социологического подхода в изучении международных отношений, в частности достижения английской школы международных отношений в изучении анархии, мирового порядка, международной системы, международного общества и мирового общества. Выделяемые международно-политические роли государств в рамках исследования принимают во внимание функциональную дифференциацию социальных систем теории Н. Лумана.

---

[76] The World Factbook. – URL: https://www.cia.gov/the-world-factbook/
[77] Palmer, Glenn, Vito D'Orazio, Michael Kenwick, and Matthew Lane. "The MID4 Data Set: Procedures, Coding Rules, and Description." Conflict Management and Peace Science. Forthcoming. – URL: https://correlatesofwar.org/
[78] Tax Justice Network. – URL: https://taxjustice.net/
[79] The Global Financial Centers Index. – URL: https://www.longfinance.net/programmes/financial-centre-futures/global-financial-centres-index/
[80] Global Soft Power Index. – URL: https://brandirectory.com/softpower/
[81] Fragile States Index. – URL: https://fragilestatesindex.org/

Применение социологического подхода к международным отношениям и мировой политике, которое в рамках исследования осуществляется с учетом достижения теории ролей, позволяет углубить понимание факторов дифференциации внешнеполитических стратегий и моделей поведения государств, аналитически принадлежащим к одной и той же категории малых государств на современном этапе, так как оперирует понятиями идентичности (самопозиционирования) государств на международной арене, а также восприятием их контрагентов и международного сообщества (перцепции). Также в работе используются гипотезы акторно/субъектно-ориентированного подхода, согласно которому важные решения, принятые политическими элитами малых государств, имеют значимое влияние на изменение статуса малых государств (в частности, это прослеживается в современных ролях малых аравийских политий в мировой политике).

При составлении перечня малых государств на основе их принадлежности к различным политико-интеграционным объединениям автор задействует пространственный подход с учетом основной посылки неофункционализма о том, что развитие интеграционных процессов между государствами стимулируют функциональные потребности, которые значимо определяются фактом непосредственного соседства и исторических отношений между членами интеграционной группировки. Автором также учтены концепции абсолютного и относительного пространств в рамках критической геополитики, так как не всегда члены одного объединения располагаются в географической близости.

Исследование строится с опорой на концепцию международной иерархии (которая также связана со стратификационной дифференциацией социальных систем теории Н. Лумана), согласно которой все государства могут быть дифференцированы с учетом их материальных показателей, субъектности и статуса в глазах мирового сообщества на категории сверхдержав, великих держав, средних держав, малых государств и

микрогосударств. При этом автор разделяет понятия физического размера и геополитической мощи государств, которые связаны, но не тождественны друг другу.

Учитывая сложносоставность оснований, по которым государства категорируются в качестве малых, средних и великих, в работе сочетаются основные теории «среднего уровня» ведущих школ международных отношений. Так, в то время как принадлежность к категории малых государств основывается на неореалистической парадигме с акцентом на наличии у таких государств ограниченных материальных, демографических и военных ресурсов, в рамках которой важное значение имеет концепция баланса сил и таких стратегий, как примыкание и балансирование; неолиберальная парадигма с акцентом на активном участии в международной торговле и членстве в международных организациях предоставляет возможность говорить о конкурентных преимуществах, которые отдельные малые государства могут задействовать для сохранения и увеличения своего статуса и выбора конкретных ролей в рамках мировой политики, которые не ограничены лишь статусом проводников ведущих держав. Феномен мультилатерализма в рамках взаимодействия малых государств на институционализированных региональных и глобальных площадках и концепция «мягкой силы», увеличивающие субъектность малых государств, также применяются в исследовании как отдельные категории ресурсов, доступных для малых государств. Наконец, исследование не было бы полным без учета идентитарных параметров малых государств в рамках конструктивистской школы, которая прежде всего выражается в осознании их элитами факта «малости» их государств, который не обязательно является негативным фактором развития, но может быть «перефреймирован» в качестве конкурентного преимущества. Стоит отметить, что все вышеуказанные парадигмы применяются исследователями школы изучения малых государств в разной степени.

Отдельно стоит упомянуть семантико-прагматический подход, применявшийся автором для идентификации характеристик малых государств в широком корпусе научной литературы с целью нюансировки и детализации концептуализации и операционализации термина «малое государство» и синтезировании рабочего определения как общего знаменателя имеющихся концепций и подходов.

Методика исследования.

Помимо критического анализа существующего корпуса литературы о международной иерархии и применении теории ролей в международно-политических исследованиях, автор анализирует эволюционное становление малых государств в качестве отдельной категории, а также агрегирует основные способы концептуализации и операционализации малых государств.

При помощи индекса размера государства А.И.Трейвиша осуществляется составление авторского перечня малых государств. Дальнейшая идентификация международно-политических ролей малых государств осуществляется с учетом их принадлежности к конкретным географическим и интеграционным кластером.

Для идентификации сущности трансформации роли малых государств в мировой политике в начале XXI века, автор отбирает значимые роли малых государств к наиболее значимых сферах международного взаимодействия с учетом партикулярно-присущих, деривативных и коллективных ресурсов[82]. При этом международно-политическая роль малого государства может выделяться как минимум для трех типов референтных объектов – глобальном уровне, региональной подсистемы или конкретного ведущего государства. Значимой она будет являться, если значение малого государства по данному параметру сопоставимо с ролями средних или ведущих держав. Автор основывает свои выводы на анализе текстов: официальной статистики международных организаций, рейтингов, данных новостных агентств,

[82] Long T.A Small State´s Guide to Influence in World Politics. - Oxford University Press, 2022.

аналитических центров и органов власти, а также дискурсе и оценках официальных представителей отдельных малых государств и аналитических выводах ведущих специалистов обособленного направления изучения малых государств.

В заключении автор рассматривает трансформацию ролей трех малых аравийских монархий в мировой политике в рамках различных сфер международного взаимодействия для того, чтобы определить новые значимые международно-политические роли ОАЭ, Катара и Бахрейна в начале XXI века.

Новизна работы определяется следующими положениями:

- инкорпорированы достижения концепции международной иерархии и теории ролей для отражения трансформации роли малых государств в мировой политике;
- критически осмыслены основные подходы к концептуализации малых государств, сделан вывод о необходимости использования позиционного подхода к отражению международной иерархии для проведения глобальных компаративных исследований, также предложен авторский подход к составлению перечня малых государств;
- прослежены основные этапы эволюции и становления малых государств в качестве отдельной категории начиная с зарождения системы международных отношений до современного периода развития мировой политики;
- предложена типология международно-политических ролей государств для глобальных компаративных сравнений;
- предложен концепт значимой роли малых государств;
- осуществлена идентификация ролей малых государств в современной мировой политике с учетом различных сфер международного взаимодействия, также отмечены государства, для которых данные роли являются значимыми;

- выделены современные роли малых аравийских монархий в мировой политике, проанализирована их трансформация.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется инкорпорированием в работу достижений концепции международной иерархии и теории ролей, которые в совокупности позволяют идентифицировать и систематизировать внешнеполитическую деятельность малых государств. Впервые в рамках отечественной науки произведён комплексный и полиаспектный анализ деятельности малых государств в рамках современной мировой политики на основе достижений иностранных и отечественных авторов, в том числе с учётом актуальных политических событий (с 2020 года). Кроме того, автором критически оценивается применимость различных парадигм международных отношений и критериев, лежащих в основе концептуализации и операционализации малых государств. Предложена авторская методика составления перечня малых государств на основе индекса размера государства А.И.Трейвиша[83] в рамках геополитического пространства. Также автором систематизированы характерные роли современных малых государств в мировой политике в отдельных сферах международного взаимодействия с учетом их имманентных ресурсов, в рамках двустороннего взаимодействия, а также в многосторонних институционализированных форматах. Таким образом, углублена концептуальная рамках трёх видов ресурсов малых государств, предложенная Т.Лонгом[84].

Исследование в дальнейшем может быть расширено и использоваться для основы изучения внутриполитического развития и внешнеполитического поведения как несуверенных зависимых и самоуправляющихся территорий, так и более крупных и (или) мощных государств.

---

[83] Трейвиш А.И. Россия среди стран-гигантов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2007. – № 1. – С. 141-158.

[84] Long T. A Small State’s Guide to Influence in World Politics. – Oxford University Press, 2022.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее основных выводов при информационно-аналитическом обеспечении внешней политики России в отношении всего многообразия малых государств. Понимание типологических основ функционирования малых государств, их функций и ролей в современной мировой политике предоставляет возможность лицам, принимающим решения в России, более глубоко осознать их мотивы и интересы, что особенно важно в контексте перебалансировки системы международных отношений, вошедшей в свою наиболее активную фазу в 2020-ых годах. Продолжение развития школы изучения малых государств в России представляется перспективным направлением, так как имеет важное дипломатическое значение по той причине, что малые государства, хотя и не отличаются возможностью влиять на параметры международной системы в той же степени, что и ведущие державы, тем не менее они составляют большинство политий на международной арене, что может служить источником диверсификации партнеров в различных сферах международного взаимодействия. Так, важность учета позиций малых государств в текущей международно-политической обстановке прямо упомянута в Концепции внешней политики Российской Федерации – «только объединение потенциалов и добросовестных усилий всего международного сообщества на основе баланса сил и интересов способно обеспечить эффективное решение многочисленных проблем современности, мирное поступательное развитие больших и малых государств, человечества в целом»[85]. Представляется, что понимание сути функционирования малых государств во внешнеполитической среде может представлять интерес для отдельных регионов России в контексте перспектив заимствования опыта малых государств по использованию наиболее эффективных моделей внутриполитического развития и проведения внешнеполитических инициатив с учетом ограниченных ресурсов. Положения

[85] Концепция внешней политики Российской Федерации от 31.03.2023 г. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

и выводы диссертации могут быть востребованы в ходе преподавания дисциплин «Сравнительная политология», «Политическая география», «Политические системы и политические культуры», «Мировая политика». Диссертация может быть полезной как для исследователей, специализирующихся в сравнительной политологии, так и специалистов по мировой политике и международным отношениям, а также политической географии.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Результаты диссертационного исследования соответствуют следующим пунктам паспорта научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования: 1. Теория и методология, методы анализа, развитие понятийного аппарата исследования международных отношений и мировой политики. Западные и незападные исследовательские традиции. Международно-политический анализ; 3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики; 5. Мировой порядок: теории, модели, генезис и трансформация. Фактор и центры силы в мировом порядке; 6. Мегатренды мирового развития; 12. Внешняя политика и дипломатия.

Диссертация соответствует пункту 1 **Приоритетных направлений научных исследований МГИМО**: Международные отношения, безопасность, политика / International Relations, Security, Politics.

Основные положения, содержащие научную новизну и выносимые на защиту, состоят в следующем:

1) Релевантность разделения суверенных государств на великие, средние и малые в рамках концепции международной иерархии сохраняется, при этом можно выделить три условные модели её отражения – пирамидальную, подразумевающую чёткое разделение между группами и практическую

невозможность перехода государств из одной группы в другую; спектральную, согласно которой жёстких пороговых значений между группами не наблюдаются, и, чем ближе государства находятся к центру условной оси, тем больше амбивалентных признаков разных групп они демонстрируют; а также столбчатую, подразумевающую, что принадлежность государства к какой-либо из групп определяется совокупностью важности, которое указанное государство имеет в рамках различных подсистем мировой политики. При этом отражение международной иерархии именно с учетом позиционной материальной логики, основанной на наличии у государств фундаментальных ресурсов и их соотношении, позволяет провести глобальное компаративное сравнение, задав систему координат для дальнейших исследований, в частности о том, почему различные государства со схожими материальным показателями придерживаются различных моделей поведения.

2) Теория ролей предоставляет важный концептуальный инструментарий для международно-политических исследований, позволяющий учесть идентитарные и воспринимаемые характеристики о месте конкретного государства в международных отношениях и мировой политике. Данная теория субстантивно наполняет концепт международно-политической роли и дифференцирует её на три составляющих: «роль государства в мировой системе – это то, что ожидает от него международное сообщество», «роль государства в мировой системе – это то, что считают сами ЛПР государства» и «роль государства в мировой системе – это то, что доступно наблюдателю со стороны». Принимая во внимание множественность международно-политических ролей, которые могут играть государства в современной мировой политике целесообразно ввести типологию международно-политических ролей для глобальных компаративных сравнений, состоящую из двух осей – референтного объекта (глобальный, региональный, локальный или диадный уровни), а также основные сферы международного взаимодействия. При этом для того, чтобы считать роль

конкретного государства значимой, следуя принципу реляционности, она должна быть ярко выраженной по сравнению с другими контрагентами – всеми государствами на глобальном уровне, соседями в региональном разрезе или любым конкретным государством.

3) Концептуализация малых государств может осуществляться с учетом их положения в международной позиционной иерархии, функционального значения для мировой системы, поведения и самопозиционирования. С момента зарождения школы изучения малых государств исследователи оттачивали количественные и качественные способы операционализации малых государств. При этом для разрешения проблемы произвольных пороговых значений и невозможности использования только качественных параметров для осуществления операционализации малых государств определяющее значение имеет объединение так называемых абсолютного и относительного подходов. Использование индекса размера государства А.И.Трейвиша, с одной стороны, определяющего размер государства в относительных пропорциях, а с другой стороны отражающего соотношение материальных ресурсов всех государств мира одновременно следуя позиционной материальной логике отражения международной иерархии позволяет разрешить вышеуказанные проблемы и определить перечень малых государств. Валидация результатов путем сравнения с идентитарным перечнем малых государств на основе их членства в Форуме малых государств в целом показало состоятельность подходы – перечни совпали между собой на 74%. При этом нельзя не отметить проблему неконгруэнтных материальных ресурсов, которая значительно увеличивает или уменьшает положение государств в иерархии при ярко выраженных отклонениях по параметрам численности населения, размера территории и размера ВВП. Кроме того, одни и те же государства могут одновременно являться средними или малыми на глобальном и региональном уровнях анализа. Подобная логика позволяет выделять ряд аналитических подгрупп малых государств с учетом

дополнительных переменных (тип генезиса, факт наличия колониального прошлого, характер отношений с ведущими державами, потенциал влияния на мировую политику и т.д.), которые отражают наиболее близкие страны, принадлежащие к одной группе. Представляется, что выработка дополнительных подгрупп в рамках общей группы малых государств является важным направлением будущих исследований, так как уже сейчас наблюдается ускорение дивергенции государств как между группами малых, средних и великих, так и в рамках самих групп. В результате, некоторые государства могут демонстрировать как признаки «малости», так и «среднедержавности».

4) Традиционные роли пространственно ограниченных и слабых политий до конца XX века являются весьма скромными и скорее говорят об объектном измерении и низкой статусности малых государств. Хотя значение отдельных малых политий на протяжении истории могло быть определяющим для социально-экономического развития человечества, логика их поведения главным образом и в первую очередь определялась параметрами противодействия территориальному захвату и исчезновению – именно балансирование, примыкание и нейтралитет являются основными стратегиями, которые определяют содержание ролей малых государств в международных отношениях. Угроза территориального захвата уходит на второй план в послевоенный период, а развитие глобализационных процессов и концепции взаимозависимости позволяет отдельным малым государствам иметь более рельефное значение в отдельных измерениях мировой политики. Стратегии балансирования, примыкания и нейтралитета не исчезают, а трансформируются вместе с параметрами международной системы, однако помимо них у отдельных малых государств появляются возможности конвертировать свои уникальные материальные, нематериальные и организационные ресурсы в увеличение своего статуса.

5) Параметры современной международно-политической системы имеют двоякое значение для внешнеполитического поведения малых государств. С одной стороны, сохранение институтов мультилатерализма, прежде всего представленных многочисленными площадками взаимодействия, в рамках которых малые государства формально равны с ведущими государствами, предоставляет больше возможностей для первых быть услышанными и достигать собственные национальные интересы. Так, создание Форума малых государств после завершения биполярного противостояния является самым ярким подобным эпизодом. С другой стороны, увеличение нестабильности международно-политической системы, «увядание» однополярности и становление многополярности, рост невоенных угроз при сохранении военных конфликтов между ведущими державами (украинский конфликт и «тайваньский вопрос») демонстрируют, что ведущая роль в мировой политике по прежнему находится в руках великих держав, соперничество между которыми может привести к падению энергетической, продовольственной, экологической, информационной безопасности всех малых государств. Кроме того, хотя вопрос территориального захвата после завершения Второй мировой войны потерял былую значимость, у ряда ведущих государств появляется более тонкий инструментарий по контролированию малых стран и уменьшению их субъектности. Вероятно, подобная конъюнктура для малых государств после условного 2020 года может быть охарактеризована как постнеолиберальная.

6) Трансформацию роли малых государств в мировой политике следует отражать как для группы в целом, так и отдельных её представителей, в частности, так как она может быть разнонаправленной для отдельных совокупностей малых государств. Новые роли малых государств могут проявляться в различных сферах международного взаимодействия с опорой на актуализацию имманентных ресурсов, в рамках двустороннего взаимодействия с ведущими государствами и глобальными лидерами, а также

в многосторонних институционализированных коллективных форматах. Отдельные государства демонстрируют активную внешнюю политику во всех трёх плоскостях, в то время как некоторые больше склонны опираться на многосторонние форматы, например, при отсутствии ярко выраженного патрона или наличии весьма ограниченных ресурсов. При это имманентные (присущие) малому государству ресурсы могут быть весьма диверсифицированы и быть выражены в виде абсолютного и относительного пространств, материальных ресурсов и ресурсов населения, ресурсов дипломатического признания, инструментов «мягкой силы» и т.д. Эффективность актуализации данных ресурсов зависит от стратегий, избираемых лицами, принимаемыми решения, в малых государствах, их способностью предложить креативные решения для увеличения собственного статуса. При этом часть незападных государств настолько активно стремятся участвовать в мировой политике, что демонстрируют элементы среднедержавности (ОАЭ, Катар, Сингапур), в то время как для целого ряда малых государств, имеющих проблемы развития (Гаити, Эритрея, Экваториальная Гвинея), концепция восходящей трансформации роли в мировой политике имеет весьма ограниченное применение, так как они со временем могут терять остатки своей субъектности и стабильности из-за неэффективных форм управления и использования имеющихся ресурсов.

7) Значимый фактор эффективности повышения собственного статуса у малых государств состоит в наличии определённой географической и пространственной близости к ведущим державам, позволяющей, с одной стороны, поддерживать автономность, а с другой стороны – изыскивать ресурсы для собственного развития с целью повышения собственной безопасности. Еще один фактор – качество и развитость организационных ресурсов, которые в первую очередь зависят от возможностей и мотивационной составляющей политических элит малых государств. Третий фактор – это возможность и способность долгосрочного планирования,

особенно с учетом конъюнктурности спроса и конкуренцию за редкие ресурсы, которые могут закончиться в любой момент. Наконец, эффективность модели во многом связана с инвестированием в человеческий капитал, который является основой настоящего и будущего любой страны. Неслучайно, практически все политически активные малые государства обладают относительно высоким значением индекса человеческого развития.

8) Примеры ОАЭ, Катара и Бахрейна демонстрируют особо успешные примеры трансформации роли малых государств в мировой политике в начале XXI века. Трем аравийским монархиям удалось снизить свою зависимость от экспорта нефтегазовых ресурсов и диверсифицировать свои международно-политические роли. Роли «аттрактора экономических мигрантов», «финансового центра», «регионального хаба», «импортера оружия», «дипломатического посредника», «помощника развитию», «мецената» были несвойственными для всех трех государств в период с момента их независимости до 1990-ых годов прошлого века, а в настоящий момент они являются значимыми не только на региональном уровне, но и в глобальном измерении. При этом как показывает кейс Катара, политическое руководство страны имеет определяющее влияние на трансформацию статуса новых и незападных малых политий, которые вынуждены находить способы адаптации к сложившимся структурным условиям.

Степень достоверности исследования. Достоверность диссертационного исследования достигается благодаря обращению автора к широкому перечню современных источников, литературы и базам данных. Кроме того, диссертация строится на принципе системности и необходимости принимать во внимание как можно большее число кейсов на различных уровнях комплексного анализа с целью обобщения выводов, релевантных для отдельных кластеров малых государств.

Структура и содержание диссертационной работы

Структура и основное содержание диссертационной работы обусловлены целью и задачами исследования. Диссертация включает в себя введение, основную часть, заключение, списки использованных сокращений и аббревиатур, источников и литературы, таблиц и иллюстраций, приложениями. Основная часть представлена тремя главами, каждая из которых разбита на параграфы и разделы в соответствии с логикой исследования.

Во **Введении** диссертации обосновывается актуальность работы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, освещается степень разработанности проблемы, детализируются теоретическая и методологическая основы работы, приводится краткий обзор литературы по теме диссертации, раскрывается научная новизна, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертационного исследования посвящена теоретическому анализу сложившихся подходов к отражению основных параметров суверенных государств как системообразующих акторов международных отношений и мировой политики. В главе произведен обзор литературы по изучению глобальной международной иерархии, которая является одним из основных источников построения классификаций и типологизаций неравновесных государств. Рассмотрена применимость теории ролей и статуса в международно-политических исследованиях, а также их взаимосвязь с концепцией международной иерархии. Также осуществлено разведение таких смежных фундаментальных категорий, как мощь, размер и ресурсообеспеченность государств с целью определения основ их категоризации в качестве великих, средних и малых. Основной замысел первой главы диссертационного исследования – фиксирование традиционного подхода к отражению глобальной международной иерархии и параметров международной системы с точки зрения структурного неореализма как отправной точки к изучению отдельной аналитической категории малых

государств, традиционно характеризующихся зависимостью, незначительностью, периферийностью и несостоятельностью.

Вторая глава исследования посвящена всестороннему теоретико-концептуальному анализу малых государств в качестве отдельной аналитической категории в рамках теории международных отношений и концепции международной иерархии. В главе произведена оценка состоятельности выделения группы малых государств в качестве отдельного объекта исследований, и систематизированы подходы к концептуализации и операционализации малых государств. Во второй части главы производится составление списка малых государств на основе авторского алгоритма, основанного на синтезе индекса размера государства А.И.Трейвиша и категоризации государств на основе их геополитической близости в рамках ведущих политико-интеграционных группировок.

Третья глава начинается с рассмотрения эволюционного становления категории малых государств и их традиционных ролей с опорой на инструменты примыкания, балансирования и нейтралитета. . Во втором параграфе фиксируются основные параметры современной постбиполярной системы международных отношений, которые определяют ключевые возможности и вызовы для малых государств во всём их многообразии в XXI веке. В третьем параграфе главы предпринята попытка системного анализа деятельности малых государств в современной мировой политике. При этом особое внимание уделяется ролям различных малых государств, которые они могут играть в отдельных сферах мировой политики, произведено обобщение возможных способов, с помощью которых малые государства в теории могут попытаться увеличить собственную субъектность и статус. Последний параграф посвящен рассмотрению трансформации роли трех малых аравийских монархий в современной мировой политике.

В **Заключении** диссертации обобщаются результаты проведенного исследования и формулируются основные выводы, которые соотнесены с поставленными целью, задачами и исследовательским вопросом.

Библиография представлена списком используемой литературы, а также источников.

Апробация исследования.

Результаты диссертационного исследования были представлены в рамках докладов на 10 всероссийских и международных конференциях: Международная научная конференция XXVII Шишкинские чтения (Москва, 2021); Третьи политико-географические чтения имени О.В. Витковского (Москва, 2022); I Международная научная конференция «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века» (Москва, 2022); Fifth International Workshop on Political geography and geopolitics: qualitative and quantitative research methods (Москва, 2022); Всероссийская конференция РАПН с международным участием. Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности (Москва, 2022); Современные процессы глобализации и регионализации: к новой пространственной организации общества (Санкт-Петербург, 2023); Четвертые политико-географические чтения имени О.В. Витковского (Москва, 2023), International Conference «Topical issues of international political geography» (TIPG-2023) (Санкт-Петербург, 2023); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2024» (Москва, 2024).

Публикации автора по теме диссертации

Публикации в периодических научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. Барабаш Б.А. Релятивистская концептуализация малых государств с помощью индекса национального потенциала и соседства: пространственный статистический анализ / Б.А. Барабаш // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 262-281.

2. Барабаш Б.А. Современные малые государства: подходы к операционализации, классификации, и уровни комплексного анализа / Б.А. Барабаш // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2023. – Т. 45. – С. 101-117.

3. Барабаш Б.А. Значимые роли малых государств в современной мировой политике на примере малых ближневосточных монархий / Б.А. Барабаш // Управление и политика. – 2024. – Т. 3, № 4. – С. 42-67.

Публикации научных изданиях, индексированных в научной базе Scopus:

1. Barabash B. (2024). Transforming Roles of Small States in World Politics at the Beginning of the Twenty-First Century: In Search of Systemic and Comprehensive Approach. In: Bolgov, R., et al. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2023). TIPG 2022. Springer Geography. Springer, Cham. – 27-40 pp. https://doi.org/10.1007/978-3-031-70886-2_3

Иные издания:

Барабаш Б.А. Политико-географическая типология современных малых государств на глобальном и региональном уровнях / Б.А. Барабаш // Псковский регионологический журнал. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 3-25.

Барабаш Б.А. Количественный анализ участия малых государств в межправительственных международных организациях в начале XXI века: основные тенденции / Б.А. Барабаш // Современные процессы глобализации и регионализации: к новой пространственной организации общества: Материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 10–11 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2024. – С. 57-64.

Барабаш Б.А. Соотношение между моделями поведения малых государств на международной арене и защищенностью в сфере здравоохранения на примере пандемии новой коронавирусной инфекции / Б.А. Барабаш // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность / Материалы Международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ. Под редакцией Н.М. Михеевой и Н.В. Каледина. Санкт-Петербург, 2022. – С. 151-161.

Окунев И.Ю., Барабаш Б.А. Город-государство в современном мире: Отличительные черты, преимущества и проблемы // Историческая география. Том 4. / Отв. ред. И.Г. Коновалова. – М.: Аквилон, 2019. – С. 391-416.

ГЛАВА I.

Теоретико-концептуальные подходы к отражению глобальной международной иерархии суверенных государств и их ролей в мировой политике

Первая глава диссертационного исследования посвящена обобщению способов классификации и типологизации суверенных государств в зависимости от их имманентных и функциональных характеристик, которые определяют положение государств в международной иерархии. Также в главе анализируются основные теоретико-методологические основания применения теории ролей к деятельности государств на международной арене.

§ 1.1. Классификации суверенных государств с точки зрения международной иерархии

Первый параграф первой главы диссертационного исследования посвящен обобщению подходов к категоризации суверенных государств с учетом их положения в рамках международной иерархии. В параграфе проанализированы возможности и ограничения глобального сравнительного анализа государств как элементов целостной мировой системы, а также различные способы отражения иерархии между ними. Кроме того, автором идентифицированы отличительные характеристики государств, которые причисляются к тому или иному классу в рамках международной иерархии.

Возможности и ограничения глобального компаративного анализа государств

Государства являются основными элементами международной политической системы и образуют фундамент международных отношений и мировой политики, так как именно государственный уровень образует субгосударственный и надгосударственный спектры, крайними из которых являются локальный и глобальный уровни политического пространства,

соответственно[86]. В условиях международной анархии как отсутствии единой верховной власти в лице мирового правительства, а также с учетом подчиненности субгосударственных акторов национальным юрисдикциям, государства как единственные самостоятельные и независимые акторы в полном смысле этого слова всегда закрепляют «правила игры» и преобразовывают их на всех уровнях политического пространства[87].

Как отмечает Г.Алмонд, государство всегда находилось в центре политологических исследований[88]. В этой связи релевантно отметить, что уровень государств как единиц анализа всегда лежал в основе *структурно-функциональных* и *системных* исследований международных отношений и мировой политики, ориентированных на всестороннее понимание места, статуса, роли, функций и других фундаментальных характеристик отдельных государств и групп государств в рамках определенного мирового порядка.

Следует признать, что из всех уровней анализа именно глобальные исследования, ориентированные на идентификацию закономерностей, сходств и различий как можно большего числа политий[89], представляют особую трудность вследствие многосоставности объектов исследования и принципиальной необходимости достижения сравнимости[90] как в рамках сравнительной политологии, так и мировой политики[91]. Кроме того, чем более общей является теория, тем большее число кейсов необходимо принимать исследователю во внимание, что приводит к ограниченным возможностям проведения глубокого и содержательного анализа каждого конкретного

---

[86] Окунев И.Ю. География международных отношений: структура и элементы мирового политического пространства // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2019. – № 13 (3). – С. 5-16.
[87] Клепацкий Л.Н. Роль государства в международных отношениях в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – № 14. – С. 133-144.
[88] Almond G. The Return to the State // American Political Science Review. – 1988. – Vol. 83. – P. 853-901.
[89] Pennings P., Keman H., Kleinnjenhuis J. Global Comparative Methods / T. Landman and N. Robinson (eds). In: The Sage Handbook of Comparative Politics. – Los Angeles; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage. – 2009. – P. 35-49.
[90] Чихарев И.А., Полулях Д.С. Сравнительная мировая политика: основное течение или одно из направлений? // Политическая наука. – 2015. – № 4. – С. 7-21.
[91] Мельвиль А.Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике / Мельвиль А. Ю. – Полис. Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 114-119.

случая[92]. Вместе с тем, как представляется, именно системный анализ всех элементов (максимально возможного их числа), будучи отправной точкой любого исследования, позволяет добиться более глубокого понимания существующей международно-политической действительности, идентифицировать функциональные характеристики современных государств, являющихся элементами целостной системы международных отношений, а также обогатить представление о существующих причинно-следственных закономерностях и задать «систему координат», в рамках которой могут осуществляться дальнейшие, более детальные и нюансированные, перспективные исследования[93].

Важно отметить, что с методологической точки зрения, категорирование государств на основе отдельных переменных (например, «несостоявшиеся государства», постколониальные государства, островные государства) позволяет сделать обобщающие выводы, которые распространяются не только на ограниченные случаи, но при достаточной обработке могут также развивать теорию более высокого уровня. Кроме того, у практикующих политиков, экспертов и лиц, принимающих решения, появляется более широкий арсенал доступных мер по разрешению вызовов и проблем развития, стоящих перед государствами, имеющими общие «входные данные». Так, например, постколониальная история Сингапура после его исключения из состава Малайзии и, в частности, фигура первого премьер-министра страны Ли Куан Ю, оказавшего исключительное влияние на усиление статуса страны в глобальном масштабе, демонстрируют возможность успешного построения постколониального состоятельного государства несмотря на скудность материальных ресурсов при эффективной стратегии развития[94]. При этом важно отметить, что любые выводы, как исследователя, так и практика, не

[92] Handel M. Weak States in the International System. – London: Frank Cass and Company Limited, 1981. – 318 p.
[93] Мельвиль А.Ю. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 173-200.
[94] Балацкий Е.В. Модель Сингапурского чуда: уроки для России. Рецензия на книгу: Ли Куан Ю (2018) из третьего мира - в первый. История Сингапура (1965-2000). М.: Манн, Иванов и Фербер // Мир России. Социология. Этнология. – 2021. – №4. – С. 188-208.

являются релевантными для всех государств, так как в любом случае связаны с абстракцией, а конкретные кейсы и ситуации как таковые, как говорили основатели «новой сравнительной политологии» ещё в середине XX века[95], не могут сравниваться.

В этой связи представляется важным аналитически выделить *значимые различия между государствами как элементами единой системы* и связанные с этим ограничения, стоящие перед исследованиями глобального масштаба.

Во-первых, следует отметить *хронотипическую несопоставимость политий* между собой. Иными словами, прежде всего, что следует понимать под термином «государство»? Как отмечает российский исследователь М.В.Ильин, данный термин является зонтичным понятием и характеризуется сильными концептными натяжками[96], так как потенциально может быть применим для политий всех времен, обладающих более или менее выраженной самостоятельностью и способностью вступать в межполитийные отношения[97], будь это малая зависимая Пиза времен феодальных «господарств» при Н.Макиавелли (который и ввел в лексикон термин «lo stato», «состояние»); современная Франция как типичная нация-государство, имеющая непрерывную продолжительную историю государственного строительства; или относительно «молодая», но при этом обладающая древней историей «несостоявшаяся» Сирия – «жертва колониализма», современные государственные границы которой были сформированы произвольно в соответствии с соглашением Сайкса-Пико[98]. В этой связи совершенно справедливым представляются слова П.Стейнбергера, отметившего, что «идея государства заключается в том, что само государство является идеей или,

[95] Macridis R., Cox R. Research in Comparative Politics. Report on the SSRC Interuniversity Research Seminar on Comparative Politics, Evanston 1952 // American Political Science Review. – 1953. – Vol. 47. – P. 641–675.
[96] Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. – 1970. – Vol. 64. No. 4. – P. 1033-1053.
[97] Ильин М. В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – № 4. – С. 8-41.
[98] Mikaberidze A. Conflict and Conquest in the Islamic World: A Historical Encyclopedia // ABC-CLIO. – 2011. – 861 p.

скорее, невероятно сложной и всеобъемлющей структурой идей»[99]. Именно поэтому релевантно сделать вывод о том, что глобальные кросс-темпоральные исследования могут осуществляться только в рамках однородной системы. Так, большинство исследователей сходятся в том, что основы современной международной политической системы были заложены в 1648 году, являющимся условным «водоразделом», завершившим Тридцатилетнюю войну и оформившим Вестфальский мир, который заложил идею национального государства в фундамент модели современной политической организации мира[100]. Даже несмотря на то, что некоторые учёные считают значение Вестфальского мира преувеличенным из-за того, что основные принципы международных отношений были оформлены в гораздо более поздний период[101], и даже говорят о существовании «мифа Вестфаля»[102], можно с уверенностью признать хотя бы его символическое значение для утверждения государственно-центристской модели мира[103].

Во-вторых, в рамках однородной международной политической системы не все государства являются сопоставимыми с точки зрения *степени их встраиваемости в неё*, или иначе, типа их акторности[104]. Еще в 1986 году Л.Клод предостерегал исследователей от осуществления чрезмерного обобщения, говоря о «заблуждении о том, что все государства являются похожими горошинами в одном стебле»[105]. Эмпирически это может проявляться, например, в существовании непризнанных и частично

---

[99] Steinberger P.J. The State as a Universe of Discourse. In: The Concept of the State in International Relations / edited by Schuett R. and Stirk P.M.R. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. – P. 48-80.

[100] Юрьева Т.В. Вестфальский мир: межкафедральный «Круглый стол» в МГИМО (у) МИД России 27 февраля 2008 года // Вестник МГИМО. – 2008. – № 1. – С. 78-87.

[101] Зонова Т.В. Вестфальская система // Вестник МГИМО – Университета. – 2008. – № 1. – С. 78-80.; Куприянов А.В. Опасный миф Вестфаля // Российский совет по международным делам (РСМД). – 25.04.2019. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyy-mif-vestfalya/

[102] Teschke B. The Myth of 1648. – L.: Verso, 2003. – 241 p.

[103] Фельдман Д.М., Барабанов О.Н. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. – 2007. – Т. 5. – № 3. – С. 104-113.
Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. – 2018. – № 3 (27). – С. 95-105; Филатов А.С. Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении. – М.: Проспект, 2015.

[104] Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. – 1987. – Vol. 41. No. 3. – P. 335–370.

[105] Claude L.L. States and the Global System: Politics, Law and Organization. – New York: St. Martin Press, 1988.

признанных государств, которые не входят в формальную систему ООН. Так, Тайвань, Сомалиленд и Косово одновременно могут считаться государствами как обладающими определенной степенью автономности и государственной состоятельностью, так и не быть ими с учетом отсутствия международно-политического признания со стороны других суверенных государств. О существующих неформальных диспропорциях современной политической организации мира пишет М.М.Лебедева, отмечая увеличение числа государств и поверхностном принятии западноцентричных принципов Вестфаля постколониальными сообществами, которые вынуждены начать «играть по общим правилам» для того, чтобы встроиться в нынешнюю политическую организацию мира[106]. Исследователь совершенно справедливо говорит о довестфальских государствах, характеризующихся ориентацией на клановые и/ или религиозные отношения во внутренней политике, многие из которых являются несостоятельными; и пост-вестфальских государствах, для которых важное значение имеют наднациональные органы, стирание граней между внутренней и внешней политикой, взаимоконтроль[107]. Далее, М.В.Харкевич, развивая концепцию государств модерна и постмодерна, выделяет плюралистическое и солидарное международные сообщества, являющиеся двумя параллельными «мирами», в первом из которых действия государств основываются на принудительной структурной власти, а в рамках второго они стремятся координировать деятельность с помощью механизмов глобальной управляемости[108], что также обращает внимание на необходимость учёта контекста моделей поведения государств, принадлежащих различным сообществам и аналитическим категориям.

В-третьих**,** все государства, даже принадлежащие одной хронотипической эпохе и имеющие схожую логику встраивания в мировую

[106] Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО. – 2016. – № 2 (47). – С. 125-132.
[107] Там же.
[108] Харкевич М.В. Государство в современной мировой политике // Вестник МГИМО. – 2010. – № 6. – С. 160-165.

систему, неизбежно отличаются *неравновесностью в потенциалах*, а именно разным набором материальных и нематериальных ресурсов, статусом и степенью влияния на общесистемные «правила игры». Именно поэтому на практике используются такие речевые обороты, как «сильное/ влиятельное/ независимое» или «слабое/ периферийное/ зависимое» государство, оценивающие место, функцию и роль конкретных политий в мировой политике.

Таким образом, релевантно сделать вывод о наличии значимых ограничений в концептуализации и использовании даже, казалось бы, простейшего термина «государство», а также возможности эффективного сравнения разного рода политий в рамках одной международной политической системы, к тому же принимая во внимание существование частично признанных и непризнанных государств, а также зависимых территорий[109]. Как представляется, для современных *суверенных государств*, то есть взаимопризнаваемых членах международного сообщества, из вышеупомянутых различий – кросс-темпорального, акторного и *разности в потенциалах* – последнее является наиболее важным, так как является основополагающим фактором, на основе которого выстраиваются международная иерархия государств и взаимоотношения между ними в рамках существующего мирового порядка, а также формируются их функции, статус и роли.

Иерархия как отражение неравновесности суверенных государств

Целесообразно рассмотреть третий выделенный тип различий между государствами более подробно, так как существующая система международных отношений и международное право сочетают *принципы ценностного формального равенства государств* и *эмпирического неравенства их потенциалов*. Одним из наиболее ярких свидетельств

[109] Jackson R. Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World. – Cambridge University Press, 1993. – 227 p.

противоречия между данными принципами является равенство всех 193 суверенных государств в рамках Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций (ООН), каждое из которых обладает одним условным «голосом» по любому вопросу, однако даже в такой универсальной глобальной организации существует институт постоянных представителей Совета Безопасности, политический вес которых и юридически и неформально превышает потенциальное влияние всех остальных вместе взятых суверенных государств мира[110]. В целом, фраза о том, что «все государства равны, но некоторые из них равнее»[111] является одной из наиболее емких характеристик, отражающих соотношение между формальным *принципом суверенитета* и *феноменом иерархии в международных отношениях* как отражения неравновесности государств, или их стратификации[112]. При этом суверенитет и иерархия, как представляется, по своей сути не являются контрарными понятиями, а скорее «двумя сторонами одной медали» по причине взаимосвязи их источников. Так, международно-правовой и внешний аспекты государственного суверенитета согласно С.Краснеру предполагают формальное равенство государств на международной арене при условии, что они признаны международным сообществом[113], а признание, в том числе, является одним из конституирующих элементов иерархии.

Самым усредненным пониманием международной иерархии следует признать существование *признаваемой государствами стратификации, сложившейся между ними и оформленной с учетом сопоставления их международно-политического значения* – как на глобальном или региональном уровнях, так и в отдельных сферах межгосударственного

[110] Воронков Л.С. Международные организации в системе международных отношений: тенденции и перспективы развития // Вестник МГИМО. – 2012. – № 3. – С. 7-15.
[111] Rassett B., Starr H. World politics. Menu for Choice.– San Francisco, 1981. – 596 p.
[112] Zarakol A. Hierarchies in World Politics. – Cambridge University Press, 2017. – 344 p.
[113] Krasner S. Sovereignty: organized hypocrisy. / S. Krasner. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 264 p.

взаимодействия[114]. При этом исследователями выделяются множество способов концептуализации иерархии в международных отношениях – от её узкого понимания как легитимной власти, до широкого подхода как интерсубъективного организованного неравенства, при этом иерархия как таковая, с одной стороны, является *синонимом упорядоченности* (в отличие от хаоса и анархии[115]), а, с другой стороны, *не характеризуется жесткостью*, в той или иной степени присущей любой формальной структуре или организации[116].

Понимание международной иерархии не было бы полным без рассмотрения её в *социологическом ключе*, так как она социальна по своей сути несмотря на то, что субъектами в ней выступают не люди, а государства[117]. Так, в рамках социологии иерархия как таковая интерпретируется в качестве особенности внутренней институциональной стратификации, имеющей социальный характер, то есть определяющей набор социальных механизмов, которые отражают властные отношения[118]. Говоря об источниках, формирующих и укрепляющих иерархию как таковую, следует выделить три группы: *экзогенные факторы* (присущие субъекту А характеристики), *эндогенные факторы* (восприятие и интерсубъективное отношение субъектов B, C, D … к субъекту А, включая признание или отказ от признания положения, занять которое стремится субъект А), а также *системные факторы* (параметры системы, сложившиеся «правила игры» и нормы, в рамках которой находятся субъекты A, B, C, D …). Необходимо отметить, что в рамках данной модели все группы факторов не только влияют друг на друга и определяют взаимодействие акторов между собой, но и формируются ими

---

[114] Ефремова К.А. Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений: На примере Китая, Индии и Мьянмы. дисс. канд. полит. наук: 23.00.04 / К.А.Ефремова; науч. рук. А.Д.Воскресенский; МГИМО (У) МИД РОССИИ. – М., 2004. – 223 с.

[115] Lake D.A. Hierarchy in International Relations. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. – 248 p.

[116] Басак Е.Г. Социальные основы иерархии в организациях. дисс. канд. социол. наук: 22.00.04 / Е.Г.Басак; науч. рук. В.А.Чуланов; Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (Новочеркас. политехн. ин-т). – М., 2002. – 145 с.

[117] Larson D.W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. // International Security. – 2010. – Vol. 34. No. 4. – P. 63–95.

[118] Barder A. Empire Within International Hierarchy and its Imperial Laboratories of Governance. / A. Barder. – Routledge. – 2015. – 180 p.

же. При этом собственные субъективные целевые установки субъектов могут приводить как к адекватной оценке сложившихся факторов, так недооценке или, наоборот, их переоценке, что в свою очередь может привести к несовпадению объективной реальности и положения, которое стремится занять указанный субъект.

А.Заракол и Дж.Маттерн выделяют три способа отражения иерархии между государственными акторами на международней арене на основе того, как она формируется и как влияет на поведение акторов[119]. Так, согласно *логике компромиссов* (trade-offs), иерархии влияют на международную политику, изменяя то, как акторы преследуют свои интересы. При этом акцент делается на том, как сами акторы целенаправленно выстраивают иерархии для решения коллективных проблем глобального управления. В этой связи их стратификация проявляется в нескольких измерениях, что делает концепт иерархии более динамичной характеристикой. *Логика конструирования* (productivity) создает и акторов, и пространство мировой политики, в которой они действуют. В рамках теории международных отношений логика конструирования чаще всего встречается в постструктуралистских, постколониальных, феминистских и критических исследованиях, особенно по вопросам формирования границ, которые конструируются, главным образом, дискурсивно[120]. Наконец, *логика позиционности* (positionality), которая может строится на материальных или идеационных основаниях, увязывает конкретные роли и функции государств в мировой системе с их заранее заданным расположением в иерархии. При этом иерархические структуры главным образом ограничивают акторов и влияют на их выбор.

Таким образом, в рамках первой логики отражения международная иерархия образуется акторами на основе обмена определенной степени свободы для получения желаемого социального или политического

[119] Zarakol A., Mattern J. B. Hierarchies in world politics (IO) // International Organization. – 2016. – Vol. 70. No. 3. – P. 623-54.
[120] Schatzki T.R., Knorr-Cetina K., von Savigny E. The Practice Turn in Contemporary Theory. – New York: Psychology Press, 2001.

устройства; при второй логике сама иерархия формирует акторов и создает для них пространство взаимодействия; в то время как при третьей логике существующие акторы вынуждены действовать и адаптироваться в уже сложившейся иерархии. Как представляется, из трех вышеуказанных логик отражения международной иерархии, именно **логика позиционности** наиболее полно отвечает на вопрос содержания функций и ролей государств в рамках единой Вестфальской системы, так как распространяется на все суверенные государства. С этой точки зрения международная иерархия[121] относительно устойчива; положение актора в иерархии не является его выбором; идентичность, роль, интересы и ожидания акторов формируются их положением в системе, а благодаря данной социализирующей динамике иерархии оказывают влияние на мировую политику[122].

Противопоставляя материальную и идеационную составляющие позиционной логики отражения международной иерархии, следует отметить, что первая скорее делает акцент на эндогенных факторах **мощи** на глобальном уровне, а вторая оперирует скорее с экзогенными факторами **признания** в отдельных функциональных подсистемах международного сообщества на принципах субординации и суперординации[123]. В первом случае исследователи обращают внимание на материальные потенциалы и относительно легко операционализируемые связанные с ними атрибуты (размер территории и численность населения, экономическая и военная мощь, дипломатическое влияние и т.д.). Во втором же случае исследователи описывают международную иерархию в терминах транзакций государств друг с другом, которые приводят к состоянию зависимости и подчинения между ними (например, в сферах производства и экспорта высоких технологий –

[121] Здесь и далее под международной иерархией подразумевается позиционная логика её формирования, когда на поведение государств оказывает влияние то, где они располагаются в рамках иерархии.
[122] Zarakol A., Mattern J. B. Hierarchies in world politics (IO) // International Organization. – 2016. – Vol. 70. No. 3. – P. 623-54.
[123] Несмашный А.Д., Жорнист В.М., Сафранчук И.А. Международная иерархия и функциональная дифференциация государств: результаты экспертного опроса // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №15(3). – С. 7-38.

экспортер и импортер, или предоставления международной материальной помощи – донор и реципиент). Пересечение материального и идеационного измерений заключается в том, что фактор признания государства имеет значение для его поведения, но то, насколько именно высокий авторитет у государства во многом зависит от наличия у него материальных возможностей. Ровно также, как и в социуме – у тех людей, которые имеют более высокое материальное положение, наблюдается тенденция получения более высокого социального статуса (признания) в отличие от людей с более низким материальным положением. Таким образом, необходимо различать между *местом государств* в международной иерархии на основе объективных показателей и *статусом государств* в международной иерархии как совокупности оценок о его месте в ней[124]. Подобный социологический подход значительно перекликается с основаниями типологизации стран М.В.Ильина, строящейся на двух аспектах государственности – *статусности* (statehood) и *состоятельности* (stateness), которые отражают их внешнеполитические черты (в первую очередь признание) и внутриполитические особенности (главным образом, потенциал и возможности), соответственно[125].

Международная иерархия, не являясь формально закрепленной характеристикой из-за отсутствия мирового правительства, постоянно воспроизводится на основе действий государств и взаимосвязи экзогенных, эндогенных и системных факторов, так как все государства без исключения находятся в рамках единой глобальной системы международных отношений и всегда существуют в контексте с другими политиями. Все эти переменные отражают свойства сложной синергетической системы, в рамках которой сумма её свойств не равна сумме свойств её компонентов[126]. При этом ответ на вопрос о том, что является более важным для государства – внутренние или

[124] Larson D.W., Paul T.V., Wohlforth W.C. Status and World Order. In: Status in World Politics, ed. by T.V. Paul, D.W.Larson, and W.C.Wohlforth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
[125] Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – №4. – С. 8-41.
[126] Луман Н. Введение в системную теорию (Под редакцией Дирка Веккера). Пер. с нем. / К. Тимофеева. М.: Издательство "Логос", 2007.

внешние факторы – в рамках теории международных отношений будет зависеть от избираемой парадигмы. Так, например, представители структурного неореализма (К.Уолтц, Дж.Миршаймер и др.) чаще обращают внимание на материальные имманентные государствам потенциалы, параметры мощи и ресурсы[127]. В таком случае примат международной системы определяет параметры и ограничения внешней политики государств, в то время как большинство сторонников институционального неолиберализма (Э.Моравчик, Р.Кохэйн, Дж. Най и др.) считают, что внешние структурные характеристики (степень политической и экономической интеграции) играют более весомую роль и предоставляют скорее возможности[128]. Различный «набор» внутренних и внешних факторов в реальности проявляется в существовании асимметрий, связанных со статусом, степенью суверенитета и признанием со стороны других игроков в рамках международных отношений, а также функций, ролей и места государств в мировой политике.

Резюмируя, следует согласиться с комплексностью понятия международной иерархии. Все идентифицированные логики её отражения являются взаимодополняющими и отчасти объясняют несоответствие между положениями одних и тех же государств в иерархии при выборе исследователями различных оснований для анализа. При этом иерархия, строящаяся на основе материальной и идеационной позиционной логики**,** как представляется, предлагает наиболее релевантные способы глобальной классификации и типологизации государств в зависимости от их материальных ресурсов и статуса. Особенно это релевантно для новых государств, которые получили независимость позже системообразующих государств и вынуждены функционировать в политическом мире, который уже был создан до них, пытаясь адаптироваться к новым условиям.

---

[127] Waltz K.N. Theory of International Politics. – New York: Random House, 1979.

[128] Moravcsik A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. // International Organization, - 1997. – Vol. 51. No. 4. - P. 513–553.

Позиционные иерархические модели классификации государств

Принимая во внимание неоднородность государств, исследователями в сфере международных отношений предпринимается построение разнообразных аналитических категорий для более точного отражения их отличительных черт[129]. Многие из них являются контрарными – например, на основе обладания экономическими ресурсами (бедные/ богатые), состоятельности (несостоявшиеся/ стабильные), степени развитости экономики (развитые/ развивающиеся), активности на международной арене (пассивные/ активные), отношения к установлению норм взаимодействия и «правил игры» («rule makers»/ «rule takers»), статуса в какой-либо из сфер мировой политики и международного взаимодействия (лидеры/ аутсайдеры), престижа (авторитеты/ изгои), отношения к существующему статусу-кво (гегемоны/ ревизионисты) и многих других категорий.

Однако чаще всего, как в научном, так и публичном дискурсе, глобальная классификация государств строится в русле позиционной логики международной иерархии, в основе которой лежит проецируемая на мировую арену **мощь**[130] как интегральная характеристика, основывающаяся на географических, демографических, военных, институциональных, экономических, культурных и других ресурсах[131]. Учитывая наблюдаемую несопоставимость и неравновесность государств с точки зрения их совокупной мощи, релевантно говорить и о различном вкладе отдельных государств в формирование основ мирового порядка и системы международных отношений[132], что является центральным посылом

---

[129] Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. Status in World Politics. – New York: Cambridge University Press, 320 p.

[130] Nye J.S.Jr. The Changing Nature of World Power // Political Science Quarterly. – 1990. – Vol. 105. No. 2. – P. 177-192.

[131] Mosser M.W. Engineering Influence: The Subtle Power of Small States in the CSCE/OSCE / Reiter E., Gärtner H. Small States and Alliances. – Physica Heidelberg, 2001. – P. 63-84.

«Концерт великих держав» XXI в. – многосторонний диалог великих держав в постатлантическую эпоху / Под ред. А.И. Никитина. М: МГИМО-Университет, 2015.

[132] Сазонова К.Л. "Великие державы" в системе миротворчества Организации Объединенных Наций: специальность 23.00.04 "Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Сазонова Кира Львовна. – Москва, 2010. – 182 с.

структурного неореализма, согласно которому все государства отличаются друг от друга только материальными возможностями[133]. В таком случае на основе данного критерия возможно выделить различные типы государств в порядке понижения их значимости: *сверхдержавы, великие (ведущие) державы, региональные державы, державы среднего уровня, малые державы, микрогосударства; формально суверенные, но фактически являющиеся протекторатами, государства; несостоятельные государства, зависимые территории*. При этом любое государство, оказывающее значительное влияние на политии вокруг себя (но не обязательно находящиеся по соседству) с учетом степени легитимности оказываемого влияния может описываться в терминах гегемонии[134].

Однако базовым разделением государств по их вкладу в формирование основ мирового порядка следует признать двучленную дихотомию между *великими (ведущими) державами* и всеми остальными *(фоновыми государствами)*[135], которая функционально может оформляться в качестве дихотомии между государствами, создающими нормы и придерживающиеся наступательной стратегии («rule makers»), и государствами, подчиняющимися им и придерживающиеся оборонительной стратегии («rule takers»)[136]. Как правило, такое разделение используется при анализе того, как ведущие державы формируют режимы, строят коалиции или открывают новые функциональные подсистемы взаимодействия[137]. Однако в послевоенное время сравнительно более распространенными оказалась трехсоставная классификация, разделяющая государства на *великие державы, державы среднего уровня* и *малые державы*; а также пятичленная, дополнительно

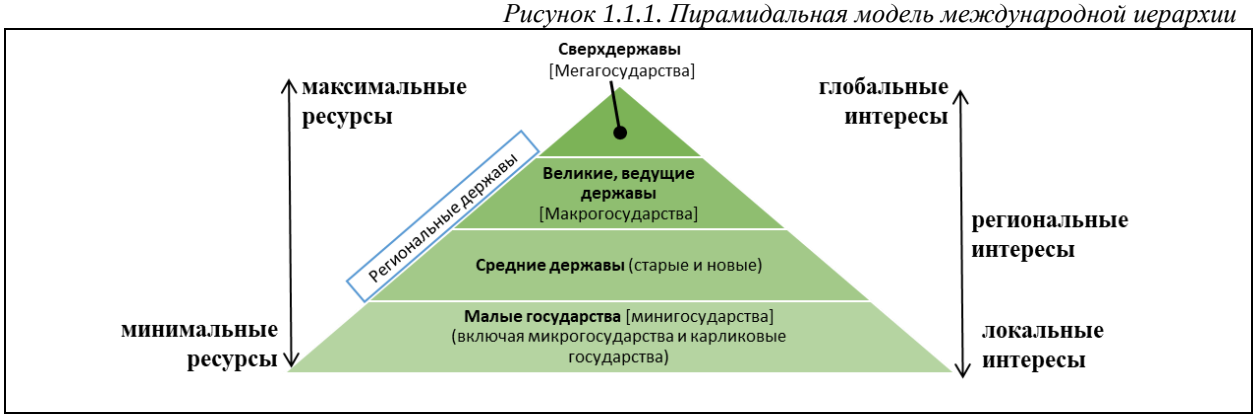
---

[133] Waltz K.N. Theory of International Politics. – New York: Random House, 1979.
[134] Norrloff C. Hegemony [Electronic resource] / C. Norrloff // Oxford Bibliographies. – 2019. – URL: https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0122.xml#
[135] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт, 1997. – 352 с.
[136] Aydin U. Rule-takers, rule-makers, or rule-promoters? Turkey and Mexico's role as rising middle powers in global economic governance. / U. Aydin // Regulation & Governance. – 2019. – Vol. 15. – No. 3. – 544-560 p.
[137] Vital D. The Analysis of Small Power Politics // Small States in International Relations. / Ed. by August Schou and Arne Olav Brundtland. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1971

учитывающая *сверхдержавы* и *микрогосударства*[138]. Кроме того, распространены также и авторские концепции, например, «государства-лидеры», «догоняющие», «отстающие» и «государства-аутсайдеры»[139]; системообразующие (system-determining), сильно воздействующие (system-influencing), слабо влияющие (system-affecting) и не влияющие на систему (system-ineffectual)[140]; отдельные синонимы, такие как «карликовое государство» (lilliputian state), «мини-государство», «макрогосударство», «компактное государство»[141] и т.д.

Релевантно выделить три модели международной иерархии, в которой отражены государства по степени их влияния на мировой порядок. В *пирамидальной модели* отображается всё уменьшающееся число государств по мере приближения к её вершине (см. рисунок 1.1.1.).

Рисунок 1.1.1. Пирамидальная модель международной иерархии

Источник: составлено автором.

В данной схеме наложены вертикальные оси наличия материальных ресурсов, и масштаба национальных интересов от локальных до

[138] Mathisen T. The Functions of Small States in the Strategies of the Great Powers. – Universitetsforlaget Oslo-Bergem-Tromso: Scandinavian University Books, 1971.
Mares D. Middle Powers under Regional Hegemony: To Challenge or Acquiesce in Hegemonic Enforcement // International Studies Quarterly. – 1988. – Vol. 32. No. 453. – P. 456.
Mueller K.P. Strategy, Asymmetric Deterrence, and Accommodation: Middle Powers and Security in Modern Europe. – Princeton: PhD dissertation, 1991.
Rothstein R.L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.
[139] Волынчук А.Б., Волынчук Я.А. Геополитический статус государства: теоретическое основание научной категории // Территория новых возможностей. – 2018. – № 1 (40). – С. 57-67.
[140] Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. No. 2. – P. 291-310.
[141] Dabbagh P. G. Compact of Free Association-Type Agreements: A Life Preserver for Small Island Sovereignty in an Era of Climate Change? // Hastings Envt'l LJ. – 2018. – Т. 24. – С. 431.

глобальных[142]. Стоит отметить, что отдельного места для региональных держав в данной модели не нашлось, так как по своей сути они представляют из себя лидеров в рамках конкретных подсистем международных отношений на основе принципа реляционности[143], а потому могут занимать как положение средних, так и великих держав на глобальном уровне в зависимости от регионального контекста и сферы взаимодействия. Кроме того, в данной модели также учтена уже упомянутая типология государств М.В.Ильина[144], основанная на трудах Ж.Коломера[145].

Основываясь на концепции М.Генделя[146], международную иерархию также возможно представить в виде *спектральной модели*, двумя концами которого являются абсолютные слабость и мощь. Континуум может быть дополнен рядом дихотомических характеристик, например, периферийностью и центральностью по отношению к международным делам, или зависимостью и самостоятельностью от других государств. Следует отметить, что не все параметры тождественны, а их наложение друг на друга не обязательно носит линейный характер. Так, например, как отмечает сам М.Гендель, феномен государств среднего уровня подразумевает переходный уровень от государств слабых к государствам мощным, в результате чего они могут демонстрировать как характеристики первых, так и вторых. В этой связи понятна точка зрения некоторых исследователей о том, что именно средние державы являются наименее изученной категорией в рамках теории международных отношений в отличие от великих держав и малых государств по причине своего

---

[142] Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: НОФМО, 2008. – 230 с.

[143] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2 (8). – С. 30-58.

[144] Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. – №3(5). – С. 11-19.

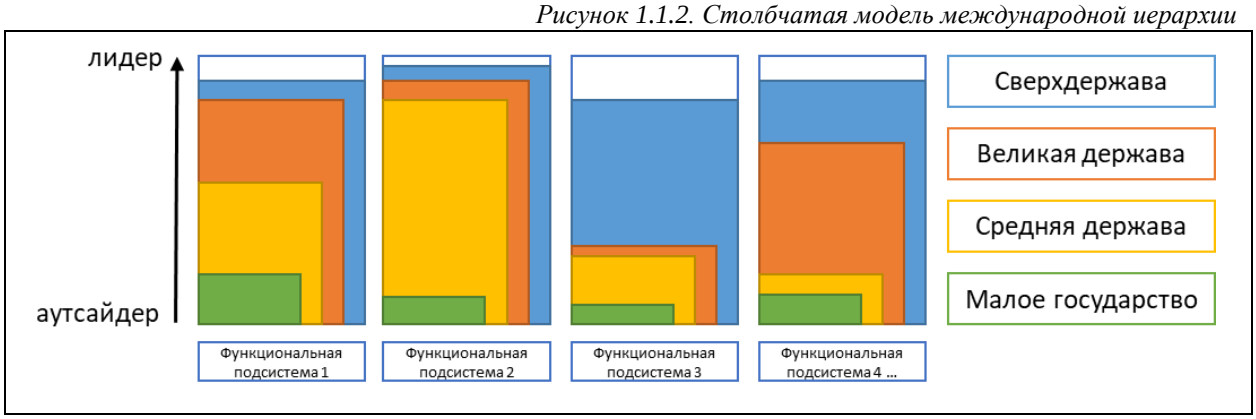
[145] Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. – London; New York: Routledge, 2007. – 128 p.

[146] Handel M. Weak States in the International System. – London: Frank Cass and Company Limited, 1981. – 318 p.

переходного положения[147]. В отличие от пирамидальной модели, в спектральной модели сложно обозначить конкретные границы, которые разделяют категории государств между собой. Впрочем, это скорее приближает данный подход к реальности, так как, как отмечает В.Кристмас-Моллер, «социальный мир не является организованным по четким группам, но скорее расположен на спектре с плавными переходами от одной группы к другой»[148]. В целом, государства, имеющие больше похожих признаков между собой, будут склонны к тому, чтобы оказаться в одной группе, в то время как между государствами из разных категорий будет наблюдаться больше значимых различий.

Наконец, принимая во внимание отдельные функциональные сферы международного сообщества, иерархия может быть представлена в виде *столбчатой модели*, согласно которой в рамках конкретных подсистем международной жизни различные государства могут играть роли лидеров или аутсайдеров. Окончательная категоризация при этом может концептуализироваться с учетом суммы наблюдаемых ролей (см. рисунок 1.1.2.).

Рисунок 1.1.2. Столбчатая модель международной иерархии

Источник: составлено автором на основе концептуальной рамки: Несмашный А.Д., Жорнист В.М., Сафранчук И.А. Международная иерархия и функциональная дифференциация государств: результаты экспертного опроса // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №15(3). – С. 7-38.

[147] Межевич Н.М., Шимов В.В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик "средней страны" (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 436-450.

[148] Christmas-Moller W. Some Thoughts on the Scientific Applicability of the Small State Concept: A Research History and a Discussion. In: O. Holl (ed.) Small States in Europe and Dependence. – Boulder, CO: Westview Press, 1983.

При этом сами роли государств могут определяться как набором материальных ресурсов и суммой действий и поведений государств, так и отношением внешних субъектов к тому, как конкретное государство играет данную роль. Подобное представление о международной иерархии объясняет, почему одни и те же государства могут иметь различные место и статус в зависимости от сферы взаимодействия друг с другом, а также перцептивных оценок. Границы между группами государств, таким образом, являются еще более динамичными, чем в пирамидальной или спектральной моделях, так как зависят от того, какие функциональные сферы принимаются во внимание, а также насколько они важны для определения совокупного положения в глобальной международной иерархии.

Резюмируя, следует отметить, что каждая из позиционных моделей отражает отдельные характеристики международной иерархии, а потому все они представляются релевантными для проведения анализа в зависимости от избранных исследовательских задач. Пирамидальная модель отражает стабильность категорий государств и существование четких границ между группами, достоинством спектральной модели является признание существования нечетких критериев, по которым государства попадают в ту или иную категорию, а значит делает возможным их переход из одной группы в другую, в то время как столбчатая модель позволяет учитывать комплексность измерений, по которым одно и то же государство может принадлежать к различным группам.

Однако каковы сложившиеся в литературе отличительные характеристики различных групп государств в глобальной международной иерархии? В этой связи следует остановиться более подробно на отличительных критериях **великих, средних и малых держав** как основных классов суверенных государств, имея в виду, что сверхдержавы и микрогосударства скорее являются ярко выраженными подкатегориями первого и третьего классов, а не самостоятельными категориями.

Традиционно интерес к **великим державам** диспропорционально высок как со стороны исследователей и аналитиков, так и средств массовой информации и общественности в связи с их определяющим влиянием на состояние всей международно-политической системы. В науке данное понятие было популяризовано Леопольдом фон Ранке, в 1833 году опубликовавшим свой магнум-опус под одноимённым названием «Великие державы»[149]. В современном дискурсе термин закрепился после подведения итогов Венского конгресса, завершившего наполеоновские войны, когда появилась острая необходимость в нахождении консенсуса между сильнейшими державами по поводу территориальных изменений на европейском континенте[150]. На практике великая держава системы Европейского концерта должна была обладать могущественной армией, признаваться великой другими великими державами и объявить об интересах, простирающихся далеко за свои собственные границы[151], однако основным историческим критерием великодержавности стоит признать способность государства к ведению войн[152]. Классик политического реализма Г.Моргентау определял великую державу как государство, способное проявить свою волю в отношении других государств сугубо односторонне[153], историк А.Тойнби сравнивал великие державы со стержнями, «вокруг которых вращается всё общество», и отмечал, что они стремились заменить само общество в смысле самодостаточности не только в политике и экономике, но даже и в духовной культуре[154], а политолог Р.Кохэйн в своей классической работе отмечал, что «великие державы – это те государства, лидеры которого считают, что они сами по себе могут оказывать значительное, возможно, решающее влияние на

[149] Ranke v. L. Die großen Mächte, 1833.
[150] Bridge R., Bullen R. The Great Powers and the European States System 1814-1914. – Harlow, England; New York: Pearson Longman, 2005. – 382 p.
[151] Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.
[152] Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848-1918. – London, 1971.
[153] Morgentau H.J. Politics among Nations. – N.Y.: A.A.Knopf, 1948.
[154] Toynbee A.J. A Study of History. – London: Oxford University Press, 1934. – 756 p.

международную систему»[155]. В современном научном дискурсе вместо эмоционально заряженного термина «великая держава» всё чаще используется более нейтральный термин «ведущая держава». Как отмечает российский исследователь Т.А.Шаклеина, ведущая мировая держава обладает высочайшим экономическим потенциалом и осуществляет преобразующее влияние на мировое развитие. При этом только комплекс факторов – самостоятельность, мирорегулирующая деятельность, наличие ресурсов и воли, способности думать глобально, а также опыт и традиция великодержавности отличает настоящую ведущую державу[156], однако большинство современных ведущих держав не обладает полным набором параметров и находится в процессе консолидации[157]. Наконец, важным отличием великих держав прошлого и ведущих держав настоящего состоит в том, что в нынешнее время вторые формируют международную безопасность, финансово-экономические трансакции и социокультурные коммуникации. Иными словами, не просто стремятся быть только империями и гегемонами[158]. Характерно, что исторически на международной арене империя всегда выступала как великая держава[159].

С одной стороны, **державы среднего уровня** демонстрируют переходный этап, а потому могут демонстрировать как характеристики слабости, так и мощи; но, с другой стороны, представляют собой отдельную аналитическую категорию. Примечательным следует признать устоявшееся в науке разделение средних держав на традиционные (traditional), являющиеся развитыми и имеющие ограниченную численность населения, и новые

---

[155] Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. No. 2. – P. 291-310.

[156] Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Том 9. – №2 (26). – С. 29-39.

[157] Шилов В.В. Историко-социологический аспект понятия "Великая держава" // Власть. – 2020. – Т. 28, № 3. – С. 181-189; Шаумян Т.Л. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. – 2013. – Том 4. № 3 (13). – С. 44-64.

[158] Ильин М.В. Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах // Политическая наука. – 2016. – №. 4. – С. 22-73.

[159] Грачев Н.И. Империя как объект политико-правового анализа // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – №1(2). – С. 133-138.

(emerging), принадлежащие к категории развивающихся держав с заметными демографическими показателями. Канада и Австралия знаменуют собой одни из наиболее часто встречающихся примеров держав среднего уровня. Примечательной является определение Р.Кокса в отношении средней державы как «роли, которая находится в поиске актора»[160]. Среди характерных черт держав среднего уровня – тесные отношения с США, дипломатический потенциал и желание оказывать влияние на мировые дела, ориентация на коллективные действия, позитивная и конструктивная роль в международном сообществе[161]. Р.Кохэйн определяет среднюю державу как государство, лидеры которого считают, что оно не может эффективно действовать само по себе, но может оказывать системное влияние в рамках небольшой группы или через международные институты[162]. Среди поведенческих особенностей держав среднего уровня – избирательное вмешательство в международные дела, непосредственно их не затрагивающие[163].

Самой многочисленной группой государств следует признать **малые государства**. Как отмечает М.В.Ильин[164], у минигосударств наблюдается сильно выраженный комплекс зависимости, суженный диапазон интересов и низкий международно-политический статус. Насыщение силовых линий мировой политики разнообразным потенциалом представляется основной семейной функцией для данного типа государств. Минигосударства детализируют контуры сформированных мегагосударствами силовых линий, которые оформляются макрогосударствами, создавая целую вереницу комплексных межгосударственных отношений. Как отмечает А.Д.Богатуров, в противовес великим державам существуют аутсайдеры, составляющие

---

[160] Cox R.W. Middlepowermanship, Japan, and future world order. International Journal. – 1989. – Vol. 44. No. 4. – P. 823-862.
[161] Robertson J., Carr A. Is anyone a middle power? The case for historicization, International Theory – 2023. Vol. 15. No. 3. – P. 379–403.
[162] Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. No. 2. – P. 291-310.
[163] Jordaan E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // Politikon. – 2003. – Vol. 30. No. 1.
[164] Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. – №3(5). – С. 11-19.

пространство, фон или среду для великих держав[165], при такой концептуализации данные аутсайдеры и являются малыми государствами, а их нейтральный статус – один из немногих инструментов дистанциирования от вышеуказанных силовых линий.

Суммирование основных положений, относящихся к классификации и типологизации государств в зависимости от их положения в международной иерархии приведены в таблице 1.1.1. Резюмируя, следует отметить, что наиболее системные и всеобъемлющие классификации государств строятся на основе концепции международной иерархии, которая является комплексным понятием, отличным как от полного хаоса, так и жёсткой организации, в то время как статусность и состоятельность, являясь двумя фундаментальными осями, позволяют усложнить классификации, трансформировав их в двумерные типологии.

Вместе с тем, говоря об отличительных характеристиках трех основных классов государств в рамках международной иерархии, сложившихся в литературе, следует отметить существование нюансированных качественных критериев, применение и операционализация которых в компаративных исследованиях, однако, затруднены на глобальном уровне анализа, который учитывает все суверенные государства. Иначе говоря, критерии великодержавности, актуальные для США, могут оказаться неконгрунтными для России; основания категорирования Австралии в качестве средней державы будут отличаться от соответствующих оснований категорирования Вьетнама; а критерии «малости» государства Сингапур не будут сопоставимыми для Сейшельских Островов.

[165] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995) / А.Д.Богатуров. М.: Конверт. – МОНФ, 1997. – 352 с.

Таблица 1.1.1. Типологизация государств в зависимости от положения в международной иерархии и их идеал-типические черты

<table>
<tr><th>Позиционный подход (наличие ресурсов)</th><th>Поведенческий подход (масштаб национальных интересов)</th><th>Категория государства (также идентитарный подход)</th><th>Функциональный подход (значимость в отраслевых сферах)</th><th>Пример</th><th>Функциональный подход (отношение к общественным благам)</th><th>Функциональный и поведенческий подходы (степень влияния на мировую политику)</th><th>Функциональный подход (конструктивная функция)</th><th>Функциональный подход (деструктивная функция)</th></tr>
<tr><td rowspan="3">Значительные материальные ресурсы</td><td rowspan="2">Мировая держава</td><td>Сверхдержава, мегагосударство</td><td>Все «отраслевые» сферы</td><td>СССР (1990)</td><td rowspan="4">Производитель</td><td rowspan="2">Самодостаточное формирование основ межгосударственного взаимодействия</td><td>Оформление полюсов развития</td><td>Унилатерализм</td></tr>
<tr><td>Великая (ведущая) держава, макрогосударство</td><td>~75% отраслевых сфер</td><td>Австро-Венгрия (1914)</td><td>Оформление силовых линий развития</td><td rowspan="3">Ревизионизм</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Региональная держава</td><td>Держава среднего уровня</td><td>~50% отраслевых сфер</td><td>Саудовская Аравия (2024)</td><td>Самодостаточное влияние на основы межгосударственного взаимодействия</td><td rowspan="3">Насыщение потенциалом силовых линий, разряжение и нюансировка международной системы</td></tr>
<tr><td>Незначительные материальные ресурсы</td><td rowspan="3">Отсутствуют выраженные черты лидерства</td><td>Малое государство, минигосударство</td><td rowspan="2">Не более 25% отраслевых сфер</td><td>Молдавия (2024)</td><td rowspan="3">Потребитель</td><td>Коллективное влияние на основы межгосударственного взаимодействия</td><td>Злоупотребление формальным равенством</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Практическое отсутствие материальных ресурсов</td><td>Микро-государство</td><td>Лихтенштейн (2024)</td><td rowspan="2">Отсутствие влияния на основы межгосударственного взаимодействия</td><td rowspan="2">Источники проблем развития</td></tr>
<tr><td>Несостоявшееся/ непризнанное государство</td><td>нет</td><td>Сомали/ Сомалиленд (2024)</td><td>«Паровые клапаны»</td></tr>
</table>

Источник: составлено автором на основе обзора литературы по международной иерархии.

В этой связи, например, некоторые исследователи даже призывают к историзации термина «средняя держава», отмечая, что современная теория не позволяет адекватно интерпретировать различия государств с точки зрения их иерархии[166]. По-видимому, несовместимость ряда некоторых идентифицированных характеристик прежде всего вызвана смешением четырех подходов – *функционального, поведенческого, иерархического*[167] *и идентитарного*, которые являются более значимыми не только для обособленных категорий государств, но и отдельных политий в рамках трёх основных категорий, что значительно осложняет проведение системного анализа государств и их ролей в международной политической системе на глобальном уровне.

Это приводит к тому, что одно и то же государство может быть категорировано сразу в несколько групп на основе отдельных измерений его деятельности, что несколько противоречит здравому смыслу, а отсутствие конкретных и исключительных критериев отнесения государств к группам и вневременной характер иерархии приводит к невозможности отражения динамических переходов одного государства в рамках группы и перехода из одной группы в другую. В этой связи необходимо избрание одного из вышеперечисленных подходов в качестве основного, который позволит провести глобальный анализ всех суверенных государств системно. *Поведенческий и функциональный подходы*, которые отражают модели поведения государств и их значимость для системы, соответственно, представляются более динамическими, многосоставными и полиспектными. В этой связи признанный классиком специалист по международным отношениям Р.Ротштейн отмечает, что поведение государств является

---

[166] Robertson J., Carr A. Is anyone a middle power? The case for historicization // International Theory – 2023. Vol. 15. No. 3. – P. 379–403.

[167] Chapnick A. The Middle Power // Canadian Foreign Policy Journal. – 1999. – Vol. 7. No. 2. – P. 73-82.
Вершинина В.В. Региональные организации во внешней политике Вьетнама: Взгляд через призму концепта держав среднего уровня / В. В. Вершинина. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2023. – 191 с.

аналитически второстепенным и может меняться[168]. Кроме того, данные подходы не позволяет рассмотреть динамику статуса или ролей отдельных государств, так как они в этом случае являются зависимой переменной. В свою очередь, *идентитарный подход* поддается сложной операционализации и также весьма динамичен, так как во многом зависит от представлений конкретной политической элиты, которая в данный момент определяет курс государства.

В этой связи, как представляется, для разрешения данных проблем в качестве основного критерия общесистемного категорирования государств необходимо избрать **позиционный,** или иерархический – т.е. классифицировать государства в качестве великих, средних и малых с учетом их места в международной иерархии на основе позиционной материальной логики, а именно факта наличия у государств определённых материальных ресурсов. Так, И.Ю.Окуневым путем экспертного опроса установлена зависимость этнографических, социальных и политических факторов развития государств от экономических, которые в свою очередь объясняются параметрами климата и ландшафта[169]. В то время как климат и ландшафт отражают контекстуальную локализацию государств, объясняющих их внутриполитическое развитие[170], размер государства, взятый как прокси-переменная мощи[171], играет важное значение для статусности государства и его потенциала влияния на мировой арене[172]. В этой связи релевантно развести понятия физического размера и геополитического веса государств с учетом их нетождественности (см. рисунок 1.1.3.).

---

[168] Rothstein R. L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.

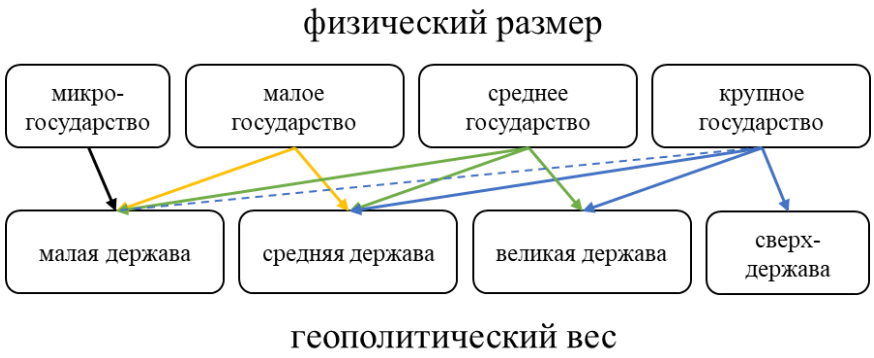
[169] Окунев И. Ю. Моделирование пространственных факторов развития микрогосударств и территорий океании: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Окунев Игорь Юрьевич. – Москва, 2011. – 33 с.

[170] Alesina A. The size of countries: Does it matter? // Journal of the European Economic Association. – 2003. – Vol. 1. No. 2-3. – P. 301-316.

[171] Alesina A. F., Spolaore E. War, Peace and the Size of Countries // Journal of Public Economics. – 2000. – Vol. 89. – P. 1333-1354.

[172] Amstrup N. The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts // Cooperation and Conflict. – 1976. – Vol. 11. – P. 163-182.

Рисунок 1.1.3. Соотношение физического размера и геополитического веса государств

Источник: составлено автором.

Микроскопический размер политии определяет её слабость на всех уровнях международно-политического пространства по причине «отсутствия критической массы в контексте»[173]. Государства малого размера могут быть как слабыми в глобальном и региональном контексте (например, Эритрея или Коста-Рика), так и проявлять конкурентность на региональном уровне или в определенных сферах мировой политики (например, Норвегия или ОАЭ). Начиная со среднего размера государства могут играть роль великих держав (так, первые исторические великие державы эпохи Европейского концерта – Франция, Англия, Австрия, Пруссия обладали «средним» размером на континенте; большинство современных государств, входящих в Группу двадцати также имеют «средний» размер), при этом только крупные (США, СССР, Китай) государства потенциально могут стать сверхдержавами, хотя само наличие значительного числа населения (например, Бангладеш) или территории (например, Монголия) автоматически не транслируется в высокое положение государства в иерархии. Кроме того, даже такое территориально обширное и населённое государство, как Китай в начале XX века, по сути, играл роль малой державы, не способной на защиту собственного суверенитета перед лицом европейских метрополий[174]. Иными словами,

[173] Reid G. L. The Impact of Very Small Size on the International Behavior of Microstates. – Sage Professional Papers, International Studies Series, 1974.
[174] Перминова В. А. Идея колониализма и оценка результатов иностранного присутствия в Китае // Общество и государство в Китае. – 2012. – Т. 42, № 3. – С. 176-182.

крупный размер и наличие ресурсов являются необходимым, но не достаточным основанием для получения статуса лидера[175].

Резюмируя, следует отметить, что позиционный подход также не лишен недостатков. В частности, он не объясняет, почему у схожих в материальном отношении государств могут наблюдаться весьма непохожие внешнеполитические курсы. Кроме того, параметры, функции и роли государств не сводятся к категории силы, мощи и влиятельности, так как наличие ресурсов не является достаточным критерием для определения ролей, функций или статуса государств в системе международных отношений и мировой политике. Так, эмпирически возможно найти примеры государств, не обладающих значительными материальными ресурсами, которые тем не менее могут играть непропорционально значимую роль для международной системы, как и наоборот.

Вместе с тем позиционная материальная логика международной иерархии отвечает критериям системности и глобальности, так как создает условия для проведения глобального компаративного анализа как между государствами, принадлежащими одной категории (например, различные модели функционирования средних держав), так и между различными категориями государств (например, отличительные особенности малых государств во взаимодействии с великими державами), в зависимости от их «стартовых» материальных позиций.

§ 1.2. Теория ролей в международных отношениях и мировой политике

Во втором параграфе осуществляется комплексный анализ понятия роли, её использования в социологии и применимости в международно-политических исследованиях для государств. Также в параграфе осуществляется сопоставление роли и статуса государств, а также их функций в контексте международной иерархии с целью выделения методологических

[175] Alesina A. The size of countries: Does it matter? // Journal of the European Economic Association. – 2003. – Vol. 1. No. 2-3. – P. 301-316.

подходов к анализу ролей отдельных категорий государств в международных отношениях и мировой политике и идентификации их изменения.

Генезис концепта роли в социологии и психологии

Термин «роль» используется в политическом и, шире, научном дискурсах вездесуще и, главным образом, функционально, когда существует необходимость определить сущностные характеристики отдельного объекта в более широком контексте («роль-в», например, *роль негосударственных акторов в глобализованном мире состоит в…*), или подчеркнуть степень важности одного объекта для другого объекта («роль-для», например, *роль политической культуры для уровня демократии является важной, так как…).* З.О.Балахова отмечает более конкретные способы использования термина «роль», в частности, для оценки *политики*, проводимой государством в конкретном регионе (роль ЕС на Балканах), *весе* державы в международных делах (роль США в мире), а также *нормативности* (государство х должно играть определенную роль в конкретном контексте)[176].

Однако, как представляется, в вышеуказанных случаях концепт роли не получает достаточного теоретического осмысления, так как утрачивает связь со своей изначальной концептуализацией. Роль в политических отношениях и, шире, социальных – это прежде всего метафора, аналогия, концептуальное смещение, проявление полиморфизма – ситуации, при которой качества и параметры одного феномена переносятся на второй, внешне непохожий, в результате чего становится возможным лучше понять суть второго феномена. Как отметили авторы бестселлера «Метафоры, которыми мы живем» Дж.Лакофф и М.Джонсон, метафора — это инструмент, который позволяет людям использовать знания о своем непосредственном физическом и социальном опыте для понимания более абстрактных вещей[177].

[176] Балахова З. О. Концепция роли во внешней политике современного государства // Наука и мир. – 2016. – № 7-2 (35). – С. 108-110.
[177] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – University of Chicago Press, 1980.

В этой связи важно отметить, что исторически концепт роли происходит из театрального мира и механически означает *совокупность конкретных производимых действий и/или произнесенных слов персонажа, которого исполнитель (актер) изображает на сцене в рамках отдельного произведения*. Этимологически слово «роль» происходит от латинского rotulus («рулон»), означающего свиток для длинных текстов, содержащий слова персонажа для их запоминания актером.

С точки зрения перфомативности языка представляют интерес отдельные типы ролей, которые могут переноситься в обыденный язык в качестве метафор, например, по значимости – *главные (ведущие) и второстепенные (мелкие) роли, роли статистов*[178], или по отношению к морали или центральности – *роли протагонистов (героев) и антагонистов (злодеев)*. Именно в данных различиях, как представляется, и кроется основное употребление концепта роли в «нетеатральных» сферах жизни.

Концептуальная диффузия метафоры роли из театральной сферы впервые распространяется на сферу социальных отношений и затем остаеётся неразрывно связанной с ней[179]. Впервые концепт роли для анализа социальных отношений был использован в 1930-ых годах американским антропологом Р.Линтоном и социальным психологом Дж.Мидом. Р.Линтон понимал под социальной ролью всю сумму культурных образцов поведения, связанных с определенным статусом[180]. В этой связи социальная роль включает в себя установки и ценности, обуславливает поведение (с учетом набора прав и обязанностей), которое общество предписывает каждому из людей, имеющему один и тот же статус. Советский и российский социолог И.С.Кон определяет социальную роль посредством *функции* – образца поведения,

[178] Коровяков Д. Д. Выходные роли // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890-1907.
[179] Кошелева Ю. П. Теоретические подходы к ролевому поведению и межролевой конфликт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2018. – № 1(790). – С. 132-152.
[180] Linton R. The Study of Man, 1936.

которое ожидается от исполнителя роли[181]. Впрочем, поведение не жестко определяется ожиданиями и подкреплениями/ осуждениями (наградами/ санкциями) со стороны общества, так как на личностном уровне в деталях может несколько отклоняться. Ожидания общества также могут быть дифференцированы: Р.Дарендорф подразделяет их на долженствующие (must-expectations), желательные (shall-expectations) и возможные (can-expectations), иллюстрируя примером бригадира, который *обязан* избегать коррупции, которому *следует* соответствовать требованиям своего руководителя и который *может* проявлять сочувствие[182].

В социальной психологии выделяется *межличностная роль*, которая отличается от социальной роли своей относительностью. Межличностные роли человек выбирает самостоятельно (в частности, исходя из собственных интересов, целей, предпочтений и, более шире, на основе своего характера), использует стандартизировано и на основе повторяемости[183]. Ожидания со стороны контрагентов присутствуют и здесь, однако они более гибкие по сравнению с социальной ролью, так как могут меняться в процессе взаимодействия. В этой связи отличительной характеристикой межличностной роли является её *наблюдаемость*, а не нормативность. Отдельно стоит выделить роль как систему специфических *ожиданий индивида по отношению к себе* (см. таблицу 1.2.1.). Важно отметить, что базовыми элементами любой роли являются потребности (фундаментальные истоки мотивации), интересы (осознанные потребности) и цели[184].

Таблица 1.2.1. Концептуализация ролей в социологии и социальной психологии

Тип роли	**Характер представлений**	**Наличие нормативности**	**Концептуализация**
Роль как система ожиданий относительно поведения индивида в его взаимодействии с другими индивидами.	Интерсубъективный (ожидание)	Нормативность	Роль – это то, что ожидает общество.
Роль как система специфических ожиданий по отношению к себе индивида	Субъективный (концепция)	Произвольность	Роль – это то, что считает сам индивид.

[181] Кон И.С. Социология личности. – М.: Издательство политической литературы, 1967.
[182] Dahrendorf R. Reisen nach innen und außen - Aspekte der Zeit, Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1984.
[183] Свенцицкий А. Л., Гуриева С. Д. Социальная психология: традиции и современность: монография, 2020.
[184] Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. - М: Аспект пресс, 2018. – 296 с.

Роль как открытое наблюдаемое поведение индивида	Поведенческий (перцепция)	Произвольность	Роль – это только наблюдаемое поведение индивида.

Источник: составлено автором на основе: Кошелева Ю. П. Теоретические подходы к ролевому поведению и межролевой конфликт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2018. – № 1 (790). – С. 132-152. Thibaut J.W., Kelley H.H. The social psychology of groups. – John Wiley & Sons, New York, 1959.

Т.Парсонс выделяет следующие типы ролей[185]: по степени формализации: *формальные* (существующие в системе официальных отношений) и *неформальные* (возникающие в системе неофициальных деловых отношений). Их различие состоит в том, что вторые определяются возможностями, потенциалом и личностными характеристиками индивида, в то время как первые определяются сугубо положением индивида в системе[186]. Отдельно выделяются неформальные роли, которые возникают в системе эмоциональных отношений; по способу получения: *предписанные* (аскриптивные) и *достигнутые*, для получения которых индивид должен приложить усилия[187]; по масштабу: *специфические* (характерные только для ограниченных целей) и *диффузные* (при которых цели весьма широки); а также по степени эмоциональности и мотивации.

Наконец, следует отметить, что в антропологии, социологии и психологии сложилось несколько теорий ролевого поведения, или теории ролей. Основные отличительные характеристики и акценты, которые изучают учёные, приведены в таблице 1.2.2.

Таблица 1.2.2. Основные теории ролевого поведения в антропологии, социологии и психологии

Теория ролевого поведения	**Представители**	**Суть теории**
Функциональная ролевая теория	Р.Линтон, Т.Парсонс	Роль – набор ожиданий, которые общество возлагает на индивида. Роль – то, что делает актор. Статус – позиция, которую занимает актор.
Теория символического интеракционизма	Дж.Г.Мид, Г.Блумер	Развитие ролей через социальное взаимодействие (социализация). Принятие роли, наблюдение за другими и подражание им. Актор активно пытается понять свою роль в ситуации, выбрать роль, играть эту роль, убедить других поддержать эту роль. Индивиды интерпретируют и «пересобирают» свои роли.
Структурная ролевая теория	Р.Бет, М.Мендел	Социальная структура как устойчивая организация совокупности людей влияет на роль индивидов. Акцент на социальном

[185] Parsons T. The Social System. – Routledge, 1951.
[186] Sarbin T. R., Allen, V. R. Role theory. In: Lindssay, G. & Aronson, E. (Eds.) The handbook of social psychology. – Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1968.
[187] Kelley H.H., Thibaut J.W. Interpersonal relations: A theory of interdependence, 1978.

		окружении индивида. Индивиды социализируются в уже существующие роли.
Организационная ролевая теория	Н.Гросс Р.Кан	Изучение ролей в формальных иерархических организациях. Акцент на нормативности.
Когнитивная ролевая теория	М.Шериф А.Келли	Отношение между ролевыми ожиданиями и поведением человека. Ролевые игры, групповые нормы, предвосхищающие результаты.

Источник: составлено автором на основе: Biddle B.J. Recent Developments in Role Theory // Annual Review of Sociology. – 1986. – Vol. 12. – P. 67–92.

Теория ролей в международно-политических исследованиях

В чем состоит интерес социологической теории ролей для международно-политических исследований, объектом которых являются государства?

Государства по своей механистической сути могут быть представлены в качестве обширных социальных групп, состоящих из индивидов. Представляется, что лица, принимающие решения (ЛПР), политики и дипломаты не могут абстрагироваться от окружающего их социального мира, в то время как внешнеполитический курс государства строится на основе решений, принятых конкретными людьми, функционирующими в контексте общественных отношений и имеющими собственное восприятие и логику, не всегда являющуюся идеально рациональной[188]. В этой связи П.А.Цыганков считает, что применение социологического подхода к международным отношениям является важным полем для исследований[189]. Так, теория двухуровневой игры Р.Патнэма иллюстрирует связь внутригосударственных и международных взаимодействий между государствами[190], а идея о том, что когнитивные установки, психологические факторы и подверженность предвзятостям влияют на международные отношения, лежит в основе бихевиорализма[191].

Таким образом, метафора театра и роли может накладываться не только на мир людей («весь мир – театр, а люди в нём – актеры»), но и на «мир

[188] Hudson V. M. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations // Foreign Policy Analysis. – 2005. – Vol. 1. No. 1. – P. 1-30.
[189] Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М.: Радикс, 1994.
[190] Putnam R. D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. – 1998. – Vol. 42. No. 3. – P. 427–460.
[191] Easton D. Introduction: The Current Meaning of Behavioralism. Political Science — Philadelphia: American Academy of Political and Social Science, 1962.

государств» («весь мир – иерархия, а государства в нём – акторы») (см. таблицу 1.2.3.).

Таблица 1.2.3. Сущность роли в театральном искусстве, социологии и теории международных отношений

	Театр	**Социология**	**Теория международных отношений**
Актор	Актёр	Индивид	Государство (представленное ЛПР)
Материальные ограничители	Размер сцены	Национальное законодательство	Международное право
Нематериальные ограничители	Структура повествования произведения: задумка драматурга	Структура общества: неписаные нормы, ожидания	Структура международных отношений: анархия, иерархия
Абстрактное определение роли	Роль – это относительно стабильный образец поведения актора, имеющего собственную идентичность, в какой-либо сфере или в отношении с контрагентом с учетом своего статуса, который формируются комплексом субъективных представлений и внешних – материальных и нематериальных – ограничителей, а также возможностей		

Источник: составлено автором.

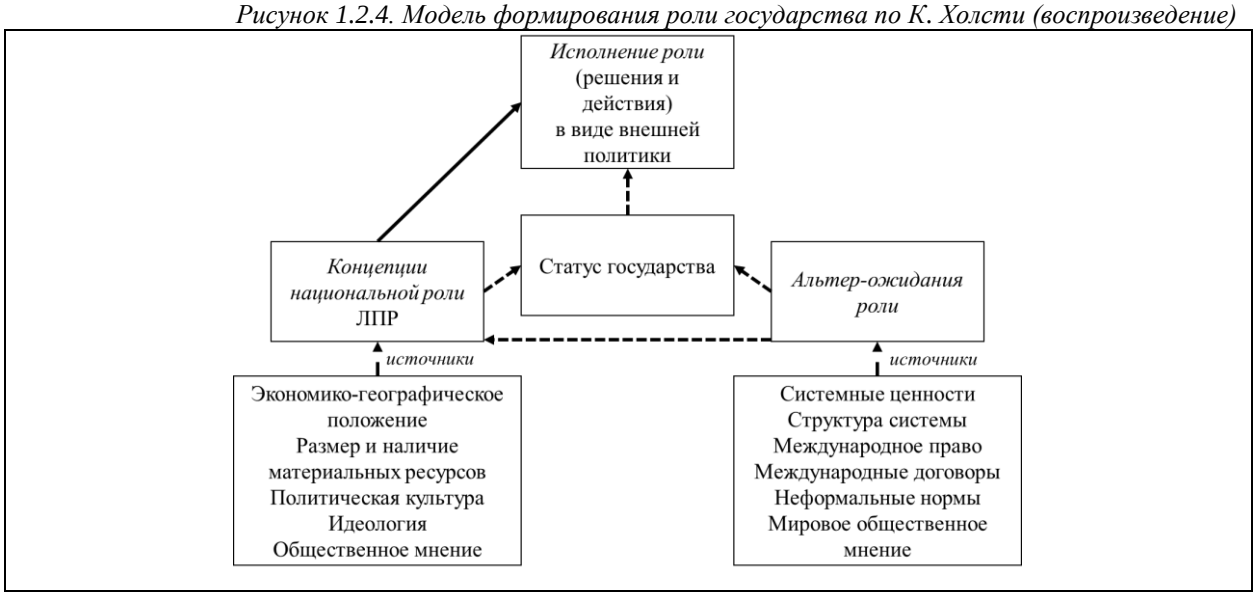
В этой связи одним из рабочих определений (внешнеполитической) **роли государства** может быть следующее: *(Международно-политическая) роль государства – это относительно стабильный образец поведения государства, имеющего собственную политическую культуру, в какой-либо функциональной сфере международного сообщества или в отношении с другими государствами с учетом своего статуса в международной иерархии, который формируется комплексом субъективных представлений лиц, принимающих решения, и внешних ограничителей и возможностей (ожиданий других стран, норм, состояния мирового порядка и т.д.) в конкретный период времени.*

Как отмечает исследователь международно-политических ролей государств М.Брейнинг[192], первой системной попыткой переноса концепта роли в теорию международных отношений для определения внешнеполитического поведения государств принадлежит классику К.Холсти, который предложил собственную модель формирования международной роли

[192] Breuning M. Role Theory in Politics and International Relations // The Oxford Handbook of Behavioral Political Science. – 2019.

государства, включающую шесть отдельных взаимосвязанных и влияющих друг на друга элементов (см. рисунок 1.2.4.).

Рисунок 1.2.4. Модель формирования роли государства по К. Холсти (воспроизведение)

Источник: Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. – 1970. – Vol. 14. No 3. – P. 233-309.

К.Холсти в своем труде представил термин «концепции национальной роли» (national role conceptions), означающие «собственную интерпретацию лиц, принимающих решения (ЛПР), действий, обязательств, правил и решений, применимых к их государству, а также функции (если таковые имеются), которые их государство должно выполнять на постоянной основе в международной системе или в подчиненных региональных системах. Они заключаются в «представлениях» ЛПР о приемлемых ориентациях или функциях своего государства по отношению к внешней среде или внутри нее[193]».

Так как роль государства определяется не только концепциями ЛПР, но и ожиданием со стороны международного сообщества, модель формирования роли государства в контексте международной политики по К.Холсти называет первые факторы, основанные на имеющихся ресурсах, *эго-стороной международной роли*, а вторые, структурно-системные, – её *альтер-стороной*

[193] Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. – 1970. – Vol. 14. No 3. – P. 233-309.

(alter's role prescriptions). Сам автор не осуществлял ранжирование источников эго и альтер-сторон международной роли, однако уместно расположить их в порядке от наиболее фундаментальных и статичных (экономико-географическое положение, системные ценности и структура) до наиболее конъюнктурных (национальное и мировое общественное мнение, соответственно).

Таким образом, на концепции национальной роли ЛПР влияют альтер-ожидания роли; при этом обе, в свою очередь, формируются на основании материальных и нематериальных источников (они же – ограничения и возможности) и принимают форму в виде исполняемой роли.

Важно отметить, что роль и идентичность – нетождественные понятия и в теории ролей в рамках международных отношений. Однако, так как наблюдателю видно лишь поведение актора (роль), о содержании идентичности государства как кантовской «вещи-в-себе» можно только догадываться. Вместе концепции и альтер-ожидания закрепляют конкретную роль государства на международной арене, проявляющейся в комплексе решений и действий (role enactment). М.Хербут считает необходимым дополнить указанную модель внутриполитическим уровнем, в рамках которого происходят обсуждения и столкновения по поводу формируемой роли государства, как бы напоминая, что внешняя политика государства всегда формируется в процессе борьбы и на основе консенсуса внутренних групп интересов[194]. Говоря о конкретном содержании ролей, К.Холсти удалось, используя официальные заявления политиков высшего уровня 71-го государства, в конце 1960-ых – самый разгар холодной войны, идентифицировать 17 «идеальных» международно-политических ролей государств[195], а именно:

(1) государство-освободитель и оплот революции,

[194] Herbut M. The Application of Role Theory in Explaining the Policies of Small States. In: Georgia and Moldova in the Context of Russian Imperialistic Foreign Policy. – Publisher: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2017.
[195] Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. – 1970. – Vol. 14. No 3. – P. 233-309.

(2) региональный лидер,
(3) государство-региональный защитник,
(4) активное независимое государство,
(5) государство-приверженец движению освобождения,
(6) антиимпериалистический агент,
(7) защитник веры,
(8) медиатор-интегратор,
(9) партнер по региональной подсистеме,
(10) государство-спонсор развития,
(11) государство-«мост»,
(12) верный союзник,
(13) независимое (неприсоединившееся) государство,
(14) государство-«пример»,
(15) государство, ориентированное на внутреннее развитие,
(16) государство-изолят,
(17) государство-протеже.

Таким образом, К.Холсти впервые теоретически осмыслил акторное наполнение международной роли («роль – это то, как государство видит себя на мировой арене»). Стоит отметить, что, с одной стороны, представленный перечень носит достаточно исчерпывающий характер на глобальном уровне анализа, так как функциональное наполнение данных ролей отражает все статусные иерархические категории государств, начиная от сверхдержав до микрогосударств, тем не менее, с другой стороны, наблюдаются различные основания формализации выявленных ролей. Так, например, (1), (5) и (6) одновременно имеют диффузный характер и ярко выраженный идеологический отпечаток Холодной войны, в связи с чем не могут использоваться в современных условиях, в то время как (8), (10), (11), (15) сосредоточены на специфической цели (специфические роли), а (4) и (16) характеризируют в первую очередь степень активности и вовлеченности государства в международные дела.

В целом, интуитивно понятно, что лидеры государств, делая подобные заявления, склонны отражать комплексную оценку своей страны в межгосударственных отношениях и подчеркивать черты внешней политики, которые не обязательно являются сравнимыми, более того, они могут

противоречить друг другу. Примечательно, что некоторые роли характерны только для конкретных категорий государств, потому как неразрывно связаны с их определяющими характеристиками (например, (1) – только великие державы, или (17) – только малые государства), но некоторые роли могут быть релевантными для одних и тех же государств даже при их формальной несовместимости, но с учетом контекста (например, в случае с Израилем, который является верным союзником (12) в контексте взаимодействия с США, но государством-изолятом (16) в сфере региональной интеграции и взаимодействия с непосредственными соседями). Как отмечает сам К.Холсти, роль государства проявляется в контексте конкретного набора взаимодействий и редко имеет глобальный и исчерпывающий характер. В этой связи он проводит анализ несовместимых ролей, логика которых формально делает невозможным их соблюдение без появления межролевого конфликта.

Справедливости ради, как и в социологии, роли государства могут накладываться друг на друга в зависимости от того, с каким контрагентом и в какой конкретной сфере осуществляется его взаимодействие. Так, например, исследователь В.А.Смирнов на примере стран Балтии, используя сочетание акторного наполнения роли (*официальные позиции ЛПР, «роль – это то, как государство видит себя на мировой арене»*) и поведенческого *(«роль – это только наблюдаемое поведение государства»*) выделил три роли политических элит малых государств – «посредник», «привратник» и «миссионер» и восемь ниш – «свободный порт», «оффшор», «страна-транзитер», «мост»; «буфер», «форпост»; «агитатор» и «эксперт», которые малые страны могут занимать в соответствии с одной из избираемых функций в качестве главной – торговли, обороны или идеологии[196]. М.Гензель и М.Мёллер при анализе акторного наполнения роли Индии как одного из ведущих государств в период 2000-2012 гг. выделили такие роли, как «великая держава», «государство внутреннего развития», «государство-спонсор

[196] Смирнов В.А. Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Балтии) // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 6 (45). – С. 135-145.

развития», «региональный интегратор», «защитник развивающихся стран», «активное независимое государство», «государство с моральной силой», «государство-пример развития либеральных институтов» и «покровитель демократии»[197]. М.Брейнинг на основе парламентских дискуссий в Нидерландах, Бельгии и Великобритании в сфере предоставления иностранной помощи и содействия развитию концептуализировала роли «хорошего соседа», «активиста», «торговца» и «серого кардинала» (power broker)[198].

Следует, однако, признать, что комплекс накладываемых друг на друга ролей в совокупности может определять идентичность государства на мировой арене, и гипотеза о том, чем оно меньше (периферийнее или более зависимое), тем более явно при прочих равных эта идентичность будет проявляться в связи с ограниченностью внешнеполитических векторов – представляется весьма состоятельной. В этой связи методологически важным является разделение главной роли (master role) и вспомогательных ролей (auxiliary roles)[199]. Частично это подтверждается заключением М.Гензель и М.Мёллер о том, что такое крупное и влиятельное государство, как Индия, имеет целый комплекс ролей в различных подсистемах и уровнях функционирования[200].

Следует отметить, что модель формирования роли государства по К.Холсти соответствует структурной ролевой теории в социологии, так как отвечает на вопрос, как государства вписываются в существующие роли, определенные структурой. В противовес структурной теории МакКорт заимствует теорию *символического интеракционизма* из социологии в

---

[197] Hansel M., Möller M. Indian Foreign Policy and International Humanitarian Norms: A Role-Theoretical Analysis // Asian Politics & Policy – 2015. – Vol. 7. No. 1. – P. 79-104.

[198] Breuning M. Words and Deeds: Foreign Assistance Rhetoric and Policy Behavior in the Netherlands, Belgium, and the United Kingdom // International Studies Quarterly. – 1996. – Vol. 39. No. 2. – P. 235-254.

[199] Thies C. The United States, Israel, and the Search for International Order: Socializing States. – New York and London: Routledge, 2013.

Wehner L.E. Role Expectations As Foreign Policy: South American Secondary Powers' Expectations of Brazil As A Regional Power // Foreign Policy Analysis. – 2014. – Vol. 0. – P. 1-21.

[200] Hansel M., Möller M. Indian Foreign Policy and International Humanitarian Norms: A Role-Theoretical Analysis // Asian Politics & Policy – 2015. – Vol. 7. No. 1. – P. 79-104.

попытке объяснить Суэцкий кризис между Великобританией и США как столкновении ролей «увядающей великой державы» и «лидером Запада»[201]. В этой связи важным представляется концептуализация таких понятий как применение роли Другого на себе (role-taking), формирование собственной роли (role-making), а также убеждение Других в правильности своего определения роли (alter-casting)[202]. Вместе с тем данная модель не в полной мере учитывает то, как международно-политические роли могут различаться по уровню масштаба (глобальные, региональные и локальные), степени конструктивности или деструктивности (в частности, акторное наполнение ролей совершенно исключает идентификацию деструктивности, так как официальные лица государств не будут признавать деструктивность их политического курса даже при наличии явных свидетельств), а также значимости в зависимости от референтного объекта. Кроме того, она не объясняет, почему государства, имеющие примерно сопоставимые материальные ресурсы и статус, могут отличаться по поведению.

В этой связи, принимая во внимание возможность множественного проявления международно-политических ролей у одного государства, а также необходимость построения такой аналитической модели, которая была бы применима для всех государств в рамках единой мировой системы, целесообразным представляется применение типологии ролей, основанной на двух осях, одна из которых отражает референтный объект, а другая – сферу взаимодействия или проблематику. Референтный объект может быть представлен *глобальным уровнем*, *региональным уровнем* (географическим или геополитическим) или *государством В*, на уровне которых (или для которого) государство А играет значимую роль в определенной сфере международного взаимодействия. Сфера международного взаимодействия представляет собой конкретную проблематику, которая является значимой

[201] McCourt D. M. The roles states play: a Meadian interactionist approach // Journal of International Relations and Development. – 2011. – Vol. 15. No. 3. – P. 370–392.
[202] Nicholls D.H. Roles and locations in relational hierarchies: imperial role-authority order in Cold War Latin America // International Politics. – 2022.бу

для референтных объектов и является достаточно институализированной. Гипотетическое отражение набора международно-политических ролей представлено в таблице 1.2.4.).

Таблица 1.2.4. Типология международно-политических ролей для глобальных компаративных сравнений

Гипотетический набор международно-политических ролей Государства А				
№	**Сфера м/н взаимодействия**	*Референтый объект*		
		Глобальный (м/н сообщество)	**Региональный (партнеры или соседи)**	**Диадный (Государство В)**
1	**Экономическая**	Глобальный драйвер экономики		Партнер по торговле
2	**Энергетическая**	Поставщик углеводородов		
3	**Экологическая**	-	Образец устойчивого развития	-
4	**Финансовая**	-	Региональный финансовый центр	Инвестор
5	**Демографическая**	Поставщик демографических ресурсов		-
6	**Культурная**	-	-	-
7	**Морская**	Глобальный узел		Транзитёр
8	**Военная**	-	-	Локализатор военных баз/ военный союзник
	…			
Источник: составлено автором				

Среди возможных сфер международного взаимодействия могут быть выделены как исторически важные подсистемы мировой политики, такие как экономическая, военная, энергетическая, демографическая, так и более специфические, например, космическая, образовательная, правоохранительная и другие, являющиеся важными сферами взаимоотношений и противоборства различных сил и интересов[203]. При данном подходе на пересечении двух осей могут быть идентифицированы значимые роли, которые играет государство А на глобальном, региональном или локальном уровнях в конкретной сфере взаимодействия. При этом для того, чтобы считать роль государства А **значимой**, следуя принципу реляционности, она должна быть ярко выраженной по сравнению с другими контрагентами – всеми государствами на глобальном уровне, соседями в региональном разрезе или всеми государствами для конкретного государства В. Например, государство А играет роль глобального драйвера экономики на обоих уровнях, если по сравнению с другими государствами оно занимает

[203] Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – 456 с.

первые позиции по таким параметрам, как размер и рост ВВП, объем рынка, участие в интеграционных процессах и т.д. Причем для государства В в данной сфере оно может играть значимую роль партнера по торговле по сравнению с другими государствами. Важно отметить, что, так как в данной типологии отражаются только значимые роли, они могут быть либо «со знаком плюс» (лидеры), либо «со знаком минус» (аутсайдеры) и представлять контрарные понятия, например, инвестора и заёмщика; донора и реципиента; драйвера и ингибитора и т.д., являться *конструктивными* («ядерный зонтик», «защитник», «полицейский»), так и *деструктивными* («изгой», «источник бедности», «дестабилизатор»). Дополнительно для диадного уровня для концептуализации ролей может использоваться *тип отношений* на основе концепции значимого Другого (например, союзник, партнер, конкурент, враг) или спектр ведущий-ведомый (аналог диады «руководитель-подчиненный» для неформальных структур). Если же роль не является значимой, она не отражается в типологии. Так, например, государство А не играет значимой роли в военной сфере на глобальном или даже региональном уровне, но, например, имеет на своей территории военную базу государства В, а значит, в рамках дискурса военной сферы мировой политики, будет играть значимую роль для государства В. При этом важно осознавать соотношение между значимостью роли государства А для глобального и регионального уровня и классом государства В (великое, среднее, малое). Наконец, следует оговориться, что параметры, на основании которых возможно сделать выводы о значимости конкретных ролей, могут операционализироваться по-разному и определяться задачами исследователя. Так, например, сфера международной безопасности может включать в себя такие направления взаимодействия, как военное сотрудничество, борьба с терроризмом, нераспространение оружия массового поражения, а значит конкретные государства могут играть несколько ролей даже в рамках одной сферы взаимодействия. Однако при

любых обстоятельствах главным является следование принципу реляционной значимости ролей для референтных объектов.

Как представляется, подобная модель типологизации международно-политических ролей государств не только является применимой для всех суверенных государств, но также отражает социологические основания теории ролей, так как идентифицированные роли содержат в себе элемент признания со стороны референтного объекта. Также релевантность предлагаемой модели подтверждается возможностью расположить в ней роли, выделенные К.Холсти, В.А.Смирновым, М.Брейнинг и другими исследователями в своих работах.

Важно отметить, что предлагаемая концептуализация не является единственным способом определения международно-политических ролей; кроме того, также возможно использование концепции роли в качестве стартовой точки для определения статуса самого государства – как суммы наблюдаемых ролей (см. столбчатая модель международной иерархии на стр. 59[204]).

Статус как звено между теорией ролей и международной иерархией

В рамках концепции международной иерархии и ролевой теории наблюдается несколько пересекающихся понятий. При этом статус, как представляется, имеет особое значение для системного понимания внешнеполитической деятельности категорий государств. В концептуальной рамке формирования международных ролей государств К.Холсти статус занимает не последнее место, так как в социологии, как он отмечает, статус является статической характеристикой роли, а роль – динамической характеристикой статуса. Вместе с тем автор не уделил значительного внимания аналитическому наполнению статуса в своей концептуальной схеме, однако отметил, что на фоне стратификации международной системы такие

[204] Несмашный А.Д., Жорнист В.М., Сафранчук И.А. Международная иерархия и функциональная дифференциация государств: результаты экспертного опроса // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №15(3). – С. 7-38.

термины, как «великая держава» или «средняя держава», хотя не обязательно указывают на то, каким влиянием обладают государства, тем не менее они предполагают отражение приблизительного статуса государства[205].

Вопреки узкому толкованию статуса в качестве исключительно порядкового ранга в иерархии (например, положение, соответствующее номеру в ряду государств по степени их экономического развития), статус, хотя и является интуитивно понятным феноменом, тем не менее имеет комплексный и сложный характер, определяемый комбинацией материальных и идеационных параметров[206]. Так, в рамках теории международных стратегии достижения статуса (status-seeking) представляют отдельное исследовательское поле. Р.МакНамара суммирует основные характеристики статуса в международной иерархии[207]: во-первых, он носит социальный характер, а значит не определяется сугубо материальными характеристиками; во-вторых, носит интерсубъективный характер, так как строится на системе коллективных представлений о ценностных атрибутах (богатство, возможности принуждения, культура, показатели демографии, социо-политическая организация, дипломатический вес[208]); в-третьих, статус представляет собой клубные блага, что определяет ненулевую сумму в отношениях между контрагентами (достижение статуса одним государством не умаляет статус другого государства автоматически); наконец, в-четвертых, ожидается, что высокий статус вызывает уважение у контрагентов, имеющих более низкий статус. Как отмечают Д.Ларсон и А.Шевченко, уважение может проявляться в соблюдении сфер влияния, признании безопасности, институтов и процветания, а также таких нематериальных благ, как нормы и идеология[209].

---

[205] Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. – 1970. – Vol. 14. No 3. – P. 233-309.
[206] MacDonald P. K., Parent J. M. The Status of Status in World Politics // World Politics. – 2021. – Vol. 73. No. 2. – P. 358–391.
[207] McNamara R. The Status of Status in International Relations. Western University, 2022.
[208] Larson D.W., Paul T.V., Wohlforth W.C. Status and World Order. In: Status in World Politics, ed. by T.V. Paul, D.W.Larson, and W.C.Wohlforth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
[209] Larson D.W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to US Primacy // International Security. – 2010. – Vol. 34. No. 4. – P. 63-95.

Согласно теории рационального выбора, государства при прочих равных заинтересованы в увеличении собственного статуса, так как это позволяет им более эффективно достигать собственные национальные интересы и повысить собственную репутацию на международной арене.

Вместе с тем, важно различать между *функцией*, с одной стороны, и *статусом, а также ролью* государства, с другой стороны. Иногда они могут совпадать – например, статус сверхдержавы может также являться и ролью, и функцией. Однако более верным представляется использование концепта функции в рамках структурно-функционального подхода для отражения общесистемного значения государства для всей структуры в целом, поэтому функция будет скорее являться единичной для одного государства. В свою очередь, конкретная роль обязательно включает в себя социологическую подоплёку, то есть ожидания со стороны контрагентов, и может являться составной частью более широкого набора ролей для одного государства[210]. Наконец, роль подразумевает деятельное целеполагание, в то время как функция главным образом накладывается на государство в связи с характеристиками общей структуры. Однако некоторые авторы отмечают, что роли также могут быть навязанными, например роль государств-изгоев[211].

Принимая во внимание, что структурное разделение на категории государств сохраняется на всех этапах развития международных систем, – иными словами, в любой промежуток времени будут существовать великие, средние и малые державы; статус и роли конкретных государств, в свою очередь, никогда не будут являться полностью статичными, а их состав – постоянным. Так, например, на протяжении истории число великих держав то увеличивалось (объединение Германии и Италии), то уменьшалось (распад Австро-Венгрии и поражение Швеции в Северной войне), а на время биполярного противостояния и появления отдельной категории двух

[210] Holmes J. Is There a Future for Middlepowermanship? Canada's Role as a Middle Power. – Toronto: Canadian Institute of International Affairs, 1966.
[211] Harnisch S. Role theory Operationalization of key concepts In: Role Theory in International Relations. Approaches and analyses, 2011. 322 p.

сверхдержав – СССР и США – их значимость даже несколько ушла из фокуса политического и академического внимания.

Итак, в то время как *динамику роли* при прочих равных следует рассматривать в горизонтальной плоскости, т.е. с учетом имеющихся национальных концепций и внешних перцепций, она может проявляться в изменении цели внешней политики, программы внешней политики, степени и масштаба внешнеполитических действий, а также международной ориентации[212] – каждое из которых знаменуют более весомую трансформацию по сравнению с предыдущим типом изменения, но не подразумевает качественного нового уровня, *динамика статуса*, в свою очередь, просматривается, прежде всего, в вертикальном разрезе и может быть как нисходящей, так и восходящей, а также зависеть как от внешних факторов (структурных и действий других акторов), так и внутренних, которые принимают форму **стратегий**, избираемых государствами. Стратегии в том числе помогают понять специфику трансформации ролей государств.

При этом основные стратегии, выделяемые современными исследователями, которые государства могут использовать для повышения своего статуса могут подразделяться на четыре условных подхода – социально-психологический, рационалистский, конструктивистский и исходящий из неподвижности статуса (status immobility)[213]. Стратегии в рамках *социально-психологического подхода* расширяют логику теории ролей и избираются государствами в зависимости от их представлений о проницаемости границ элитной группы, членами которой они стремятся стать, а также с учетом стабильности и легитимности данной статусной иерархии. В этой связи государства могут придерживаться *стратегии подражания* ценностям и практикам группы государств с более высоким статусом с целью получения доступа в группу (границы открыты, иерархия – легитимна),

[212] Hermann C. F. Changing Course: When Governments Choose to Redirect Foreign Policy // International Studies Quarterly. – 1990. – Vol. 34. No. 1. – P. 3-21.
[213] McNamara R. The Status of Status in International Relations. Western University, 2022.

стратегии конкуренции – для того, чтобы сравняться с членами доминирующей группы или превзойти их в ценностном измерении (границы закрыты, иерархия – нелегитимна) или *стратегии креативности* –для трансформации статусных показателей воспринимаемых сообществом, которая может проявляться в переоценке негативной коннотации статусных характеристик, или определении такого измерения функционирования, в котором государство с более низким статусом может превосходить другие (границы закрыты, иерархия – легитимна)[214]. *Рационалистский подход* делает акцент на таких понятиях, как «тревога по поводу статуса» (status anxiety) и «неудовлетворенность статусом» (status dissatisfaction), которые приводят к *инициированию конфликтов* испытывающими их государствами с целью изменения представлений своих контрагентов об их месте в иерархии[215]. *Конструктивистский подход* ставит во главу угла признание идентичности государства на международной арене со стороны своих контрагентов. При несостоятельном признании (misrecognition) как несоответствии между тем, как государство воспринимает и конструирует свою собственную идентичность и тем, как его контрагенты представляют и воспринимают данное государство, оно будет стремиться укрепить свою идентичность так называемыми практиками признания (recognition practices), среди которых исследователями выделяются *голос великодержавности* (увеличение роли в управлении международными делами), *образцовая военная мощь* (развитие военного потенциала, способного демонстрировать мощь на международном уровне) и *формирование сфер влияния* (выстраивание асимметричных отношений с более слабыми государствами). Подобные стратегии на фоне неуважительных практик (experience of disrespect) контрагентов и отрицания ими статуса (status denial) конструируют такое государство в качестве

[214] Larson D.W., Shevchenko A. Quest for Status: Chinese and Russian Foreign Policy. – New Haven: Yale University Press, 2019.
[215] Renshon J. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. – Princeton: Princeton University Press, 2017.

ревизиониста[216]. Наконец, *подход, исходящий из того, что статус является неподвижным*, в первую очередь подчеркивает дестабилизирующий характер стратегий государств, которые осознают, что не могут играть по сложившимся правилам игры, так как их статус не является структурно справедливым (structurally unjust). При этом неудовлетворенность государством своим статусом может выражаться как в разрезе распределения ресурсов (территория, богатство, влияние и т.д.), так и по поводу норм, правил, институтов или взаимоотношений, сложившихся в системе. В этой связи в рамках подхода выделяются три стратегии: *распределительного ревизионизма* (политические шаги, направленные на достижение более справедливого распределения материальных, экономических или социальных ресурсов при сохранении существующих норм), *нормативного ревизионизма* (политические шаги, направленные на изменение нормативной базы иерархии при сохранении распределения ресурсов), а также *радикального ревизионизма* (политические шаги, направленные на удовлетворение распределительных амбиций при несоблюдении основ порядка)[217]. Все вместе они отражают *логику отрицания* несправедливой иерархии, которая может считаться дополнением к вышеуказанному социально-психологическому подходу (см. таблицу 1.2.6.).

Таблица 1.2.6. Обзор основных стратегий государств, направленных на увеличение статуса

Подход	**Стратегия**	**Применимость для классов государств**	**Пример**
Социально-психолого-гический подход	Подражание	Малые, средние, отстающие великие	Увеличение расходов на оборону до определённого уровня
	Конкуренция	Средние, отстающие великие	Инвестирование в помощь развитию
	Креативность	Малые, средние	Развитие концепции дижитализации суверенитета
Рационалистский подход	Инициирование конфликта	Средние, отстающие великие	Военные учения на границе
Конструк-тивистский подход	«Голос великой державы»	Отстающие великие	Повышение роли в управлении международными делами
	Усиление военной мощи	Отстающие великие	Развитие военного потенциала, способного проецировать силу на международном уровне

[216] Murray M. The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers. Oxford: Oxford University Press, 2019.
[217] Ward S. Status and the Challenge of Rising Powers. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

	Формирование сфер влияния	Отстающие великие	Построение асимметричных отношений с подчиненными государствами
Подход, исходящий из того, что статус является неподвижным	Распределительный ревизионизм	Отстающие великие	Передел территории, власти, богатства, рынков, влияния
	Нормативный ревизионизм	Малые, средние, отстающие великие	Передел норм, правил, институтов или отношений
	Радикальный ревизионизм	Отстающие великие	Передел мирового порядка

Источник: на основе McNamara R. The Status of Status in International Relations. Western University, 2022.

Выделенные идеал-типические стратегии не являются универсальными, но, как представляется, их элементы так или иначе можно встретить в политическом курсе практически всех государств. Идентификация типа используемых конкретным государством стратегий позволяет углубить понимание сложившихся международно-политических ролей и раскрыть их эволюционное становление и трансформацию более полно. Кроме того, идентификация проявления конкретного типа стратегий в большей степени может говорить о доминирующем типе государства или его мотивации к изменению собственного статуса, что является еще одним измерением диверсификации государств на международной арене.

Резюмируя, важно отметить, что роль как отдельный концепт в рамках международно-политических исследований может не только ограничиваться лишь функциональным измерением («роль-в» и «роль-для»), но также может использовать достижения теории ролей в социологии, благодаря чему деятельность государств на международно-политической арене приобретает дополнительное эвристическое измерение. Как и в социологии, роль государства может рассматриваться полиаспектно: с позиции того, что от него ожидает международное сообщество в связи с его статусом; то, как государство видит себя на мировой арене; а также то, как проявляется его поведение в мировой политике. Ключевым инструментом увеличения статуса является не столько демонстрация улучшения собственных материальных показателей, сколько убеждение своих контрагентов в том, что государство способно играть более значимую роль по сравнению с другими контрагентами или собственным прошлым. Связь ролей и статуса важна и для понимания

стабильности и динамичности внешнеполитического поведения государств, так как несмотря на относительную стабильность основных материальных ресурсов в реальности наблюдается увеличение возможностей отдельных государств, не имеющих значительных материальных ресурсов, а также относительное уменьшение возможностей некоторых традиционного мощных акторов. Всё это является отражением усложнения мирового порядка и увеличения дифференциации государств и их внешнеполитических курсов.

Выводы Главы I

В результате проведения анализа подходов к категоризации суверенных государств с учетом их положения в рамках международной иерархии сделан вывод о том, что по сравнению с функциональным, поведенческим и идентитарным подходами именно позиционный подход является наиболее релевантным для проведения глобальных исследований и дальнейшей идентификации динамики ролей и моделей поведения государств в мировой политике, который в целом отражает неореалистическую парадигму теории международных отношений. Позиционный подход не позволяет ответить на вопрос, почему государства, имеющие материальные ресурсы одного порядка, могут играть различные роли и выполнять непохожие функции в рамках мировой политики, но задает важную систему координат для проведения дальнейшего анализа.

В свою очередь, анализ литературы, посвященной теории ролей позволил сделать вывод о том, что теория ролей добавляет важные конструктивистский и мотивационный факторы в объяснение внешнеполитического поведения государств, которые позволяют отразить то, как разные государства вписываются в существующую иерархию или стремятся трансформировать имеющиеся или создать новые роли. Теория ролей дополняет позиционную международную иерархию индивидуальным уровнем анализа (на уровне лиц, принимающих решения), так как любое государство в реальности не является безликим «бильярдным шаром», но

представлено отдельными индивидами и социальными группами, которые являются источниками внешнеполитических решений. Наконец, сделан значимый вывод о том, что понятие функции государства не тождественно понятию роли, последнее из которых так или иначе имеет социологическое измерение и ожидания со стороны контрагентов.

ГЛАВА II.

Отличительные характеристики малых государств как отдельной аналитической категории

Во второй главе диссертационного исследования автором резюмируется современное состояние обособленного направления изучения малых государств, которое сформировалось в середине XX века. Автором систематизируются основные способы концептуализации и операционализации категории малых государств. На основе избранного в предыдущей главе позиционного материального подхода к отражению международной иерархии осуществляется классификация и кластеризация всех суверенных государств и определяется рабочий перечень малых государств для достижения дальнейших задач диссертационного исследования.

§ 2.1. Концептуализация и операционализация категории малых государств

Первый параграф второй главы диссертации посвящён обзору сложившегося в послевоенную эпоху научного аппарата изучения малых государств как объекта анализа в рамках теории международных отношений. Кроме того, в главе осуществлена систематизация способов концептуализации и операционализации категории малых государств, которые используются современными исследователями.

Малые государства как объект изучения теории международных отношений

Согласно рассмотренным в первой главе теоретико-методологическим подходам концепция международной иерархии постулирует существование категории малых держав (англ. small powers), или малых государств (англ.

small states) как отдельного класса политий в противопоставление великим державам и государствам среднего уровня[218].

Как и любая категория в рамках концепции международной иерархии, концепт «малое государство» следует рассматривать в качестве *хронотопа*, т.е. термина, который приобретает смысл только в пространственно-временном международном контексте[219] с учетом масштаба международно-политической системы (глобальный, региональный или локальный уровни) и её структурных факторов, а также на основе *принципа относительности*[220]. Иными словами, условное государство «А» является малым государством постольку, поскольку в сравнении с условным государством «Б», которое признается великим, разница между первым и вторым по фундаментальным характеристикам (включая наличие материальных ресурсов), поведению, международно-политическому статусу и выполняемым ролям является несопоставимой как по субъективным оценкам, так и объективным основаниям. При этом появление условного государства «В», которое уже является более крупным и мощным, чем государство «Б», вносит коррективы в восприятие наблюдателя, в результате чего уже государство «Б» может считаться как минимум средним. Указанный принцип относительности также осложняется его *многосоставностью*. Так, государство «А» может являться великим по сравнению с государством «Б» по военной мощи, но проигрывать по экономическим показателям. В этом случае категоризация может производиться либо по отдельным критериям в зависимости от научного интереса исследователя, либо комплексно с известной степенью сложности составления многосоставных переменных. Кроме того, одно и то же

---

[218] Здесь и далее термины «малое государство», «малая держава» и «малая страна» используются в качестве синонимов если не указано обратное.

[219] Wivel F., Thorhallsson B. Small States in the European Union: What Do We Know and What Would We Like to Know / Cambridge Review of International Affairs. – Vol. 19. No 4. – 2006. – P. 651-668.

[220] Emirbayer M. Manifesto for a relational sociology // American Journal of Sociology. – 1997. – Vol. 103. No 2. – p. 281-317.

Burton B. Problems of Smaller Territories / B. Burton. – London: University of London, 1967. – 153 p.

Qin Y. A relational theory of world politics. – Cambridge University Press, 2018.

государство может быть малым в одном измерении и средним или даже великим в другом по сравнению с остальными государствами[221].

В этой связи становится очевидным, почему великие державы всегда находились и находятся в центре внимания исследователей, так как по своему определению они являются лидерами в абсолютном большинстве измерений (сфер) международного взаимодействия, в то время как остальные категории государств исследуются сравнительно реже. Так, И.Нойманн и С.Гштёль справедливо обобщают основные причины, по которым малые государства, в частности, находятся на периферии научного дискурса. По их мнению, это происходит из-за американоцентричности теории международных отношений в целом; происхождения большинства ученых, занимающихся изучением малых государств, из самих этих стран и связанного с этим осуществления значительного числа исследований на непереводимых национальных языках, не выходящих на международный уровень; а также, что более значимо, стремления исследователей в первую очередь изучать субъекты, формирующие основы мировой политики, а не играющие второстепенные роли[222]. К вышеуказанным причинам следует добавить затруднённый доступ к эмпирической информации и официальным данным, связанными с отдельными малыми странами, или полное их отсутствие. В этой связи не лишенной релевантности следует признать замечание Г.Голдхамера о том, что количество книг, статей, монографий и других публикаций, посвященных конкретному государству в разные исторические периоды, может служить количественным показателем его мощи, статуса и положения в международной иерархии, а также степени влияния государства на международную систему[223]. Данное представление подтверждается и эмпирически. Так, при составлении запроса на портале Google Академия

[221] Dumienski Z. Political Survival and Economic Development in Microstates: The Cases of Liechtenstein, the Cook Islands and Niue. Ph.D. Thesis, University of Auckland, 2017.
[222] Neumann I.B., Gstohl S. Lilliputians in Gulliver's World? Small States in International Relations. – Centre for Small State Studies. Institute for International Affairs. University of Iceland, 2004. – 24 p.
[223] Goldhamer H. The Foreign Powers in Latin America. – Princeton: Princeton University Press, 1972. – 321 p.

(Google Scholar) по формату «"*категория государства*" international relations» с учетом всех научных трудов, когда-либо опубликованных и оцифрованных, а также доступных к индексированию по состоянию на 19.05.2024, упоминаний терминов, связанных с великими державами, более чем в 8 раз больше, чем публикаций, связанных с микрогосударствами или средними державами, а также более чем в 2 раза больше, чем упоминаний малых государств. Примечательным следует назвать многократно более частое использование термина «great powers» (великие державы) по сравнению с термином «great states» (великие государства), примерно равнозначное использование терминов «middle state» и «middle power» (средние государства и державы, соответственно), а также тренд на предпочтение использования термина «small states» (малые государства) в противовес термину «small powers» (малые державы). Имплицитно это может объясняться тем, что исследователи, изучающие великие державы, стремятся подчеркнуть их мощь, в то время как использование такого эмоционально заряженного термина, как «держава» (power) может восприниматься в качестве оксюморона, так как при малом размере/влиятельности говорить о «державности» не является состоятельным. Государства/ державы среднего уровня в этом смысле представляют компромисс (см. рисунок 2.1.1.).

Рисунок 2.1.1. Предпочтительность использования терминов и частота упоминаний категорий государств в научных трудах.

Источник: составлено автором с использованием портала Google Scholar [Электронный ресурс]. – URL: https://scholar.google.com/.

Основным объяснением наблюдаемой статистики следует признать распространение мнения о том, что глобальная международная система и её региональные подсистемы, а также баланс сил формируются главным образом посредством взаимодействия между великими державами, которые преследуют свои национальные интересы, имеющие более глобальный масштаб по сравнению с другими категориями политий, а значит – должны изучаться наиболее обстоятельно[224]. Кроме того, с научной точки зрения, именно на основе деятельности великих держав строятся обобщающие теории, в то время как все остальные государства признаны эти теории проверять[225].

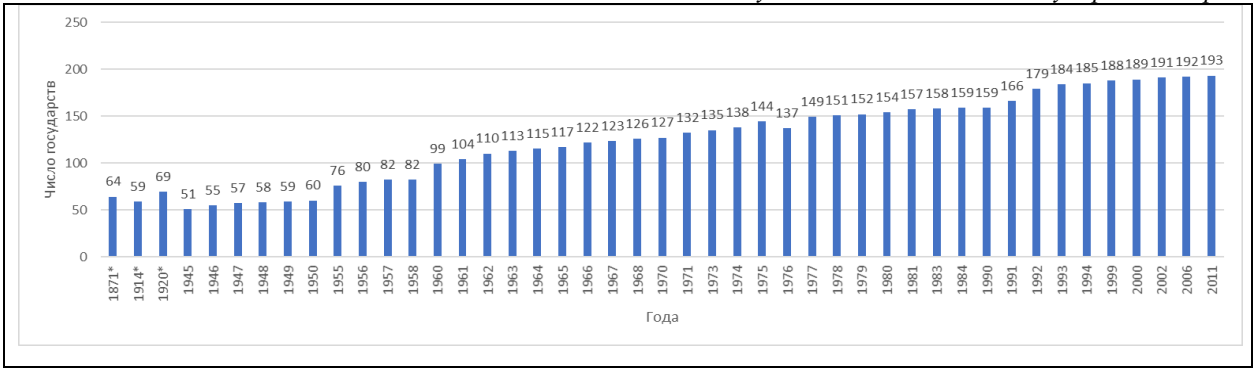
Однако, несмотря на вышеуказанные закономерности, термин «малое государство» продолжает использоваться в дискурсе отечественных и зарубежных ученых в многочисленных исследовательских работах международной[226], политико-географической[227], экономической[228], социально-демографической[229] и других направленностей. Как отмечает М.Маасс, несмотря на важность великих держав, малые государства продолжают существовать во всевозможных формах, очертаниях и размерах[230]. Используя театральную аналогию, можно отметить, что малые государства хотя и не могут определить направление развития сюжета пьесы, но могут подготовить сцену, обставить декорации и в качестве актеров второго плана сыграть значимую роль в развитии сюжета[231]. В этой связи важными

[224] Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.
[225] Corbett J., Veenendaal W. Why Small States are Beautiful // Political Insight. – 2019. – Vol. 10. No. 1. – P. 4-8.
[226] Песцов С. К. Малые государства в системе современных международных отношений: стратегия Сингапура // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2016. – Т. 18, № 3. – С. 24-38.
[227] Окунев И. Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств) / И. Ю. Окунев // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 162-174.
[228] Пилипенко И. В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с.; Katzenstein P. J. Small States in World Markets: Industrial Policy in Europe. – Cornell University Press, 1985. – 269 p.
[229] Елманова, Д. С. Типология малых стран зарубежной Европы по изменению основных демографических показателей за 2000-2015 гг / Д. С. Елманова // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания : Материалы всероссийской научной конференции "Вторые Максаковские чтения", Москва, 12 апреля 2017 года / Под общей редакцией Д.В. Зайца. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2017. – С. 151-163.
[230] Maass M. The Elusive Definition of the Small State // International Politics. – 2009. – Vol. 46. No. 1. – P. 65-83.
[231] Taulbee J., Grosvenor P.C., Kelleher A. Lesser States and Niche Diplomacy. In: Norway's Peace Policy. Soft Power in a Turbulent World. – Palgrave Macmillan New York, 2014.

являются слова Короля Иордании Абдаллы II о том, что «в XXI веке нет случайных прохожих или любопытных зевак» в контексте деятельности Иордании как малой державы на Ближнем Востоке[232].

Значимой причиной усиления необходимости более пристально анализировать вклад различных малых государств в современную систему международных отношений является общее *увеличение числа* суверенных государств начиная с середины XX века на фоне процессов деколонизации, распада империй и неустойчивых федераций, а также активизации национально-освободительных движений при уменьшении среднего физического размера государств[233]. Фактически, только примеры объединения Германии и Италии в конце XIX века знаменуют собой периоды значительного уменьшения числа государств на политической карте мира вследствие образования новых крупных государств. Действительно, если в 1945 г. первыми членами Организации Объединенных Наций полноценно стало 51 государство, к 1970 г. в ней состоит уже более 127 государств, к концу века – 188, а по состоянию на 2024 год – 193 государства[234] (см. рисунок 2.1.2.).

Рисунок 2.1.2. Рост числа государств в мире.

Источник: составлено автором на основе: Организация Объединённых Наций. Рост численности государств — членов ООН [Электронный ресурс]. – 2024. – UN.org. URL: https://www.un.org/ru/about-us/growth-in-un-membership (1945-2011 гг.); Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R. Economic Integration and Political Disintegration // The American Economic Review. – 2000. – Vol. 90. No. 5. – P. 1276-1296 (1871-1920 гг.).

[232] His Majesty King Abdullah II Ibn Al Hussein. Address by His Majesty King Abdullah II - Joint Meeting of Congress, Americans for peace now – [Electronic resource] – 2007. URL: https://archive.peacenow.org/entries/archive3512.

[233] Коломер Ж. М. Великие империи, малые нации: неясное будущее суверенного государства (Реферат) / Ж.М.Коломер // Современное государство: политико-правовые и экономические исследования. – 2010. – №2010. С. 119-137

[234] Организация Объединённых Наций. Рост численности государств — членов ООН [Электронный ресурс]. – 2024. – UN.org. URL: https://www.un.org/ru/about-us/growth-in-un-membership

Следствием вышеуказанного тезиса является тот факт, что на сегодняшний момент малые государства составляют большинство суверенных политий современной системы международных отношений, базирующейся на системе ООН. Так, средний размер государств упал с 2,3 млн км^2 в 1871 году (примерный размер современного Алжира) до 0,7 млн км^2 в 2011 году (примерный размер современной Мьянмы). Иллюстративным примером является тот факт, что последнее на данный момент принятое в ряды ООН государство, Южный Судан, присоединился к международному сообществу в 2011 году; при этом до разделения на Судан и Южный Судан, первый являлся крупнейшей по территории страной в Африке. В сущности, наибольшее число небольших по размеру политий на протяжении XX и XXI века появилось в результате распада ряда крупных государственных образований: Британской империи (всего 62 государства), Французской империи (28 государств), Испанской империи (17 государств), СССР (16 государств), Португальской империи (7 государств), Югославии (6 государств)[235]. По-видимому, следующим государством на политической карте мира и 194-ым членом ООН в 2027 году станет Республика Северных Соломоновых Островов, или Республика Бугенви́ль, в данный момент являющаяся автономным регионом Папуа — Новой Гвинеи, 98% жителей которой на референдуме в 2019 году проголосовали за независимость, а власти Папуа — Новой Гвинеи согласились с волеизъявлением народа[236].

Складывание глобальной системы международных отношений после Второй мировой войны и провозглашение формального равенства государств в рамках системы ООН приводят к тому, что в академической среде начиная с середины XX века в рамках теории международных отношений постепенно складывается отдельное направление изучения малых государств, или как

[235] Guinness World Records. Most countries to have gained independence from the same country [Electronic resource]. – 2024. – Guinness World Records Limited 2024. URL: https://www.guinnessworldrecords.com/world-records/most-countries-to-have-gained-independence-from-the-same-country

[236] Bougainville to vote on whether to become world's newest country // Aljazeera. – 2019. – URL: https://www.aljazeera.com/news/2019/11/20/bougainville-to-vote-on-whether-to-become-worlds-newest-country

отмечают некоторые авторы, отдельная школа[237], объектом которых является всё многообразие политий, так или иначе обладающих характеристиками, связанными с малостью, которая, впрочем, может концептуализироваться достаточно широко, что определяет её плюралистический характер[238]. Её единицами анализа могут являться как мельчайшие зависимые территории, имеющие минимальную степень автономности, так и отдельные крупные государства, отвечающие критериям Конвенции Монтевидео 1933 года[239], но заметно отличающиеся отдельными характеристиками по сравнению с другим политиями в меньшую сторону.

Что, в сущности, представляет из себя прилагательное «малый» в рамках теории международных отношений? Простейшим способом определить значение термина является использование отрицательного определения, т.е. указание на то, чем малые государства не являются. В таком случае под малыми государствами подразумеваются любое государство, которое не является великим государством, однако подобный подход не несет в себе никакой эвристической ценности, а скорее является уходом от ответа на вопрос[240]. Исходную точку для понимания любого термина следует искать в корпусе языка и словарях с целью идентификации устоявшихся случаев употребления слова, использование которого вызывает конкретный набор ассоциаций в процессе коммуникации. Так, толковый словарь Даля дает следующие определения слову «малый»: небольшой, невеликий; короткий, низкий; узкий, тесный; молодой, недоросший; негодный по короткости своей; малозначащий, неважный, незначительный, пустой, ничтожный, не стоящий внимания[241]. Словарь Ожегова выделяет четыре значения слова: 1. То же, что

---

[237] Новикова И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – №3. – С. 219 – 242.

[238] Wivel A., Baldacchino G. Small States: Concepts and Theories. In: Handbook on the politics of small states. / A. Wivel, G. Baldacchino. – Edward Elgar Publishing, 2020. – 448 p.

[239] Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. [Electronic resource] UN, 1933. – URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf

[240] Vital D. The Survival of Small States: Studies in Small Power/Great Power Conflict. – L.: Oxford University Press, 1971.

[241] Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. – URL: https://slovardalja.net/word.php?wordid=15390

маленький. 2. Недостаточный по размеру, узкий, тесный. 3. То же, что малолетний. 4. Нечто немногое или незначительное[242]. Однако, как представляется, наиболее полно оттенки значений различает современный Большой толковый словарь русского языка Кузнецова[243], который уточняет вышеуказанные значения, предлагая семь смысловых категорий слова, четыре из которых представляют наибольший интерес: 1. Незначительный по величине, размеру, росту, длине и т.п. 2. Незначительный по силе, степени проявления. 3. Не имеющий существенного значения. 4. Занимающий невысокое общественное или служебное положение. В этой связи, используя прилагательное «малый» по отношению к конкретному государству, можно подчеркивать его малый физический (географический) размер, недостаточность какой-либо проявляемой характеристики, незначительность или зависимость. Стоит отметить, что таким же образом в этой связи М.Маасс в английском языке предлагает различать термины «small country» и «little state», употребляя первый для того, чтобы подчеркнуть малое государство как политико-географический термин, отражающий его материальные ресурсы (первое и второе значения) и второй для акцента на его политическом весе в рамках теории международных отношений (третье и четвертое значения)[244]. Учитывая семантику русского языка, такое разделение может быть отражено в дихотомии, связанной скорее с существительным, нежели прилагательным – *«малая страна»* и *«малая держава»,* соответственно, в то время как «малое государство» может отражать все значения (см. таблицу 2.1.1.).

Таблица 2.1.1. Соотношение между терминами «малая страна», «малая держава» и «малое государство».

<table>
<tr><td rowspan="2">физи-ческий размер</td><td>микро государство</td><td colspan="2">небольшое государство (малая страна)</td><td>государство среднего размера</td><td>крупное государство</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="3">малое государство</td></tr>
<tr><td>степень влияния</td><td colspan="2">малая держава</td><td>средняя держава</td><td>великая держава</td><td>сверх держава</td></tr>
</table>

Источник: составлено автором.

[242] Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13787
[243] Большой толковый словарь русского языка Кузнецова [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%B9
[244] Matthias M. Small States as Small Countries and Little States, 2008

При этом актуальность и релевантность выделения категории малых государств в качестве обособленного поля исследований подтверждается тем фактом, что она не является тождественной с понятиями слабости, несостоятельности, зависимости или периферийности. М.Гендель еще в 1981 году в своей аналитической конструкции отметил параллельность двух диапазонов «слабые государства – сильные государства» и «минигосударства – сверхдержавы», которые в начале и в конце практически совпадают друг с другом, но чем ближе к середине, тем теснее переплетаются[245]. Из этого следует вывод, что мельчайшие микрогосударства мира действительно являются слабейшими участниками международных отношений, а крупнейшие сверхдержавы представляют собой сильнейшие акторы, и у большинства исследователей не возникает вопросов по наполнению данных категорий. Однако с малыми государствами и средними державами ситуация обстоит иначе, так как не все малые государства являются слабыми или невлиятельными, как и не все слабые и невлиятельные государства являются малыми. Установление тождественности между данными понятиями привело бы к упрощению реальной действительности, так как сила и мощь государства, а также его периферийность и состоятельность, с одной стороны, частично объясняются размером и экономико-географическим положением, а не наоборот, но при этом не полностью ими детерминируются. Иными словами, наблюдается поссибилизм[246].

Кроме того, важно отметить, что параметр мощи государства усложняется, если разбивать её на потенциальную и актуализируемую (кинетическую). В этом случае к идеальным типам малых/ слабых и великих/ мощных государств добавляются «великие-по-потенциалу», но избирающие стратегию поведения малых держав (например, изоляционизм США в период до Первой мировой войны) или «малые-по-потенциалу», но избирающие

[245] Handel M. Weak States in the International System. – London: Frank Cass and Company Limited, 1981. – 318 p.
[246] Окунев И.Ю. География международных отношений: структура и элементы мирового политического пространства // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2019. – № 13 (3). – С. 5-16.

стратегию поведения великих держав (Греция в период 1919-1922 гг. до триумфа Турции М.Ататюрка, Польша в межвоенный период, Финляндия до поражения в Зимней войне), которые, впрочем, будучи заложниками собственных прошлых представлений, которые уже не отражали существующий баланс сил, потерпели поражение, в результате чего потребовалась ребалансировка соответствующих политических курсов[247].

В научной литературе часто встречается посыл, отмеченный исследователем Р.Вяйриненом, что «малые государства – не просто крупные государства, меньшие по размеру» («Small states are not just large states writ small»)[248]. Их цели, средства и системные функции качественно отличаются от других государств. Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой малые государства знаменуют собой подтип государств, которые ничем не отличаются от любого другого государства, которое согласно теории рационального выбора будет стремиться к выживанию и улучшению положения на мировой арене всеми ему доступными средствами[249]. С этой дихотомией связано и существование многочисленных подходов к выделению отдельной аналитической категории малых государств. Их целесообразно сгруппировать в два основных подхода, условно называемых *атрибутивным* и *сущностным*, согласно которым основная характеристика всей группы – «малость» – является сопутствующей («одной из»)[250] или, наоборот, уникальной определяющей характеристикой. Так, согласно первому подходу, «малость» государства формально отражает лишь его материальные ограничения, в то время как при втором подходе «малость» государства

[247] Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.
[248] Väyrynen R. Small States: Persisting Despite Doubts. In: The National Security Problem of Small States in a Changing World edited by Efraim Inbar and Gabriel Sheffer. – L.-Portland (Or): Frank Cass, 1997.
[249] Waltz K. N. Theory of International Politics. – New York: Random House, 1979.
[250] Vital D. The Analysis of Small Power Politics // Small States in International Relations. / Ed. by August Schou and Arne Olav Brundtland. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1971.
Clarke C., Payne T. Politics, Security, and Development of Small States. – London: Allen and Unwin, 1987.
Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behaviour. Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2003.

выступает в качестве отдельной переменной анализа, которая влияет на его поведение, стратегии и роль на международной арене.

Вместе с тем, несмотря на то, что малые государства, как и средние и крупные существуют во взаимозависимом мире и во многих случаях подвержены влиянию колониального прошлого, у малых государств действительно есть некоторые отличительные особенности, как подмечает М.Брэй, и в этой связи считает необходимым группировать все особенности малых государств на три группы: 1) возникающие в равной степени как в малых, так и в крупных государствах; 2) проявляющиеся как в малых, так и в крупных государствах, но которые приобретают большее значение в малых государствах; 3) те черты, которые являются отличительными только для малых государств)[251]. Данная посылка важна для понимания сущностного подхода, представители которого, наоборот, подчеркивают особый эвристический потенциал изучения малых государств, так как их «малость» является отдельным фактором, в частности, при формировании внешнеполитического курса и его «выравнивания» с курсами больших государств. Р.Ротштейн считает, что малые государства представляют собой «нечто большее чем мини-великие державы»[252], как и Д.Вайтал, высказывающий предположение о том, что «вторичные и третьестепенные государства не являются великими державами с недостатком мощи, а нечто совершенно иным»[253].

Как отмечает Р.Кохэйн, малые государства являются «государствами, лидеры которых *осознают*, что они никогда не смогут, действуя в одиночку или в составе небольшой группы, оказать существенное влияние на мировой порядок[254], а Р.Ротштейн утверждает, что статус малого государства «основан

[251] Bray M. Making small practical: the organisation and management of Ministries of Education in small states, 1990.
[252] Rothstein R. L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.
[253] Vital D. The Analysis of Small Power Politics // Small States in International Relations. / Ed. by August Schou and Arne Olav Brundtland. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1971.
[254] Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. – No. 2. – P. 291-310.

не столько на *осознании* своей собственной слабости, сколько на понимании того, что она никогда не исчезнет»[255].

Ключевым словом в данных определениях, как представляется, является категория осознания, т.е. представления политических элит государств об ограниченном положении их государства в международной иерархии. Следует отметить, что идентитарные критерии игнорируются сторонниками политического реализма, на котором построены вышеуказанные абсолютные и относительные подходы к операционализации малых государств, как и не принимаются в должное внимание институциональными либералами. Однако события конца XX века, в частности, завершение Холодной войны, увеличение числа конфликтов и гражданских войн, появление Европейского Союза в качестве успешной модели региональной интеграции на фоне неуспешных попыток интеграций на глобальном уровне и многие другие эпизоды продемонстрировали ограниченную объяснительную способность структурного реализма[256]. В этой связи в 1989 году Н.Онуф опубликовывает свой эпохальный труд под названием «Мир, созданный нами», внесший значительный вклад в конструктивистскую парадигму международных отношений, которая уделяет особое внимание идеям, ценностям, идентичности, восприятию и другим идеационным компонентам международной жизни[257]. Дж.Хэй утверждает, что «концепция малого государства основывается на идее *восприятия*, <...> если население и государственные институты в целом воспринимают собственное государство в качестве малого, а также население других стран и институты других государств, то это государство несомненно является малым[258]. Хотя из этого следует, что идентитарный критерий «малости» может быть

[255] Rothstein R. L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.
[256] Galal M.A. External behavior of small states in light of theories of international relations // Review of Economics and Political Science. – 2020. – Vol. 5. No. 1 – P. 38-56.
[257] Onuf N. World of our making: rules and rule in social theory and international relations. - Columbia, S.C. : University of South Carolina Press, 1989.
[258] Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behaviour. Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2003.

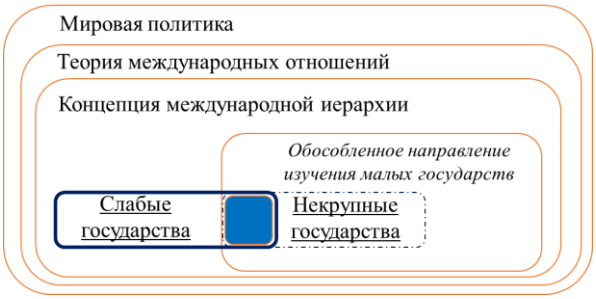
относительно просто идентифицирован в разного рода дискурсах в конкретном государстве (дипломатическом, политическом, общественном, научном и т.д.), его значение для поведения государства на международной арене является не менее важным и даже более многосоставным, чем наличие у него материальных ресурсов или степень его встроенности в мировую политику. Так, самопозиционирование и отклик на него со стороны международного сообщества для малых государств является более важным, чем для ведущих держав, которые по отношению к нему имеют более высокий порог чувствительности. Исследователи отмечают, что у малых государств имеется собственный тип идентичности, которая «строится на основе предыдущего поведения, а также связанных с ним представлениях и мифах, которые на протяжении долгого периода интернализируются политическими элитами и населением[259]. Иными словами, малые государства «привыкают» следовать парадигме «малости», а его малый размер и ограниченное влияние на международной арене могут рассматриваться в качестве составной части формирующейся политической культуры. В частности, примечательна трансформация политики Австрии, являвшейся великой империей в XIX веке и превратившейся в малое нейтральное государство в XX веке. Отсюда – важное разделение между современными малыми государствами, являющимися разными типами осколков империй – бывшие метрополии, ставшие малыми державами (Бельгия, Австрия, Венгрия, Португалия и т.д.), с одной стороны, и периферийные колониальные малые государства (Сингапур, Тимор-Лешти, Тихоокеанские государства и т.д.), с другой[260]. Особым образом выделяются малые Скандинавские страны, формально исторически не являющиеся метрополиями, международная репутация которых, будучи не

[259] Goetschel L. The Foreign and Security Policy Interests of Small States in Today's Europe. In: Small States inside and outside the European Union. – Boston, MA: Kliwer Academic Publishers, 1998.
[260] Трейвиш А.И. Россия среди стран-гигантов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2007. – № 1. – С. 141-158.

запятнанной колониальными интересами прошлого, позволяет им играть особую роль посредников[261].

С учетом вышеизложенного, объекты обособленного направления изучения малых государств, а также его соотношение со смежными теориями и концепциями схематично может быть представлено в виде вкладывающихся друг в друга и накладывающихся диаграмм Эйлера согласно рисунку 2.1.3.

Рисунок 2.1.3. Соотношение основных концепций и объектов анализа.

Источник: составлено автором.

Так или иначе, «малость» любой политии по определению коррелирует с недостатком какой-либо материальной или нематериальной характеристики: территории, ресурса, мощи, влияния, внимания, значимости, состоятельности и пр. Иными словами, можно констатировать, что ограниченность ресурсов является наименьшим общим знаменателем всех подходов, оперирующих концептом «малости». В сущности, это отражает агрегацию ослабленных внешних аспектов суверенности и низкую статусность политии, принадлежащей данной категории[262]. На практике идентификация малых государств могла бы быть произведена посредством ранжирования всех государств по отдельным атрибутам, однако такой широкий подход осложняет операционализацию термина по причине высокой абстракции и существования различных способов её осуществления. Вместе с тем это лишь подчеркивает уникальность характеристики и целесообразность выделения ее

[261] Thorhallsson B. Small States in the UN Security Council: Means of Influence? // The Hague Journal of Diplomacy. – 2012. – Vol. 7. – P. 135-160.
[262] Окунев И. Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4, 2011 – С. 162-174.

в качестве зависимой переменной, особенно принимая во внимание историческое становление категории малых государств в международных отношениях как пространственно ограниченных политий.

Наконец, следует привести обзор сложившихся подходов к концептуализации термина «малое государство» с учетом научных парадигм и дисциплин, и возможных исследовательских вопросов, которые ставят перед собой различные авторы (см. таблицу 2.1.2.).

Таблица 2.1.2. Обзор основных сложившихся в литературе подходов к концептуализации малых государств.

Научная дисциплина или парадигма (научная школа)	**Концептуализация малого государства и основные критерии выделения**	**Возможные исследовательские вопросы**
Политическая география Политическая экономия Сравнительная политология	Некрупное государство, имеющее ограниченную территорию и (или) незначительную численность населения. *Дополнительные критерии:* ограниченный внутренний рынок, политическая стабильность, низкая конфликтность, незначительная дистанция между политическими элитами и массами и т.д.	Как акторы внутри государства взаимодействуют друг с другом? Как физический размер государства влияет на его экономическое развитие, режим и стабильность? Какие управленческие новации предлагают политики и лица, принимающие решения?
Цивилизационно-исторический подход	Небольшая полития, добившаяся независимости и сохранившая её вопреки центробежным факторам, (например, соседство с гегемонистской крупной державой).	Почему малое государство добилось независимости и сохранило её? В чем специфика исторического развития государства и его связей с соседями? Как данный кейс обогащает теорию малых государств?
Структурный неореализм	Слабое государство, неспособное обеспечить собственную безопасность, вынужденное лавировать между великими державами и подчиняться установленным «правилам игры».	Какие стратегии использует малое государства для укрепления собственной безопасности? Какие инструменты малое государство использует для игры на противоречиях между великими державами? Как малое государство может нарастить собственную мощь?
Институциональный либерализм	Государство с ограниченными материальными ресурсами, способное компенсировать их в соответствии с принципами нелинейности и асимметрии, членством в глобальных институтах и другими инструментами участия в мировой политике.	Как малое государство задействует асимметричные и нелинейные отношения с другими державами? Какие инструменты малое государство использует для увеличения своей значимости и привлечения внимания мирового сообщества? Какие конкурентные преимущества малое государство может предложить?
Конструктивизм	Государство, самоидентифицирующее себя как малое (т.е. не являющееся ни великим, ни средним) и способное выработать специфические нормы	Какие новации, значимые для мировой политики малое государство может предложить? В чем заключается суть мышления лидеров и лиц, принимающих решения в малых государствах?

	поведения, культуру, идеологию, риторику.	Как (само-)восприятие влияет на поведение малых государств?
Неомарксизм	Зависимое государство с ограниченным суверенитетом, эксплуатируемое другими государственными и негосударственными акторами.	Как малое государство может ослабить собственную зависимость от других акторов? Каковы стратегии достижения реального суверенитета и диверсификации рисков?

Источник: составлено автором

Представляется, что вышеуказанная классификация подходов является всеобъемлющей для понимания основ конструирования отдельной аналитической группы малых государств. Важно отметить, что целостная операционализация, включающая все выявленные выше характеристики, может быть осложнена ввиду произвольности выбора пороговых значений для объективных характеристик и многосоставностью субъективных характеристик и возможными противоречиями внутри них.

Резюмируя обзор литературы по концептуализации малых государств как объекта изучения в рамках теории международных отношений и мировой политики, можно сделать вывод о том, что наблюдаются *два магистральных способа концептуализации термина*. Так, статус малого государства может рассматриваться в качестве *зависимой переменной* (например, государство Х является малым постольку, поскольку у него наблюдается недостаток значимых ресурсов)[263], или *независимой переменной* (государство Х – малое в том случае, если в модели его внешнеполитического поведения присутствуют черты, которые ассоциируются с интерсубъективной идеал-типической моделью малого государства – например, у него наблюдается низкий уровень участия в международных делах, отсутствие выраженных глобальных и региональных национальных интересов, выраженная миролюбивость и т.д.)[264]. Отсюда следует важное различие в трактовке термина: в первом случае малое государство является статической эмпирической данностью, в то время как во втором случае термин понимается лишь динамический ярлык.

[263] Browning C.S. Small, Smart and Salient? Rethinking Identity in the Small States Literature // Cambridge Review of International Affairs. – 2006. – Vol. 19. No. 4. – P. 660-684

[264] Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behaviour. Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2003.

В этой связи для достижения задач диссертации под термином «малое государство» в исследовании будет применен первый подход, строящийся на *позиционной логике международной иерархии* и позволяющий идентифицировать трансформацию как роли всей категории малых государств, так и ролей отдельных государств, принадлежащих данной категории.

Операционализации категории малых государств на основе абсолютных и относительных критериев

Практически любая исследовательская работа, посвященная анализу малых государств, упоминает об *отсутствии сложившегося единого и целостного академического консенсуса* к операционализации данного термина[265]. В этой связи в 1970-ых исследователь П.Бэр даже поставил под сомнение эвристическую полезность малых государств как отдельной аналитической категории[266]. Однако стоит отметить, что это справедливо для любого термина, характеризующегося высокой степенью абстракции (сущностно оспариваемые концепты в терминологии У.Гэлли). В этой связи представляется несправедливым механический отказ от использования данного термина. Как отмечает современный исследователь малых государств Г.Балдаккино, отсутствие согласия в академической среде не должно становится камнем преткновения на пути изучения малых государств[267], в чем следует полностью согласиться с ученым. Более того, существует распространенное мнение, что отсутствие единого подхода приводит к более глубокому и комплексному изучению подгрупп государств, которые потенциально могут принадлежать исследуемой категории, что, в свою

[265] Raadschelders J. B. Definitions of smallness: a comparative study. In R. A. Baker (Ed.), Public administration in small and island states / J.B. Raadschelders. – West Hertford, CT: Kumarian Press, 1992 – p. 26-33.
Henrikson A.K. A coming «Magnesian» age? Small states, the global system, and the international community // Geopolitics. – 2001. – Vol. 49. – P. 49-86.
[266] Baehr P.R. Review: Small states: a tool for analysis // World Politics. – 1975. – Vol. 27. No. 3. – P. 456-466.
[267] Baldacchino G. Mainstreaming the study of small states and territories. Small States and Territories. – 2018. – Vol. 1. No.1. – P. 3–16.
Maass M. The Elusive Definition of the Small State // International Politics. – 2009. – Vol. 46. No. 1. – P. 65-83

очередь, дополняет теоретические представления об их поведении и проблемах, с которыми потенциально сталкиваются малые государства[268].

То, как исследователи подходят к концептуализации и связанной с ней операционализацией термина, обобщает Н.Армструп[269]. Во-первых, данная проблема может быть *полностью опущена* исследователем. Некоторые авторы намеренно избегают проблему строгой идентификации малых государств, так как не считают это важной исследовательской задачею или считают данную проблему неразрешимой по причине невозможности достижения необходимой точности при ограниченном количестве кейсов по сравнению с другими социальными науками. В таком случае исследователь надеется на высокую интерсубъективность категоризации и следует принципу «узнаю, когда увижу». Так, пионер в области исследования малых держав в международных отношениях А.Фокс не проводила операционализации критериев, по котором она относила Турцию, Испанию, Норвегию, Швецию и Финляндию к категории «малых»[270], а скорее опиралась на господствующий дискурс. Во-вторых, размер государства может привязываться к некоторым *количественно исчисляемым* характеристикам. Подобный подход является приоритетным у экономистов, демографов и географов. В-третьих, авторы могут принимать в расчет *качественные особенности структуры международной системы*, пространственную локализацию государств, а также их внутреннюю политическую систему. В-четвертых, размер может восприниматься в качестве *воспринимаемой или наблюдаемой переменной*, которая имеет психологическое измерение. Такие подходы, как правило, соответствуют конструктивисткой парадигме международных отношений. В-пятых, авторы могут прибегать к детальному изучению *кейс-стади* – отдельных случаев, делая акцент на характерных особенностях конкретных

[268] Maass M. The Elusive Definition of the Small State // International Politics. – 2009. – Vol. 46. No. 1. – P. 65-83.
[269] Amstrup N. The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts. Cooperation and Conflict, Vol. 11, no. 3. – 1976. – p. 163–182.
[270] Fox A.B. The Power of Small State: Diplomacy in World War II. – Chicago: The University of Chicago Press, 1959.

государств. Следует отметить, в таком случае выводы, как правило, являются более ограниченными и могут лишь незначительно дополнить теорию. Наконец, отдельные авторы осуществляют дифференциацию концепта размера через *категории внешней политики*: статуса, дипломатии, поведения, интересов, роли.

Данный обзор представляется весьма исчерпывающим, но обладающим рядом недостатков, в частности, эмпирическим переплетением всех подходов и схожестью отдельных пунктов. Нельзя не отметить важно принципа реляционности, в соответствии с которым категоризация зависит от избираемого референтного объекта. Так, например, Н.Джесс и Д.Дрейер концептуализируют малые государства с помощью относительных критериев как слабые страны на глобальном и региональном уровнях, но сильные на субрегиональном[271]. Важную концептуальную рамку предлагает Б.Торхалльссон, выделяя шесть способов измерить международно-политический размер государства (см. таблицу 2.1.3.). Вместе с тем представляется, что из 24 возможных индикаторов размера, сгруппированных в 12 групп, только 16 поддаются объективной операционализации без привлечения экспертных оценок или прокси-переменных (в таблице выделены подчеркиванием), при этом наблюдается достаточно значительный «крен» в сторону размера экономики (7 критериев).

Таблица 2.1.3. Шесть категорий размера государства.

Слагаемые размера	**Концептуализация**	**Возможные индикаторы и операционализация**
Фиксированный размер	Социально-демографические и географические ресурсы	1 Численность населения; 2 Размер территории.
Размер суверенитета	Способность поддерживать внутренний суверенитет и наличие признания со стороны других государств (внешний суверенитет); Способность поддерживать государственный аппарат и осуществлять присутствие на международной арене (диплом. ресурсы).	3a Наличие внутренних акторов, оспаривающих монополию государства на легитимное насилие, и 3b внешних акторов, оспаривающих его суверенитет. 4a Показатели государственной состоятельности и 4b число дипломатических представительств.
Политический размер	Военная мощь, определяющая оборонительные и наступательные способности;	5a Военные расходы и 5b уровень развития вооруженных сил;

[271] Jesse N. G., Dreyer J. R. Small states in the international system: at peace and at war. – Lanham: Lexington Books, 2016. – 197 p.

	Административный потенциал (мощь бюрократического аппарата, навыки управления); Политическая сплоченность внутренних акторов (способность выступать единым фронтом на внешнем треке).	6a Размер корпуса государственных служащих и 6b дипломатического корпуса; 7 Наличие конфликтующих оценок политических партий по поводу внешнеполитического курса.
Экономический размер	Экономическая мощь; Размер рынка; Успешное развитие.	8 ВВП; 9a Степень открытости экономики, производственная структура, 9b товарная концентрация торговли, 9c географическая концентрация торговли (пункты назначения экспорта и источники импорта), 9d платежный баланс, 9e привлечение материальной помощи и 9f иностранных прямых инвестиций, 9g зависимость от экономики от международной среды. 9h Наличие различных вызовов, связанных с экономикой и развитием, 9i оценки граждан, фирм, ЛПР и международных акторов о соответствующих успехах или неудачах.
Воспринимаемый размер	Взгляды политических элит на внутренние и внешние потенциалы страны; Соответствующие оценки избирателей; Взгляды других внутренних акторов (фирмы и группы давления); Оценки внешних политических элит; Взгляды международных организаций; Оценки других международных акторов (иностранные группы давления и фирмы)	10 Дискурс, включающий современную конъюнктуру и историческое развитие государства, а также исторические мифы.
Размер преференций	Политические амбиции; Приоритеты; Представления о международной системе.	11 Степень участия государства во внутренней политике и международных делах (проактивность/ реактивность); 12 Приоритет двусторонних или многосторонних отношений.

Источник: составлено автором на основе: Thorhallsson B. The Size of States in the European Union: Theoretical and Conceptual Perspectives // Journal of European Integration. – 2006. – Vol. 28. No. 1. – P. 7-31.

Ещё один важный набор критериев, являющихся первой системной типологией операционализации «малости» государств, была предложена Р.Вяйриненом, который предложил сочетание объективных-субъективных и эндогенных-экзогенных характеристик[272]. Содержательное наполнение критериев не является строго определенным и может дополняться (см. таблицу 2.1.4.). *Объективные эндогенные* критерии отражают материальные характеристики государства, в то время как *объективные экзогенные* критерии, по существу, характеризуют степень активности или изоляционизма страны на международной арене. В свою очередь, субъективные

[272] Väyrynen R. On the Definition and Measurement of Small Power Status // Cooperation and Conflict. – 1971. – Vol. 6, № 2. – P. 91-102.

характеристики вводят в анализ конструктивистский критерий самоидентификации или отношения к референтному государству со стороны внешних акторов.

Таблица 2.1.4. Типология критериев малых государств.

Критерии	**Объективные**	**Субъективные**
Эндогенные	Численность населения; Размер территории; Величина ВВП; Численность вооруженных сил и др.	Самовосприятие населения; Оценки элит; Публичный и научный дискурс; Официальные документы и др.
Экзогенные	Число внешнеполитических интеракций, дипломатических контактов и их значение; Участие в международных организациях и др.	Восприятие населения, ЛПР, ученых других государств; Официальные документы международных организаций и др.

Источник: составлено автором на основе: Väyrynen R. On the Definition and Measurement of Small Power Status // Cooperation and Conflict. – 1971. – Vol. 6. No. 2. – P. 91-102.

В то время как большинство компаративных исследований малых государств опираются на объективные эндогенные критерии по причине наличия более доступной информации и относительной простоты операционализации[273], представляется, что глубокий анализ соотношения эндогенных и экзогенных субъективных характеристик является перспективным направлением анализа в рамках теории малых государств[274]. Вместе с тем, именно объективные эндогенные и экзогенные переменные должны лежать в основе первичного анализа, так как позволяют проводить глобальные компаративные исследования, что, однако, не отменяет необходимость интерпретации полученных данных.

Подводя итог проблеме отбора критериев для концептуализации «малости» государств, представляется целесообразным предложить

[273] Например, Brito J. A. Defining Country Size: A Descriptive Analysis of Small and Large States // MPRA Paper 66149, University Library of Munich, Germany, 2015.
East M.A. Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models // World Politics. – 1987. – Vol. 25. No. 4. – P. 556-576.

[274] Например, Kurecic P., Kozina G., Kokotovic F. Revisiting the definition of small state through the use of relational and quantitative criteria. In: Book of proceedings. 19th International scientific conference on economic and social development. – Melbourne: Varazdin development and entrepreneurship agency. – 2017. – P. 129-142.

типологию подходов к концептуализации на основе сложившихся в литературе отдельных концептуальных рамок (см. таблицу 2.1.5.).

Таблица 2.1.5. Типология подходов к концептуализации малого государства.

Одномерный подход (учет одного параметра)	**Композитный подход** (учет комбинации нескольких параметров)
Объективный подход (параметры, присущие государству)	**Субъективный (перцептивный) подход** (параметры, воспринимаемые о государстве)
Абсолютный подход (параметры, не учитывающие структурные и системные международно-политические факторы)	**Относительный подход** (параметры, учитывающие международно-политический контекст)
Количественный подход (параметры, поддающиеся численному подсчету)	**Качественный подход** (описательные параметры, отражающие существенные особенности и свойства объекта)
Подход, учитывающий материальные ресурсы и самопозиционирование (параметры, учитывающие реально существующие потенциал, мощь, физические ресурсы объекта, а также его идентичность)	**Подход, учитывающий поведение и значимость для системы** (параметры, учитывающие предпринимаемые действия объектом, которые являются более динамическими)
Подход, учитывающий наличие ресурсов (потенциальная мощь)	**Подход, учитывающий актуализацию ресурсов** (кинетическая мощь)

Источник: составлено автором

Использование данной типологии может предоставить дополнительную перспективу для системного и компаративного анализа малых государств. Особый интерес представляют такие случаи, которые могут быть категорированы как малые по одному контрарному подходу, но не являться таковым по-другому. Так, например, с точки зрения *одномерного подхода* в части наличия ядерного оружия КНДР не будет принадлежать к категории малых государств в связи с исключительным значением для международной безопасности, но при использовании *композитного подхода*, учитывающего степень вовлеченности государства в международные дела, экономическое развитие, дипломатическую активность и т.д., КНДР представляет собой случай малого государства, хотя весьма нетипического и осложненного другими эмпирическими фреймами (государство-изгой, государство-ревизионист и т.д.). Расхождение в категоризации может наблюдаться и по любым другим парам критериев.

Представляется важным рассмотреть сильные и слабые стороны двух основных зонтичных подходов, которые используются для

операционализации малых государств на основе позиционной логики отражения международной иерархии – **абсолютном** и **относительным**.

В большинстве исследований на тему международной иерархии отмечается, что наиболее доступные, комплексные и всеобъемлющие параметры, используемые для категорирования государств – это показатели численности населения, площади территории и размера экономики (см. таблицу 2.1.6.), использование которых осуществляется в рамках **абсолютного подхода**. В таблице также приведены связанные переходные параметры на пересечении основных трех показателях, а также отражена степень темпоральной стабильности, которые исследователь должен принимать во внимание.

Таблица 2.1.6. Основные количественные параметры для категоризации малых государств

Основной параметр	**Связанные параметры**	**Стабильность**
Площадь территории Эффективная национальная территория	Масштаб и разнообразие природных ресурсов	Относительно высокая
	Плотность населения	
Численность населения[275]	Качество человеческого капитала; Размер рынка; Размер вооруженных сил и дипломатических работников	Относительно средняя
	Подушевой ВВП	
Размер экономики ВВП по ППС; Номинальный ВВП; ВНД	Степень диверсификации экономики Эффект экономии масштаба	Относительно низкая

Источник: составлено автором.

Представляет интерес наличие корреляционных связей между тремя фундаментальными переменными на основе данных всех 193 суверенных государств (см. таблицу 2.1.7.).

Таблица 2.1.7. Корреляционная матрица между фундаментальными показателями 193 суверенных государств.

		Территория (2021 г.)		**ВВП по ППС (2022 г.)**	
ВВП по ППС (2022 г.)	Пирсон r	**0.554**	***	—	
	df (степеней свободы)	191		—	
	p-значение	< .001		—	
Население (2022 г.)	Пирсон r	**0.405**	***	**0.790**	***
	df (степеней свободы)	191		191	
	p-значение	< .001		< .001	
Примечание. * p < .05, ** p < .01, *** p < .001					

[275] Armstrong H., Kervenoael R., Li X., Read R. A Comparison of the Economic Performance of Different Micro-states, and Between Micro-states and Larger Countries // World Development. – 1998. – Vol. 26. No. 4. – P. 639-656. Read R. Growth, Economic Development and Structural Transition in Small Vulnerable States. – UNU/WIDER, Discussion Paper 2001/59.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка за соответствующий год

Наибольшая связь наблюдается между показателями численности населения и ВВП по ППС, а наименьшая – между численностью населения и размером территории, что в общем подтверждает традиционную посылку о том, что население является главным ресурсом развития любого государства.

Географический размер территории является менее динамичной, чем численность населения, характеристикой, так как большинство государств, как правило, значимо не приращивают размер собственной территории, только если речь не идет об аккреции, создании искусственных островов или регрессии моря. Приращение или потеря территории в результате военных конфликтов или дипломатических процедур в этой связи являются ещё более редкими явлениями. Подобная «закоснелость» параметра является аргументом для некоторых исследователей, которые не используют его для определения размера государства[276]. Вместе с тем данный аргумент представляется сомнительным, принимая во внимание, что географический размер государства отражает максимально возможные границы, в рамках которых может задействоваться потенциал пространства и эффективной национальной территории. Здесь необходимо оговориться, что понятие географической территории государства не равна его пространству, или, иначе понятию *эффективной национальной территории*[277]. Так, например, эффективная национальная территория у Египта, России, Монголии и Исландии будет значительно отличаться от географической территории в меньшую сторону вследствие наличия обширных пустынных или горных областей, вечной мерзлоты, а также территорий, на которых не ведётся хозяйственная или иная антропогенная деятельность. В случае проверки корреляции между численностью территории и ВВП по ППС с прокси-переменной эффективной национальной территории – например,

[276] Daniken F. Is the Notion of Small State Still Relevant. In: L. Goetschel (ed.) Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies. – Boston: Kluwer Academic Publishers, 1998.
[277] Thorhallsson B. The Size of States in the European Union: Theoretical and Conceptual Perspectives // Journal of European Integration. – 2006. – Vol. 28. No. 1. – P. 7-31.

протяженности пригодных к сельскохозяйственным работам земель, корреляция увеличится с 0.554 и 0.405 до 0.645 и 0.792, соответственно. Проблема здесь заключается в том, что эффективная национальная территория может быть операционализирована по-разному и отражать не только пригодные к сельскому хозяйству земли, но и заселенные, урбанизированные или по-иному включенную в экономику и концентрацию ресурсов, которые могут потенциально конвертироваться в мощь на международной арене, территории. В этой связи использование общей площади территории для определения размера государства представляется более оправданным.

Использование *показателя ВВП*, являющегося самым динамичным, призвано скорректировать размер государства, рассчитанного на основе геодемографического субстрата, так как отражает его потенциальную роль в мировой экономике. Так, Ирландия, являющаяся одной из беднейших стран Европы в XX веке, к концу столетия стала отмечаться в качестве одной из быстрорастущих экономик, благодаря чему в её отношении даже стали использовать термин «кельтский тигр»[278]. Вместе с тем, в литературе присутствует точка зрения, что ВВП не показывает реальные значения национального дохода, а ВНП не демонстрирует реальную производительность труда[279]. Однако, как представляется, для глобальных компаративных исследований невозможно обойтись без показателя ВВП. Безусловно, структура экономики и её базис будут непохожими у различных государств, но порядок значимых различий в ВВП стран может косвенно отражать существующие проблемы или достижения, связанные с выбранной стратегией развития конкретного государства. Так, например, Х.Брито, проанализировав статистические показатели развитых малых государств в 2000-2009 гг., приходит к выводу, что помимо наличия запасов углеводородов

---

[278] Кокшаров А. «Кельтский тигр» на переправе // Журнал Эксперт, 2008. – URL: https://webcitation.org/66O1WXdrq?url=http://expert.ru/expert/2008/15/keltskiy_tigr_na_pereprave/

[279] Rabby, Fazzle. 2015. “Small states in international relations: rearranging the puzzle of defining the ‘Small State’.” Academia. Accessed October 1, 2015. https://www.academia.edu/3809483/Small_states_in_international_relations_rearranging_the_puzzle_of_defining_the_Small_State_--Md._Fazle_Rabby

важными факторами, которые определяют развитость экономики малых государств являются близость к развитым рынкам, высокий уровень экономических свобод и открытость иностранной торговле, высокий уровень человеческого капитала, низкий уровень государственного потребления, индексация национальной валюты по отношению к сильной и стабильной валюте, макроэкономическая стабильность, интеграция в развитый валютный регион, низкая концентрация экспорта, низкое влияние сельскохозяйственного сектора и развитый третичный сектор, включающий финансы и туризм[280]. Стоит отметить, что данные показатели скорее свойственны неолиберальной парадигме и во многом зависят от стабильности геоэкономического и геополитического расположения конкретных государств, а потому не должны рассматриваться изолированно.

В таблице 2.1.8. представлена систематизация некоторых авторских концепций, оказавших значимое влияние на становление отдельного направления изучения малых государств, а также подходы основных международных организаций. В среднем большинство авторов склонны использовать численность населения как основной критерий размерности и для микрогосударств[281] используют соответствующее пороговое значение до 1 млн чел., а для малых государств – свыше 1 млн чел. и до 5-10 млн чел.

Таблица 2.1.8. Некоторые подходы к операционализации малых государств с использованием абсолютных критериев.

Авторы	**Население, чел.**	**Территория, км^2**	**Экономика**
С.Кузнец[282] (1960)	<10 млн	-	-
В.Демас[283] (1965)	<5 млн	25 900–32 186	-
Ж.Веллут[284] (1967)	10-50 млн 5-10 млн <5 млн	-	ВНД 2-10 млрд дол. ВНД 1-2 млрд дол. <1 млрд дол.
Ч.Тейлор (1969)	<2,9 млн	<144.822 км^2	<1,5 млн. дол.

[280] Brito J. A. Defining Country Size: A Descriptive Analysis of Small and Large States // MPRA Paper 66149, University Library of Munich, Germany, 2015.
[281] Окунев И. Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4. - С. 162-174.
[282] Kuznets S. Economic Growth of Small Nations. In E. A. G. Robinson (ed.), Economic Consequences of the Size of Nations. – New York: St. Martins Press, 1960
[283] Demas W.G. The Economies of Development in Small Countries with Special Reference to the Caribbean. – McGill University Press: Montreal, 1965
[284] Vellut J.-L. Smaller States and the Problem of War and Peace: Some Consequences of the Emergence of Smaller States in Africa // The Journal of Peace Research. – 1967. – Vol. 4. – P. 252-269.

Дж.Марриотт[285] (1943), Т.Масарик[286] (1966)	<20 млн	-	-
Д.Вайтал[287] (1967)	<10-15 млн; <20-30 млн	-	развитые; развивающиеся
Р.Барстон[288] (1973)	10-15 млн	-	-
М.Ист[289] (1973)	<23,7 млн	-	-
Р.Шанд[290] (1980)	0,25-0,6 млн; 0,025-025 млн; <0,025 млн;	10 000-30 000; 500-10 000; < 500	100 млн дол.; 25-100 млн дол. <25 млн дол.
Б.Джалан[291] (1982)	<5 млн	<65 000 км^2	ВВП <3 млрд дол.
А.Долман[292] (1982)	<1 млн	<13 000 км^2	-
К.Кларк, Т.Пэйн[293] (1987)	<1 млн	-	-
Х.Армстронг[294] (1998)	<3 млн	-	-
М. Дэвенпорт[295] (2001)			<0,03% мировой торговли
Т. Кроуардс[296] (2002)	<2,7 млн	<40 000 км^2	ВВП <2,5 млрд дол.
Б. Торхалльссон[297] (2006)	<3 000 чел. в дипслужбах	-	микро: военные расходы <400 млн дол.
Международные организации			
Междун-ая экономическая ассоциация (1957)	<10 млн	-	-
Содружество наций[298] (1985-1997)	<1 млн (1985) <1,5 млн* (1997)	включая страны с большим населением, но имеющие многие общие характеристики (Ботсвана, Ямайка, Лесото, Намибия и Папуа - Новая Гвинея)	
Всемирный банк	<1,5 млн[299]	Рейтинг выше 75-го перцентиля по политической стабильности и отсутствию насилия	
Учебный и научно-исследовательский институт ООН (ЮНИТАР)[300]	<1 млн		

[285] Marriott J. A. R. Federalism and the Problem of the Small State. – London: Allen and Unwin, 1943.
[286] Masaryk T. G. The Problem of Small Nations in the European Crisis. – London: University of London, Athlone Press, 1966.
[287] Vital D. The Inequality of States: A Study of the Small Power in International Relations. – L.: Oxford University Press - Clarendon Press, 1967.
[288] Barston, R. P. The Other Powers: Studies in the Foreign Policies of Small States. New York: Barnes and Noble, 1973.
[289] East M.A. Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models // World Politics. – 1987. – Vol. 25. No. 4. – P. 556-576.
[290] Shand R.T. Island Smallness: some definitions and implications, 1980.
[291] Jalan B. Problems and Policies in Small Economies. London: Croom Helm, 1982
[292] Dolman A.J. The Development Strategies of Small Island Countries: Issues and Options. In Small Island Countries Regional Cooperation and the Management of Marine Resources. The Hague: Foundation for Reshaping the International Order. 1982
[293] Clarke C., Payne T. Politics, Security, and Development of Small States. – London: Allen and Unwin, 1987.
[294]Armstrong H., Kervenoael R., Li X., Read R. A Comparison of the Economic Performance of Different Micro-states, and Between Micro-states and Larger Countries // World Development. – 1998. – Vol. 26. No. 4. – P. 639-656.
[295] Davenport M. A Study of Alternative Special and Differential Arrangements for Small Economies. London: Commonwealth Secretariat, 2001.
[296] Crowards T. Defining the Category of Small States // Journal of International Development. – 2002. – Vol. 14. No. 14. – P. 143-179.
[297] Thorhallsson B. The Size of States in the European Union: Theoretical and Conceptual Perspectives // Journal of European Integration. – 2006. – Vol. 28. No. 1. – P. 7-31.
[298] Small States according to the Commonwealth. – URL: https://thecommonwealth.org/our-work/small-states
[299] From Crisis to Resilience // World Bank. – URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/c1fc87482d6c4a962083f7217ac3640b-0290032023/original/SmallStates-2023-Brochure.pdf
[300] UNITAR. Small States and Territories. New York: Arno Press, 1971.

Важно отметить, что некоторые авторы не ограничиваются лишь численностью населения и используют композитный подход, а также дифференцируют пороговые значения в зависимости от степени развитости экономики. Так, например, Б.Олафссон подчеркивает связь между ВНП и качественными факторами военного потенциала и политической мощи малых государств[301]. В этом отношении также нельзя не отметить авторскую типологию государств отечественного исследователя Л.В.Смирнягина, четыре категории которой – «малые привилегированные», «псевдоразвитые», «посредники» и «микространы» состоят исключительно из малых государств, но дифференцированы по параметрам операционализации[302] и в целом представляют весьма целостный подход. Встречаются и более нюансированные классификации, как например подход Ч.Тэйлора[303] (см. таблицу 2.6), сформированный исследователем в 1969 году, который в современных реалиях, может быть лишь частично релевантен, так как на сегодняшний момент согласно этому подходу в группу малых государств входят лишь 16 стран, практически все из которых представлены бедными островными политиями. В этой связи, принимая во внимание среднюю динамику изменения параметров численности населения и соответствующую высокую динамику изменения параметров ВВП некоторые типологии малых государств, предложенные исследователями минувшего века, на сегодняшний лень могут утратить актуальность, поэтому, как представляется использование исключительно абсолютного подхода упирается в проблему произвольных пороговых значений, которые, к тому же, могут меняться во времени.

Как метко отмечает А.И.Трейвиш[304], разница между географическим размером и геополитическим величием государства такая же, как между

---

[301] Olafsson Björn G. 1998. Small States in the Global System: Analysis and Illustrations from the case of Iceland. Michigan: Ashgate Publishing Limited.

[302] Смирнягин Л. В. Общественная география. Федерализм. Регионализм: публ. 1989-2005 гг. – Москва: КомКнига, 2005. – 464 с.

[303] Taylor C.L. Statistical typology of micro-states and territories. Social Science Information. – 1969. – Vol. 8. No, 3. – P. 101–117.

[304] Трейвиш А.И. Россия среди стран-гигантов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2007. – № 1. – С. 141-158.

массой и весом тела[305]. Эта метафора как нельзя лучше отражает несовпадение материальных ресурсов государств с результатами их внешнеполитической деятельности, будь то силовое или дипломатическое разрешение конфликтов, переговоры в сфере экономики, общее влияние и воздействие на другие государства и общемировые глобальные процессы. Иными словами, она отражает нелинейность и асимметрию на международной арене. Кроме того, определить «малость» или «величие» любого объекта можно только в сложившейся системе координат, построить которую возможно только при рассмотрении всех элементов системы. На этом строится **относительный подход** к концептуализации малых государств, понимаемый *как относительно самой системы*, так и *в сравнении с другими политиями*, прежде всего, великими державами[306]. В английском языке это тонкое различие проявляется в дихотомии терминов «relative» и «relational», соответственно, что «поднимает проблему определения термина на новый уровень» по сравнению с абсолютным количественным подходом[307].

Согласно относительному подходу (принципу реляционности), одно и то же государство может являться средним на региональном уровне, но малым на глобальном. Так, Новая Зеландия, находясь на периферии международного политического пространства, по сравнению с Австралией, типичной державой среднего уровня, является малой. Однако в отношениях с тихоокеанскими микрогосударствами уже сама может быть концептуализирована в качестве средней, при этом её фундаментальные показатели населения и площади остаются неизменными, меняется лишь уровень анализа и референтный объект (см. таблицу 2.1.9.).

---

[305] Там же.
[306] Vital D. The Survival of Small States: Studies in Small Power/Great Power Conflict. – L.: Oxford University Press, 1971.
[307] Hanggi G. Small Staet as a Third State: Switzerland and Asia-Europe Interregionalism. In: Goetschel (ed.) Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies. – Boston: Kluwer Academic Publishers, 1998.

Таблица 2.1.9. Уровни комплексного анализа при относительном подходе.

Уровень; границы	**Референтный объект**	**Единицы анализа**	**Пояснение**
1. Глобальный; весь мир	Глобальные лидеры/ сверх-, великие державы	Все суверенные государства мира (193)	Перечни, списки и индексы, включающие все государства одновременно.
2а. Региональный географический; регион	Региональные лидеры	Все государства мира в рамках субрегиональных групп на основе географического критерия. Например, 22 группы согласно геосхеме мира ООН[308].	1) Зап., Север., Юж., Вост. Европа; 2) Зап., Центр., Юж., Север., Вост., Юго-Вост. Азия; 3) Север., Зап., Центр., Вост., Юж. Африка; 4) Север., Центр., Юж. Америка, Кариб. бас.; 5) Австр. и Нов.Зел., Меланезия, Микронезия, Полинезия.
2б. Региональный Геополитический; политико-интеграционная группировка	Лидеры в рамках политико-интеграционных группировок	Все государства мира в рамках основных политико-экономических региональных интеграционных объединениях. Например, 28 объединений и 13 блоков, учитывающих полное и ограниченное членство.	Группировки: 1) ОДКБ-ЕАЭС-СНГ; 2) НАТО-ЕС-ЕАСТ-ТС ЕС-САА/АА; 3) АСЕАН+3; 4) СААРК; 5) ССАГПЗ-ЛАГ; 6) ЗАЭВС-ЭКОВАС; 7) СЕМАК-ЭКОЦАС; 8) ВАС-ИГАД; 9) ЮАТС-САДК; 10) МЕРКОСУР-ЛАИ; 11) ЦА-4-СИКА; 12) ОВКГ-КАРИКОМ; 13) АНЗЮС-ТС + 4 страны-изолята[309]
3. Локальный (соседствующий); группа соседних стран	Более крупное/ сильное государство в рамках группы	Государства, имеющие общую сухопутную границу. (193 государства имеют от 0 до 14 сухопутных соседей, при этом медианным числом является 3 соседа).	$(\sum_{i=1}^{193} n_i)/2$, где n – количество соседей у государства, i – порядковый номер государства. Таким образом, число двусторонних связей = не менее 312 ед..
4. Диадный, два государства	Более крупное/ сильное государство из двух	Все суверенные государства мира, взятые попарно.	n*(n-1) / 2 при n=193 Таким образом, число двусторонних связей = не менее 18 528 ед..

Источник: Барабаш Б. А. Современные малые государства: подходы к операционализации, классификации и уровни комплексного анализа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2023. – Т. 45. – С. 101-117.

[308] Стандарт ООН M.49. URL: https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/ Дата обращения: 01.06.2023.

[309] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021621744 Российская Федерация. Структура современных международных отношений: пространственные веса соседства, основанные на геополитической близости государств мира: № 2021621393: заявл. 08.07.2021: опубл. 16.08.2021 / И. Ю. Окунев; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Важно отметить, что в рамках данной авторской концепции представлены не все значимые форматы сотрудничества. Так, например, объединение ШОС находится на пересечении первой и третьей групп, а БРИКС+ включает в себя по одной-две значимых стран десятой, первой, третьей, девятой, пятой, восьмой и шестой групп.

На **глобальном уровне** могут использоваться абсолютные критерии для анализа всех 193 суверенных государств, что имеет наибольший потенциал для обобщения данных с целью развития теории малых государств. Такие исследовательские проекты как «Политический атлас современности»[310] или «Атлас международных отношений»[311] строятся на строгих математических формулах и позволяют увидеть целые кластеры государств, сформированные в конкретных политических и социо-экономических измерениях. Различные индексы, перечни и списки, построенные на основе одномерного или композитного показателя, также следуют данного логике. Вместе с тем выводы, сделанные на глобальном уровне анализа, могут иметь быть оторванными от динамики международно-политических процессов, не раскрывать конкретные модели и яркие эпизоды поведения государств, их непосредственное влияние на мировую политику, а также восприятие со стороны других государств[312]. Иными словами, подобный анализ хотя и считается количественно всеобъемлющим, тем не менее может быть лишен качественного наполнения. Один из возможных способ решения данной проблемы – привлечение экспертных оценок, которые могут дополнить количественные показатели.

Региональный уровень ограничивает анализ рамками замкнутой группы государств, динамика отношений между которыми имеет свои уникальные особенности[313]. Согласно данному подходу референтным объектом будут являться не все глобальные лидеры, а только региональные державы (или глобальный лидер, расположенный в регионе), находящиеся в непосредственной близости к государствам в рамках анализа. Данный подход

---

[310] Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: Изд-во МГИМО Университет, 2007. – 268 с.

[311] Окунев И.Ю. Атлас международных отношений. Пространственный анализ индикаторов мирового развития. – М.: Аспект-Пресс, 2020. – 448 с

[312] Thorhallsson B., Wivel A. Small States in the European Union: What Do We Know and What Would We Like to Know? // Cambridge Review of International Affairs. – 2006. – Vol. 19. No. 4. – P. 651-668.

[313] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – С. 30-58.

объясняется тем, что пространственный аспект, выражающийся в физической дистанции (абсолютное пространство) между государствами, имеет важное значение для их категоризации на основании мощи[314]. В этом случае применимы относительные критерии с учетом географической пространственной локализации (например, в рамках Северной Африки, Юго-Восточной Азии и др.) или геополитической (в рамках кросс-региональных политико-экономических объединений на основе сотрудничества консультативного, координационного, коалиционного и интеграционного типов[315]). Как представляется, это увеличивает эвристический потенциал анализа, так как лучше учитывает динамику отношений между государствами, но ограничивает степень обобщения выводов или критериев, так как они будут применимы только для конкретного региона. Так, количественные критерии выделения малых государств в Западной Европе не будут применимы для малых государств Карибского бассейна. Однако, сочетание качественных и количественных критериев позволяет несколько разрешить проблему[316]. Учитывая конструктивистский подход к понятию региона, он может являться как географическим, так и геополитическим – т.е. основанным на отношениях союзничества, вражды или конкуренции. Одним из способов операционализации геополитического подхода является применение групп государств в зависимости от их членства в политико-интеграционных группировках.

Локальный уровень анализа соседствующих государств поднимает рассмотрение вопроса на более высокий уровень абстракции, что позволяет преодолеть ограниченность критериев и выводов, полученных на региональном уровне анализа, и учесть международно-политический

---

[314] Bouilding K.E. Conflicts and Defense. – New York, 1962.

[315] Хрусталев М.А. Теория политики и политический анализ. – М., 1992.

[316] Kurečić P., Luša Đ. The economic growth of small states and small economies in regional economic organizations and integrations: similarities and differences // Journal of Education Culture and Society. – 2020. – Vol. 5(1). – P. 261-284.

Kurečić P. Small States and Regional Economic Integrations in the Multi-Polar World: Regional Differences in the Levels of Integration and Patterns of Small States' Vulnerability. // World Review of Political Economy. – 2018. – Vol. 8. – P. 317-348.

контекст, который наиболее ярко проявляется между соседствующими государствами и не зависит от замкнутых региональных групп[317]. В данном случае, однако, островные государства являются исключенными из анализа, так как не вписываются в логику отношений между соседствующими по суше странами. Возможным разрешением данной проблемы является использование расстояния в 20 морских миль между государствами, концептуализируемого как морской границе. Ещё одним минусом подхода является игнорирование влияния внерегиональных акторов, которые могут оказывать существенное воздействие на развитие конкретного государства даже при отсутствии общей границы. Наиболее строгим уровнем анализа следует признать **диадный**, то есть учитывающий попарные отношения каждого государства мира со всеми другими. Подобный анализ, например, связан с концептуализацией микрогосударств как государств, не способных оказывать влияние на другие государства и имеющих равное положение только в ряду с другими микрогосударств[318]. Стоит заметить, что интерпретация малых государств может включать различные уровни анализа, типы критериев и степени абстракции. Так, например, З.Думенски на глобальном уровне с учетом субъективных критериев определяет 9 государств мира (Лихтенштейн, Сан-Марино, Монако, Андорра, Острова Кука, Ниуэ, Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы острова, Палау) в качестве микрогосударств, которые в одностороннем порядке передают определенные атрибуты суверенности более крупным державам в обмен на защиту своей политической и экономической жизнеспособности от географических или демографических ограничений[319]. Как отмечает И.Н.Новикова, подходы к концептуализации зависят и от теоретических подходов к изучению факторов

[317] Барабаш Б.А. Релятивистская концептуализация малых государств с помощью индекса национального потенциала и соседства: пространственный статистический анализ // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 262-281.
[318] Jesse N. G., Dreyer J. R. Small states in the international system: at peace and at war. – Lanham: Lexington Books, 2016. – 197 p.
[319] Dumienski Z. Microstates as Modern Protected States: Towards a New Definition of Micro-Statehood. Occasional Paper. – University of Auckland, Centre for Small State Studies, 2014.

формирования внешней политики государств (политического реализма, либерализма и конструктивизма), а также корреспондирующего с ними этапа изучения международных отношений[320].

Таким образом, использование относительного подхода позволяет разрешить проблемы статичности и произвольности числовых значений, которые наблюдаются при использовании абсолютного подхода, однако, как видно выше, уровень анализа может как значительно ограничить выборку исследователя (только мельчайшие островные и микрогосударства), так и значительно её расширить (все государства, кроме США, Китая, России, других стран БРИКС+, G-7 и G-20).

В этой связи представляется уместным сочетание обоих подходов. Как представляется, именно превращение *абсолютных количественных параметров в относительные* позволяет уменьшить значение проблемы субъективных пороговых значений, так как при такой трансформации учитываются все возможные значения, которые показатели принимают на конкретный момент времени. Так, например, К.Дойч в свое время предложил считать малыми государствами те страны, ВНД которых составляет менее 1$ общемирового ВНП[321]. Более состоятельным, как представляется, следует считать индекс размера государства А.И.Трейвиша, который оценивает среднюю долю стран сразу по всем трем показателям и позволяет выровнять шкалы для осуществления сравнения:

$$\textit{Индекс размера государства}^{322} = \frac{P_t + P_p + P_e}{3},$$

где P_t – процентная доля страны в мире по территории, P_p – процентная доля страны по населению, P_e– процентная доля страны в мире по ВВП. Использование данного подхода с учётом принадлежности стран на геополитическом региональном уровне с учетом принадлежности к

[320] Новикова И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – №3. – С. 219 – 242.
[321] Baehr P.R. Review: Small states: a tool for analysis // World Politics. – 1975. – Vol. 27. No. 3. – P. 456-466.
[322] Трейвиш А.И. Россия среди стран-гигантов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2007. – № 1. – С. 141-158.

сложившимся политико-интеграционным группировкам, как представляется, является допустимым способом сочетания абсолютных и относительных количественных и качественных подходов к операционализации малых государств.

§ 2.2. Типологизация и кластеризация современных малых государств

Второй параграф второй главы диссертационного исследования посвящен типологизации малых государств на основе качественных критериев с использованием широкого подхода к размеру государств, а также установлению перечня малых государств на основе сочетания абсолютного и относительного подходов к операционализации термина с учетом позиционной логики отражения международной иерархии. Для решения этой задачи автором используется индекс размера государства А.И.Трейвиша.

Типология малых государств на основе широкого подхода к операционализации

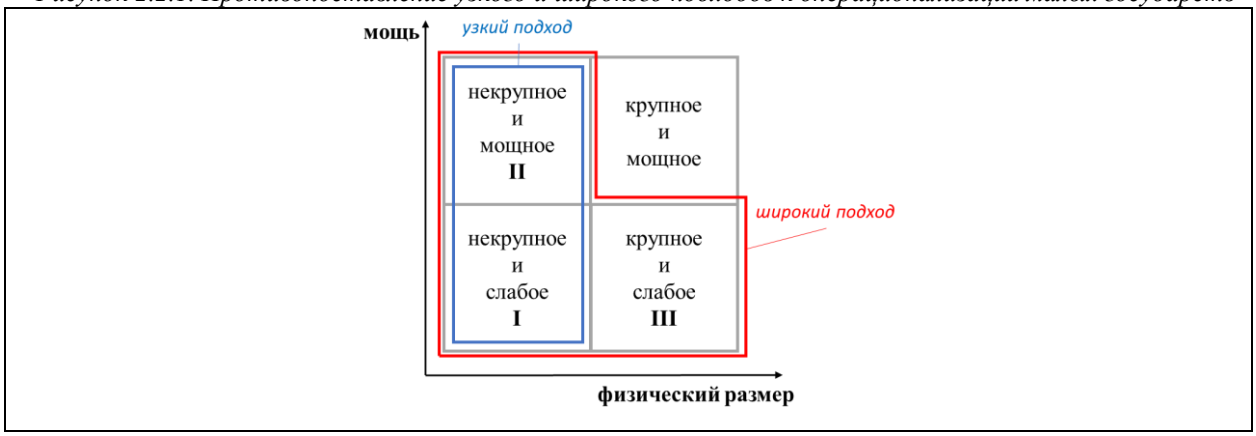
Несмотря на то, что Н.Армструп отмечает[323], что ряд исследователей не ставит перед собой задачу определения сущностных характеристик малых государств и дальнейшего очерчивания границ, отделяющих их от государств других категорий, представляется, что составление рабочего перечня малых государств необходимо для достижения системности дальнейшего анализа их деятельности, так как фундаментальная проблема теории малых государств связана с использованием исследователями различных уровней абстрагирования[324], что затрудняет формирование единого подхода к анализу.

Как уже было отмечено ранее, в публичном и научном дискурсах возможно выделить *узкий и широкий подходы* к операционализации малых государств. Согласно узкому подходу, единственной необходимой характеристикой малого государства является его *некрупный физический*

[323] Armstrup N. The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts. Cooperation and Conflict, Vol. 11, no. 3. – 1976. – p. 163–182.
[324] Porta D.D., & Keating M. Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 365 p.

размер, в то время как, согласно широкому подходу, малое государство – это такая суверенная политика, которая отличается низким статусом и влиятельностью, периферийностью в международных делах и объектностью для своих ближайших соседей – если коротко, отсутствием мощи, или слабостью. При противопоставлении данных подходов выделяются три аналитические категории стран, к которым может быть применим термин «малое государство» – «некрупные и слабые», «некрупные и мощные», а также «крупные и слабые» (см. рисунок 2.2.1).

Рисунок 2.2.1. Противопоставление узкого и широкого подходов к операционализации малых государств

Источник: составлено автором.

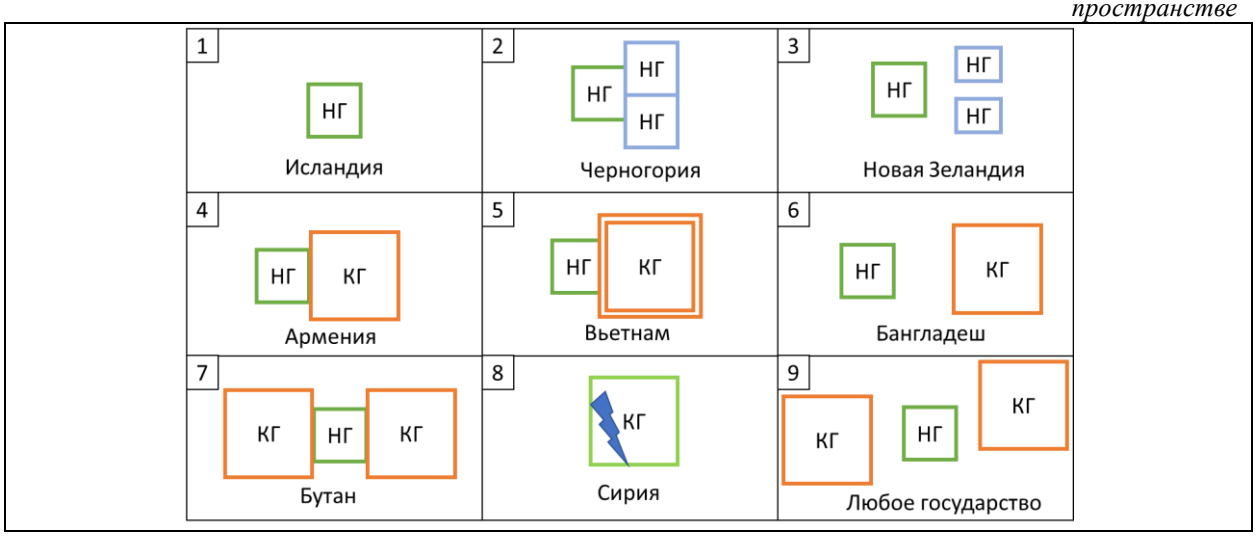
Также нельзя не отметить значимость географического фактора, который определяет положение государства в системе международных отношений[325] и позволяет рассмотреть конкретные государства в региональных комплексах с учетом исторических, экономических, дипломатических и политических отношений с учетом аксиомы о том, что соседствующие государства, как правило, при прочих равных имеют больше общего, чем изолированные государства ввиду сходных предпосылок исторического генезиса (например, государства Восточной Европы, тихоокеанские государства, государства Западной Африки). Впрочем, и из этой закономерности есть свои исключения – например, соседствующие

[325] Maila J. Buffer States: The Issue of Sovereignty. In: Buffer States in World Politics, ed. Chay J., Ross T.E. – Boulder, CO: Westview Press, 1986.

государства на границах геополитических разломов – Индия и Пакистан, Израиль и Палестина, Северная и Южная Кореи).

Использование *принципа относительности вместе с географическим принципом* позволяет составить приближенную типологию идеал-типических моделей концептуализации малых государств, которые используются различными исследователями. Для удобства, каждая из моделей проиллюстрирована представляющимся для автора типичным кейсом (см. рисунок 2.2.2). Данная типология не претендует на исчерпаемость, однако призвана рассмотреть основные встречающиеся в научных работах способы концептуализации малых государств с учетом принципа системности на различных уровнях анализа – глобальном, региональном и локальном и диадном: (1) *изолированное некрупное островное государство* (Исландия или Коморские Острова); (2) *несколько соседствующих некрупных государств* (Черногория рядом с Боснией и Герцеговиной, Сербией, Албанией); (3) *несколько рассеянных островных некрупных государств* (Новая Зеландия, страны Карибского бассейна); (4) *некрупное государство рядом с крупным государством* (Армения на фоне России); (5) *относительно крупное государство рядом с многократно крупным и мощным государством* (Вьетнам на фоне Китая); (6) *относительное крупное государство на фоне регионального или глобального лидера* (Бангладеш на фоне России, Китая); (7) буферное малое (Бутан) ли крупное государство (Монголия) между региональными и глобальными лидерами; (8) *любое несостоявшееся государство (Сирия) как синоним слабого государства;* (9) *любое государство по сравнению с глобальными лидерами, не являющееся ни великим, ни средним.* При этом каждый следующий тип представляет собой восхождение по линии абстракции.

Рисунок 2.2.2. Типология малых государств на основе абсолютных и относительных критериев в пространстве

(НГ – некрупное государство, КГ – крупное государство). Источник: составлено автором.

Принимая во внимание полученные результаты, основанные на количественных параметрах, представляется важным выделить идеал-типическую типологию малых государств (на основе сочетания реального и воспринимаемого размера), а именно:

– **микрогосударства**, занимающие мельчайшую территорию суши и обладающие весьма низкой численностью населения (например, Тувалу); в то же время они могут быть весьма развитыми экономически (например, Монако, Андорра), но в целом неспособны оказывать значительное воздействие на мировую политику в первую очередь из-за своего физического размера;

– **некрупные государства-«клиенты»**, являющиеся зависимыми от великих или региональных держав (например, Бутан для Индии) или играющие роль их проводников (например, Федеративные Штаты Микронезии, имеющие статус свободной ассоциации с США), а потому ограниченные в своих внешнеполитических действиях;

– **некрупные государства-активисты**, играющие непропорционально значимую роль в многосторонних институтах или отдельных сферах международного взаимодействия, например, в третичном секторе мировой экономики или на рынке углеводородов. Являются яркими сторонниками мягкой силы (например, Сингапур, Катар, Швейцария). Государства данного

типа стремятся увеличить свой статус и обладают достаточным уровнем ресурсов для этого;

– **некрупные государства**, характеризующиеся пассивной внешней политикой. Зачастую образуют отдельный географический кластер и ориентированы на построение отношений между собой (малые государства Западных Балкан, Центральноамериканские государства, некоторые африканские государства). Государства данного типа либо не стремятся увеличить свой статус, так как озабочены проблемами безопасности и экономического развития, либо не обладают достаточным уровнем ресурсов для его осуществления;

– **некрупные островные государства**:

– в составе географических кластеров (например, малые державы Карибского бассейна и Тихого океана),

– отдельные изолированные (Маврикий, Мальдивы, Коморы, Исландия),

– отдельные интегрированные (Кипр, Мальта, Ирландия в рамках Европейского Союза),

все из которых играют ограниченную роль в мировой политике и характеризуются неодинаковым экономическим развитием;

– **относительно крупные островные государства**, которые могут считаться малыми по причине соседства с более крупными региональными державами (Куба и Ямайка для США, Новая Зеландия и Папуа-Новая Гвинея для Австралии, Шри-Ланка для Индии);

– **относительно крупные несостоявшиеся государства**, утратившие элементы статусности и субъектности, относящиеся к категории «failed states» и потому играющие скорее роль объектов в рамках региональных подсистем (например, ЦАР, Сирия, Йемен) и/ или главным образом **играющие роль буферных государств** (например Монголия для КНР и России, Непал для КНР и Индии);

– **относительно крупные и самостоятельные государства**, называемые малыми вследствие соседства с более крупным и мощным региональным лидером (Вьетнам для КНР; Беларусь, Армения, Грузия и Азербайджан для России; Бангладеш для Индии), но способные осуществлять активную политику, что изолированно может приближать их к средним державам;

– **формализированные и институционализированные группы малых государств** (например, «Малые островные развивающиеся государства» (МОРАГ) в терминологии ООН; «малые государства» согласно определению Содружества – страны с населением менее 1,5 млн. человек и страны с более высокой численностью населения, но «разделяющие с ними множество смежных характеристик», например, Ботсвана, Ямайка, Лесото, Намибия, Папуа-Новая Гвинея);

– **относительно крупные государства** с низкими показателями экономически эффективной территории или эффективной национальной территории (например, Тунис за вычетом его пустынных территорий).

При этом не все государства с малым населением и/или территорией являются слабыми в международно-политическом контексте, как и не все государства с ослабленной международно-политической статусностью обладают незначительными материальными ресурсами. Отмеченная асимметрия эмпирически может быть проиллюстрирована такими некрупными государствами как Сингапур и Катар, играющими непропорционально высокую (по сравнению с их физическим размером) роль в мировой политике, и, например, Канаду и Бангладеш, которые, несмотря на свои значительные материальные ресурсы и во многом благодаря своему геополитическому положению рядом с региональными и глобальными лидерами, играют более скромную роль в мировой политике, чем потенциально могли бы.

Перечень малых государств на основе сочетания абсолютного и относительного подходов к операционализации

Близость стран мира может определяться не только принадлежностью к географическому региону (абсолютное пространство), но, например, на основе их членства в политико-региональных интеграционных объединениях, в которых достигнута наивысшая на данный момент степень интегрированности (относительное пространство). Фактически речь идет о региональной иерархии стран с учетом глобального измерения[326], которую в данном случае условно можно назвать геополитической, так как выделенное пространство строится на принципе сотрудничества между государствами, в отличие от региональной географической иерархии, пространство в котором выделяется на основе физической близости государств. Отдельным достоинством данного подхода в отличие от сугубо географического является учет ориентации малых государств на своих контрагентов, с которыми они склонны иметь более конструктивные взаимоотношения, так как принимают участие в одном и том же политико-региональном объединении с учетом более однородных интересов, при прочих равных. Таким образом, основным достоинством данного подхода в отличие от сугубо географического является учитывание ориентации малых государств на другие более крупные и мощные государства, с которыми они склонны иметь более конструктивные взаимоотношения, так как принимают участие в одном и том же политико-региональном объединении с учетом более однородных интересов, при прочих равных условиях.

Принадлежность государства к категории малых с точки зрения системного подхода может осуществляться только с учетом *принципа относительности на глобальном уровне*, когда исследователем принимается во внимание *весь спектр суверенных политий*, которые проходят процедуру ранжирования. Для этой цели релевантно использовать две основные

[326] Ponížilová M. The regional policy and power capabilities of Jordan as a small state // Central European Journal of International and Security Studies. – 2013. – Vol. 7. No. 1. – P. 82–102.

переменные, отражающие размер государства – численность населения и площадь территории. Указанные переменные также необходимо дополнить размером ВВП (по паритету покупательской способности), который косвенно отражает размер государства. Данные параметры, согласно Всемирному банку, являются базовыми для любого государства[327].

В рамках концепции настоящего исследования в качестве регионального уровня анализа используется концепция геополитического пространства, разработанная научном коллективом Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России[328], в основе которой кластеризация по регионам осуществляется не непосредственной близостью стран мира и принадлежностью к единому географическому региону, а на основе их членства в политико-региональных интеграционных объединениях, в которых достигнута наивысшая на данный момент степень интегрированности. Всего, согласно данной концептуальной рамке, выделяется 13 региональных блоков, включающих как государств с полным, так и ограниченным членством, а также 4 страны-изолята. Каждый из 13 региональных блоков образует кластер. К каждому из блоков принадлежит от 7 до 45 государств. Статус государства на глобальном и региональном уровнях определяется путем применения количественных методов на основе данных по численности населения (2022 год), протяженности территории (2021 год) и ВВП (по паритету покупательской способности, 2021 год) согласно данным Всемирного банка (Приложение № 2). В каждом из блоков выделены референтные государства, формально или неформально являющиеся лидерами по совокупности трех параметров. Категорирование государств осуществлено с использованием языка программирования Python и библиотеки mapclassify, которая предоставляет инструменты для пространственной классификации данных.

[327] World Development Indicators // Washington, DC: World Bank. – URL: https://databank.worldbank.org/).
[328] Окунев И.Ю. Атлас международных отношений. Пространственный анализ индикаторов мирового развития. – М.: Аспект-Пресс, 2020. – 448 с

Приведенные результаты были получены при использовании метода оптимизации Дженкса, который позволяет разделить непрерывную переменную на несколько классов или категорий таким образом, чтобы внутри каждого класса значения были максимально похожи между собой, а между классами – максимально различны.

На уровне политико-экономических объединений рассчитывается дополнительный индекс, который позволяет идентифицировать региональную иерархию. Категорирование на региональном уровне осуществляется с учетом разделения на три «корзины» – региональные крупные, средние и малые государства. В то время как подобная разбивка на глобальном уровне является слишком обобщающей, на региональном уровне с учетом более компактного числа стран в каждом объединении она представляется более обоснованной. Таким образом, у каждого государства идентифицированы два статуса: глобальный и региональный. При этом не у всех государств он является одинаковым. Результаты кластеризации и категорирования государств согласно избранному подходу приведены в таблице 2.2.1., где указаны государства, имеющие статус малых на глобальном уровне, но средний на региональном; средний на глобальном, но малый на региональном; а также те государства, которые имеют статус малых в обеих иерархиях.

Таблица 2.2.1. Типология малых государств на основе принципа относительности в разрезе политико-экономических интеграционных объединений

Блок (число стран, % суммы значений Индекса)	**Референтные государства**	**Глобальный: малый Региональный: средний (15)**	**Глобальный: средний Региональный: малый (22)**	**Глобальный: малый Региональный: малый (51)**	*+ Малые глобально в случае выделения трех групп (12)*
1 ОВКГ-КАРИКОМ (13 стран, 0,22%), *Карибский кластер*	*нет* (2: Гаити и Гайана, являются малыми на глобальном уровне, но крупными на региональном)	3: Суринам, Ямайка, Тринидад и Тобаго	-	8: Багамы, Барбадос, Сент-Люсия, Гренада, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Доминика, Сент-Китс и Невис	-

2 АНЗЮС-ТС (14 стран, 2,63%) *Тихоокеан. кластер*	Австралия	2: Фиджи, Соломоновы острова	-	9: Вануату, Самоа, Кирибати, Тонга, ФШМ, Маршалловы острова, Палау, Науру, Тувалу	-
3 ЦА-4-СИКА (8 стран, 0,61%) *Кластер Цен. Амер.*	*нет* (Гватемала и Доминиканская республика де-факто)	1: Коста-Рика	-	2: Сальвадор, Белиз	3: Гондурас, Панама, Никарагуа
4 СЕМАК-ЭКОЦАС (7 стран, 1,03%) *Кластер Зап. Африки*	Чад	-	-	2: Экватор-ая Гвинея, Сан-Томе и Принсипи	2: Республика Конго, Габон
5 ВАС-ИГАД (7 стран, 2,45%) *Кластер Вос. Африки*	Эфиопия	-	3: Уганда, Южный Судан, Руанда	1: Бурунди	-
6 ЗАЭВС-ЭКОВАС (15 стран, 3,43%) *Кластер Зап. Африки*	Нигерия, Нигер, Мали	-	-	6: Сьерра-Леоне, Того, Либерия, Гвинея-Бисау, Гамбия, Кабо-Верде	1: Бенин
7 ЮАТС-САДК (15 стран, 3,84%) *Кластер Юж.Африки*	ДРК, Южная Африка, Ангола	-	-	5: Лесото, Маврикий, Эсватини, Коморы, Сейшелы	-
8 СААРК (8 стран, 12,41%) *Кластер Юж.Азии*	Индия	-	2: Непал, Шри-Ланка	2: Бутан, Мальдивы	-
9 МЕРКОСУР-ЛАИ (12 стран, 9,34%) *Кластер ЮжАмерики*	Бразилия, Мексика	-	5: Боливия, Эквадор, Парагвай, Куба, Уругвай	-	-
10 ССАГПЗ-ЛАГ (21 страна, 6,71%) *Аравийский кластер*	Саудовская Аравия, Египет, Алжир	-	8: ОАЭ, Сомали, Сирия, Оман, Тунис, Иордания, Катар, Кувейт	4: Эритрея, Ливан, Бахрейн, Джибути	-
11 АСЕАН+3	Китай	-	3: Сингапур, Камбоджа,	2: Тимор-Леште, Бруней	-

(14 стран, 23,05%) *Кластер АСЕАН+3*			Лаос		
12 ОДКБ-ЕАЭС-СНГ (10 стран, 7,52%) *Кластер ОДКБ/СНГ*	Россия	-	1: Киргизия	2: Армения, Молдавия	2: Азербайджан, Таджикистан
13 НАТО-ЕС-ЕАСТ-ТС ЕС-САА/АА (45 стран, 24,93%) *Западный кластер*	США, Канада, Германия, Франция, Турция, Великобритания	9: Литва, Грузия, БиГ, Латвия, Словения, Исландия, Эстония, Албания, Сев.Македония	-	8: Люксембург, Кипр, Черногория, Мальта, Монако, Андорра, Лихтенштейн, Сан-Марино	4: Хорватия, Словакия, Сербия, Болгария

Источник: Барабаш Б.А. Политико-географическая типология современных малых государств на глобальном и региональном уровнях // Псковский регионологический журнал. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 3-25.

Избранный подход позволил концептуализировать 68 стран в качестве малых государств, 30 из которых являются микрогосударствами[329], а также дополнительно 20 государств, попадающих в условную группу «переходных средних»[330]. Согласно Индексу Трейвиша выделяется от 68 (при трёх «корзинах») до 88 (при девяти «корзинах») малых государств на глобальном уровне и 73 малых государства на региональном уровне (при выделении трёх «корзин»).

Отдельный интерес представляет сопоставление полученных результатов перечнем государств-членов добровольной неформальной группы государств «Форум малых государств» (далее – ФМГ)[331] в рамках

[329] **Малые государства (68):** Гаити, Бурунди, Коста-Рика, Гайана, Сьерра-Леоне, Литва, Того, Либерия, Грузия, Сальвадор, Эритрея, Суринам, Ливан, Босния и Герцеговина, Латвия, Словения, Исландия, Эстония, Албания, Армения, Молдова, Бахрейн, Северная Македония, Люксембург, Ямайка, Экватор. Гвинея, Гвинея-Бисау, Лесото, Кипр, Тринидад и Тобаго, Гамбия, Бутан, Маврикий, Эсватини, Джибути, Фиджи, Тимор-Лешти, Соломоновы острова + из них **микрогосударства (30)**: Бруней-Даруссалам, Черногория, Мальта, Багамские О-ва, Белиз, Мальдивские О-ва, Коморские О-ва, Кабо-Верде, Вануату, Барбадос, Самоа, Монако, Андорра, Лихтенштейн, Сент-Люсия, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские острова, Гренада, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Кирибати, Тонга, Федеративные Штаты Микронезии, Доминика, Сан-Марино, Сент-Китс и Невис, Маршалловы острова, Палау, Науру, Тувалу.

[330] **Переходные средние (20):** Республика Конго, Лаос, Куба, Болгария, Азербайджан, Бенин, Иордания, Таджикистан, Киргизия, Гондурас, Сербия, Габон, Словакия, Катар, Уругвай, Кувейт, Руанда, Панама, Хорватия, Никарагуа.

[331] Forum of Small States – Report of the Conference of Small States – Letter from Singapore. // United Nations. – URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-186176/

системы ООН, основанной в 1992 году Сингапуром[332]. Формально основным критерием участия в работе группы для страны является наличие населения менее 10 миллионов человек, хотя численность населения некоторых государств уже превысила данный порог. По состоянию на 2024 году в состав ФМГ входят 108 стран (Приложение № 1). Представители стран-участниц встречаются несколько раз в год для обсуждения вопросов, представляющих особый интерес для малых государств, несмотря на огромную гетерогенность среди них. С одной стороны, данный перечень является наиболее общим и исчерпывающим из имеющихся формальных списков, так как другие перечни малых государств, образованные на основе их членства в других официальных организациях, ограничены географически или посвящены какому-либо одному вопросу (например, «Малые островные развивающиеся государства» (МОРАГ/SIDS)[333], или «Альянс малых островных государств» (АМОГ/AOSIS)[334], а, с другой стороны, данный перечень частично отражает идентичность государства, так как его добровольное присоединение к ФМГ и участие в его формате отражает согласие политических элит государства с тем, что оно является малым, в отличие от категорирования произведенного сторонними организациями, например, Всемирным банком или ЮНКТАД. Из 101 государства, обладающим населением менее 10 млн чел., 92 являются членами ФМГ, в то время как остальные 16 обладают населением от 10,1 млн чел. до 20 млн чел.

В результате составления рабочего перечня малых государств на основе объединения абсолютного и относительного подходов важно сделать ряд выводов. Во-первых, важно отметить значимую корреляцию между полученным перечнем малых государств и самокатегорированием стран в

[332]Visit to Singapore under the 11th Forum of Small States Fellowship Programme by Permanent Representatives to the United Nations, 24 to 28 July 2023 // Ministry of Foreign Affairs of Singapore. – URL: https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2023/07/11th-FOSS-Fellowship-2023

[333] UNCTAD´s unofficial list of SIDS // UNCTAD. – URL: https://web.archive.org/web/20140201195759/http://unctad.org/en/pages/aldc/Small%20Island%20Developing%20States/UNCTAD´s-unofficial-list-of-SIDS.aspx

[334] Alliance of Small Island States – URL: https://www.aosis.org/

качестве малых, подтвержденных их участием в формате ФМГ. Так, перечни совпадают друг с другом на 74% (за исключением 8 государств, являющихся малыми по Индексу Трейвиша, но не являющихся членами ФМГ[335], и 28 государств, не являющихся малыми по Индексу Трейвиша, но которые входят в ФМГ[336]). Те страны, которые не категорируются в качестве малых с точки зрения глобального и регионального уровней, но входят в перечень членов ФМГ расположены на различных континентах и скорее демонстрирует переходную группу между малыми и потенциальными средними державами с точки зрения их геополитической мощи и влияния (Дания, Беларусь, Новая Зеландия, Венгрия, Финляндия, Чехия, Ирландия, Австрия, Швейцария, Норвегия, Швеция), либо имеют ярко выраженные проблемы с экономическим развитием и пытаются использовать формат ФМГ для их разрешения (ЦАР, Намибия, Мавритания, Папуа-Новая Гвинея, Ботсвана, Сенегал, Замбия, Ливия, Доминиканская Республика). В целом, как представляется, подобные несоответствия в части Индекса наблюдаются по причине неконгруэнтонсти параметров численности населения, площади территории и размера ВВП, расхождение между которыми в последние десятилетия только увеличивается[337], а значит – и различия между малыми по размеру и слабыми по мощи государствами.

В-вторых, отдельный интерес представляет собой группа средних на глобальном, но малых на региональном уровне, государств, получивших данный статус из-за своей географической локализации рядом с крупными соседями, ряд из которых обладает значимыми показателями в сфере экономики. В частности, в данную группу попали Сингапур, ОАЭ, Катар и Кувейт, модель развития которых для многих исследователей является

---

[335] **Не-члены ФМГ, являющиеся малыми по индексу Трейвиша (8):** Республика Конго, Куба, Эритрея, Экваториальная Гвинея, Сан-Томе и Принсипи, Кирибати, Доминика, Тувалу.

[336] **Члены ФМГ, не являющиеся малыми по индексу Трейвиша (28):** Ливия, Монголия, Боливия, Швеция, Норвегия, Замбия, Мавритания, ОАЭ, Намибия, Швейцария, Австрия, Ирландия, Чехия, Финляндия, ЦАР, Сингапур, Папуа-Новая Гвинея, Ботсвана, Венгрия, Парагвай, Новая Зеландия, Сенегал, Доминик. Республика, Камбоджа, Оман, Беларусь, Дания, Тунис.

[337] Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – Москва: Новый хронограф, 2009. – 372 с.

образцовой моделью трансформации из малых периферийных акторов в значимые экономические центры. Наконец, следует выделить отдельные государства, которые часто концептуализируются в качестве малых в научных исследованиях, но, которые ни входит в ФМГ, ни являются малыми согласно Индексу Трейвиша[338].

В-третьих, полученный перечень малых государств по большей части пересекается с типологией малых государств, сформированной выше на основе широкого подхода к операционализации, что подтверждает релевантность его использования.

Основные ограничения используемого метода, как представляется, заключаются в том, что при используемом подходе региональная иерархия строится только на основе участия государств в интеграционных блоках, а значит не принимает во внимание отношения между конфликтующими странами из разных блоков (ярче всего здесь проявляется случай Израиля, полностью окруженного государствами, с которыми он не состоит в интеграционных группировках, и, таким образом является страной-изолятом), а также существование расхождений при выборе количества «корзин» для анализа.

Однако представляется, что применение индекса размера государства А.И.Трейвиша является допустимым способом категорирования стран на великие, средние и малые, так как в целом расположение в общем перечне (см. Приложение 2) государств, занимающих самые верхние и самые нижние строки, не противоречит традиционному представлению об их геополитическом весе, сложившимся в литературе. Наибольшие же различия будут наблюдаться в отношении государств, находящихся в середине списка, которые могут считаться условными переходными типами. Кроме того, принимая во внимание, что позиционный способ отражения иерархии отвечает принципу системности и относительности и делает возможным

[338] В частности, Румыния, Узбекистан, Нидерланды, Украина, Польша.

осуществление категорирования всех государств сразу, применение данного подхода представляется релевантным для выполнения дальнейших задач исследования.

Выводы Главы II

Анализ сложившихся в литературе способов концептуализации и операционализации малых государств выявил необходимость сочетания абсолютного и относительного подходов, так как при использовании первого подхода изолированно сохраняется проблема произвольных пороговых значений переменных, избираемых для операционализации, а при использовании исключительно второго подхода определенное затруднение наблюдается при попытке кластеризации всех государств и осуществления глобального компаративного сравнения. Позиционная логика отражения международной иерархии, которая строится на обладании государствами материальными ресурсами, позволяет разрешить данную проблему, так как основывается на фундаментальных параметрах размера государств, который является необходимым (но недостаточным) основанием для определения его геополитического веса и возможности выживать, развиваться, а также оказывать влияние на мировую политику.

Использование индекса размера государства А.И.Трейвиша позволило провести категоризацию государств на великие, средние и малые с учетом позиционной логики отражения международной иерархии. Полученный перечень не является идеальным, так как исключает некоторые традиционные малые государства и потенциально включает ряд скорее слабых, чем малых государств. Вместе с тем, значимое пересечение (74%) с идентитарным перечнем малых государств, сформированным на основе принципа самопозиционирования подтверждает необходимость использования широкого подхода к операционализации. Установление значимых различий между ними – следующий шаг исследования.

ГЛАВА III.

Традиционные и современные роли малых государств в мировой политике

Во третьей главе диссертационного исследования осуществляется идентификация традиционных ролей пространственно ограниченных и слабых политий, а также их место в теории международных отношений до середины XX века и отдельно в биполярный период, раскрытие основные параметры современной системы международных отношений, определяющих возможности и ограничения малых государств по сохранению и увеличению собственного статуса в мировой политике и их возможностей играть определенные роли. Третья часть главы посвящена всестороннему анализу современных международно-политических ролей малых государств в мировой политике на основе избранного подхода, который заключается в рассмотрении отдельных сфер международного взаимодействия с учетом актуализации малыми государствами их имманентных ресурсов, в рамках двустороннего взаимодействия с ведущими державами, а также в многосторонних институционализированных форматах по выделенным кластерам. Наконец, в четвертой части главы осуществляется идентификация трансформации ролей трех малых аравийских монархий – ОАЭ, Катара и Бахрейна – в современной мировой политике как наиболее ярких примеров малых государств, которым удалось значимо увеличить собственный статус в XXI веке.

§ 3.1. Генезис ролей пространственно ограниченных политий в международных отношениях

В первом параграфе третьей главы диссертационного исследования выделяются традиционные роли малых политий в период до XX века, а также биполярный период. Автором прослеживается эволюционное становление пространственно ограниченных и слабых политий с учетом системных и структурных параметров исторических систем международных отношений с

акцентом на основных ограничениях и возможностях, влияющих на безопасность малых государств, а также степень их самостоятельности, влиятельности, маневренности и способности играть значимые роли для мировой системы.

Довестфальские пространственно ограниченные политии и традиционные роли малых государств до XX столетия

Обособленное направление изучения малых государств зародилась в XX веке на фоне появления большинства современных стран в качестве национальных государств малого размера с ограниченными мощью и влиянием. Вместе с тем идентификация трансформации места, ролей и функций малых государств на современном этапе не представляется возможным без анализа эволюции основных вызовов и возможностей исторических пространственно ограниченных политий в сравнении с другими формами социально-политической организации общества. Системный подход позволяет выявить основные закономерности и тренды развития без необходимости рассматривать внешнеполитическую деятельность конкретных политий детализировано[339], что является важным шагом для обобщения практик и способов функционирования современных малых государств на международной арене с учетом их ролей и статуса в конкретных системах международных отношений.

С учетом ретроспективного анализа релевантно выделить два основных качественно различных периода с точки зрения состава и типов субъектов межполитийных отношений – довестфальский период с конкурирующими формами политий, включая древние города[340] и города-государства[341], а также вестфальский период, в рамках которого выделяется системообразующее национальное государство (см. таблицу 3.1.1.).

---

[339] Цыганков П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – №1. – С. 25-40.

[340] Вебер М. Город. Понятие и категории города // Избр. произведения: образ общества. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

[341] Ачкасов В.А. Политология: проблемы теории. — СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 383 с.

Таблица 3.1.1. Основные исторические субъекты комплекса межполитийных отношений.

Довестфальский период		
Исторический период	**Конкурирующие субъекты**	
Древность	Племя, союз племен, вождество, древний город, исторический город-государство (полис), древняя империя, кочевое государство.	
Раннее средневековье	Феодальное государство (герцогства, королевства, княжества, маркграфы, и т.д.), свободный город, союзы городов, феодальная империя, религиозный орден и церковь.	
Вестфальский период		
Исторический период	**Системообразующий субъект**	**Второстепенные субъекты**
XVI-XIX вв.	Национальное государство (включающее все многообразие политий данного типа).	Современный город-государство, классическая империя, колония.
XIX-XXI вв.	Национальное государство | сегменты-государства, непризнанные и самопровозглашенные государства, зависимые территории.	Глобальный город (сети городов), ТНК, МПО, МНО, СМИ, ОПГ, внутригосударственные регионы, террористические группировки, наднациональные единицы, этнические и религиозные движения, персоны

Источник: составлено автором.

До складывания Вестфальской системы международных отношений нерелевантно говорить о сферах международного взаимодействия, в этой связи использование концепции международно-политических ролей малых или слабых политий представляется ограниченным.

Несмотря на наличие конкурирующих точек зрения о том, какие факторы имели более значимое влияние на появление, разрастание и исчезновение государств – экономические, религиозные или династические, представляется релевантным оценка, согласно которой до XX века именно военные действия имели катализирующий эффект на появление и разрастание государств. Как отмечает Ч.Тилли, внесший знаменитую формулу «войны создают государства, а государства ведут войны» в политологическую науку, военные действия, которые со временем переживаю революционные изменения и становятся всё более эффективными и дорогостоящими приводят к появлению более крупных и могущественных государств, которые, в свою очередь, получают возможность накапливать еще больше ресурсов путем дальнейшей экспансии, «лишая жизни» мелкие и менее эффективные политии. Это привело к тому, что в европейской системе наблюдалось около 200 государств в 1500 году, а в канун Первой мировой войны едва превышало 25

единиц[342]. По своей сути данный подход является применением закономерностей эволюционного дарвинизма в социальных и политических науках и подчеркивает базовые потребности в развитии, экстенсивном расширении и обеспечении собственной безопасности. Хотя эмпирическая проверка подобных теорий высокого уровня в настоящий момент встречает противоречивые оценки, особенно в части соотношения влиятельности факторов между собой[343], следует согласиться, что на фоне особенно явного значения мощи в данный период и необходимости построения баланса сил *выживание и обеспечение собственной безопасности* как базовые потребности[344] всегда являлись краеугольным камнем для любого типа политий, особенно территориально ограниченных и более слабых, начиная с древнейшей эпохи при доминировании экстенсивной модели развития, когда приращение территории и населения было основным драйвером развития[345], до середины XX века[346], когда захватнические войны перестают быть одним из драйверов развития и признаются недопустимыми[347], а усложнение комплекса взаимоотношений между государствами приводит к укреплению их взаимозависимости и институционализации отдельных сфер мировой политики[348].

Так, как отмечает Л.Кроллен, в Китае в периоды Чуньцю (Вёсен и Осеней) (771-483 гг. до н.э.) и Сражающихся царств (403-221 гг. до н.э.) более мелкие политии поглощались более крупными согласно принципу социального дарвинизма до тех пор, пока не оставалось лишь небольшое число государств, колеблющееся от десяти до пятнадцати единиц, и не достигался

---

[342] Cederman L-E, Galano Toro P, Girardin L, Schvitz G. War Did Make States: Revisiting the Bellicist Paradigm in Early Modern Europe. International Organization. – 2023. – 77 (2). – P. 324-362.
[343] Abramson S. F. The Economic Origins of the Territorial State. International Organization – 2017. – Vol. 71 (1). – P. 97–130.
[344] Сушенцов А.А. Конфликтное поведение в современной теории международных отношений (психологический аспект) // Вестник МГИМО. – 2011. – №5. – С. 12-20.
[345] Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. - М: Аспект пресс, 2018. – 296 с.
[346] Carr E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. – New York: Harper Perennial, 1964. – 244 p.
[347] Опарина М. В. Правовое регулирование применения силы в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2010. – №4(47). – С. 71-84.
[348] Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. - Little, Brown, 1977. – 273 p.

своего рода эквилибриум, или баланс сил. В относительно замкнутой системе у малых политий, не имеющих выгодное экономико-географическое положение и не находящихся на периферии, а значит не способные проводить политику изоляционизма или нейтралитета, в арсенале было только два выхода – быть поглощенными другой более крупной политией (прообраз ***стратегии примыкания*** (bandwagoning), либо искать защиты у третьей крупной политии, становясь её протекторатом или сателлитом (прообраз ***стратегии балансирования*** (balancing)[349]. И в том, и в другом случае, малая полития теряла свою независимость, а значит и субъектность, и не выживала[350].

Вместе с тем, нельзя не отметит исторический вклад отдельных малых политий в развитие человечества[351]. Так, важнейшими типологическими свойствами древних городов и полисов являлись *успехи в торговле и предложение новаций, конкурентное экономико-географическое положение*, а также *высокая производительность сельского хозяйства*, сыгравшая исключительную роль в качестве двигателя человеческого развития. Можно заключить, что основная *роль древних городов как этапа развития* состояла в том, что в них, по сути, произошло зарождение цивилизации благодаря объединению людей в компактное и эффективное поселение с учетом климатических и ландшафтных факторов, а также дихотомии «свой/чужой» на основе чувства самоидентификации[352]. Основные достоинства *итальянских городов* являются продолжением греческих городов-государств, или полисов на новом качественном этапе. Так, каждый из них обладал своей *специализацией*, был ориентирован на *развитие инноваций*, в том числе раннекапиталистических принципов путем *торговли*, что позволяло им не

---

[349] Скриба А. С. Реализм и политика малых государств в XXI в // Политика и общество. – 2014. – № 3(111). – С. 347-357.
[350] Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.
[351] Окунев И.Ю., Барабаш Б.А. Город-государство в современном мире: Отличительные черты, преимущества и проблемы // Историческая география. – 2020. – № 4. – С. 391-415.
[352] Таганова А.А. Личностная идентичность и понимание значимых Других: Автореферат диссертации канд. психол. наук. – Краснодар, 2004.

только выживать, но также наращивать мощь и создавать условия для интеллектуального и художественного расцвета эпохи Возрождения[353]. Оформление коммунального движения итальянских городов в качестве новой политической структуры в отличие от английских и французских коммун, сразу же поглощенных территориальными монархиями, признается важным социально-политическим феноменом данной эпохи (а сами коммуны продолжают играть важную роль в социально-политическом измерении современной Италии[354]). Освобождение городских жителей от власти сеньоров позволило итальянским городам-государствам накапливать ресурсы и становиться центрами международной торговли, финансовых операций и интеллектуальными местами сосредоточения[355], которые в дальнейшем внесли значительный вклад в государственное строительство Италии и зарождению капитализма для Европы[356], а также продвижению идеи нации-государства как деятельного продукта жителей[357].

Появление финансовых инноваций в Европе начиная с XVII века в виде акционерных компаний и центральных банков, развитие вооружения, а также промышленный переворот XVIII-XIX вв. привели к тому, что европейские малые государства получили возможность наращивать свои ресурсы не только за счет экспансии, но и благодаря интенсивному развитию[358], в результате чего многие государства получили возможность увеличить темпы своего развития и компенсировать менее благоприятное экономико-географическое положение. Ганзейский союз[359], представленный свободными городами Бремен, Любек, Гамбург, добившимися самоуправления, использовал экономическое могущество для оказания значительного дипломатического

---

[353] *Epstein S.R.* The Rise and Decline of Italian City-states. – L.: London School of Economics, 1999.
[354] Шашкова А.В. Проблемы территориального деления Италии // Социально-политические науки. – 2018. – №1.
[355] Фергюсон Н. Восхождение денег. – М.: Астрель: CORPUS, 2010.
[356] Jones P. The Italian City-State: From Commune to Signoria. – L.: Oxford University Press, 1997.
[357] Spruyt H. The Sovereign State and its Competitors: An Analysis of Systems Change. – Princeton: Princeton University Press. – 1994.
[358] Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. - М: Аспект пресс, 2018. – 296 с.
[359] Dollinger P. The German Hansa. – Stanford University Press, 1970.

влияния на своих соседей, конкурируя со складывающимися государствами-нациями[360]. Однако после становления Вестфальской системы международных отношений города-государства становятся изолированными, так как вынуждены оперировать в политической среде, в которой доминируют другие, более мощные политии, в то время как империи как особая форма пространственной организации постепенно трансформируется в крупное национальное государство[361]. В этой связи Ю.Хабермас в своей работе «Гражданство и национальная идентичность» справедливо говорит о трех формах государственности в Европе в это время: империи, федерации и территориальные государства, сформированные на основе королевств[362]. Современные немногочисленные города-государства полностью окружены территориальными государствами: Ватикан является центром Католической церкви[363], княжество Монако среди прочего является значимым туристическим пунктом назначения[364], а Сингапур, используя выгодное физико-географическое положение, является лидером в банковской, торговой и финансовой сферах, а также в региональных перевозках[365]. Основные конструктивные роли городов-государств как пространственно ограниченных форм резюмированы в таблице 3.1.2.).

Таблица 3.1.2. Исторические конструктивные роли городов-государств (ГГ).

Критерий выделения	**цивилизационно-временной**	**цивилизационный**		**временно-цивилизационный**	**временной**	
Временной период	древние ГГ	греческие полисы	итальянские ГГ	свободные города СРИ	искусственные ГГ	современные ГГ
Типичные примеры	Урук, Мемфис	Афины, Спарта	Венеция, Генуя	Любек, Бремен	Данциг, Зап. Берлин	Сингапур, Гонконг

[360] Aurobindo S. The Ideal of Human Unity. – L.: Sri Aurobindo Ashram Publication Department, 1970.
[361] Spruyt H. The Sovereign State and its Competitors: An Analysis of Systems Change. – Princeton: Princeton University Press. – 1994.
[362] Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность / в кн.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Academia, 1995.
[363] Ковальский Н.А. Ватикан на мировой арене // Современная Европа. – 2001. – №2(6).
[364] Табаринцева-Романова К.М. Политика и дипломатия Европейских микрогосударств в сфере культуры // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2023. – №3(33). – С. 146-156.
[365] Бурова Е. С. Новый мировой порядок: взгляд из Сингапура // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2024. №1. – С. 108-115.

Роли в качестве драйвера развития	зарождение цивилизации	основа европейской культуры, демократия	рождение капитализма	экономический подъём Европы, финансовые новации	практика трансформации политики управления	специлизация, возвращение интереса науки

Источник: составлено автором

Большинство исторических городов-государств в рамках логики политического реализма не смогли обеспечить собственную безопасность и были либо уничтожены соседним агрессивным окружением, либо насильно включены в состав других государств, не сумев найти адекватный ответ на соответствующий вызов, или же добровольно объединились с соседними городами-государствами или другими территориальными государствами (территориально расширились).

Рубеж XVII-XVIII веков, в общем, и зачатки основ Вестфальской системы международных отношений, в частности, знаменуют собой своеобразный водораздел, начиная с которого государство-нация постепенно утверждается в качестве системообразующего актора международных отношений. Европа становится международной системой с относительно равным распределением дипломатических и военных ресурсов среди мощных государств, позднее названных великими[366]. Распад Священной Римской Империи в XVI веке привел к появлению более пятиста независимых политических единиц: от свободных городов и разного рода церковных властей до герцогств и королевств, однако за четыре века функционирования системы баланса сил на политической карте Европы осталось немногим более 25 государственных образований[367]. По-видимому, именно в XVIII-XIX веках на фоне достижений промышленной революции, развития военных технологий и переплетения экстенсивных и интенсивных путей развития происходит окончательное объединение идеи *состоятельного национального государства с идеей о сильной, великой державе*, зенитом которой можно признать события Великой французской революции – в противовес основным

[366] Holsti K.J. International Politics. A framework for Analysis. – Englewood Cliffs, New Jersey, 1967.
[367] Wright A. A Study of War. – Chicago, 1942.

посылам Платона и Аристотеля о достоинствах малости политий, которые, в частности, отстаивал и Монтескье, писавший о том, что чем меньше у государства территория, тем больше в ней демократии (так как республика как форма правления может существовать исключительно на малой территории), а внешняя проблема безопасности может быть решена путем создания конфедерации между малыми государствами[368]. Примерно в это же время на американском континенте появляется новое крупное государство, отцы-основатели которого «развернули» аргумент о малости на 180 градусов. Как известно, именно Дж.Мэдисону принадлежит новаторская идея, изложенная им в эссе Федералист № 10, суть которой заключается в том, что различия между индивидами и несовпадение их интересов являются частью человеческой природы, а потому их нужно принимать во внимание при формировании модели управления государства и создании его фундамента. В данном эссе приводятся аргументы в пользу большой республики по сравнению с малой, так как в большой республике разнообразие интересов более велико, а значит и формирование единого большинства (фракции) более затруднено, что лучше подходит для соблюдения интересов всех граждан[369].

Важно отметить, что до Венского конгресса в XIX столетии формального разделения государств на великих и малых не осуществлялось[370]. Т.В.Зонова отмечает, что одним из их главных институциональных формальных отличий этого периода являлась возможность первых обмениваться послами, в то время как вторые могли обмениваться лишь посланниками и поверенными в делах[371]. Как отмечал Р.Ротштейн, «великие державы должны были принимать решения, а малые государства – подчиняться»[372]. В этой связи пионер политической географии Ф.Ратцель,

---

[368] Montesquieu S. About the spirit of the laws. Book 1-9. Moscow: Direct Media, 2011. – 232 p.
[369] Madison J. The Federalist Papers. In: The Federalist Papers, ed. L. Goldman. Oxford: Oxford University Press, 2008.
[370] Rothstein R.L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.
[371] Зонова Т.В. Вестфальская система // Вестник МГИМО – Университета. – 2008. – № 1. – С. 78-80.
[372] Rothstein R.L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.

автор законов экспансии, или «пространственного роста государства», обосновывающих неизбежность территориальных завоеваний, отводил минимальную роль малым государствам, скорее, как исключениям из правила[373]. Автор термина «геополитика» Р.Челлен отмечал, что полный опасностей политический статус малых государств может быть несколько нивелирован их буферным положением, которое может оказаться экономически выгодным, а также писал о том, что важным отличием малых государств от великих держав является стремление первых к сохранению статуса-кво в противовес экспансионизму вторых[374].

Между тем, как отмечает Л.Кроллен, Европейская многополярная система международных отношений с 1815 по 1914 гг. системно подразделяется на три периода в зависимости от степени соперничества: эпоха согласия между великими державами (1814-1854), эпоха острого соперничества (1854-1890) и эпоха поляризации (1890-1914)[375]. В то время как первый период характеризуется практически полным отсутствием многосторонних институционализированных площадок по политическим вопросам, на которых малые государства могли бы заявить о себе[376], второй отличается нормализацией участия малых государств в многосторонних форматах. Как отмечает Р.Ротштейн, система того периода была достаточно гибкой, чтобы позволить великим державам подавлять инициативы малых держав в одной из сфер, пока они конфликтовали между собой в другой[377]. Примыкание к альянсам стало носить более отчетливый характер, в частности, это иллюстрируется вступлением Сардинии в альянс с Великобританией и Францией против России в 1855 году в рамках Крымской войны[378]. Третий период Венской системы характеризуется нарастающей поляризацией,

---

[373] Исаев Б.А. Геополитика: Хрестоматия. – СПб.: Питер, 2007.
[374] Kjellén R. The State as Lifeform. – 1917.
[375] Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.
[376] Cook B.A. Belgium: a history. – New York: Peter Lang, 2004.
[377] Rothstein R.L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.
[378] Горшкова Е. А. К вопросу об участии Сардинского королевства в Крымской войне в 1855 - 1854 гг. // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – №4-2 (25). – С. 140-141.

которая вылилась в начало Первой мировой войны. Своеобразным триумфом малых государств является их участие в Гаагских конференциях (1889 и 1907 годы) на принципе формального равенства (на конференции были приглашены 26 и 47 государств, соответственно)[379]. Перед наступающей великой войной малые государства, особенно расположенные в юго-восточной Европе, стали цениться как важные союзники, которые могли перевесить чашу весов военных блоков по совокупной мощи и, таким образом, блокировать инициативы отдельных великих держав[380]. Нейтралитет периферийных северных малых государств, в частности, также являлся одним из инструментов повышения собственного влияния[381].

На североамериканском континенте в начале XIX века зарождающейся новой великой державой США формируется собственный режим взаимодействия со своими малыми соседями, оформленный доктриной Монро, которая провозглашала американский континент зоной, закрытой для вмешательства европейских держав. Значение доктрины Монро для положения малых государств западного полушария необходимо оценить как противоречивое. С одной стороны, на первых порах она защищала их от повторной колонизации европейскими державами, способствовала укреплению суверенитета и регионального сотрудничества в рамках сообщества латиноамериканских государств, поощряла свободу торговли, что укрепляло их развитие. Однако, с другой стороны, на фоне усиления «великодержавности» США в XIX-XX веках, последние стали всё более явно ограничивать внешнюю политику малых государств, увеличивать собственную экспансию и экономический разрыв в регионе, прямо

[379] Николаев Н. Ю. Проблемы войны и мира на страницах журнала "Вестник Европы" в 1898-1899 гг. (по материалам Л. З. Сломнимского) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – №1. – С. 86-91.
[380] Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. - М: Аспект пресс, 2018. – 296 с.
[381] Фокина С.В. Основные этапы становления и развития нейтралитета в европейском пространстве (на примере Швейцарии и Австрии) // Манускрипт. – 2016. – №3-1(65). – С. 183-187.

осуществлять интервенции с целью обеспечения собственной безопасности и установления контроля на ресурсами[382].

В Европе отдельные малые государства имели более выраженную возможность играть на противоречиях между великими державами. Так, например, вступление Румынии в альянс с Германией позволило первой получить защиту от Болгарии несмотря на явное нежелание Австро-Венгрии[383]. Сами малые государства по сути впервые получили возможность строительства собственных альянсов, как это произошло с созданием Балканского Союза в 1912 году, позволивших малым балканским странам вернуть себе последние европейские территории Турции, в то время как великие державы предпочли не вмешиваться в конфликт[384].

Таким образом, в условиях многополярной системы Венского концерта можно констатировать, что **безопасность** малых государств во многом зависела от типа взаимоотношений между великими державами и была склонна находиться в обратной зависимости от их **манёвренности**. При этом следует обратить внимание на первостепенное значение показателей военной мощи и возможности участвовать в военных конфликтах в данную эпоху. В этой связи справедливым представляется вывод о том, что в условиях отсутствия институционализированных надгосударственных структур и относительно низкой взаимозависимости у малых государств Европы помимо весьма ограниченной возможности наращивания военной силы имелся скромный инструментарий для достижения выживания и повышения собственной влиятельности, и ограничивался традиционными стратегиями в рамках реалистической традиции: *стратегией изоляционизма, примыкания и балансирования***,** успех каждой их которых зависел от целого ряда параметров: от расположения конкретного государства до конъюнктуры его отношений с великими державами. Представляется, что именно эпоха Венского конгресса

[382] Coyne C. J. In Search of Monsters to Destroy: The Folly of American Empire and the Paths to Peace. Independent Institute, 2022.
[383] Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.
[384] Там же.

зародила публицистический и научный дискурс о традиционной роли малых государств прежде всего как объектах международных отношений.

Место малых государств в мировой политике в XX веке

Как отмечает Т.Матисен, во время Первой мировой войны (1914-1918) защита малых государств стала одним из инструментом великих держав в рамах воюющих блоков[385]. Так, на протяжении войны В.Вильсон, один из основателей политического идеализма, выступал за справедливость в противовес гегемонии и требовал равного отношения как к сильным, так и к слабым государствам. Как известно, именно по результатам Первой мировой войны в Европе появилось множество новых государств на обломках Австро-Венгерской, Российской и Германской империй. Принцип формального равенства, впервые проявившийся на Гаагских конференциях, был явно нарушен на Парижской мирной конференции (1918-1919), на которой только США, Британия, Франция, Италия и Япония, представляющие «воющие державы с всеобщими интересами», определяли основы послевоенного миропорядка. На конференцию также были приглашены «воющие державы с узкоспециальными интересами», которые включали в себя 18 государств (а также Индию и другие доминионы Великобритании), представители которых приглашались на собрания, только если затрагивались интересы их стран. Нейтральные государства и государства в процессе нациестроительства могли быть заслушаны на заседаниях только при разрешении «новой великой пятерки»[386]. Таким образом, как и в случае с Венским конгрессом, зарождение новой системы международных отношений вновь отличилось «обнулением» принципа формального равенства великих и малых государств.

В *межвоенный период манёвренность* малых и более слабых политий *увеличилась*, поскольку они достигли почти полного формально-юридического равенства в рамках Лиги Наций как предтечи полномасштабной

[385] Mathisen T. The Functions of Small States in the Strategies of the Great Powers. – Oslo, 1971. – 287 p.
[386] Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.

глобальной международной организации (наибольшее число членов, 58 государств, входили в организацию в 1934-1935 гг.). Как отмечает У.Раппард[387], после Первой мировой войны у архитекторов международной безопасности имелись различные планы по диверсификации членов будущей Лиги. Так, высказывались предложения о закреплении в уставе помимо великих держав так называемых промежуточных государств, стоящих по рангу ниже, чем великие (Испания, Венгрия, Турция, Центральная Россия, Польша, Великая Сербия и другие), а также всех остальных второстепенных государств[388]. Потребность включения большинства независимых на тот момент стран в единую организацию объяснялась необходимостью согласования интересов всех держав для предотвращения новой мировой войны, однако значительная разница в их потенциалах заведомо сводила на нет идею эффективного сотрудничества государств. Кроме того, ярким свидетельством наблюдавшихся асимметрий являлся отказ Лиги в принятии Лихтенштейна, Монако и Сан-Марино в её члены по причине крайне малого размера и неспособности осуществления эффективной бюрократии. В целом, проблема, по общему мнению, состояла в том, чтобы согласовать принцип равенства государств с необходимостью создания органа, достаточно сильного, чтобы иметь решающий вес в мировом сообществе, и в то же время достаточно небольшого для эффективного действия[389].

Создание Совета, состоящего из пяти постоянных великих держав и четырех непостоянных малых государств (первые из которых – Бельгия, Бразилия, Греция и Испания), стало компромиссом «между правом и политикой, между юридической теорией, традицией и политической

[387] Rappard W.E. Small States in the League of Nations // Political Science Quarterly. – Vol. 49, № 4. – 1934. – pp. 544-575.
[388] Miller D.H., Butler N.M. The Drafting of the Covenant. – New York and London: G.P.Putnam’s Sons, 1928. – VIII, 555 p.
[389] Якунин В.И. От Лиги Наций к ООН: аксиологическая повестка и проблема ценностной конвенциональности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2019. – №4. – С. 11-21.

целесообразностью»[390]. Как отмечает У.Раппард, политическое неравенство между великими державами и малыми государствами существовало всегда, но формальное и всеобщее признание правового неравенства в рамках первой глобальной международной организации между ними было поистине революционной новацией. Отсюда, как представляется, следует увеличение политического веса малых держав в Лиге как слабых в военном отношении, однако способных вносить более значительный вклад в трансформацию мирового порядка. Кроме того, будучи лишенными постоянных мест в Совете, малые державы выполняли важную функцию в обеспечении международных конференций и комиссий Лиги председателями и другими штатными сотрудниками. В этой связи можно сделать вывод о *роли малых держав как легитимизирующих* первую глобальную международную организацию государств в качестве таковой в отличие от предыдущих односторонних блоков великих держав.

Формальное равенство и увеличенная манёвренность малых держав, однако, не отменяли неравенство на практике, которая, в частности, проявлялась в непропорционально высокой доле служащих, происходящих из великих держав, и связанной с ней более высокой доле финансирования по сравнению с малыми державами[391]. Страны, претендовавшие на звание великих или промежуточных держав, не зашли в своих притязаниях так далеко, чтобы воспрепятствовать вступлению СССР в Лигу Наций в сентябре 1934 года, и не объявляли о своем выходе из Лиги, как это сделали Бразилия и Испания в 1926 году. У.Раппард отмечал, что по сравнению с великими державами *малые выигрывают больше и рискуют при этом меньше, подчиняя свои собственные амбиции поддержанию закона и порядка в мире* согласно формуле «отсутствие мощи приводит к любви к закону («lack of might equals love of right»). Примечательно, что исследователь также делал вывод о том,

[390] Rappard W.E. Small States in the League of Nations // Political Science Quarterly. – Vol. 49. No. 4. – 1934. – pp. 544-575.
[391] Сильченко Ю. С. Еще раз о принципе единогласия в международном праве // ВЭПС. – 2011. – №3. – С. 136-140.

что «если малые государства и менее грешны, чем великие державы, то это не потому, что они более святые, а лишь по той причине, что являются менее склонными быть успешными грешниками»[392]. По сути, данный посыл перекликается с идей неореализма К.Уолтца о том, что все государства отличаются друг от друга только потенциалами[393]. За время деятельности Лиги Наций согласие между великими державами и малыми государствами вопреки их предполагаемому зависимому положению не было частым: наблюдалось отсутствие единых подходов по таким вопросам, как выплата репараций, создание единого европейского сообщества, разоружение, подписание пактов (в частности, пакта Бриана-Келлога и пакта четырех держав) и создание военно-политических и экономических блоков[394].

У.Раппард выделяет следующие функциональные особенности малых держав в рамках Лиги Наций: более выраженная свобода слова и возможность высказывать позиции, которые не могут быть артикулированы великими державами открыто, но выражающие общее мнение мирового сообщества, в частности по вопросами мира; стремление играть роль сторонников «доброй воли» и призывать великие державы к смелому и конструктивному руководству; выход из состава участников и угроза выхода из состава, что сказывается на общем уровне легитимности организации; осуществление инициатив по реформированию типов членов в Совете Лиги Наций и способов их избрания (в частности, предложение Аргентины в 1920 году трансформировать все места в Совете в избираемые), а также сроков пребывания в Совете (отзыв заявления Испании о выходе из Лиги Наций после того, как ей предложили возможность переизбраться в качестве члена с правом переизбрания на неопределенный срок); а также протестов по поводу

[392] Rappard W.E. Small States in the League of Nations // Political Science Quarterly. – Vol. 49. No. 4. – 1934. – pp. 544-575.
[393] Waltz K.N. Theory of International Politics. – New York: Random House, 1979.
[394] Rappard W.E. Small States in the League of Nations // Political Science Quarterly. – Vol. 49. No. 4. – 1934. – pp. 544-575.

вступления новых членов (например, выход Бразилии из состава участников в 1926 в связи с принятием Германии в качестве постоянного члена)[395].

Примечательно и то, что по словам исследователя, в то время как в начале существования Лиги Наций делегаты от малых государств были склонны отстаивать принцип равенства и отрицать законность любого юридического различия, к началу Второй мировой войны они были склонны признавать и даже подчеркивать это различие для того, чтобы *возложить ответственность за неудачи* Лиги на великие державы, которые ввиду своей значимости и обладания ресурсами оказывали решающее влияние в мире. В этой связи можно говорить о *первых ярко выраженных попытках малых держав установить моральное превосходство* перед великими державами, которые позднее станут одной из сопутствующих стратегий малых государств.

Подъем ревизионистских держав в 1930-х годах ознаменовал собой *самый небезопасный период* для малых государств со времен наполеоновских войн, однако, как и в период поляризации Венской системы, они стали представляться в качестве важных союзников как для сдерживания Германии, так и СССР. Однако их безопасность и само выживание оказались под прямой угрозой, и многие современники предсказывали их исчезновение[396]. Нейтралитет оставался одним из доступных инструментов избегания войны[397], в частности эта стратегия была успешна применена Швейцарией и Ирландией, но не являлась гарантией для выживания (нейтральные Бельгия, Нидерланды и Норвегия не избежали нападения, хотя придерживались нормам достаточно долгое время и успели выработать соответствующую идентичность)[398].

Таким образом, в Версальско-Вашингтонской системе проблема выживания и достижения безопасности для малых государств всё также

---

[395] Там же.
[396] Handel M. Weak States in the International System. – London: Frank Cass and Company Limited, 1981. – 318 p.
[397] Baker F. A. The Power of Small States: Diplomacy in the World War II – Chicago: Chicago University Press, 1959.
[398] Jesse N. G., Dreyer J. R. Small states in the international system: at peace and at war. – Lanham: Lexington Books, 2016. – 197 p.
Fox A.B. The Power of Small State: Diplomacy in World War II. – Chicago: The University of Chicago Press, 1959.

остается острой. Важно отметить и то, что к имеющимся стратегиям примыкания, балансирования и изоляционизма у малых государств межвоенного периода *появляется новый инструмент повышения собственной манёвренности* – деятельность в рамках Лиги Наций. Впервые исследователи отмечают стремление малых держав установить моральное превосходство и соблюдать зарождающееся международное право. Данный период следует признать наиболее динамичным для малых держав ввиду сохранения многополярности и увеличения доступного инструментария, который, однако, не смог предотвратить новую войну, в результате которой абсолютное большинство малых держав Европы потеряли свою независимость, что подтверждается словами министра иностранных дел Норвегии Х.Кохта в его статье 1937 года[399]. К неутешительному выводу приходит и Л.Кроллен, говоря о том, что чем больше малые державы могли навязывать свои взгляды не желающим этого великим державам (в частности, в контексте безопасности в рамках международных организаций), тем меньше последние могли контролировать события[400].

Параметры системы международных отношений времен **холодной войны** являются исключительно важными для понимания условий, в которых зародилась школа изучения малых государств[401]. Развитие коммуникационных и транспортных технологий предоставляют беспрецедентные возможности ранее изолированным акторам стать более вовлеченными в мировую систему, в то время как развитие ядерного оружия и систем полного взаимного уничтожения выводит проблему безопасности на общемировой уровень, парадоксально как бы уравнивая все государства между собой[402]. Основы новой, послевоенной системы международных

[399] Koht H. Neutrality and Peace: The View of a Small Power // Foreign Affairs. – 1937. – Vol. 15. No. 2. – P. 789-793.
[400] Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.
[401] Новикова И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – №3. – С. 219 – 242.
[402] East M. Stratification and International Polities: An Empirical Study Employing the International Systems Approach. – Princeton University, 1970.

отношений, впервые являющейся поистине глобальной[403], были заложены СССР, США и Великобританией, которые стремились институционализировать свой особый статус в связи с особым вкладом в борьбу с нацизмом и фашизмом[404]. *Организация Объединенных Наций* в этом смысле является символом новой эпохи. Хотя в уставе ООН содержится принцип формального равенства как *«веры <…> в равенство прав больших и **малых наций**»* и создания организации *«на принципе суверенного равенства всех ее членов»*[405], сам состав и способ формирования Совета Безопасности как главного органа организации в сфере глобальной безопасности формально нарушает вышеуказанные принципы.

Ключевой характеристикой новой системы международных отношений являлась её *биполярность*[406]. Так, СССР и, в меньшей степени, США как две сверхдержавы стремились не допустить не только увеличения влияния и манёвренности малых держав, но и пресекать статусные амбиции великих держав прошлого (в случае с Великобританией и Францией, в этом смысле ярким примером служит Суэцкий кризис 1956 года[407]) и возможных конкурентов (в случае с коммунистическим Китаем[408]). В рамках биполярного противостояния необходимость большинства европейских, американских и африканских государств примкнуть к США или СССР привела *к размытию суверенитета и независимости, а также потере престижа и статуса* отдельных малых держав, хотя на начальном этапе (до 1960-ых) у них не отмечалась политическая воля играть более весомые роли. Это отмечает и М.В.Алимова-Нефёдова, говоря о том, что в данный период статус малых и карликовых государств являлся незавидным, многие из рассматривались в

---

[403] Aron R., Howard R., Fox A.B. Peace and War: A Theory of International Relations, 1966.
[404] Morgentau H.J. Politics among Nations. – N.Y.: A.A.Knopf, 1948.
[405] Устав ООН, Организация Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text
[406] Рыкун Г.Н., Огаркова И.В. Исторический опыт формирования Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – №4. – С.105-109.
[407] Исаев Г.Г. Суэцкий кризис: сверхдержавы и Ближний Восток // ПОЛИТЭКС. – 2009. – №2. – С. 244-253.
[408] Юнгблюд В.Т., Воробьева Т.А. Советско-китайский раскол в американской политике разрядки международной напряжённости (1968-1973гг.) // Вестник ННГУ. – 2018. – №1. – С.47-58.

качестве образований слабых, легко уязвимых, марионеток, заложников и даже жертв ведущих государств мира[409]. Как отмечает Б.Чиджиев, решение проблемы обеспечения собственной безопасности у малых государств Европы происходило по-разному: одни вошли в сферу влияния СССР и присоединились к военно-политическому Варшавскому договору, другие сориентировались на западные державы и вступили в НАТО[410]. Одновременно нейтральные Швейцария, Швеция, Финляндия и Австрия стремились построить особые отношения со своими соседями для достижения безопасности, которая, как показала история, была максимальной в отмеченный период, что позволяет говорить о расцвете их нейтральности и достижения максимального подъёма.

Одновременной указанный период отмечен важным процессом деколонизации, которая привела к тому, что с одной стороны, значительное число новых африканских и азиатских государств освободились от прямого управления великих держав и получили возможность значительно улучшить свое положение[411]. Однако, с другой стороны, ожидалось, что новые государства должны были принять сторону одного из двух противоборствующих блоков, относительная независимость или автономность в рамках которых являлась одним из статусных маркеров. В то время как в Европе малые государства последовательно осуществляли государственное строительство и являлись типичными формами общественно-политического устройства, распространение вестфальских принципов на не-Европу приводило к новому наполнению государственного суверенитета, в результат чего на политической карте мира появились разнородные государства с неполным (ограниченном суверенитетом)[412]. В

---

[409] Алимова-Нефёдова М.Б. Перспективы изменения статуса малых и карликовых государств в новом мироустройстве // Актуальные проблемы мировой политики. X Ежегодная международная научная конференция молодых ученых, 8 декабря 2023 г. (сборник статей) / отв. ред. О.А. Тимакова; Дипломатическая академия МИД России. – М., 2024. – 874 с.

[410] Чиджиев Б. Малые государства и геополитика // Обозреватель - Observer. – 2012. – №10. – С. 75-83.

[411] Handel M. Weak States in the International System. – London: Frank Cass and Company Limited, 1981. – 318 p.

[412] Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО. – 2016. – № 2 (47). – С. 125-132.

этой связи некоторые исследователи говорят о том, что малые государства в Азии, на Ближнем Востоке и, особенно, в Африке, носят более искусственный характер[413]. Ж.Рапапорт отмечает, что проблема малости как вызова развития в международных отношениях впервые была упомянута в 1966 году Генеральным секретарем ООН У Таном в контексте политий, которые исключительно малы по площади, населению, людским и экономическим ресурсам[414]. Именно в этом время многие островные политии Тихого океана и Карибского бассейна достигли независимости, благодаря чему впервые в истории после становления вестфальских принципов суверенными государствами становятся **микрогосударства**, некоторые из которых едва насчитывали 100 тысяч человек. В этой связи примечательным фактом является обсуждение, сложившееся в 1960-ые годы о предоставлении права таким политиям на полноправное членство в рамках ООН[415]. Впервые в истории в рамках одной системы оперировали такие огромные сверхдержавы, как СССР и США, крупные государства Канада, Индия, Австралия, малые по размеру Венгрия, Уругвая, Эритрея и мельчайшие Тонга, Самоа и Тувалу. Организация Объединенных Наций предоставила малым государствам форум, на котором они могли свободно высказываться и быть услышанными[416].

Как было отмечено ранее, концептуализация малых государств до нынешнего периода осуществлялась в терминах классического политического реализма как невеликих держав, не способных вести войны. Вместе с тем *критерий военной мощи или стратегического превосходства постепенно перестаёт быть основным в разделении государств на великих и малых*. Как отмечает И.Н.Новикова, за время холодной войны европейские нейтральные государства приобрели важный опыт сотрудничества, посредничества и

---

[413] Chong A. Small State Security in Asia: Political and Temporal Constructions of Vulnerability. In: Clive Archer, Alyson J.K. Bailes and and Anders Wivel (eds.), Small States and International Security: Europe and Beyond (Routledge Advances in International Relations and Global Politics). – Abingdon: Routledge, 2014.

[414] Rapaport J., Muteba E., Therattil J.J. Small States & Territories: Status and Problems. – New York: Arno Press, 1971.

[415] Blair P.W. The Ministate Dilemma. Occasional Papers. – New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1968.

[416] Vandenbosch A. Dutch Foreign Policy since 1815. The Hague: Martinus Nijhoff, 1959.

миротворчества[417]. Так, исследователями подчеркивается важная роль малых государств Скандинавии в наведении мостов между двумя идеологическими блоками во время Холодной войны[418]. Подписание Заключительного акта Хельсинкского совещания при посредничестве Финляндии в 1975 году следует признать в качестве имеющего важное символические значение для внешнеполитической состоятельности малых государств и *их роли как посредников*. Правительствами малых держав Норвегии и Финляндии были предприняты меры, направленные на предотвращение конфликтов, укрепление доверия и устранение развертывания военных действий в Европе[419]. Символическая роль нейтральной Мальты в качестве места проведения саммита между М.С.Горбачёвым и Дж.Бушем в 1989 с одной стороны, ознаменовала окончание Холодной войны, а, с другой стороны, продемонстрировала новый импульс акторности малых государств. В дальнейшем роль нейтральных и неприсоединившихся малых государств оказалась решающей в создании рамок сотрудничества и в стабилизации процесса трансформации Восточной Европы.

Несмотря на наличие различных оценок о реальной субъектности вышеуказанных государств в эпоху зрелого биполяризма, в частности, мнения о том, что скорее сами сверхдержавы инициировали необходимые для них самих процессы и процедуры, используя отдельные малые нейтральные государства лишь как площадки, представляется, что успех планируемых мероприятий зависел не в меньшей степени и от самих малых государств, которые становились объектом внимания международной общественности на короткий период, тем самым доказывая свою состоятельность.

Стремление к предотвращению и избеганию межгосударственных войн, а не одержании в них победы, ограничение легитимных оснований на

---

[417] Новикова И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – №3. – С. 219 – 242.
[418] Leatherman J. Conflict Transformation in the CSCE: Learning and Institutionalization // Cooperation and Conflict. – 1993. – Vol. 28. No. 4.
[419] Ingebritsen C. Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics // Cooperation and Conflict. – 2002. – Vol. 37. – P. 11-23.

проведение военных действий, укрепление единства мира в связи с революцией в коммуникациях и транспорте, беспрецедентное увеличение отрыва сверхдержав от всех остальных государств по всем показателям, которые становится отдельной категорией государств; зарождение транснациональных акторов, страх перед последствиями ядерной войны, расширение безопасности и включение в нее невоенных факторов, увеличение взаимозависимости государств – *все эти и многие другие факторы, начиная с середины XX века приводят к усложнению международно-политической среды и дифференциации государств*[420]. Именно в послевоенное время заявляют о себе так называемые *средние державы*[421].

Формирование *Движения неприсоединения* в 1960-1970-ых и феномен закрепления Третьего мира в этой связи могут признаваться в качестве одного из главных инструментов *повышения автономности и престижности* не только крупных региональных игроков – Югославии, Индии, Египта и Индонезии, не стремящимся войти ни в один из двух противоборствующих идеологических лагерей – но и ряда более слабых в военном отношении малых государств. Как отмечает С.А.Крылов, Движение неприсоединения на фоне обретения независимости и выхода на мировую арену в качестве полноправных субъектов международных отношений новых государств как отдельный актор имело возможность использовать противоречия между Западом и Востоком, добиваясь односторонних уступок для себя и своих участников от обоих блоков, сначала на субрегиональном и региональном уровнях, а затем и в глобальном масштабе. Однако неприсоединившиеся государства выступали единым фронтом ради достижения нескольких программных целей, в то время как в других направлениях своих

[420] Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.
Rothstein R.L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.
[421] Вершинина В. В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов / В. В. Вершинина // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 25-40.

внешнеполитических курсов они стремились сохранить независимость[422]. Примечательно, что в отличие от стран Первого и Второго миров государства Третьего мира вынуждены были проводить так называемую политику омнибалансирования, нацеленную не только в отношении своих более крупных и мощных соседей, но и внутриполитических противников с целью сохранения собственной власти[423]. Это частично объясняет непоследовательный политический курс отдельных африканских, азиатских и латиноамериканских государств, которые могли лавировать между двумя лагерями.

Наконец, стоит отметить, что в биполярный период происходит *становление научной школы изучения малых государств***.** Так, большинство исследователей считают, что *А.Б.Фокс,* изучавшая дипломатию и нейтралитет европейских малых государств в период Второй мировой войны, является пионером в данном направлении, с издания научного труда которой начинается первая волна исследований малых государств, главным образом, в ключе классического реализма[424]. А.Б.Фокс отмечает, что основные детерминанты внешнеполитического поведения малых государств следует искать не внутри них, а в характере их отношений с великими державам, а положение малых государств на международной арене зависит от структуры международной системы, в частности, числа конкурирующих великих держав и спектра их интересов[425].

По этой причине любая внешнеполитическая инициатива малых государств всегда реакционна по своей сути. Ставшие уже классическими

---

[422] Крылов С.А. Движение неприсоединения: история и современность // Обозреватель - Observer. – 2018. – №3(338). – С. 26-43.
[423] Steven R.D. Expalining Third World Alignment // World Politics. – 1991. – Vol. 43. No. 2. – P. 233-256.
[424] Wills J. Breaking the paradigm(s): A review of the three waves of international relations small state literature // Pacific Dynamics: Journal of Interdisciplinary Research. – 2021. – Vol 5. No. 1. – C. 19-32.
[425] Fox A.B. The Power of Small State: Diplomacy in World War II. – Chicago: The University of Chicago Press, 1959.

исследования *Д.Вайтала*, проведенные им в 1967[426] и 1971[427] годах, дополняют выводы А.Б.Фокс о том, что наиболее привлекательной стратегией для малых государств является проведение пассивной политики, которая уменьшает вероятность провоцирования агрессивного поведения своих более мощных соседей. Альтернативную точку зрения имеет *Р.Ротштейн*, считающий, что политика нейтралитета для малых государств, наоборот, представляется наиболее опасной, а их успешное выживание зависит от принятия взвешенного решения по поводу присоединения к конкретному альянсу[428]. Даже в рамках неореалистической парадигмы не все исследователи биполярного периода считают малые государства полностью беспомощными – так, *А.Вулферс* говорит о феномене «могущества слабых» – ситуации, при которой слабое в военном отношении государство на фоне разногласия между мощными державами может избежать насильственной политики, но только благодаря внешним факторам.

Резюмируя, следует признать, что несмотря на то, что научная школа изучения малых государств в период Холодной войны зародилась под влиянием классического реализма и неореализма, сторонники которых всегда делали акцент на зависимости и ограниченности малых государств, данный период, следует признать, в реальности являлся *наиболее важным для диверсификации инструментария малых государств* не только в сфере обеспечения собственной безопасности, но и престижа, а также манёвренности. Формально будучи стесненными деятельностью двух сверхдержав, отдельные малые государства продолжают ограниченно использовать международные организации в качестве способа заявления о себе, проявляют первые попытки использовать статус медиатора и посредника, заявляют о своем неприсоединении или продолжают

[426] Vital D. The Inequality of States: A Study of the Small Power in International Relations. – L.: Oxford University Press - Clarendon Press, 1967.
[427] Vital D. The Analysis of Small Power Politics // Small States in International Relations. / Ed. by August Schou and Arne Olav Brundtland. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1971.
[428] Rothstein R. L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.

придерживаться стратегии нейтралитета, а иногда – сознательно идут на обострение отношений с двумя сверхдержавами (пример Венгерского восстания 1956 года и Китайско-вьетнамская война 1979 года). Это становится возможным только благодаря укреплению международной системы гарантий мира и безопасности, подтвержденной могущественными государствами или организациями[429]. Качественно новый порядок обеспечивает малым государствам большую степень стабильности, а гарантии безопасности, обеспечиваемые более мощными государствами и международными организациями, способны компенсировать отсутствие у них самостоятельности[430].

Резюмирование основных периодов и структурных параметров различных периодов развития системы международных отношений с точки зрения внешнеполитической деятельности малых государств представлено в таблице 3.1.3. Таким образом, следует сделать вывод о том, что традиционные роли малых государств до конца XX века являются весьма ограниченными и скорее говорят об их объектном измерении и низкой статусности. Хотя значение отдельных малых политий на протяжении истории могли иметь значение для социально-экономического развития человечества, логика их поведения определялась параметрами противодействия территориальному захвату и исчезновению – балансирование, примыкание и нейтралитет являются основными стратегиями, которые определяют содержание ролей малых государств в международных отношениях. Лишь в послевоенный период «смертность» государств начинает значимо падать[431], и у них появляется больше возможностей проявить себя в отдельных сферах международного взаимодействия.

---

[429] Thorhallsson B., Steinsson S. Small State Foreign Policy. Oxford Research Encyclopedia of Politics, 2017.
[430] Ковалев А.А. Актуальные вопросы стратегии безопасности малых государств // Вопросы безопасности. 2021. – №2. – С.28-40.
[431] Bull H., Watson A., Bull's H. Hedley Bull, states systems and international societies. // Review of International Studies. – 1987. – № 13. – P. 147 - 153.

Таблица 3.1.3. Основные периоды и структурные параметры (под)систем международных отношений с точки зрения внешнеполитической деятельности малых государств.

Вестфальская политическая система (1648-…)								
Наименование СМО / Её параметры	**Вестфальск. Утрехтск. Тильзитск. (1648-1815)**	**Венская (1815-1914)**			**Версальско-Вашингтонская (1919-1939)**	**Ялтинско-Потсдамская (1941-1991)**		**Современная (1991-…)**
Охватность	Региональные					Глобальные		
Тип порядка	Многополярный					Биполярный		«Амбивалентный»
Подпериоды	-	1815-1854	1854-1890	1890-1914	1919-1941	1941-1962	1962-1991	1991-2001, 2001-2008, 2008-2020, 2020-…
Формальное разделение на ВД и МГ[432]	нет	да						
Безопасность МГ	Низкая	Выше среднего	Средняя	Ниже среднего	Средняя	Высокая	Высокая	Высокая
Субъектность МГ	Низкая	Низкая	Средняя	Выше среднего	Высокая	Низкая	Средняя	Высокая
Основные внешне-политические инструменты МГ	-	Нейтралитет, Альянсы, Изоляционизм (*НАИ*), спорадическое участие в региональных и глобальных конференциях			*НАИ*, членство в Лиги Наций, репутация «морального авторитета»	деятельность в рамках идеологических блоков, мультилатерализм	Движение неприсоединения; активизация многосторонних инициатив, посредничества, нормотворчества.	*<см. раздел Стратегии и ресурсы увеличения статуса малых государств>*

[432] ВД – Великие державы. МГ – Малые государства.

§ 3.2. Положение малых государств в постбиполярную эпоху

В данном параграфе проанализированы основные параметры современного периода развития международно-политической системы с точки зрения внешнеполитической деятельности малых государств, также разведены понятия их субъектности и объектности, которые в совокупности отражают статус малых государств; проанализированы стратегии и ресурсы увеличения собственного статуса у современных малых государств.

Значение параметров современной системы международных отношений для малых государств

В 1990-ые годы в научном сообществе наблюдается трансформация теоретического осмысления международных отношений *на фоне окончания Холодной войны* и начала дискуссий *о новом мировом порядке*, что потребовало пересмотра традиционных представлений о теории международных отношений[433]. Как отмечает Т.А.Шаклеина, с распадом СССР структура международной системы перестала быть биполярной, а иерархия среди государственных игроков – иметь прежнюю жесткость. Начало 1990-ых ознаменовалось сосуществованием одной сверхдержавы (США), великих держав разного калибра, множества «фоновых» государств и негосударственных акторов, число и значение которых постепенно увеличивается[434]. Вместе с тем единого мнения по поводу наиболее близкого эпитета, отражающего постбиполярную эпоху и её «подпериоды» не сложилось. Так, более мягкой формулировкой можно считать описание мирового порядка в 1990-ых – начале 2000-ых как «полутораполярного», где Соединенные Штаты периодически действуют как гегемон в двусторонних, региональных и иных отношениях, но не могут позволить себе перманентно самоутвердиться в качестве абсолютного мирового лидера[435]. Между тем в

[433] Behr H. A History of International Political Theory. Ontologies of the International. – L.: Palgrave Macmillan, 2010.
[434] Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Том 9. – №2(26) – С. 29-39.
[435] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт, 1997. – 352 с.;

условиях укрепляющейся полицентричности мировой системы и «диффузии силы» маневрирование для различных игроков стало ещё более необходимым, чем прежде[436]. Как представляется, логика поведения менее мощных политий в условиях современного увеличения конкуренции между центрами силы становится похоже на логику поведения малых государств в Европе в XIX веке и в межвоенный период – они получают больше возможностей для трансформации своего статуса (который однако может быть с различным «знаком» - как в сторону повышения, так и в сторону понижения), а их отношения с великими державами становятся еще более выразительными, чем в период биполярного противостояния.

Помимо отношений с великими державами, глобальные и региональные многосторонние формы сотрудничества, или феномен **мультилатерализма**, также являются важным «треком» для малых государств. Следует отметить, основы мультилатерализма были заложены ещё в послевоенный период, когда вместе с оформлением первой полноценной глобальной системы международных отношений формируются структурные условия для создания глобального управления[437] и координации внешнеполитического курса групп государств, состоящих из трех или более стран[438]. На практике это означало значительное увеличение числа многосторонних конференций и межправительственных организаций, посвящённых разнообразным вопросам в различных сферах взаимодействия в послевоенную эпоху, начиная с менее чем 100 единиц в 1945 году до около 200 единиц к 1960 году и более 600 единиц к 1980 году[439]. Одним из преимуществ мультилатерализма как ключевой черты первой глобальной международной системы является тот факт, что у государств в целом появляется больше возможностей для

Соловьев Э. Г. Геополитический анализ международных проблем современности: Pro et Contra / Э. Г. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 6. – С. 116-130.

[436] Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Том 9. – №2 (26) – С. 29-39.

[437] Kahler M. Multilateralism with Small and Large Numbers // International Organization. – 1992. – Vol. 46. No. 3 – P. 681-708.

[438] Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. – 1990. – Vol. 45. – P. 731-764.

[439] Там же.

разрешения насущных проблем, выходящих за рамки национальных границ во многом благодаря взаимной ответственности и совместному «несению бремени» в отличие от упора на билатерализм или унилатерализм[440]. Следует оговориться, что зарождение глобальных многосторонних структур при участии США и СССР, а также других великих держав-постоянных членов СБ ООН не является случайным, и по своей сути представляется качественно новым проявлением глобального баланса сил, отвечающего интересам прежде всего ведущих держав, но не ограничивается конструктивным влиянием только для них. Так, характерно, что осознание существования глобальных проблем человечества, которые не могут быть решены в одиночку или лишь несколькими государствами происходит примерно в это же время[441]. Принцип неделимости (невозможность исключения отдельных государств из итогов коллективной деятельности), обобщенность норм поведения, рассеянность и долгосрочность выгод являются ключевыми характеристиками мультилатерализма, который открывает новое – глобальное – измерение внешнеполитической деятельности для государств вообще[442], а не только ведущих. Если до послевоенной эпохи государства, в основном, развивали двусторонние отношения, за редким исключением формируя военные союзы или проводя отдельные встречи и конференции по важным вопросам, которые созывались ведущими державами по принципу ad hoc, после Второй мировой войны – и во многом с целью предотвращения третьей подобной войны на основе «уроков» межвоенного периода – наряду с ООН были заложены и другие многосторонние форматы сотрудничества, такие как Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) (ныне Всемирная торговая организация), Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ),

---

[440] OECD OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2021. Times of Crisis and Opportunity: Times of Crisis and Opportunity. OECD Science, Technology and Innovation Outlook // OECD Publishing. – 2021. URL: https://books.google.ca/books?id=Vo0TEAAAQBAJ&pg=PA42#v=onepage&q&f=false

[441] Губанов Н. И. Роль менталитета в преодолении антропогенных кризисов // Историческая психология и социология истории. – 2013. – Т. 6, № 1. – С. 166-180.

[442] Caporaso J.A. International relations theory and multilateralism: the search for foundations // International Organization. – 1992. – Vol. 46. – P. 599 - 632.

Всемирная организация здравоохранения и другие[443]. Затем многосторонние форматы сотрудничества начинают развиваться на всех континентах и во всех региональных подсистемах международных отношений – от Ближнего Востока до Меланезии, Полинезии и Микронезии. С одной стороны, подобный формат давал возможность новым регионам и государствам встроиться в глобальную систему, предоставляя им возможность найти свою «нишу», а, с другой стороны, увеличивал управляемость и стабильность всей международной системы в целом, так как послевоенное «ручное управление» мировых держав не могло осуществляться продолжительное время[444]. В этой связи весьма любопытными представляются размышления А.Ванденбоша о том, что «фактически Совет Безопасности ООН был создан крупными державами в первую очередь потому, что их интересы могли бы оказаться совершенно «заболоченными» интересами гораздо большего числа малых государств[445].

В этой связи справедливо отметить, что *хотя основы мультилатерализма зародились именно в период биполярного противостояния и достигли своеобразного пика эффективности в минувшую эпоху*, а в современный постбиполярный период скорее наблюдается некоторая степень эрозии старых институтов, что характерно даже для такой глобальной организации, как ООН, тем нем не менее справедливым представляется, что мультилатерализм как подход к оформлению и укреплению консультаций, координаций и коалиций ещё рано списывать со счетов. Данный аргумент подтверждается продолжением формирования многосторонних институтов и форматов взаимодействия, особенно

[443] Claude L.L. Swords into plowshares: the problems and progress of international organization. Random House, 1984.
[444] March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. – 1983. – Vol. 78. No 3. – P. 734-749.
[445] Vandenbosch A. The Small State in International Politics and Organization // The Journal of Politics. – 1964. – Vol. 26. No. 2. – P. 292-312.

незападными странами в постбиполярный период[446], а также поддержкой принципа подлинной многосторонности рядом ведущих держав[447], в том числе и Россией[448].

В целом, анализируя основные параметры современного мирового порядка в XXI веке, можно признать существование *противоречащих друг другу тенденций развития*, так называемых *антиномий*.

С одной стороны, современная мировая политика отмечается возрастанием как декларируемой, так и действительной субъектности различных политий, по сравнению с биполярным периодом[449], высоким уровнем взаимозависимости между государствами[450] на фоне беспрецедентного ускорения научно-технического прогресса, устойчивым уровенем транснационализации[451], усилением негосударственных акторов[452], наличием соперничающих точек зрения относительно типа мирового порядка («увядание» однополярности/ становление новой биполярности/ оформление многополярности и т.д.)[453], что подтверждает тезис об увеличении динамичности и гибкости всего комплекса современных международных отношений и мировой политики. Кроме того, как отмечает Т.А.Шаклеина, в мире 2020-ых на фоне эскалации украинского кризиса осознаётся необходимость формирования обновленных международных институтов без

---

[446] В частности, например, формат взаимодействия Форума малых государств, основанного в 1992 году, которому за 30 лет удалось увеличь перечень участников с 15 до 108 государств, продолжает оставаться активным.

[447] Чжоу Л. О концепции "дипломатии великой державы с китайской спецификой новой эпохи" / Л. Чжоу // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3(96). – С. 83-86.

[448] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на совещании министров иностранных дел «Группы двадцати» «на полях» 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 25 сентября 2024 года // МИД РФ. – 2024. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1971398/

[449] Сирота Н.М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. – С. 177-181.

[450] Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. - Little, Brown, 1977. – 273 p.

[451] Тормошева В.С. Акторы современного политического пространства в контексте транснационализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – №37. – С. 280-290.

[452] Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО. – 2013. – №1(28) – С. 38-42.

[453] Окунев И.Ю. Мировые порядки и беспорядки // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. № 3. – С. 10–18.

диктата США/Запада, и новой среды взаимодействия между различными субъектами международных отношений, которые бы в большей степени отвечали их традициям, культурам и потребностям[454].

С другой стороны, современный период всё ещё характеризуется центральной ролью ведущих государств – США, Китая, России, других стран G-7, G-20 и БРИКС+, продолжающих оформлять контуры мировой политики[455]. Снижение способности ведущих держав эффективно разрешать конфликты на периферии международной системы[456], проблемы распространения терроризма, климатические изменения, глобальная пандемия COVID-19, хрупкость открытой глобальной экономики и многосторонней дипломатии, рост популизма, ухудшение безопасности на Ближнем Востоке, политический кризис между Россией и Западом, кристаллизованный в украинском конфликте – лишь немногие тревожные и опасные тренды и эпизоды современной системы международных отношений, не позволяющие охарактеризовать её как стабильную. Конкуренция и соперничество между крупными державами вновь становятся основной структурной реальностью современных международных отношений после аномального короткого доминирования единственной сверхдержавы[457]. В академической дискуссии XXI века, как отмечалось выше, также наблюдается кризис легитимности и эффективности многосторонних институтов, в частности ООН[458].

Одновременно после завершения Холодной войны укрепляется осознание того, что многие сферы взаимодействия и проблемы, которые раньше считались проблемами «низкой политики», становятся не менее

---

[454] Шаклеина, Т. А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века (2022) // Россия и США: К новому мировому порядку. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2023. – С. 527-543.

[455] Панкратов С.А., Клиньшанс Е.В. Россия в современной архитектуре международных отношений: прогнозные сценарии и границы допустимой реструктуризации // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – №3. – С.226-238.

[456] Новикова И. Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – №3. – С.219 – 242.

[457] Бурова Е.С. Новый мировой порядок: взгляд из Сингапура // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2024. – № 1. – С. 108-115.

[458] Stewart P. The Unruled World: The Case for Good Enough Global Governance // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93. No. 1. – P. 58-73.

важными[459]. Иными словами, в то время как ранее область «высокой политики», например, составляли проблемы ограничения стратегического вооружения между США и СССР, в 1990-ых международное сообщество постепенно осознает, что проблемы экономической безопасности и развития, изменения климата, организованной преступности, здравоохранения и многие другие также влияют на совокупную глобальную безопасность, что увеличивает значимость второстепенных держав[460]. В этой связи представляется, что с повышением институционализации и выделения новых сфер взаимодействия, дифференцируются и международно-политические роли государств. Например, наступление глобальной пандемии в 2020 году не только деглобализировало мировую систему, но и актуализировало сферу здравоохранения мировой политики, а также придало особую важность отношениям между государствами по линии гуманитарных поставок и «гонки» в производстве вакцин и лекарств. В последние года также актуализируется информационно-технологическая подсистема мировой политики, в рамках которой страны начинают обращать особое внимание на суверенизацию интернет-пространства, увеличение контроля над интернет-пользователями, а также мониторинг технологий искусственного интеллекта. Представляется, что столь стремительное увеличение значения невоенных сфер взаимодействия в рамках «низкой политики» не было столь характерно для середины-конца XX века.

Подводя итог, следует согласиться с И.А.Истоминым, отмечающим, что в современном дискурсе имеется две противоположные точки зрения относительно *приоритета интенсивного или экстенсивного развития государств*, первый из которых основывается *на концепции шестого промышленного уклада и перехода к нано-, био-, информационным и когнитивным технологиям* (условная постнеолиберальная парадигма), а

[459] Азиззода Г.М. Проблема дефицита пресной воды в контексте международной политики // ELS. – 2024. – № 2. – С.46-50.

[460] Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. - Little, Brown, 1977. – 273 p.

второй заключается в том, что при замедлении темпов повышения продуктивности труда основой переменной, определяющей позиции государств с точки зрения их влияния, *вновь становятся географические и демографические ресурсы* (условная постнеореалистическая парадигма)[461]. От того, какие тренды мирового развития возобладают, будет зависеть не только положение ведущих держав, устанавливающих глобальные «правила игры», но и место средних и малых государств.

Периодизация современного периода, позволяющая отметить основные качественно новые параметры, влияющие на внешнеполитическую деятельность малых государств, представляется более сложной задачей по сравнению с периодизацией предыдущих периодов, так как, как было отмечено выше, оформление нового мирового порядка еще не завершилось, и различные исследователи выдвигают противоречивые оценки относительно глобальных центробежных и центростремительных процессов. Вместе с тем, представляется возможным разделить постбиполярный период на два условных периода: *1990-ые годов и начало 2000-ых* как постепенно разрушающийся однополярный мир, а *конец 2000-ых и начало 2020-ых годов* как формирующийся и укрепляющийся многополярный. При этом важно отметить основные события и процессы, связанные с ребалансировкой мировой системы, одновременно отражающие и предоставляющие новые вызовы и возможности для малых государств, отражающие постепенные переход от однополярности к многополярности: дискурс о совместной победе двух идеологических блоков в Холодной войне[462] (который в дальнейшем, впрочем, не нашел подтверждение в оценках американских политиков) и распад блоковой системы вместе с СССР, породившей новые постсоветские малые государства и предоставивший им значительный простор для оформления векторов внешней политики *(1989-1991)*; оформление

[461] Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. - М: Аспект пресс, 2018. – 296 с.
[462] В постпредстве РФ при ООН считают, что победа в холодной войне была общей для России и США. // ТАСС. – 08.02.2023. – URL: https://tass.ru/politika/16999833

однополярного мира и условное торжество идей западного либерализма, «конец истории» *(1991-1998)*; кризисный период распада Югославии, нарастание конфликтности и значимости невоенных и асимметричных угроз безопасности, в частности терроризма, увеличения силы слабых[463], выкристаллизировавшихся в трагедии 11 сентября *(1990-ые – 2001)*; продвижение дискурса о становлении многополярного мира на фоне экономического подъема в Китае, оформления группировки БРИКС, первых кризисов в отношениях между Западом и Россией, а также мировой финансовый кризис, продемонстрировавшие конец стабильной однополярности *(2000-ые – 2009)*; ускорение научно-технологического прогресса, предоставляющего больше возможностей для интенсивного развития отдельных государств и увеличение значимости процессов в региональных подсистемах (в частности, на фоне событий арабской весны) *(2010-ые)*, глобальная пандемия, продемонстрировавшая неготовность мирового сообщества к скоординированной реакции на общую угрозу и преимущество отдельных малых и изолированных государств, способных к установлению режима чрезвычайной ситуации и мобилизации в гораздо более сжатые сроки *(2020)*; наконец, повышение значения массовости поддержки на фоне украинского кризиса как новом противостоянии Запада и не-Запада, а также усиление информационных границ в Интернет-пространстве, которое становится отдельным полем противостоянии ведущих держав *(2022-…)*. Важно отметить, что данные события и процессы накладываются друг на друга и происходят в едином комплексе исторического развития. Вместе с тем, как представляется, их идентификация на условной временной линии важна для понимания современного контекста, в рамках которого функционируют малые государства.

Таким образом, в результате анализа эволюционного становления малых государств в качестве отдельной категории можно отметить, что *вопросы*

[463] Харитонова О.Г. Изучая терроризм: основные контуры дискуссии // Политическая наука. – 2018. – №4. – С. 13-33.

безопасности всегда лежали в основе и продолжают являться краеугольным камнем их функционирования на мировой арене. Вместе с тем, на примере сменяющихся систем международных отношений в Европе становится очевидным как расширение возможностей отдельных малых государств по увеличению собственного статуса и диверсификации ролей в рамках мировой политики, так и понижение их автономности и субъектности. Параметры международной системы после завершения Второй мировой войны становятся все более благоприятными для увеличения манёвренности малых государств, при этом вопросы безопасности несмотря на сохраняющуюся важность, отходят на второй план. Применяя метафору иерархии потребностей А.Маслоу, у малых государств появляются возможности и стремления направлять ресурсы на усиление экономического развития и увеличения собственной влиятельности, а также принятие участия в глобальном управлении. В целом можно сделать вывод о том, что хотя неореалистическая парадигма теории международных отношений продолжает играть доминирующую роль в объяснении поведения малых государств, для некоторых из них неолиберальные и конструктивистские представления позволяют дополнить объяснение диверсификации политического курса[464]. Этот вывод прямо коррелирует с комментарием Дж.Ная, автора концепции мягкой силы, о том, что хотя игнорирование неореалистичесих оснований и наличествующих материальных ресурсов является ошибкой, они не являются достаточным основанием успеха[465].

Объектное и субъектное измерения статуса современных малых государств в системе международных отношений

Американская исследовательница малых государств Дж.Хей суммирует основные черты внешней политики малых государств, отмечая, что среди прочего они характеризуются низким уровнем участия в международных

[464] Gigleux V. Explaining the diversity of small states' foreign policies through role theory // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2016. – Vol. 1(1). – P. 27–45.
[465] Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept. Journal of Political Power. – 2021. – Vol 14. No. 1. – P. 196–208.

делах и упором на интернационализм, ориентацией на ведущие государства и соблюдением международных соглашений[466], на что российская исследовательница И.В.Кудряшова справедливо возражает, что в действительности трудно одновременно придерживаться нейтральных позиций, опираться на влиятельные державы и тратить основные ресурсы на цели безопасности, а значит – в данный перечень вошли особенности разных «второстепенных» политий[467], которые имеют различное соотношение национальных интересов, масштаба внешнеполитической деятельности, собственных представлений о месте в мире и международной иерархии.

В этой связи представляется целесообразным провести аналитическое разделение так называемого объектного и субъектного измерений статуса малых государств в современной мировой политике, которые по своей сути отстаиваются в рамках двух идеал-типических парадигм международных отношений – неореалистической и неолиберальной. Таким образом, возможно разделить эмпирически идентифицируемые характеристики малых государств на две группы, подчеркивающие их статус, скорее, как объектов в международных отношениях или же субъектов в рамках мировой политики.

При фокусировании на **объектных признаках** малых государств исследователями делается вывод, что в отличие от сверх- и великих держав, которые формируют систему международных отношений и определяют параметры мировой политики, создавая общественные блага[468]; а также региональных держав и держав среднего уровня, которые способны оказывать определяющие воздействие на другие государства или отдельные сферы международного взаимодействия[469], малые государства характеризуются дефицитом всех параметров – они являются несамостоятельными, слабыми,

---

[466] Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behaviour. Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2003.

[467] Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим… // Международные процессы. – 2008. – № 3 (18). – С. 78-83.

[468] Ильин М. В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – № 4. – С. 8-41.

[469] Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов / В. В. Вершинина // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 25-40.

зависимыми политиями с ограниченными локальными интересами и свободой действия, не играющими весомой роли, испытывающими дефицит ресурсов, находящимися на периферии мирового внимания, неспособными обеспечить собственную безопасность и являющиеся проводниками воли великих держав, или даже их «пешками», «сателлитами», «жертвами» или «прокси»[470], неспособные навязывать собственную волю другим государствам и оказывать противодействие навязываемым действиям третьих сторон[471]. С этой точки зрения основная проблематика функционирования малых государств заключается в выживании и их ограниченной свободы маневра[472]. Подобный подход лучше всего описывается второй частью знаменитой цитаты Фукидида, воспроизведенного им в книге пятой «Истории», посвященной захвату острова Мелос афинянами во время Пелопоннесской войны: «Сильные поступают так, как хотят, а слабые страдают так, как и должны»[473]. Такая несколько упрощенная концептуализация в парадигме структурного реализма, ставящая во главу угла ресурсы мощи, практически полностью уравнивает категорию малых государств и слабых государств между собой и объясняет относительно незначительный академический интерес к малым государствам в течение всего XX века[474]. В этой связи исследователи, изучающие малые державы должны принимать во внимание окружающую среду ещё более внимательно, чем исследователи великих держав[475].

Стоит отметить, что с точки зрения реализма, по-видимому, малые государства могут выжить на политической арене только в том случае, если

---

[470] Xiang C., Xin Q. Small states as helpless pawns? Panama's diplomatic strategy over the Taiwan Strait // Cambridge Review of International Affairs. – 2023. - Vol 1. No. 19.
Long T.A Small State´s Guide to Influence in World Politics. - Oxford University Press, 2022.
[471] Fox A.B. The Power of Small State: Diplomacy in World War II. – Chicago: The University of Chicago Press, 1959.
[472] Rothstein R. L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.
[473] Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999.
[474] Новикова И. Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – №3. – С.219 – 242.
[475] Spence J. E. Republic Under Pressure: A Study of South African Foreign Policy. – London: Oxford University Press, 1967.

транзакционные издержки их завоевания для великой державы окажутся выше возможной выгоды. Такое может наблюдаться при различной комбинации факторов: в том случае, когда малое государство просто не представляет никакого интереса для ведущей державы (матрицы их интересов не пересекаются[476]), малое государство территориально находятся достаточно далеко от великой державы, не обладает ярко выраженными ресурсами, не имеет важное геостратегическое значение или выполняет роль буфера[477]. Кроме того, после окончания Второй мировой войны международное право стало иметь беспрецедентное значение в отношениях между суверенными государствами и стало предусматривать право любого государства на существование, а применение силы против территориальной целостности или политической независимости государств считать незаконным, так как «будучи созданными, государства должны продолжать своё существование»[478]. Так, последним эпизодом межгосударственного противостояния, когда более крупное государство стремилось поглотить более мелкое, стал конфликт между Ираком и Кувейтом в 1990 году, в результате которого последний отстоял право на суверенитет во многом благодаря поддержке международного сообщества и санкционированной им операцией по противодействию, которая вошла в историю под названием «война в Персидском заливе». Вместе с тем в послевоенной истории возможно найти многочисленные эпизоды, когда малые государства по разным причинам исчезали с политической карты мира: завоевание Тибета Китайской Народной Республикой (1950-1951), аннексия Индией Гоа (1961), аннексия Западной Гвинеи Индонезией (1969), вхождение Сиккима в состав Индии (1975), поглощение Южного Вьетнама Северным Вьетнамом (1975) – лишь

[476] Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: НОФМО, 2008. – 230 с.
[477] Efremova K. Small States in Great Power Politics: Understanding the “Buffer Effect” // Central European Journal of International and Security Studies. – 2019. – Vol. 13, №1. – P. 100-121
[478] Schaffer B. The Politics of Dependence. In Development Policies in Small Countries. – London: Croom Helm Ltd. 1985. – P. 33

некоторые примеры исчезновения малых государств, впоследствии легитимизированные международным сообществом.

При акцентировании внимания на **субъектном измерении** статуса малых государств, в частности, сторонники неолиберального институционального подхода и теории взаимозависимости, начиная с 1970-ых годов, последовательно всё больше принимают во внимание иные измерения мировой политики, не сводя политическую реальность лишь к материальным факторам государств и их мощи. Соглашаясь с наличием ограниченных ресурсов у малых государств, сторонники либерализма склонны расставлять акценты на их возможностях, которые после распада биполярной системы международных отношений многократно расширились. Можно заключить, что парадигма социального конструктивизма с его акцентом на нормах, идеях и идентичностях также стремится подчеркивать сильные стороны малых государств как полноправных участников международных отношений. В этой связи кажется справедливым относительно частое использование в англоязычной литературе в отношении отдельных малых государств емкой идиомы «to punch above one's weight» («прыгать выше головы», или дословно, «выступать в более тяжёлой весовой категории по сравнению с собственной»). Это становится возможным благодаря принципу нелинейности и асимметрии, в соответствии с которыми объективно более слабая сторона подвержена влиянию со стороны более сильной стороны, но последняя не обладает возможностью односторонне диктовать условия, на которых строится их взаимодействие[479]. По сути, это является прямым вызовом традиционному реалистическому пониманию односторонней зависимости слабых государств от сильных.

Данные наблюдения уместно представить с учетом внешнеполитического и внутриполитического измерений функционирования

[479] Womack B. Asymmetry and International Relationships. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 216 p.

малых государств в виде SWOT-матрицы их деятельности в мировой политике (см. таблицу 3.2.1.).

Таблица 3.2.1. SWOT-матрица эмпирических характеристик малых государств[480].

Сильные стороны (Strengths)	**Слабые стороны (Weaknesses)**
Низкие расходы на государственный аппарат и военную сферу. Гомогенность населения. Политическая стабильность. Высокая подотчетность ЛПР. Высокий индекс человеческого развития. Чувство сопричастности населения. Сильное чувство национальной идентичности. Скорость принятия решений ЛПР. Качество человеческого капитала.	Ограниченные материальные ресурсы (набор и баланс). Однородность климата и недиверсифицированная экономика. Ограниченная рабочая сила. Высокие транспортные издержки. Ограниченная профессиональная компетентность. Малый внутренний рынок. Высокий индекс активности торговли (соотношение между экспортом и импортом к ВВП). Слабая военная мощь или её отсутствие. Отсутствие эффекта экономии масштаба. Тесные патрон-клиентские связи внутри государства. Неравномерно развитая социальная сфера. Сложность формирования оппозиции. Непропорциональные расходы (например, в сфере сохранения национального языка). Высокие транспортные издержки. Недостаточный контроль за внутренней безопасностью и обороной. Ограниченный доступ к финансированию развития.
Возможности (Opportunities)	**Вызовы (Threats)**
Высокая гибкость и адаптивность. Специализация и возможность занять «нишу». Креативность и экспериментальная деятельность. Внимание, признание и престиж со стороны мирового сообщества. Формальное равенство в большинстве МПО и на переговорах. Принцип нелинейности и асимметрии. «Сила в числе». Стратегия приоритизации.	Невозможность качественно изменить «правила игры». Ограниченный пул возможных решений при переговорах. Зависимость от международной торговли в целом и экспорта, в частности. Зависимость от иностранной помощи. Уязвимость от внешних шоков. Зависимость от позиции ведущих держав (международные патрон-клиентские связи). Непропорциональное уязвимость перед стихийными бедствиями и изменениями климата. Невозможность обеспечить собственную безопасность. Пропорциональное количество голосов в некоторых МПО. Непостоянство политического курса. Периферийность и низкий престиж в глазах международного сообщества. Краткосрочность, а не долгосрочное планирование Более жесткая связь между внутренней политикой и внешней политикой.

Важно отметить, что данный перечень не является исчерпывающим, но в целом применим для максимально широкого перечня малых государств.

[480] Источник: составлено автором, в том числе на основе: Lowenthal D. Social features. In: Clarke C., Payne T. Politics, Security, and Development of Small States. – London: Allen and Unwin, 1987.
Menon S. The Rule of Law, the International Legal Order, and the Foreign Policy of Small States // Asian Journal of International Law. – 2020. – Vol. 10. No. 1. – P. 50-67.
Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. – 2008. – Т. 6, № 3(18). – С. 84–92;
Bodley J. H. The Small Nation Solution: How the World's Smallest Nations Can Solve the World's Biggest Problems. United Kingdom: Altamira Press, 2013.

Стратегии и ресурсы увеличения статуса малых государств в мировой политике

Конец XX – начало XXI века представляется периодом, в рамках которого у малых государств появляется *более широкий набор вариантов действий и развития событий*, как с точки зрения превращения в несостоятельные государства, так и увеличения собственной вертикальной мобильности в международной иерархии[481]. Так, снижение значения идеологического измерения мировой политики и блокового мышления приводит к активизации такого относительного нового инструмента для малых государств, как *стратегическое хеджирование/ маневрирование*[482], понимаемого в качестве «поведения направленного на компенсацию наблюдаемых рисков путем выбора многосторонней политики с намерением обеспечить реакции взаимного реагирования»[483]. Данная стратегия отличается от политики нейтралитета тем, что первая ориентирована на области, представляющие взаимный интерес, и подразумевает активное взаимодействие малого государства с целым рядом крупных государств[484]. В частности, опасность примыкания к одной-единственной державе в рамках зарождающегося многополярного мира, испытала на себе Иордания в 1991 году, когда, оставаясь одной из немногих союзников агрессивного Ирака, во главе которого находился Саддам Хусейн, на фоне операции «Щит пустыни», она оказалась в изоляции, потеряла репутацию и в результате пережила серьезную экономическую стагнацию[485]. С другой стороны, модель многовекторной внешней политики Белоруссии, балансирующей между

[481] Andrew F.C., Bessma M. Qatar and Expanded Contours of Small State Diplomacy // International Spectator. – 2011. – Vol. 46. No. 3.
[482] См. весьма исчерпывающий обзор стратегий второстепенных держав в сфере безопасности в контексте многополярного порядка: Lobell S.E., Jesse, N.G., Williams K.P. Why do secondary states choose to support, follow or challenge? // International Politics. – 2015. – Vol. 52. No. 2. – P. 146–162.
[483] Ковалев А.А. Актуальные вопросы стратегии безопасности малых государств // Вопросы безопасности. – 2021. – № 2. – С. 28-40.
[484] Mehdiyeva N. Power Game in Caucasus. – New York: Palgrave Macmillan, 2011.
[485] Ponížilová M. The Regional Policy and Power Capabilities of Jordan as a Small State // Central European Journal of International and Security Studies. – 2013. – Vol. 7. No. 1. – P. 82–102.

Россией, ЕС и Китаем в период 1999-2020 годов может быть представлена в качестве стратегии хеджирования[486].

Хотя осознание уязвимости своей страны политическими элитами малых государств на международной арене (вне зависимости от того, что или кто является угрозой – более мощные и агрессивные соседи, фатальные климатические изменения или внутренняя конфликтогенность) безусловно оказывает влияние на их внешнеполитические стратегии поведения[487], сами они вместе с тем могут *по-разному фреймировать данную характеристику и не обязательно увязывают её с беспомощностью*. Так, К.Браунинг отмечает, что государства способны «делать осознанный выбор», определяя себя в качестве малых для того, чтобы увеличить собственное влияние[488]. Например, когда в 1992 году Нидерланды боролись за право провести Олимпийские игры, для международного сообщества был предложен девиз «Мы – маленькая большая страна», подчеркивающий её значительные достижения во всём, включая спорт, кроме площади[489], а продвижение девиза «маленького рая» занимает важное место в дискурсе Сейшельских Островов, которые в 2023 году в четвертый раз выиграли номинацию «Самое романтичное место в мире» премии World Travel Awards, которая многими экспертами признается «Оскаром туристической индустрии»[490].

Важно сделать оговорку, что в отличие от *позитивистских подходов* к малости, которые подчеркивают объективное и непредвзятое свойство слабости и уязвимости или, наоборот, гибкости и адаптивности,

---

[486] Межевич Н. М., Шимов В.В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик "средней страны" (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 436-450.

[487] Lee M. How Do Small States Affect the Future Development of the EU? – New York: Nova Science Publishers, 2006.

[488] Browning C.S. Small, Smart and Salient? Rethinking Identity in the Small States Literature // Cambridge Review of International Affairs. – 2006. – Vol. 19. No. 4. – P. 660 - 684

[489] Трейвиш А.И. Что такое государства-гиганты и как с ними «бороться» // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. – МГИМО Университет, 2010.

[490] Seychelles wins World's Most Romantic Destination for 4th consecutive year // Seychelles News Agency. – 08.12.2023. – URL: http://www.seychellesnewsagency.com/articles/19740/Seychelles+wins+World%27s+Most+Romantic+Destination+for+th+consecutive+year

интерпретативистский подход в рамках конструктивизма обращает внимание на то, *как сами государства стремятся воспринять собственные характеристики и представить себя миру*, используя перформативную функцию языка, конструирующего реальность. В этой связи теория ролей вполне применима для объяснения, почему схожие малые государства могут придерживаться разных ролей в мировой политике, так как учитывает статус, ожидания и восприятие малых государств на всех уровнях межгосударственного взаимодействия[491]. Иными словами, согласно конструктивисткой парадигме малые государства способны избирать те роли и функции для мировой системы, которые, с одной стороны, как они считают, наиболее полно соответствуют их идентичности, под которой можно понимать сложившуюся политическую культуру, а с другой – позволяет достигать ограниченные национальные интересы, связанные с обеспечением безопасности, увеличения статусности, экономического развития и т.д.

Те малые государства, которые стремятся увеличить свой статус в международной иерархии, но осознают, что не могут придерживаться *стратегии подражания или конкуренции* по отношению к ведущим державам в тех сферах, которые вторые своим дискурсом определяют в качестве главенствующих (например, стратегическая безопасность, военная сила, политика развития и т.д.), могут следовать *стратегии креативности*, которая подразумевает приложение сил к относительно периферийной сфере взаимодействия мировой политики, в которой *данное государство может иметь сопоставимое значение, а иногда и лидировать*, тем самым увеличивая важность данной сферы и, соответственно, свой собственный статус. Так, малые государства при прочих равных обладают более значимым международным авторитетом, так как имеют меньше скрытых мотивов и амбициозных национальных интересов, чем ведущие державы. Именно поэтому многие из малых государств преуспевают в так называемом

[491] Gigleux V. Explaining the diversity of small states' foreign policies through role theory // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2016. – Vol. 1(1). – P. 27–45.

нормативном предпринимательстве – способности изменять и предлагать новые социальные нормы[492]. В частности, сама идея нейтралитета является новацией именно малых государств.

Другие малые страны и вовсе могут извлекать выгоду из своего скромного положения в иерархии, например, как это делают малые островные развивающиеся государства, создавая многочисленные многосторонние площадки для диалога и продвигая дискурс важности разрешения проблемы изменения климата и собственной «жертвенности»[493], одновременно всё активнее продвигая свою роль как значимых океанических держав, или, как это делают страны Балтии, использующие конфликтную модель внешней политики, призванную не столько интернационализировать риски своих отношений с Россией, сколько непосредственно конвертировать их в ресурсы собственного влияния посредством привлечения внимания государств Европейского Союза, что по своей сути можно рассматривать как форму эксплуатации сильного слабым[494].

Более того, как пишет Н.Ю.Кавешников, активизация малых государств в последние десятилетия среди прочего приводит к ряду *негативных последствий для всей системы международных отношений* и соответствующих региональных подсистем. В частности, малые государства могут блокировать стратегические международные проекты, пользуясь принципом формального равенства суверенных государств; волюнтаристски секьюритизировать угрозы; разобщать мировой порядок вследствие низкого профессионализма политических элит; злоупотреблять ролью реципиента внешней помощи и ставить под сомнение стабильность системы вследствие уязвимости для внешнего влияния[495]. По сути, речь может идти о попытках

---

[492] Ingebritsen C. Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics // Cooperation and Conflict. – 2002. – Vol. 37. – P. 11-23.

[493] Corbett J., Xu Y., Weller P. Norm entrepreneurship and diffusion “from below” in international organisations: How the competent performance of vulnerability generates benefits for small states. // Review of International Studies – 2019. – Vol. 45. No. 04. – P. 647–668.

[494] Смирнов В. А. Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. – 2016. – № 5(71). – С. 44-54.

[495] Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. – 2008. – Т. 6, № 3(18). – С. 84–92.

ограниченного ревизионизма отдельных малых держав, которые не могут значительно повлиять на системные параметры, но способны таким образом *привлечь к себе внимание международного сообщества*. В целом такой фокус на деятельности малых государств перекликается с дискурсом Дж.Скотта в политической антропологии об «оружии слабых», где работники их зависимых «низов» социальной иерархии используют характерные стратегии, такие как саботаж, проволочки (foot-dragging), уклонение от ответственности, ложная уступчивость (false compliance), воровство, притворное невежество (feigned ignorance), поджог, лицемерие и клевета[496].

Данный перечень факторов можно дополнить появлением такого феномена, как необходимость диверсификации политического курса крупных держав в отношении большего числа независимых акторов, учитывающих особенности конкретных малых государств или групп малых государств, а также усиление конкуренции между региональными и великими державами за ресурсы, предоставляемые малыми государствами. В частности, можно отметить *ресурс поддержки или легитимности*, который может быть проиллюстрирован позицией государств по отношению к России во время украинского кризиса в 2022-2023 гг. и стремлением США использовать малые государства в качестве «массовки» в игре на поддержание международного осуждения первой[497]. Подобное поведение малых государств является проявлением так называемых *патрон-клиентских связей на международном уровне*[498], по-видимому являющимися более тонким инструментом влияния, чем владение территориями, как это было в колониальные времена или идеологического противостояния. Среди более тонких стратегий великих держав также следует назвать финансово-экономическое давление и

[496] Scott J. C. *Weapons of the weak.* Yale University Press, 1987.
[497] Сафранчук И.А., Несмашный А.Д., Чернов Д.Н. Подвижная карта восприятия // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 3(121). – С. 90-102.
[498] Carney C.P. International patron-client relationships: A conceptual framework // Studies In Comparative International Development. – 1989. – Vol. 24. – P. 42-55.

когнитивный захват, проявляющийся в установлении контроля над целеполаганием элит.

Специфической, но также состоятельной можно признать стратегию объединения ресурсов, которая может проявляться как в создании интеграционных объединений, так и политических конфедераций[499].

Отдельные государства всё чаще прибегают к использованию инструментов мягкой силы[500], которая позволяет им «виртуально» увеличить себя в глазах мировой общественности[501]. Всё больше внимания уделяется идеологическим и нормативным концепциям политики, развивается социологический и конструктивистский подход к анализу внешнеполитических действий государств. В частности, развивается международная теория ролей и различные парадигмы в рамках изучения международной иерархии. Иными словами, наблюдается признание того, что государства стремятся не только к территориальной экспансии, материальному обогащению и максимизации власти в глобальном масштабе, но и заботятся о репутации, идентичности и чувстве сообщества[502]. Как отмечают Р.Джексон и К.Росберг, тип конкуренции между государствами раннего Средневековья в Европе способствовал тому, что государства, не обладающие необходимым уровнем мощи для выживания, исчезали, в то время как в современной международной системе наблюдается тенденция легитимизации и оказания поддержки слабым государствам[503]. В этой связи представляет интерес замечание А.Вивела и М.Крандалла о том, что состояние современной международной среды характеризуется как «снисходительное»

---

[499] Три африканские страны создали новый военный альянс // РБК. – 2023. – URL: https://www.rbc.ru/politics/06/07/2024/668980f29a794765daba4f98

[500] Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept. Journal of Political Power. – 2021. – Vol 14. No. 1. – P. 196–208.

[501] Chong A. Small State Soft Power Strategies: Virtual Enlargement in the Cases of the Vatican City State and Singapore. – Cambridge Review of International Affairs. – Vol. 23. No. 3, 2010.

[502] Ingebritsen C. Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics // Cooperation and Conflict. – 2002. – Vol. 37. – P. 11-23. Klotz A. Norms in International Relations. – Ithaca: Cornell University Press, 1995.

[503] Jackson R.H., Rosberg C.G. Why Africa’s Weak Sates Persist: the Empirical and the Juridical in Statehood. In: The State and Development in the Third World / Kohli A. – Princeton: Princeton University Press, 1987.

(permissive), благодаря чему малые державы сегодня обладают большим спектром возможностей, чем в прошлом[504].

Применяя теорию рационального выбора, представляется релевантным отметить, что при прочих равных любое государство будет либо заинтересовано *в повышении собственного статуса* в международной иерархии и, соответственно, увеличении собственной конкурентоспособности (при условии, если у ЛПР имеется соответствующая мотивация и политическая воля, а также, если для этого имеются предпосылки и любые предпринимаемые действия в долгосрочной перспективе кажутся более эффективными по сравнению с затрачиваемыми на них ресурсами в краткосрочной перспективе), либо, как минимум, в *сохранении имеющегося статуса-кво*[505].

Как и в случае выделения комплексных уровней анализа при концептуализации малых государств, их внешнеполитическая деятельность может быть представлена как в *двустороннем измерении* и быть направлена в отношении: 1) своих непосредственных соседей из схожей группы влиятельности/мощи (других малых государств с точки зрения референтной ведущей державы), 2) своих непосредственных соседей из числа более влиятельных/мощных государств (региональные и ведущие державы), 3) внерегиональных мощных акторов (глобальные сверхдержавы). Отношения с внерегиональными малыми державами, как правило, носят ограниченный характер. Вместе с тем, на практике могут наблюдаться и исключения, так, например, Бутан имеет всего 7 представительств за рубежом (Австралия, Бангладеш, Бельгия, Индия, Кувейт, Швейцария, Таиланд), в то время как его сосед Непал – 32 дипломатических представительства, в том числе в Китае, России и США[506].

---

[504] Wivel A., Crandall M. Punching Above Their Weight but Why? Explaining Denmark and Estonia in the transatlantic relationship // Journal of Transatlantic Studies. – 2019. Vol 17. – P. 392-419.
[505] Thorhallsson B. Studying small states: A review // Small States & Territories. – 2018. – Vol. 1. No. 1. – P. 17-34.
[506] Moyer J. D., David K. Bohl, Sara Turner, Katherine Lombarde, Thomas Hadeed, Charlie Lemke-Bell, Austin S. Matthews, Collin J. Meisel, and Adam Szymanski-Burgos. Diplomatic Representation Data Codebook. Diplometrics.

На *мультилатеральном уровне* малые государства, главным образом, участвуют в международных организациях, неформальных группах и различных ad hoc коалициях.

Наконец, отдельное измерение внешнеполитической деятельности малых государств можно выделить с учетом *функциональной дифференциации международного сообщества*[507], которое подразделяется на военную, политическую, экономическую, социальную, юридическую, здравоохранную, климатическую и другие *сферы*[508], являющиеся одним из срезов глобального международного сообщества, в каждой из которых поддерживается самостоятельный дискурс, а также ценности, и наблюдаются лидеры и аутсайдеры. Причем ценности в одних сферах могут противоречить ценностям в других (например, обеспечение экономической безопасности стран-экспортеров нефти путем строительства большего числа трубопроводов противоречит ценностям сферы защиты окружающей среды и т.д.).

Говоря о двустороннем уровне, среди параметров, которые влияют на успех достижения внешнеполитических целей Т.Лонг выделяет степень расхождения политического курса с контрагентом (если она максимальна, то успех минимален; однако, если она равна нулю, то малое государство не заинтересовано в переменах, а значит будет сохранять имеющийся статус-кво), степень значимости проблемы для контрагента, а также степень целостности предпочтений контрагента (единый курс или конкурирующие точки зрения). Их аналитическое сочетание влияет на вероятность успеха для более слабых контрагентов, а также определяет их возможные стратегии: настойчивости и «затягивания времени»; фреймирования (переопределения проблемы и смещения акцентов); определение повестки для увеличения значимости проблемы; поиск взаимовыгодных решений; «экстраверсии»

Denver, CO: Frederick S. Pardee Center for International Futures, Josef Korbel School of International Studies, University of Denver, 2023.

[507] Luhmann N. The Differentiation of Society. New York: Columbia University Press, 1982. – 482 p.

[508] Несмашный А.Д., Жорнист В.М., Сафранчук И.А. Международная иерархия и функциональная дифференциация государств: результаты экспертного опроса // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №15(3). – С. 7-38.

(привлечение внимания); установление повестки и поиск новых альтернатив; поддержание статуса-кво при поиске дополнительных выгод; подкрепление поддержки статуса-кво (см. таблицу 3.2.2.).

Таблица 3.2.2. Возможности и ограничения в двусторонних асимметричных отношениях с более мощным контрагентом.

№	Степень расхождение интересов с контрагентом	Значимость проблемы для контрагента	Целостность предпочтений контрагента	Тип ситуации	Вероятность успеха для более слабых контрагентов
1	Высокая	Высокая	Высокая	Конфликт/ зашедшие в тупик переговоры по распределению	Самая низкая
2	Высокая	Высокая	Низкая	Кризис или политические изменения переворачивают понимание ситуации или курса	Средняя
3	Высокая	Низкая	Низкая	Статус-кво без корыстных интересов	Высокая
4	Низкая	Высокая	Высокая	Переговоры, направленные на разрешение проблемы с учетом общего понимания проблемы	Самая высокая
5	Низкая	Высокая	Низкая	Переговоры, направленные на разрешение проблемы с учетом разного понимания проблемы	Средняя
6	Высокая	Низкая	Высокая	Статус-кво с корыстными интересами	Низкая
7	Низкая	Низкая	Высокая	Статус-кво, поддерживаемый обеими сторонами, но с потенциальным торгом по поводу выгод	Продолжение статуса-кво
8	Низкая	Низкая	Низкая	Политика сохранения статус-кво подвержена изменениям	Нулевая

Источник: Long T. A Small State's Guide to Influence in World Politics. – Oxford University Press, 2022.

Однако стратегии, ориентированные на увеличение статуса (status-seeking), не наблюдаются исключительно в двусторонних отношениях, в частности, в рамках собственной референтной региональной группы, к которой принадлежит государство, но также осуществляются и на глобальном уровне – как в мультилатериальных (коллективных) форматах, так и в отдельных сферах (иерархиях) мировой политики, не ограниченных границами географических или геополитических (основанных на политико-интеграционных объединениях) пространств[509].

Основываясь на характеристиках догоняющих государств, выделенных российским исследователем А.Б.Волынчуком[510], можно сформулировать

[509] Carvalho B., Neumann I. Small State Status Seeking: Norway's Quest for International Standing. – Routledge, 2014.

[510] Волынчук А. Б., Волынчук Я. А. Геополитический статус государства: теоретическое основание научной категории // Территория новых возможностей. – 2018. – № 1(40). – С. 57-67

основные способы повышения геополитического статуса государства, являющимися условными «международными социальными лифтами»: достижение быстрого и устойчивого экономического роста, увеличение военного потенциала страны, рост внешнеполитической активности государства при решении важных проблем регионального и глобального развития, активизация политической и экономической интеграции с государством-лидером и другими государствами региона, снижение политической и экономической зависимости от интересов других участников геополитических процессов, улучшение качественного уровня жизни населения, демографического потенциала и образования.

Стратегии по увеличению собственного статуса государств можно сгруппировать на основе идеал-типических парадигм в международных отношениях, выделив наиболее яркие: увеличение численности военного персонала или разработка нового вооружения, расширение ресурсов мягкой силы и их охвата, активизация риторики о собственном статусе и фреймирование дискурсов, предложение ценностных идей (идеология, культура, мораль), диверсификация экономики, активизация участия в международных организациях и расширение дипломатических представительств, участие в гуманитарных проектах за рубежом, вовлеченность в создание сетей друзей и союзников, развитие технологических и наукоемких отраслей промышленности, инвестирование в человеческий капитал (образование, уровень жизни, долголетие) и государственную состоятельность, а также адаптация к изменению климата. Однако не все вышеуказанные стратегии являются представляются актуальными для малых государств в одинаковой степени, учитывая контекстуальность принципа асимметрии.

Рассматривая перспективы восходящей динамики статуса малых государств в зависимости от основных научных парадигм в международных отношениях, можно сделать вывод о том, что именно институциональный

неолиберализм при прочих равных позволяет малым государствам в теории увеличить свой статус (см. таблицу 3.2.3.).

Таблица 3.2.3. Перспективы трансформации статуса малых государств в зависимости от типа международной иерархии.

Идеал-типическая парадигма	Неореализм	Неолиберализм	Неомарксизм	Конструктивизм
Что важно	Совокупная мощь	Включенность в систему	Зависимость	Самопозиционирование
Статус категории малых государств[511] и их субъектность	Низкие	Дифференцированные	Как правило, низкие, могут быть дифференцированы	Как правило, высокие
Стремление изменить статус-кво	Среднее	Высокое	Высокое	Низкое
Влиятельность малых государств	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая
Перспективы восходящей динамики статуса	Практически невозможна	Возможна	Затруднительна	Затруднительна

Источник: составлено автором.

Так, в то время как укрепление материальных показателей в русле структурного реализма для государств, и так имеющих дефицит ресурсов, является почти невозможным; для государств, идентифицирующих себя малыми в рамках конструктивизма, стремление значительно изменить статус-кво не является значимым; а в рамках неомарксизма изменить собственный статус, не ослабив отношения зависимости, также представляется затруднительным; именно инициативы в различных функциональных подсистемах международного сообщества согласно институциональному неолиберализму дает шанс конкретным государствам, являющимися малыми, увеличить собственный статус в рамках международной иерархии.

Как отмечает изобретатель термина «мягкая сила» спустя 30 лет, основатель неолиберализма Дж.Най, вопреки господствующим представлениям о том, что мягкая сила важнее жесткой силы, игнорирование наличествующих материальных ресурсов является ошибкой – ключевой посыл заключается в том, что любой анализ должен начинаться именно с них,

[511] В рамках данной типологии важно отметить общее используемое определение малых государств – как государств, имеющих ярко выраженную ограниченность материальных ресурсов, которая прежде всего проявляется в численности населения и площади территории, но также дополняется размером ВВП по сравнению со своими соседями в рамках географических или геополитических (основанных на политико-интеграционных объединениях) пространств.

но важно не останавливаться лишь на ресурсах жесткой силы[512]. В этой связи важна идентификация типов ресурсов, и шире – их источников, которые малые государства (как и государства вообще) могут располагать для увеличения собственной безопасности, достижения развития, потенциального увеличения своего влияния и статуса. Хотя логичным представляется идея о том, что источники влияния, которые могут использовать малые государства ограниченны по сравнению с соответствующим доступным инструментарием для крупных и мощных государств, на практике принцип асимметрии не позволяет подтвердить данный посыл.

Б. Торхалльссон выделяет две широкие группы инструментов, которые малые государства могут использовать для того, чтобы, как минимум, выжить, а также нивелировать негативные проявления, связанные со своим малым размером. С одной стороны, это **внутриполитические инструменты**, используемые для достижения эффективного управления экономикой, укрепления административной компетентности, национального единства и стабильности, а также **внешнеполитические инструменты**[513]. Наконец, Т.Лонг также предлагает три типа ресурсов, которые могут актуализировать малые государства для достижения собственных целей: **партикулярно-присущие, деривативные и коллективные**[514]. Примечательным является тот факт, что в то время, как партикулярно-присущие ресурсы являются широкой аналитической категорией и по сути отсылают к непосредственным материальным ресурсам, которые могут быть использованы любым государством, две остальные категории являются уникальными и характерными только для более слабых сторон в диадных отношениях.

[512] Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept. Journal of Political Power. – 2021. – Vol 14. No. 1. – P. 196–208.
[513] Bailes A.J.K., Thayer B.A., Thorhallson B. Alliance theory and alliance ‘Shelter’: the complexities of small state alliance behavior // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2016. – Vol. 1. No. 1. – P. 9-26.
[514] Long T. A Small State’s Guide to Influence in World Politics. – Oxford University Press, 2022.

§ 3.3. Значимые роли малых государств в современной мировой политике

В данном параграфе осуществляется идентификация значимых ролей малых государств в мировой политике на основе избранной типологии международно-политических ролей с учетом принадлежности малых государств к выделенным кластерам, а также прослеживается их динамика в постбиполярную эпоху.

Согласно избранной методике, международно-политическая роль малого государства будет считаться значимой на глобальном уровне, если она сопоставима с соответствующей ролью ведущих и средних стран в определенной сфере международного взаимодействия или подсистеме мировой политики и является более характерной именно для конкретного малого государства или группы малых государств. Соответственно, роль будет не считаться значимой на глобальном уровне для малого государства, а потому не идентифицируется в том случае, если соответствующая роль характерна в большей степени для ведущих или средних держав. При этом трансформация значимой роли наблюдается в том случае, если она отличается от предыдущего временного периода качественно или по количественным параметрам. Автором избраны различные сферы международного взаимодействия и подсистемы мировой политики с целью отражения максимального набора значимых ролей современных малых государств.

Социально-демографическая сфера

Представляется, что социально-демографическая сфера является важным компонентом мировой политики, так как ресурс населения выступает в качестве фундаментального для любого государства, а его численность и качественные характеристики оказывают значительное влияние не только на состояние внутренних политических институтов и политическую культуру, но также и оборонительные способности страны, производство товаров и услуг, возможности выхода на определенный уровень развития, осуществление

научного прогресса, достижений в культуре и искусстве, успешном формировании идеологем, укрепляющим суверенитет страны[515] и т.д. В целом, стоит отметить, что численность населения находится в обратной пропорциональности от усилий государства по обеспечению жизненных условий для своих граждан и подданых – неслучайно большинство бедного населения сосредоточенно в крупных государствах, а не пропорционально распределено по всем странам[516]. В этой связи вопрос соотношения между численностью населения и другими ресурсами имеет особо важное значение для планирования целей развития малых государств в долгосрочной перспективе[517], так как даже небольшие флуктуации в численности населения могут оказать негативное влияние на их экономическую и социально-демографическую безопасность.

По этой причине представляет интерес перечень малых стран, испытывающих значимую отрицательную динамику по приросту населения в постбиполярный период, а также тех малых государств, которым удалось стабильно нарастить свои демографические ресурсы (см. рисунок 3.3.1.).

Рисунок 3.3.1. Значимые роли малых государств в сфере воспроизводства демографических ресурсов.

№	Кластер	Число государств	из них по методу Трейвиша:			Малые страны и их демографические ресурсы в 1990-2022 гг.							
			Крупные	Средние	Малые	"Отталкиватели" демографических ресурсов						"Аттракторы" демографических ресурсов	
						< 100%		100% - 147%		147% - 200%		> 200%	
						число стран	% от группы	число стран	% от группы	число стран	% от группы	число стран	% от группы
1	**ОДКБ/СНГ**	10	2	3	5	2	40%	1	20%	2	40%		
2	**Запад**	45	8	16	21	9	43%	9	43%	3	14%		
3	**АСЕАН+3**	14	7	4	3					3	100%		
4	**Юж. Азия**	8	3	3	2			1	50%			1	50%
5	**Аравийский**	21	4	10	7					3	43%	4	57%
6	**Зап. Африка**	15	1	7	7					2	29%	5	71%
7	**Цен. Африка**	7	-	3	4					1	25%	3	75%
8	**Вос. Африка**	7	1	4	2					1	50%	1	50%
9	**Юж. Африка**	15	2	8	5			3	60%	2	40%		
10	**Юж. Амер.**	12	4	6	2			2	100%				
11	**Цен. Амер.**	8	-	2	6			1	17%	3	50%	2	33%
12	**Карибский**	13	-	-	13	1	8%	8	62%	4	31%		
13	**Тихоокеан.**	14	1	2	11	1	9%	7	64%	1	9%	2	18%
0	**Изоляты**	4	1	3	-								
	ВСЕГО	193	34	71	88	13	15%	32	36%	25	28%	18	20%

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

[515] Веселов Ю. А. Возможности ревизии современного мирового порядка // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 15-28.

[516] Economic poverty trends: global, regional and national // Development Initiatives. – 2023. – URL: https://devinit.org/resources/poverty-trends-global-regional-and-national/

[517] Акимов А.В. Долгосрочные перспективы роста численности населения мира // Историческая психология и социология истории. – 2010. – Т. 3, № 2. – С. 5-24.

Необходимо отметить, что в период с 1990 по 2022 год население Земли увеличилось на 47% с 5,3 млрд чел. до 7,9 млрд чел., при этом по данным Всемирного банка сокращение численности населения (от 2% до 30%) произошло в 19 государствах, 13 из которых являются малыми и 5 условно средними (Польша, Венгрия, Беларусь, Румыния, Украина) по большей части за счёт стран, входящих в кластер ОДКБ+СНГ (Молдавия и Армения; 40% от группы) и западного блока (Сербия, Эстония, Албания, Грузия, Литва, Болгария, Босния и Герцеговина и Латвия; 43% от группы). Представляется, что данная группа стран, вынужденных исполнять **роль условного «отталкивателя» демографических ресурсов,** считается наиболее депрессивной по причине наложения эффектов демографического перехода (а именно её 4-ой стадии, когда коэффициент смертности и коэффициент рождаемости в промышленно развитых странах падают до минимального уровня), сложной социально-политической обстановки и упадка стабильности после распада стран на территории бывшего СССР и Восточной Европы в указанный период, а также индивидуальных негативных факторов (например, влияние института «неграждан» в Эстонии и Латвии, проблема Нагорного Карабаха для Армении и Приднестровья для Молдавии, сильные эмиграционные процессы в Боснии и Герцеговине и Украине и т.д.). В целом стоит отметить, что все указанные страны испытали серьёзные потрясения в постбиполярный период, а принимая во внимание, что все они находятся в самом конце списка по данному параметру, можно сделать вывод о том, что геополитические катастрофы оказывают особое негативное воздействие именно на малые государства по сравнению с другими категориями стран. Систематическое сокращение населения для малых государств препятствует их экономическому росту и улучшению благосостояния, представляет собой существенный вызов устойчивости их развития и косвенно указывает на существование серьёзных проблем, разрешение которых должно быть в центре внимания их политических элит. В свою очередь, низкие темпы

экономического развития и проблемы стабильности вынуждает население малых стран эмигрировать в более развитые крупные державы. Таким образом, может наблюдаться некий «порочный круг». В частности, данная проблема особо характерна для Армении, население которой упало на 23% за 30 лет, а процент мигрантов сократился с 19% до 6%[518].

Говоря о самых негативных примерах «отталкивателей населения» в западном блоке, стоит отметить, указанные процессы в Сербии, Хорватии и Болгарии происходит даже на фоне увеличения процента мигрантов за 30 лет (максимальный прирост в рамках депрессивной группы от 8,08% до 1,18% соответственно), что говорит о серьёзном демографическом кризисе в указанных государствах. Осознавая это, власти страны пытаются применять меры по смягчению условий для приезжих. Так, например, после начала острой фазы украинского кризиса в 2022 году правительство Сербии объявило об упрощенном предоставлении гражданства 160 тыс. мигрантам из Украины, России и Белоруссии[519].

Следующая группа стран, включающая 67 единиц, в которых в постбиполярный период рост населения наблюдался, но он не превысил средний уровень по планете насчитывает 32 малых государства, большинство из которых ожидаемо находится в блоке западных стран (9 стран, 28% от всех малых; 43% от группы), карибском (8 стран, 25% от всех малых; 62% от группы) и тихоокеанском (7 стран, 22% от всех малых; 64% от группы) кластерах. В случае последних двух групп стран наиболее негативными факторами, сдерживающими развитие, следует признать высокий уровень эмиграции и ограниченную островную территорию. В отличие от предыдущей группы в данный список попали многие ведущие державы – Япония, Италия, Германия, Франция и Великобритания, которые хотя и вынуждены корректировать свои социально-экономические планы на будущие

[518] Великий исход. Почему армяне не хотят жить на родине // Лента.ру. – 03.06.2013. - https://lenta.ru/articles/2013/06/03/armenia/

[519] Нусима и украјинцима српски пасош - убрзано: А ево и ко ће имати предност // Новости.rs. – 17.12.2022. – URL: https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/1183346/rusima-ukrajincima-srpski-pasos-ubrzano-evo-imati-prednost

десятилетия в связи с замедлением и даже остановкой роста населения, тем не менее более стабильны, чем малые государства. Более успешные малые государства западного блока по данному параметру (с темпами роста населения выше общемирового, но ниже 200%) – это те, у которых отсутствуют значимые проблемы социально-экономического характера, а именно Исландия и Кипр.

Более успешные малые государства западного блока по данному параметру (с темпами роста населения выше общемирового, но ниже 200%) – это те, у которых отсутствуют значимые проблемы социально-экономического характера, а именно – Исландия и Кипр.

С другой стороны спектра – 49 государств, которым удалось за указанный период удвоить собственное население, только 18 из которых являются малыми государствами. Принимая во внимание, что многим малым государствам данной группы, играющих **роль аттрактора демографических ресурсов**, удалось достичь этого во многом благодаря «эффекту низкой базы» (население менее 1 млн чел.), только четырем малым государствам удалось увеличить собственное население на показатель от 300% до практически 600% – Экваториальной Гвинее (являющейся островком притяжения для новых граждан, которые стремятся получить работу в нефтяной сфере, ставшей авангардом развития страны после открытия значительных залежей углеводородов); Иордании, Кувейту и Катару (100% малых государств арабского кластера), а также ОАЭ (являющихся согласно избранной методологии условным средним государством).

Увеличивающаяся миграция населения малых государств, с одной стороны, может принимать форму «утечки мозгов» и негативно сказываться на росте населения[520], но, с другой стороны, способна приводить к появлению сильных сетей национальных диаспор за рубежом, которые способствуют

[520] The World’s Biggest Diasporas [Infographic] // Forbes. – 2022. – URL: https://www.forbes.com/sites/katharinabuchholz/2022/11/11/the-worlds-biggest-diasporas-infographic/?sh=19ec9f664bde

поддержанию постоянных связей между мигрантами, а также с их общинами или странами происхождения; кроме того, на низовом уровне способны продвигать интересы своей родины в ведущих державах[521]. Так, в абсолютных значениях по численности лидируют индийская, мексиканская, русская, китайская и сирийская, в относительных от численности населения страны – гайанская, боснийская, албанская, сирийская и ямайская. Однако нельзя не отметить ряд наиболее влиятельных диаспор, который приходится на эмигрантов из малых государств, в частности – Израиля, Армении, Ирландии и Ливана[522]. Так, еврейская диаспора является неотъемлемой часть политической системы США и одной из самых влиятельных и авторитетных национальных меньшинств страны, имея существенный вес в политической, экономической и духовной жизни и оказывая прямое влияние на принятие важных государственных решений на федеральном уровне и на уровне штатов[523]. Для Армении, население которой составляет около трёх миллионов этнических армян, в то время как вне национальных границ их число составляет до восьми миллионов человек, диаспора является весьма важным фактором. Так, например, как отмечает О.З.Геворгян, по мнению некоторых американских исследователей, армянское лобби в США в рейтинге самых влиятельных лобби занимает второе место после еврейского; оно играло важную роль в устранении блокады Армении со стороны Азербайджана и Турции, а также снижении конфликтности в Нагорном Карабахе по крайней мере в период до Второй карабахской войны в 2020 году[524]. Помимо США, армянские общины, обладающие значимым числом членов, имеются, в частности, в России и Франции, где также осуществляют благоприятную

---

[521] Боришполец К.П. Мир и диаспоры // Портал МГИМО – 2011. – URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/216064/?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru

[522] Boysariyev M. Diasporas in the modern world: the evolution of phenomena and concepts. Общество и инновации. – 2020. - № 1. – P. 106-122.

[523] Сидорова Е.А. Особенности Еврейской общины в США // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 69-78.

[524] Геворгян О.З. Фактор диаспоры в отношениях Армении с ЕС и США // Постсоветские исследования. – 2018. – №6. – С. 567-573.

миссию для Армении и являются неоспоримо важным социальным капиталом малой страны, что подтверждается созданием в государстве в 2008 году Офиса главного уполномоченного по делам диаспоры, нацеленного на формирование государствоцентричной идентичности, содействию установлению постоянных контактов с родиной и укреплению отношений с диаспорой посредством визитов, конференций, форумов и партнерства[525]. Еще одним примером исторически сильной зарубежной диаспоры среди малых государств является Ирландия, которая согласно оценке экспертов ежегодного Индекса глобальной мягкой силы, имеет длительное исторические развитие, на которое оказало влияние циркулирование потоков людей, знаний и капитала[526]. По некоторым оценкам, ирландская диаспора может насчитывать до 70 миллионов человек, при этом почти половина из них проживает в Северной Америке. Феномен кельтского экономического чуда в 1990-ых, когда страна пережила беспрецедентный экономический бум, частично объясняется инвестициями американцев ирландского происхождения в экономику страны[527]. Резюмируя, следует отметить, что численность, формы, причины генезиса и влиятельность диаспор значительно отличается от страны к стране, однако важно отметить, что данный фактор в целом не является специфическим для малых государств, а скорее представляет значимые исключения.

Отдельно следует упомянуть, что мигранты некоторых малых стран вносят важный вклад в стабилизацию экономики своих государств путем осуществления денежных переводов (remittances) родственникам. Так, в относительных процентах к ВВП по размеру полученных денежных доходов среди малых государств в 2023 году лидируют Самоа, Гондурас, Лесото, Сальвадор, Гамбия, Непал и Коморские острова[528], что косвенно

---

[525] Офис главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армения. – URL: http://diaspora.gov.am/ru
[526] Global Soft Power Index 2023 // Brand Finance. – 2024.
[527] Кокшаров А. «Кельтский тигр» на переправе // Журнал Эксперт, 2008. – URL: https://webcitation.org/66O1WXdrq?url=http://expert.ru/expert/2008/15/keltskiy_tigr_na_pereprave/
[528] Personal remittances, received (current US$) // World Bank. – 2024. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?most_recent_value_desc=true

демонстрирует слабую развитость экономики данных государств, но также и высокую мобильность трудовых ресурсов, часть полученных навыков которых теоретически может использоваться в самих малых государствах по возвращении работников домой (в случае если правительствами соответствующих стран будут созданы условия для роста экономики), так как стремительное распространение глобализации в сочетании с революционным изменениями в транспорте и информационно-коммуникационных технологиях радикально меняет ландшафт мобильности людей, превращая его в гораздо более сложное и разнонаправленное явление. Как отмечается в докладе Содружества Наций, некоторые развивающиеся малые страны внедряют инновационные подходы, такие как «виртуальная реинтеграция», которое помогает членам диаспоры вносить свой вклад в развитие своих стран посредством приобретенных навыков и знаний, а также инвестиций в местную инфраструктуру[529]. Представляется, что это является важным трендом для выравнивания развития, повышения конкурентоспособности и статуса, если не на глобальном, то хотя бы региональном уровне.

В результате анализа соотношения групп и полученных ролей, можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, по параметру воспроизводства населения соотношение государств между полярными «профицитной» и «депрессивной» группами говорит о том, что помимо уже известного тезиса об обеспечении взрывного роста населения в начале XXI века главным образом за счёт государств Африки и Латинской Америки, также наблюдается и вывод о том, что рост населения в указанный период происходил именно за счёт крупных и средних государств, в то время как сокращение населения в абсолютном числе случаев приходилось на группу малых государств. Вместе с тем значительное увеличение населения не чуждо для отдельных подгрупп малых государств, основными факторами которого, по-видимому, помимо запоздания в демографическом переходе определяется

[529] The Dynamics of Migration and Development in Small States // Commonwealth of Nations. – 2011. – URL: https://www.thecommonwealth-ilibrary.org/index.php/comsec/catalog/download/777/777/6079?inline=1

ростом миграционных процессов, внезапным экономическим бумом или сохранением стабильности на фоне конфликтных сопредельных территорий. В последнем случае увеличение числа мигрантов и беженцев скорее становится негативным фактором для внутренней безопасности малых стран, так как в целом понижает их стабильность. Так, наиболее ярким примером здесь следует признать увеличение численности Ливана – первой стране в мире по подушевой численности беженцев за счет мигрантов из Палестины и Сирии – что представляется серьезной проблемой для властей страны, которые вынуждены защищать работников, являющихся коренным населением, в частности отказывая сирийским беженцам в возможности легального трудоустройства[530].

Во-вторых, важно отметить и обратный тезис о том, что не во всех латиноамериканских и африканских государствах наблюдался значительный рост населения. Так, в трёх малых государствах Африки – Эсватини, Лесото и Маврикии, а также трёх государствах Латинской Америки – Сальвадоре, Кубе и Уругвае темпы роста населения в указанный период были весьма ограничены и практически остались на уровне, достаточном только для замещения населения.

Наконец, стоит отметить, что вышеуказанные посылки подтверждаются тем фактом, что в период 1990-2022 годов корреляция между увеличением ВВП и ростом населения в малых странах являлась значимой (0,330**), а для средних и крупных – не являлась таковой (0,080 и 0,140). Отсюда можно сделать вывод о том, что воспроизводство населения в малых государствах в целом весьма более динамично реагирует на изменение стабильности, а значит более подвержено внешним шокам, хотя как показал анализ выше, существуют ограниченные примеры малых государств, которым удалось нарастить свои демографические ресурсы.

[530] Ferris E.G.; Kirişci K. The Context, Causes, and Consequences of Syrian Displacement // The Consequences of Chaos. – 2016. – Brookings Institution Press. pp. 1–32.

Вместе с тем важно отметить, что демографические ресурсы не только проявляются в параметрах численности населения, но и на качественных основаниях – как совокупности врожденных и приобретенных качеств, навыков, способностей, мотиваций и культурных ценностей людей, сформированных в результате вкладывания инвестиций со стороны государства, накопленных к определенному периоду времени и определяющих трудоспособность индивида к производству материальных и духовных благ в процессе общественного производства[531]. В этой связи в рамках нового этапа глобального экономического развития многие малые страны развивают свои конкурентные преимущества путём инвестирования в социальную инфраструктуру, нацеленную на построение гармонично развитой и социально ответственной личности с высокими навыками. Важно отметить, что хотя процветающая экономика является необходимым условием для поддержания высокого потенциала населения, она не является достаточным фактором.

Согласно Индексу развития человеческого потенциала, который является комплексным сравнительным показателем ожидаемой продолжительности жизни, грамотности, образования и уровня жизни для стран во всём мире[532], в 1990-2000 годах из 22 стран с очень высоким показателем (≥ 0.800) только 7 малых стран (из них 5 микрогосударств – Антигуа и Барбуда, Черногория, Сан-Марино, Андорра, Лихтенштейн; а также Словения и Исландия), при этом ещё 8 являются традиционными малыми государствами, которые согласно избранной методике попадают в среднюю группу – Швейцария, Нидерланды, Норвегия, Дания, Австрия, Бельгия, Финляндия, Швеция. Это наиболее стабильные страны с высоким уровнем жизни и долгосрочными планами развития, которые не испытывают проблем с социально-демографической ситуацией.

---

[531] Чупик А.Ю. Людские ресурсы как важнейший фактор экономической безопасности государства // КЭ. – 2015. – №3. – С. 279-288.

[532] Обзор доклада о человеческом развитии за 2023-2024 гг. // United Nations Development Programme. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf

Отдельно следует выделить группу малых государств, которые за 30 лет смогли увеличить свой ИРЧП до очень высокого уровня, что позволяет говорить об их **значимой роли инвесторов в человеческий капитал**. Наблюдаемая трансформация их модели развития позволяет сделать вывод о том, что их правительствами приняты всеобъемлющие и эффективные меры, направленные на улучшение качества и стандарта жизни. Помимо стран западного кластера (10 государств) здесь следует отметить успехи Брунея; Бахрейна, Катара и Кувейта; Сейшельских островов; Панамы и Коста-Рики; а также Сент-Китс и Невиса, Багамских островов, Тринидад и Тобаго и Барбадоса. Хотя Ирландия, Сингапур и ОАЭ попадают в рамках избранного подхода в среднюю группу, они также отличаются высокой соответствующей динамикой (см. таблицу 3.3.2.). Эти страны располагают наиболее квалифицированной рабочей силой, а значит обладают базой для развития инновационных технологий и встраивания в цепочки добавленной стоимости.

Рисунок 3.3.2. Роли малых государств, основанные на инвестиции в человеческий капитал

№	Кластер	Число государств	из них по методу Трейвиша:			Динамика Индекса человеческого развития 1990-2022 гг.			
			Крупные	Средние	Малые	**Инвесторы в человеческий капитал**		**Испытывающие проблемы, но стремящиеся к развитию**	
						≥ 0.800		*≤ 0.549 → ≥ 0.549*	
						число стран	*% от группы*	*число стран*	*% от группы*
1	**ОДКБ/СНГ**	10	2	3	5				
2	**Запад**	45	8	16	21	10	48%		
3	**АСЕАН+3**	14	7	4	3	1	33%	1	33%
4	**Юж. Азия**	8	3	3	2				
5	**Аравийский**	21	4	10	7	3	43%		
6	**Зап. Африка**	15	1	7	7				
7	**Цен. Африка**	7	-	3	4			2	50%
8	**Вос. Африка**	7	1	4	2				
9	**Юж. Африка**	15	2	8	5	1	20%	1	20%
10	**Юж. Амер.**	12	4	6	2	1	50%		
11	**Цен. Амер.**	8	-	2	6	2	33%	3	50%
12	**Карибский**	13	-	-	13	4	31%	2	15%
13	**Тихоокеан.**	14	1	2	11				
0	**Изоляты**	4	1	3	-				
	ВСЕГО	193	34	71	88	22	25%	9	10%

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

Особенно ярко данные преимущества проявляются в рамках континентов, большинство государств на которых относятся к развивающим государствам (Африка и Латинская Америка). Так, как отмечает высший

комиссар Сейшельских Островов в Содружестве Наций, «в Африке небольшие государства, такие как Ботсвана и Лесото, являются наглядным примером того, что хронические проблемы, связанные с получением начального образования, могут быть преодолены на Африканском континенте»[533].

С другой стороны спектра, из 33 государств с низким показателем индекса (≤ 0.549) 11 являются малыми и находятся в Африке. Это наиболее проблемные государства, испытывающие сложности с развитием и находящиеся на грани несостоятельности, что ограничивает доступный набор их внешнеполитических стратегий, особенно на фоне увеличения неравенства между государствами с высоким индексом человеческого потенциала и соответствующим низким значением, что впервые наблюдается в 2023/2024 гг.[534]. В этой связи важно отметить группу малых государств, которым за 30 лет всё же удалось вырваться из группы с низким уровнем развития ИРЧП – таких малых стран всего 10 и большинство из них приходится на островные государства Карибского бассейна и Индийского океана.

Проведенный анализ демонстрирует, что наибольшая положительная динамика потенциала человеческого развития в долгосрочном периоде среди малых государств помимо традиционного успешного по этому показателю западного кластера приходится на малые государства Центральной Америки и Карибского бассейна. Как отмечают эксперты, хотя пробелы в показателях ИРЧП носят структурный характер и являются долгосрочным наследием периода колониализма и эксплуатации людских и природных ресурсов региона[535], что особо проявляется в таких государствах, как Гаити и Гондурас и Гватемала, тем не менее, значимому числу государств региона удалось достичь высоких показателей, что говорит о возможности преодоления

[533] Education and Sustainable Development in Small States // Commonwealth Foundation. – 2015. – URL: https://commonwealthfoundation.com/education-and-sustainable-development-in-small-states/
[534] Обзор доклада о человеческом развитии за 2023-2024 гг. // United Nations Development Programme. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf
[535] Rojas D. Addressing Disparities of Human Development // The Caricom Reparations Commission. – 2020. – URL: https://caricomreparations.org/addressing-disparities-of-human-development/

структурных ограничений[536]. При этом особая политическая культура, сформировавшаяся в отдельных малых государствах, может являться стабилизирующим фактором. Так, например, как отмечают К.Бюгер и А.Вивель, для Сейшельских островов «молодой» креольский профиль населения является основополагающим и имеющим стабилизующий характер (до прибытия французских колонистов острова не были заселены). Для Сейшельцев, являющихся потомками французских, британских, африканских, арабских и индийских жителей, «раса, наследие, традиции и религии не являются препятствиями для сотрудничества, но служат источниками разработки инновационных способов совместной деятельности», которые, в том числе, помогают в продвижении различных внешнеполитических инициатив[537]. Стоит отметить, что страна находится на достаточно высоком для островного развивающегося государства – 48 месте – в рейтинге политической стабильности[538], что располагает его между Канадой и Эстонией, а также на 122 месте в рейтинге недееспособности[539] (56 место «с конца»), что, как представляется, во многом определяется конструктивным характером межличностных отношений, сформированных в процессе государственного строительства. Однако это является лишь одним из более удачных примеров сочетания структурных демографических факторов, в то время как для ряда островных и африканских малых государств подобная стабильность является скорее исключением из правила.

Специфическая роль отдельных малых государств проявляется в сфере здравоохранения. В частности, акцент правительства Кубы на развитии здравоохранения с учетом признания права на обеспечение здоровья как одного из основных прав человека позволило стране проводить «врачебную дипломатию» и играть ограниченную, но значимую **роль «глобального**

[536] Robinson J. The Human Development Index and the Caribbean (Party Time?) // The University of the West Indies. – 2024. – URL: https://fiveislands.uwi.edu/news/human-development-index-and-caribbean-party-time
[537] Bueger C., Wivel A. How do small island states maximize influence? Creole diplomacy and the smart state foreign policy of the Seychelles // Journal of the Indian Ocean Region. – 2018. – Vol.14. No. 2. – P. 170–188.
[538] Political stability index. – 2022. – URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_political_stability/
[539] Fragile States Index. – 2022. – URL: https://fundforpeace.org/

доктора» развивающегося мира[540]. Страна занимает первое место по числу докторов на 10 тыс. человек и обладает одним из лучших показателей в области здравоохранения среди развивающихся государств, являясь ведущим в мире поставщиком медицинской помощи и программ профессиональной подготовки в области здравоохранения, что позволяет ей получать конкурентные преимущества за счет кадрового потенциала своего сектора здравоохранения[541]. Согласно индексу медицинского туризма[542] значимыми государствами, выполняющими **роль медицинских дестинаций** являются Сингапур, Коста-Рика, Израиль и ОАЭ (Абу-Даби и Дубай), которые являются привлекательными для жителей более крупных стран из-за менее развитой медицины или более высокими расходами на неё. С другой стороны, как показала глобальная пандемия коронавируса активная включенность в мировые транспортные потоки и инфраструктуру, зависимость от туризма, а также открытые границы во время распространения эпидемий снижают защищенность малых государств в рамках безопасности в сфере здравоохранения, при этом наиболее стабильными малыми государствами являются такие страны, которые, с одной стороны, имеют достаточный уровень развития инфраструктуры и здравоохранения, а с другой, обладают возможностями оперативного реагирования и ограничения каналов распространения инфекций и эпидемий[543].

Таким образом, в социально-демографической сфере мировой политики у ряда малых государств возможно выделить значимые международно-политические роли. Так, для западного кластера и кластера ОДКБ/СНГ

---

[540] Feinsilver J.M. Fifty years of Cuba's medical diplomacy: from idealism to pragmatism // Cuban Studies. – 2010. – Vol. 41. – P. 85-104.

[541] Anderson T. Human Development Strategy in Small States. World Review of Political Economy. – 2018. – Vol. 8. – P. 350-364.

[542] The Medical Tourism Index. – 2021. – URL: https://www.medicaltourism.com/mti/home

[543] Барабаш, Б. А. Соотношение между моделями поведения малых государств на международной арене и защищенностью в сфере здравоохранения на примере пандемии новой коронавирусной инфекции / Б. А. Барабаш // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность : Материалы Международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2022 года / Под редакцией Н.М. Михеевой и Н.В. Каледина. – Санкт-Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2022.

характерны роли отталкивателей демографических ресурсов, в то время как в кластерах Западной и Центральной Африки за последние тридцать лет малые государства исполняют роль аттракторов демографических ресурсов. Отдельно выделяется аравийский кластер малых государств, исполняющих специфическую роль аттракторов экономических мигрантов, которая в период 1990-2020 только усиливается. Также, следует отметить увеличивающуюся роль малых государств Центральной Америки и карибского кластера как инвесторов в человеческий капитал на ряду с традиционно высокими показателями в данной сфере среди малых государств западного кластера. В целом представляется, что дальнейшее положение малых государств в социально-демографической сфере мировой политики будет во многом определяться ростом или сокращением воспроизводства демографических ресурсов и миграционных процессов в ведущих крупных государствах. Можно констатировать, что за 30 лет дифференциация между малыми государствами в данной сфере заметно и значимо увеличилась.

Международные транспортные пути и коридоры

Экономико-географическое, геополитическое и геоэкономическое положение государств может быть благоприятным и неблагоприятным. Так, при прочих равных отсутствие выхода к морю (landlocked states) приводит к проблемам экономического развития, в частности, в связи с высокими издержками осуществления импорта и экспорта. Однако случай Лихтенштейна – одного из двух государств в мире, которое не только само является внутриконтинентальным, но также полностью окружено другими внутриконтинентальными государствами – имеющего относительно высокое экономическое развитие (с оговоркой о размере населения занимает 1-ое место в мире по ВВП на душу населения), что ещё раз доказывает существование **поссибилизма** относительно влияния географических факторов на развитие государств, в отличие от жесткого детерминизма или полного нигилизма[544].

[544] Preston E., Martin J.G.J. All Possible Worlds: A History of Geographical Ideas. - New York: Wiley, 1981.

Конфигурация морских путей (объем торговли, максимальный размер выделенных суден и общая стратегической важность маршрута) оказывает определяющее значение для международной торговли[545], в то время как международные проливы занимают особое место на протяжении морских путей, способствуя беспрепятственному перемещению товаров и услуг из одной части света в другую. Так, по данным Международной морской организации, около 90% всех товаров сегодня отправляются по морю в больших контейнеровозах[546]. При этом ряд малых государств расположен в стратегической близости от основных международных проливов: Сингапур у **Малаккского пролива**, ОАЭ у **Ормузского пролива**; а некоторые проливы проходят прямо через их территорию: **Панамский и Датский канал**, в частности. В 2023 году среди самых загруженных портов по контейнерному грузообороту, большинство из которых находятся в КНР, выделяются Сингапур (второе место), нидерландский Роттердам (11 место), дубайский Джабаль-Али (12 место), бельгийский Антверпен (13 место)[547]. Также в списке весьма конкурентоспособными по данному показателю являются шриланкийский Коломбо и панамский Колон, все из которых вносят вклад в укреплении **роли «транзитных держав»**, на территории которых они расположены**.**

Подобное выгодное экономико-географическое и геополитическое положение малых государств позволяет им не только получать дополнительные бюджетные средства для развития (так, в 2004 году чистый доход от Панамского канала достиг почти 1 млрд дол., а в 2021 году – около 2 млрд дол., что составляет около 3 процентов ВВП Панамы), но и закрепить за собой **роль «мостов» и «узлов (хабов)»** в глобальной сети мировой политики,

---

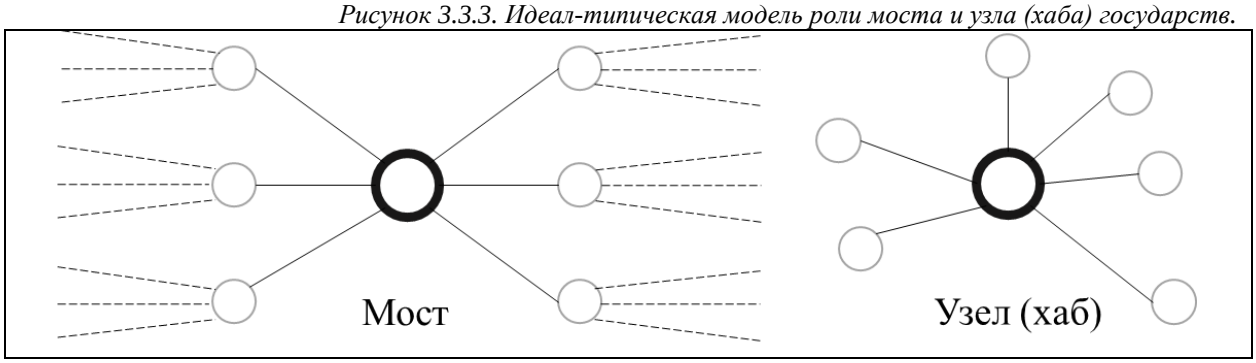
[545] Notteboom T., Pallis A., Rodrigue J.P. Port Economics, Management and Policy, New York: Routledge, 2022. - 690 p. URL: https://porteconomicsmanagement.org/pemp/contents/part1/maritime-shipping-and-international-trade/global-hierarchy-shipping-lanes/

[546] These are the world's most vital waterways for global trade // World Economic Forum – 2024. – URL: https://www.weforum.org/agenda/2024/02/worlds-busiest-ocean-shipping-routes-trade/

[547] The top 10 busiest container ports in the world // Ship Technology. – 2024. – URL: https://www.ship-technology.com/features/the-top-10-busiest-container-ports-in-the-world/

(см. рисунок 3.3.1), значение которых в связи с интенсификацией внешнеэкономических отношений между различными государствами и регионами в XXI веке многократно усилилось.

Рисунок 3.3.3. Идеал-типическая модель роли моста и узла (хаба) государств.

Источник: Andrew F.C., Schulz C.-A. How secondary states can take advantage of networks in world politics: the case of bridges and hubs // Globalizations. – 2023. – Vol. 20. No. 7. – P. 1083-1101.

Государства-мосты соединяют разрозненные сообщества государств, так как, с одной стороны, находятся на периферии одного региона, а с другой стороны, имеют сильные связи с теми государствами, которые сами между собой не имеют сильной связи. Панама является одним из удачных примеров такой модели, так как связывает североамериканские, южноамериканские, азиатские и европейские государства между собой. В этой связи стоит отметить увеличение автономности Панамы в XXI веке, так как 31 декабря 1999 года Правительство Панамы официально получило суверенитет над каналом, который контролировался США на протяжении всего XX века. Высокая значимость искусственных водных артерий в XXI веке и усиление конкуренции может быть проиллюстрирована тем фактом, что правительство Никарагуа, центральноамериканского соседа Панамы, в 2013-2014 гг. утвердило проект строительства Никарагуанского канала, софинансируемого частной фирмой из КНР, который в связи с ограниченными характеристиками существующего Панамского канала, в теории мог бы оказать серьезную конкуренцию последнему. Однако в 2017 году проект оказался замороженным из-за нехватки финансирования[548]. Впрочем, при появлении политической

[548] Four Years Later, China-Backed Nicaragua Canal Struggles to Take Off the Ground // Panam Post. – 2017. – URL: https://web.archive.org/web/20200710091509/https://panampost.com/adriana-peralta/2017/05/08/four-years-later-china-backed-nicaragua-canal-struggles-to-take-off-the-ground/?cn-reloaded=1

воли у китайских властей, проект мог бы быть продолжен на более высоком уровне.

Государства-узлы, или хабы, (например, Сингапур, Катар, Кувейт), наоборот, отмечаются особо значимым числом связей в рамках сообщества, находясь в самом его центре. При этом указанные связи могут быть не только и не столько экономического характера (например, операционализируемых посредством числа заключенных соглашений о свободной торговле между государствами), но, например, и дипломатическими связями (число посольств и дипмиссий)[549]. Государства-узлы демонстрируют активную внешнюю политику, так как должны поддерживать свою центральность в сообществе.

Говоря об особенностях узкоспециализированных ресурсов, связанных с транзитным расположением малых государств, можно привести пример размера гражданского коммерческого флота. Так, согласно данным ЮНКТАД, по состоянию на 2023 год из 2,3 млрд совокупного дедвейта (массы) общемирового коммерческого флота 1 млрд приходится на суда, зарегистрированные в Панаме (15,9%), Либерии (15,2%) и Маршалловых Островах (13,2%)[550]. Все они находятся на периферии Америки, Африки и Тихого океана соответственно, но в рамках морских путей занимают важное географическое расположение в качестве «перевалочных пунктов». Эти три государства сохраняют лидерство по данному показателю с 1990-ых годов, что позволяет им де-факто исполнять **роль «флотовых империй»**, так как фирмы, осуществляющие регистрацию судов под флагами данных государств, вносят вклад в разрастание «теневого флота» различных государств, настоящая принадлежность которых не может быть установлена. В частности, «флотовая тройка» попала во внимание международного сообщества в контексте украинского кризиса в 2022-2023 гг., когда западные страны ввели «потолок» на цену нефти, поставляемой из России, а Либерия, Панама и Маршалловы

[549] Andrew F.C., Schulz C.-A. How secondary states can take advantage of networks in world politics: the case of bridges and hubs // Globalizations. – 2023. – Vol. 20. No. 7. – P. 1083-1101.
[550] Merchant fleet // UNCTAD - 2023. - URl: https://hbs.unctad.org/merchant-fleet/

Острова на протяжении краткого периода не препятствовали перерегистрации судов под своими флагами[551]. Впрочем, вскоре после оказания давления со стороны США, ЕС и Великобритании на «флотовую тройку», число перерегистраций торговых суден начало увеличиваться уже у Габона (в пять раз с 20 до 100 суден)[552], так как фирмы, осуществляющие регистрацию судов, расположенные на габонской территории, не препятствовали проведению экономических операций и рейсов для российских судов. Данные эпизоды демонстрируют, с одной стороны, непропорционально важную роль отдельных малых государств в узком геоэкономическом контексте, значение которого, однако, может вырасти в кризисной ситуации; а с другой стороны, – различную степень ориентации малых государств на отдельные ведущие державы и степень их возможности поступиться экономическими интересами.

Экономическая сфера

Экономическая сфера по праву является одной из ведущих в рамках мировой системы, при этом её ключевые показатели весьма разнообразны и многосоставны. Базовым способом отражения мирового развития является оценка ВВП. В период 1990-2022 годов мировой ВВП увеличился на в 5,5 раз с 29 трлн долл. до 164 трлн долл., при этом у 113 стран соответствующий показатель оказался ниже общемирового (от 1,1 раз), а 80 – выше (в среднем в 8 раз). При этом из первой группы 57 являются малыми, а из второй – 28 (см. таблицу 3.3.4).

[551] Exclusive: U.S., allies pressure Liberia, Marshall Islands, Panama over Russia oil sanctions // Reuters - 2023. - URl: https://www.reuters.com/business/energy/us-allies-pressure-liberia-marshall-islands-panama-over-russia-oil-sanctions-2023-12-02/

[552] US Pressure on Russian Oil Sees Dark Fleet Turn to Gabon’s Flag // Bloomberg. – 2024. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-05/us-pressure-on-russian-oil-sees-dark-fleet-turn-to-gabon-s-flag

Рисунок 3.3.4. Роли малых государств, основанные на общем экономическом развитии..

№	Кластер	Число государств	из них по методу Трейвиша:			Динамика ВВП 1990-2022 гг.			
			Крупные	Средние	Малые	**Драйвер экономики**		**Отстающие в экономическом развитии**	
						≥ 5,5		≥ 5,5	
						число стран	*% от группы*	*число стран*	*% от группы*
1	**ОДКБ/СНГ**	10	2	3	5			5	100%
2	**Запад**	45	8	16	21	8	38%	11	52%
3	**АСЕАН+3**	14	7	4	3	2	67%	1	33%
4	**Юж. Азия**	8	3	3	2	2	100%		0%
5	**Аравийский**	21	4	10	7	4	57%	3	43%
6	**Зап. Африка**	15	1	7	7	2	29%	5	71%
7	**Цен. Африка**	7	-	3	4	1	25%	3	75%
8	**Вос. Африка**	7	1	4	2	1	50%	1	50%
9	**Юж. Африка**	15	2	8	5	2	40%	3	60%
10	**Юж. Амер.**	12	4	6	2			1	50%
11	**Цен. Амер.**	8	-	2	6	5	83%	1	17%
12	**Карибский**	13	-	-	13	1	8%	12	92%
13	**Тихоокеан.**	14	1	2	11			11	100%
0	**Изоляты**	4	1	3	-				
	ВСЕГО	193	34	71	88	28	32%	57	65%

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

Таким образом, в 1990-2022 **роль драйверов экономики** была характерна для 32% малых государств, причем большинство из них находились в кластерах АСЕАН+3, Южной Азии, аравийском и Центральной Америки. Важно отметить, что у 9 малых государств рост экономики за данный период составил десятикратное увеличение. Представляется, что у 4 из них (Бутан, Кабо-Верде, Мальдивы, Экваториальная Гвинея) это произошло благодаря эффекту низкой базы. При этом наличие материальных ресурсов, прежде всего полезных ископаемых, является важным, но не необходимым и не достаточным условием для увеличения собственной конкурентоспособности и нахождения ниши в мировой экономике или политике, как это продемонстрировал Сингапур (рост экономики в 1990-2022 гг. - в 9 раз), не имеющий каких-либо значимых материальных ресурсов. Однако совершенно справедливо и обратное, что подтверждают яркие примеры моделей экономического развития Науру и Экваториальной Гвинеи, основанных на актуализации имеющихся у них ценных материальных ресурсов. Мельчайшее государство **Науру** (12 тыс. чел.; 21 км^2), расположенное в южной части Тихого океана в XX веке представляло собой остров с богатейшими залежами фосфоритовых руд, представляющих интерес

мирового масштаба, так как фосфориты являются естественным удобрением высокого качества. Хотя изначально Науру, будучи колонией, не могло отказаться от экспорта фосфоритов, власти страны тем не менее продолжили наращивать темпы экспорта после получения страны независимости в 1968 году. В результате за короткий период Науру стало богатейшим государством на планете (показатель ВВП на душу населения составлял 27 тыс. дол. в 1981 году, в то время как, например, у глобального лидера США данный показатель составлял «всего» 14 тыс. дол.). Науруанцам стали доступны бесплатное образование, здравоохранение и безусловный обеспеченный доход, а правительство государства даже основало собственную авиалинию[553]. Однако уже к 2001 году, когда после десятилетий добычи фосфатов, сельское хозяйство и естественная среда оказались практически полностью уничтожены, и залежи фосфаты закончились (вместе со всеми рекреационными зонами), Науру обанкротилось. В настоящий момент государство выживает практически только благодаря получению денежной помощи от Австралии, в частности, в обмен на расположение на его территории оффшорного центра содержания, что стало своего рода «тихоокеанским решением» проблемы мигрантов для Австралии[554]. История Науру – печальный пример того, как чрезмерная ориентация малых государств на добычу ресурсов может привести не только к деградации местной флоры и фауны, но и практически полному уничтожению экономики. **Экваториальная Гвинея**, формально богатейшее африканское государство на протяжении последних 30 лет, начала разработку месторождений нефти в 1990-ых годах, а уже к концу века нефть стала составлять около 80% ВВП страны. В отличие от Науру, правительство Экваториальной Гвинеи удалость инвестировать получаемые сверхдоходы в строительство инфраструктуры, однако в основном премиум-класса на столичном острове Биоко и игнорируя

[553] Nauru Airlines launches first direct flights from Australia to Palau // Karryon. – 2024. – URL: https://karryon.com.au/industry-news/airline/nauru-airlines-start-au-palau/
[554] Nauru Overview // Global Detention Projecthttps://www.globaldetentionproject.org/countries/asia-pacific/nauru

тяжелое положение простого населения страны на континентальной территории. В этой связи «Transparency International» обвиняли власти Экваториальной Гвинеи в хищениях и растрате средств, а по результатам расследования суд Франции в 2021 году постановил о конфискации активов, приобретенных вице-президентом Экваториальной Гвинеи во Франции на украденные у населения страны деньги, и привлечении их владельцев к ответственности[555]. Официальных оценок относительно коэффициента Джини, отражающих неравенство доходов в стране, нет, но по некоторым подсчетам он составляет 65 п., что является самым высоким показателем в мире[556], а согласно данным Всемирного банка 76% населения страны живут за чертой бедности. Отсутствие доверия в стране не делает её привлекательной для иностранных инвестиций (13 место с конца рейтинга легкости ведения бизнеса[557]), что значительно ограничивает возможные стратегии страны по повышению собственного статуса несмотря на формальный статус «самого богатого африканского государства». Также, исключительный случай эффекта «ресурсного проклятия» был идентифицирован в **государстве Сан-Томе и Принсипи**, морском соседе Экваториальной Гвинеи, которое также в 1990-ых активно проводило разведывание нефтяных месторождений. Политическая конъюнктура с момент объявления разведывательных работ стала характеризироваться падением государственных инвестиций в социальную сферу, замедлением темпов роста, повышением процента бедности и значительным ростом восприимчивости к коррупции[558], что характерно для многих государств, попавших в «ловушку развития», однако в случае с Сан-

[555] Equatorial Guinea VP loses appeal against French embezzlement verdict // Reuters. – 2021. – URL: https://www.reuters.com/world/africa/equatorial-guinea-vp-loses-appeal-against-french-embezzlement-verdict-2021-07-28/

[556] Equatorial Guinea // Confidus Solutions. – 2024. - URL: https://www.confiduss.com/en/jurisdictions/equatorial-guinea/

[557] Doing Business Report. – 2020. – URL: https://www.worldbank.org/en/businessready

[558] Vicente, P. C. Does Oil Corrupt? Evidence from a Natural Experiment in West Africa // Public Choice & Political Economy eJournal. – 2006.

Томе и Принсипи – что самое важное – нефтяные запасы там не были обнаружены до сих пор[559].

Противоположный пример – **Норвегия**, характеризующаяся средним экономическим развитием в середине XX века, которая хотя и не зависит от одного ресурса как вышеназванные страны, тем не менее демонстрирует важный пример осуществления эффективных долгосрочных инвестиций малой страной. Так, на фоне нахождения нефтяных запасов в 1960-ых годов, Норвегия не вступает в Европейское экономическое сообщество и Организацию стран – экспортеров нефти, чтобы не оказаться связанной ограничивающими институциональными условиями взаимодействия, и тратит значительные средства на самостоятельное освоения шельфа, которые окупаются только к 1980-ым годам. Однако в настоящей момент ВВП на душу населения в стране в два раза больше по сравнению с любым из её Скандинавских соседей[560]. Правительство Норвегии избирает модель сохранения сверхдоходов путем перечисления их в фонд национального благосостояния, который в настоящий момент является крупнейшим в мире[561], аккумулируя 1,6 трлн дол., что превосходит соответствующие фонды Китая (1,4 трлн дол.), ОАЭ (0,9 трлн дол.) и Кувейта (0,9 трлн дол.). В 2024 году Норвежская независимая экспертная группа по финансированию борьбы с изменением климата опубликовала доклад «Если не Норвегия, то кто?», в котором было предложено использовать часть средств фонда для создания новой схемы зеленых гарантий, с целью привлечения большего числа частных инвестиций в зеленые технологии и возобновляемые источники энергии на развивающихся рынках[562]. Согласно позиции В.Хельгесена, исполнительного директора Нобелевского фонда, подобный крупный взнос Норвегии «потенциально может улучшить ухудшающуюся репутацию Норвегии на

---

[559] Сан-Томе и Принсипи: тщательный поиск нефти в течение 11 лет // Extractive Industries Transparency Initiative. – 2014. – URL: https://eiti.org/ru/news/san-tome-i-prinsipi-tschatelnyy-poisk-nefti-v-techenie-11-let

[560] Grytten O. Modern Norwegian Economic History // Economics and Finance – 2021.

[561] Norges Bank Investment Management. – 2024. – URL: https://www.nbim.no/no/

[562] New Report: If not Norway, then who? // Norwegian Church Aid. – 2023. – URL: https://www.kirkensnodhjelp.no/en/news/latest-news/new-reportif-not-norway-then-who/

международном уровне из-за ее увеличивающихся доходов» на фоне российско-украинского конфликта[563]. Нефть, газ и фосфориты, или любые другие полезные ископаемые не обязательно могут выступать в качестве важных ресурсов, которые малые страны могут предоставлять миру. Так, например, государство **Тувалу** получает значительную часть своего бюджета от продажи доменных имен в формате «.tv» различным телевизионным компаниям, который получило в 1990-ых от Международного союза электросвязи из-за своего названия. В 1998 году американская компания DotTV заплатила правительству страны 65 млн дол., что позволило государству в 2000 году оплатить взнос в размере 100 тыс. дол. и стать 189-ым членом ООН[564]. Эксперты отмечают, что в связи с миграцией телевизионной инфраструктуры в сеть Интернет, которая была ускорена глобальной пандемией, домен .tv может стать ещё более востребованным, чем .com, а значит увеличить благосостояние Тувалу[565].

Яркий пример задействования ресурсов относительного пространства для малых государств наблюдается в экономической сфере и выражается в форме создания на их территории офшоров, или налоговых бухт, которые потенциально могут вести к отмыванию денег и сокрытию доходов[566]. Ряд малых стран поощряет создание на своей территории офшорных компаний для развития бизнеса, приносящего дополнительный доход этим странам – по сути, они предоставляют практически нулевые корпоративные налоговые ставки, благоприятный регуляторный режим и продают возможность засекретить конечных бенефициаров финансовых операций. Данный инструмент также характерен и для несуверенных территорий, в частности,

---

[563] What Should Norway Do with An Extra $170 Billion From Oil and Gas Revenues? // Forbes. – 2023. – URL: https://www.forbes.com/sites/bobeccles/2023/07/24/what-should-norway-do-with-an-extra-170-billion-from-oil-revenues/?sh=61a3f9cf73f4

[564] The island nation of Tuvalu is being kept afloat by its domain name // News.com.au. – 2016. – URL: https://www.news.com.au/technology/the-island-nation-of-tuvalu-is-being-kept-afloat-by-its-domain-name/news-story/9af6c78e14c071013ddd7fa9ac64aa7f

[565] Tuvalu cashes in on its coveted internet domain name amid rise in online streaming // The World. – 2022. – URL: https://theworld.org/stories/2022/01/24/tuvalu-cashes-coveted-internet-domain-twitch-tv

[566] Offshore Financial Centers IMF Background Paper // IMF. – 2000. - URL: https://www.imf.org/external/np/mae/oshore/2000/eng/back.htm

зависимых территорий Великобритании (например, Гернси и Британские Виргинские Острова). Проблема деофшоризации получила важное развитие в 2010-ых[567], так, среди прочего ОЭСР, ЕС и ФАТФ (Специальная финансовая комиссия по проблемам отмывания капиталов) составляют официальные черные и серые списки офшорных территорий для поощрения соблюдения требований[568]. Tax Justice Network с 2016 года ежегодно публикует индексы финансовой секретности и корпоративного налогового убежища (Приложение № 3). Среди перечня первых 30 государств, причастных к оказанию помощи частным лицам в сокрытии их финансов от органов власти (с учетом законодательства и степени применимости к резидентам других стран) 6 – зависимые территории, 11 – традиционные малые государства (Швейцария, Сингапур, Люксембург, ОАЭ, Нидерланды, Кипр, Панама, Катар, Багамы, Бельгия, Ирландия). Данные страны поощряют финансовая секретность, которая способствует налоговым злоупотреблениям, отмыванию денег, а также косвенно подрывает права человека[569]. Индекс корпоративного налогового убежища включает территории, причастные к поощрению недоплаты транснациональными корпорациями корпоративного подоходного налога. Среди первых 30 государств – 9 зависимых территорий и 14 традиционных малых государств (Нидерланды, Швейцария, Люксембург, Сингапур, ОАЭ, Ирландия, Багамы, Кипр, Маврикий, Бельгия, Мальта, Венгрия, Швеция, Панама)[570]. Как видно из сопоставления данных перечней современными офшорами являются как интегрированные в Европейский союз малые государства (Нидерланды, Люксембург, Ирландия, Кипр, Бельгия, Мальта, Венгрия, Швеция), так и развитые региональные лидеры (Сингапур, ОАЭ, Катар, Маврикий), а также отдельные государства, имеющие ярок

---

[567] Наступление на офшоры: Великобритания хочет открыть BVI и Каймановы острова // Forbes. – 2013. – URL: https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/239548-nastuplenie-na-ofshory-velikobritaniya-hochet-otkryt-bvi-i-kaimanovy-ostro

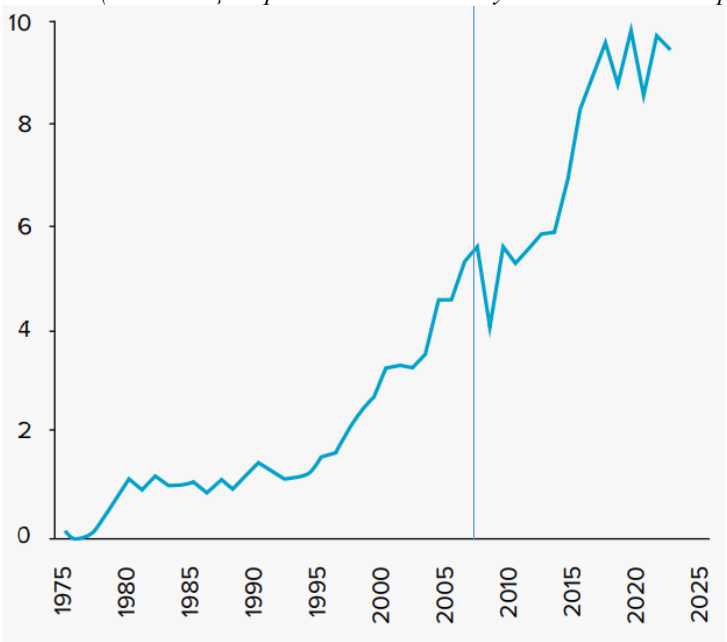
[568] EU blacklist names 17 tax havens and puts Caymans and Jersey on notice // The Guardian. – 2017. – URL: https://www.theguardian.com/business/2017/dec/05/eu-blacklist-names-17-tax-havens-and-puts-caymans-and-jersey-on-notice

[569] The Financial Secrecy Index // Tax Justice Network. – 2023. – URL: https://taxjustice.net/indexes-tools/

[570] Corporate Tax Haven Index - 2021 Results// Tax Justice Network. – 2023. – URL: https://cthi.taxjustice.net/en/

выраженные проблемы развития (Багамы, Панама). Роль отдельных малых государств (как и зависимых территорий) в качестве **офшоров и налоговых бухт** (и шире, **непрозрачных территорий**) иллюстрируют выполнение ими функции «разрядки» потенциалов международной системы (хотя и с учетом негативного влияния на неё), так как они предоставляют возможность нахождения более конкурентных экономических режимов. Вместе с тем, рассматривая данную роль малых государств в динамике, нужно ещё раз отметить, что примерно с 2008 года (см. рисунок 3.3.5.) глобальные структуры начинают оказывать давление на оффшорные зоны с целью повышения транспарентности и установленного в них порядка налогообложения нерезидентов[571], поэтому подобная модель экономического развития малых государств в нынешнем десятилетии скорее будет уменьшаться.

Рисунок 3.3.5. Глобальные потери налоговых поступлений вследствие перемещения прибыли в налоговые гавани (% от общемирового объема поступлений налога на прибыль предприятий).

Источник: Alstadsaeter A., Godar S., Nicolaides P., Zucman G. Global Tax Evasion Report 2024. Eu-Tax Observatory. – 2023. – 91 p.

Утечка панамских документов («Панамагейт») в 2015-2016 гг., когда мировой общественности стали известны имена мировых лидеров,

[571] Алимова-Нефёдова М.Б. Перспективы изменения статуса малых и карликовых государств в новом мироустройстве // Актуальные проблемы мировой политики. X Ежегодная международная научная конференция молодых ученых, 8 декабря 2023 г. (сборник статей) / отв. ред. О.А. Тимакова; Дипломатическая академия МИД России. – М., 2024. – 874 с.; Алимова-Нефёдова М.Б. ОЭСР И ДЕОФШОРИЗАЦИЯ КАРЛИКОВЫХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ // Правоприменение. – 2022. – №3.

чиновников и известных людей, которые, вероятно, скрывают собственность и имеют конфликт интересов представляется еще одним примером стремления ведущих экономик увеличить транспарентность мировой системы (раскрытие документов произошло при участии международных журналистов под контролем американской некоммерческой организации Центр за честность в обществе в рамках проекта Международного консорциума журналистов-расследователей)[572].

Ресурсы относительного пространства могут проявляться в **роли столиц малых городов в качестве финансовых центров** (Приложение № 4). Ряд малых государств способны конкурировать по деловой активности по сравнению с крупными государствами. В частности, согласно докладу «The Global Financial Centers Index 34» глобальными финансовыми центрами среди прочих являются Сингапур, Амстердам, Цюрих, Дубай, Люксембург и Абу-Даби. На межрегиональном уровне взаимодействия активностью отмечены Дублин, Женева, Брюссель, Стокгольм, Афины, Кигали, Лихтенштейн, Панама, Маврикий, Будапешт и Доха. Наконец, на местном уровне в рамках региональной иерархии финансовых центров выделяются еще 18 городов, расположенных в малых государствах[573].

Фактор относительного расположения играет важную роль для финансовых центров в малых государствах, так как позволяет им использовать конкурентные преимущества расположения. В частности, одна из важных причин становления Сингапура в качестве мирового финансового центра в конце XX века состояла в том, чтобы замкнуть цепочку глобального круглосуточного банковского обслуживания, когда биржа и банки в Сан-Франциско уже закрылись, а в Цюрихе – еще не открылись[574].

---

[572] «Панамский архив»: как СМИ вскрыли гигантскую сеть офшоров по всему миру // РБК. – 2016. – URL: https://www.rbc.ru/politics/04/04/2016/5701f96a9a79473339170e1b

[573] The Global Financial Centers Index 34 // Long finance. - 2023. - URL: https://www.longfinance.net/media/documents/GFCI_34_Report_2022.09.28_v1.0.pdf

[574] Day A. Where Now for the Zurich of Asia? Banking on Singapore's Future // International Journal of Bank Marketing. – 1986. – Vol. 4 No. 1. – P. 71-78.

Из 53 стран, условия в которых согласно *Индексу лёгкости ведения бизнеса* признаются «очень лёгкими», 39 являются малыми государствами (Приложение 3), расположенными в различных географических регионах[575]. Еще одним свидетельством успешности реализации стратегий по привлечению инвестиций, старт-апов и резидентов является высокое положение отдельных малых государств в *Глобальном рейтинге силы паспорта*[576]: на первом месте рейтинга расположился паспорт подданого ОАЭ, с которым безвизовый доступ открыт в 179 стран (в отличие от Катара, с паспортом которого доступ открыт в 117 стран). Нидерланды, Люксембург, Австрия и Швейцария (177 стран), Швеция, Бельгия, Финляндия и Ирландия (176 стран), Дания, Португалия, Норвегия, Греция, Польша и Венгрия (175 стран) также находятся вверху списка во многом благодаря соответствующим институциональным возможностям Европейского Союза. Отдельный интерес представляют те малые страны, которые требуют визу у граждан и подданых большинства государств и, таким образом, являются самими изолированными и строгими: Бутан, Эритрея, Науру и Либерия; в то время как самыми открытыми из малых государств являются Гвинея-Бисау, Тувалу, Габон, Мальдивы, Тимор-Леште, Малави, Коморы, Экваториальная Гвинея, Самоа, Джибути и Микронезия.

Выгодное климатическое положение позволяет некоторым малым государствам выполнять **рекреационную роль** в сфере глобального туризма. Так, среди малых государств, у которых наблюдается доминирующая роль международного въездного туризма – Мальдивы, Антигуа и Барбуда, Сент-Люсия, Палау, Сейшелы, Сент-Китс и Невис, Барбадос, Гренада, Сент-Винсент и Гренадины, Багамы, Мальта, Хорватия, Черногория, Кабо-Верде, Маврикий, Греция, Ямайка. Представленные страны, однако, полностью зависят от международного въездного туризма, а значит – в случае неблагоприятной обстановки могут потерять свой основной источник

[575] Doing Business Report. – 2020. – URL: https://www.worldbank.org/en/businessready
[576] Global Passport Power Rank 2024 // Passport Index. – 2024. – URL: https://www.passportindex.org/byRank.php

доходов. Группа малых государств, у которых наблюдается преобладающая роль международного въездного туризма – Кипр, Португалия, Ливан, Самоа, Бахрейн, Доминика, Фиджи, Австрия, Доминиканская республика, Исландия, Белиз, Сингапур, Грузия, Албания, Катар, Новая Зеландия, ОАЭ, Тонга, Люксембург, Сан-Томе и Принсипи, Коста-Рика, Панама, Словения и Болгария – в этом смысле имеют меньше рисков, так как их экономика больше диверсифицирована[577]. Позиционирование себя в качестве туристических дестинаций позволяет отдельным малым государствам привлекать инвестиции и повышать узнаваемость среди обывателей. В этой связи представляется неслучайным, что такие курорты мирового класса, как Гоа, Бора Бора или Ибица для многих туристов не ассоциируются со странами, частью которых они являются (Индия, Франция и Испания, соответственно), что отражает важность международного брендирования, которое также может выступать инструментом повышения собственного статуса[578].

Альтернативной стратегией повышения привлекательности и привлечения дополнительных средств в бюджет страны является **институт продажи гражданства (гражданство за инвестиции)**, который наиболее развит в малых государствах Карибского бассейна: Сент-Люсии, Сент-Китс и Невисе, Гренаде, Антигуа и Барбуде и Доминике, где стоимость гражданства оценивается от 100 до 250 тыс. дол. путём осуществления взноса в государственный фонд, паи инвестфондов или недвижимость, а также покупки гособлигаций, а физическое присутствие не является необходимым (кроме Антигуа и Барбуды, где требуется присутствие гражданина в стране хотя бы в течение пяти дней в течение первых пяти лет после выдачи паспорта). Среди других государств мира только Вануату, Турция, Египет, Иордания, Северная Македония и Мальта предлагают программы приобретения гражданства, но процедура получения гражданства в них характеризуются более высокими

[577] Кузнецова Е.И. Классификация стран мира по роли международного въездного туризма в национальной экономике // Скиф. – 2020. – №7(47). – С. 104-111.
[578] Черевичко Т. В. Туризм как инструмент «мягкой силы» международной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2022. – №2. – С.214-218.

ставками и дополнительными ограничениями[579]. Согласно приблизительным подсчетам, у состоятельных инвесторов уходит около 2 миллиардов долларов ежегодно на приобретение гражданства в вышеуказанных государствах.

Основной положительный эффект, как правило, достигается за счет инвестиций в сектор недвижимости, что, в свою очередь, значительно стимулирует местную экономику, главным образом, малых государств. В этой связи специфическая роль малых государств в сфере приобретения гражданства посредством инвестиций представляется значимой по сравнению с другими группами государств.

Военная сфера и стратегическое взаимодействие

Выгодное географическое положение может играть важную роль не только в экономической, но и в **военной сфере**. Расположение военных баз за рубежом является одним из признаков великодержавности как способности проецировать мощь, вести экспедиционные военные действия и оказывать давление на государства, на территории которых локализованы военные базы. Основные тренды, связанные с расположением зарубежных военных баз в 1990-2020-ые заключаются в следующем: сохранение первенства в числе военных баз у США, Великобритании, Франции и России; увеличение присутствия США в Кувейте, Саудовской Аравии, Румынии, Болгарии и Польше увеличение числа военных баз у Китая (до 4: Джибути, Камбоджа, Таджикистан, Саудовская Аравия) и Индии (6: Таджикистан, Бутан, Мадагаскар, Оман, Маврикий, Сингапур), сокращение военного присутствия Франции в Западной Африки и увеличение соответствующего присутствия у России (за счёт баз в ЦАР, Нигере, Буркина-Фасо, Мали; диверсификация военных баз у региональных тяжеловесов (Турции, Ирана, Австралии) и появление военных баз у не-великих держав – Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Сингапура, Канады.

[579] Top 15 countries where you can obtain a passport by investment // Immigrant Invest. – 2024. – URL: https://immigrantinvest.com/blog/top-countries-get-passport-for-investment-en/

Значение открытия военных баз в малых странах может быть проиллюстрировано на примере малого государства Джибути, расположенного на Африканском роге в самом центре **Баб-эль-Мандебского пролива** между нестабильными Эритреей, Сомали и изолированной от моря Эфиопией, с одной стороны, а также несостоявшимся Йеменом, обширное морское побережье которого контролируется повстанцами-хуситами, с другой стороны, имеет репутацию «островка стабильности и спокойствия» в регион[580]. Расположенная на северо-западной оконечности Индийского океана, у южного входа в Красное море, Джибути контролирует проход суден к Суэцкому каналу и Индийскому океану, где проходят одни из самых оживленных морских путей в мире. Изначально страна имела высокую зависимость от своей бывшей метрополии – Франции, однако с 1990-ых годов она постепенно диверсифицирует свои контакты с другими ведущими державами, осознавая, что является важным местом в сети региональной безопасности Ближнего Востока. Так, база Кэмп-Лемонье была оставлена французскими силами и позже передана в аренду Центральному командованию США в 2002 году, а в 2014 году его аренда была продлена еще на 20 лет. В 2013 году в стране открылась единственная за рубежом японская военная база и одна из итальянских военных баз. Позднее на фоне наращивания Китаем своего военного присутствия в Африке для обеспечения безопасности стратегических китайских активов с 2021 года в стране открыта единственная за рубежом китайская военная база поддержки[581]. Таким образом, на данный момент на территории Джибути расположены пять иностранных контингентов различных держав. Планы по осуществлению военного присутствия есть у Саудовской Аравии и Индии, а также

[580] Djibouti's cultural sites, natural attractions and long-standing stability increase its tourism potential // Oxford Business Group. – 2018. – URL: https://oxfordbusinessgroup.com/reports/djibouti/2018-report/economy/diverse-draws-the-country-is-being-recognised-for-its-cultural-sites-natural-attractions-and-long-standing-stability

[581] Overseas Military Bases // HKU Data Repository. – 2022. – URL: https://datahub.hku.hk/articles/dataset/Overseas_Military_Bases/20438805/1

артикулировались Россией[582]. Стран, имеющих большее число иностранных военных баз на своей территории из разного «набора» государств, в мире на данный момент нет. Эксперты отмечают, что наличие такого значительного иностранного военного присутствия положительно сказывается на стабильности страны и внутриполитической безопасности[583]. Значение Джибути, выполняющего **роль «магнита военного присутствия»**, многократно повысилось в связи с проводимыми западными и не-западными державами энергетическими и торговыми войнами, увеличению нестабильности в Йемене и демографическим ростом Эфиопии (которая, к слову, стала самой населённой внутриконтинентальной страной в мире после того, как из её состава вышла Эритрея в 1993 году). Для Эфиопии Джибути играет роль **«морского посредника»,** по сути, продавая ресурс наличия у него выхода к морю. Важно отметить, что Джибути – не единственный пример малой державы, в которой расположены иностранные военные базы. Иностранное присутствие есть в Непале, Брунее, Белизе, малых аравийских монархиях и других странах, в которых, однако, как правило, присутствует одна или две ведущие державы, которые являются их бывшими метрополиями. Помимо расположения военных баз, отдельные малые государства также могут играть важную роль в качестве стратегических портов, предоставляющих инфраструктуру для ведущих держав, что характерно, например, для Шри-Ланки[584].

Значимость экономико-географического положения малых государств проявляется не только в приближенности к морским путям, но также может наблюдаться и в континентальной плоскости. Так, горное положение Швейцарии и её способность мобилизовать ресурсы в узких горных проёмах

---

[582] Djibouti, foreign military bases on the horn of Africa; who is there? What are they up to? // Defaakto. – 2019. – URL: https://defaakto.com/2019/01/02/djibouti-foreign-military-bases-on-the-horn-of-africa-who-is-there-what-are-they-up-to/

[583] Djibouti Country Report // Crisis24. – 2024. – URL: https://crisis24.garda.com/insights-intelligence/intelligence/country-reports/djibouti

[584] Attanayake C. Why do small states matter in Bay of Bengal geopolitics? The case of Sri Lanka // Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs. – P. 1-16.

для защиты от потенциального нападения во Второй мировой войне являлись одними из важных причин, почему нацистская Германия не решилась на захват горной страны в начале войны[585]. Однако нельзя забывать, что даже объективно благоприятное экономико-географическое положение в контексте кризисной ситуации для малого государства может оказаться опасным. В частности, дипломатический кризис Катара, «удобно» расположенного в Красном море и являющимся «естественным портом», в отношении которого в 2017-2021 годах его соседи (Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ и Египет) осуществили морскую, сухопутную и воздушную блокаду, является наглядным примером[586].

Как уже было отмечено выше, традиционная модель взаимодействия малых государств с великими державами состояла в избрании одной из трех стратегий поведения – балансирования, примыкания или изоляции (нейтралитета)[587]. Участие в альянсах как форма балансирования или примыкания (в зависимости от референтной великой державы) подразумевает значительную конфигурацию позиций малых государств с позициями ведущих держав по целому спектру военных, политических и экономических вопросов[588]. Вместе с тем новой концептуальной основой анализа двустороннего взаимодействия в постбиполярный период, предлагаемой коллективом исландских авторов для анализа поведения малых государств, является так называемая **«теория альянса-убежища»**[589]. Альянс-убежище представляет собой серию стратегий, которые позволяют малым государствам **снижать уровень собственной уязвимости, недоступной другим**

[585] Codevilla A. Between the Alps and a Hard Place: Switzerland in World War II and Moral Blackmail Today. – Washington, D.C.: Regnery, 2000.
[586] Жилина И.Ю. Провал экономической блокады Катара // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. – 2020. – №2. – С. 41-52.
[587] Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. – 2014. – № 12(4). – С. 88-100.
[588] Истомин И. А. Перераспределение потенциалов США и их союзников и его политические последствия // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2017. №2. – С. 3-36
[589] Bailes A.J.K., Thayer B.A., Thorhallson B. Alliance theory and alliance ‘Shelter’: the complexities of small state alliance behavior // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2016. – Vol. 1. No. 1. – P. 9-26.

категориям государств. Основная черта данных стратегий – обеспечение эффективного контроля над процессом принятия политических решений в определенных областях в отношении с великой или региональной державой, а также в рамках институционального взаимодействия в международных организациях[590]. Основные отличия теории альянс-убежища от традиционной теории альянсов состоят в следующих шести характеристиках: (1) малые государства являются принципиально иными политическими, экономическими и социальными единицами, чем крупные государства; (2) базис альянсовых отношений уникален как по внутриполитическим, так структурным (системным) причинам; (3) малые государства получают непропорционально большую выгоду от международного сотрудничества; (4) малые государства нуждаются в политическом, экономическом и социальном убежище для выживания и достижения собственных интересов; (5) социальные и культурные связи с внешним миром особенно важны для небольшого сообщества граждан или подданых в малых государствах; (6) предоставление убежища малому государству может привести к значительным издержкам для последнего. Авторы применяют данную теорию для объяснения поведения Армении, Кубы и Сингапура как наиболее различных случаев в рамках их отношений с Россией, США и Китаем, соответственно. Однако упомянутые закономерности могут быть идентифицированы и в деятельности других малых государств, имеющих различную степень близости к ведущим державам и интегрированности внешнеполитических курсов с ними. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть характерные роли малых государств в рамках двустороннего взаимодействия.

Ряд малых государств практически полностью передаёт свои внешнеполитические прерогативы другим государствам, оставаясь при этом формально суверенными. Последняя ремарка важна, так как помимо

[590] Там же.

суверенных государств в мире существуют несамоуправляющиеся территории (неинкорпорированные/ инкорпорированные, организованные/ неорганизванные), не являющиеся государствами и потому представляющие отдельную группу политий. Примечательны примеры суверенных Федеративных Штатов Микронезии, Маршалловых Островов и Палау, являющихся суверенными политическими единицами-членами ООН, но с 1986 года (МО и ФШМ) и 1994 года (Палау) находящиеся в **свободной ассоциации с США**. Данный статус предоставляет гражданам этих островных государств защиту, финансовые гранты и доступ к различным услугам социального характера в соответствии с *Договором о свободной ассоциации* в обмен на передачу решения вопросов обороны правительству США, которое воздвигает РЛС, развертывает военное присутствие, проводит военные учения на территориях под юрисдикцией данных государств (хотя на территории Палау запрещено применение ядерного, химического или биологического оружия) и другие стратегические инициативы. Расположенные примерно в 4 тыс. км к юго-западу от Гавайских островов (являющихся одним из штатов США), данные островные государства, как вновь подтвердил президент США Дж.Байден в 2023 году, образуют фундамент роли Америки в Тихоокеанском регионе[591], обеспечивая присутствие сил безопасности страны в регионе в период усиления стратегической конкуренции между США и Китаем. Примечательно, что США активно используют призывной ресурс суверенных островных территорий – так, в 2008 году в ФШМ уровень призыва на американскую военную службу на душу населения был выше, чем в любом другом штате США[592] – по-видимому, граждане островных государств считают службу в американских вооруженных силах своеобразным социальным лифтом. Важно отметить, что завершение Холодной войны в

[591] How Washington’s Budget Fights Are Affecting Three Critical Pacific Island States // Council on Foreign Relations. – 2023. – URL: https://www.cfr.org/blog/how-washingtons-budget-fights-are-affecting-three-critical-pacific-island-states

[592] Uncle Sam wants Micronesians for US military // The Christian Science Monitor. – 2010. – URL: https://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2010/0505/Uncle-Sam-wants-Micronesians-for-US-military

целом не повлияло на степень зависимости островов от США. Так, вышеуказанные договоры продлевались в 2004 году на 20-летний период, и в 2023 году договоры о свободной ассоциации со всеми тремя странами без каких-либо значимых внутриполитических обсуждений были также продлены на 20 лет до 2043 года[593].

Принимая во внимание высокий уровень формальной зависимости от США, все три государства стремятся поддерживать Соединённые Штаты в голосовании в рамках Генеральной Ассамблеи ООН. Так, в ежегодном отчёте Госдепартамента США Конгрессу о практике голосования членов ООН за 2022 год среди союзников США перечислены в порядке совпадения голосов: Израиль (91%), Канада, Великобритания, Либерия, Венгрия, Австралия, ФШМ (78%), Чехия, Маршалловы Острова (75%) и Франция. Соответствующий процент Палау – 65%[594]. Достижение солидаризации в ГА ООН с США по отдельным вопросам представляется важным для последних, что может быть проиллюстрировано, например, угрозами правительства США сократить материальную помощь государствам, проголосовавшим за осуждение признания Соединенными Штатами Иерусалима столицей Израиля[595] (к слову сказать, среди 9 государств в мире, которые не стали голосовать «за» помимо самих США и Израиля – Гватемала, Гондурас, Маршалловы Острова, ФШМ, Науру, Палау и Того, что косвенно демонстрирует высокую зависимость последних от США)[596]. Хотя представленные цифровые значения конкордации достаточно высоки, позиция трех ассоциированных государств не совпадает с США во всём. Так, например, в 2015 году все три страны проголосовали за осуждение эмбарго, выдвинутого США в отношении Кубы (все государства проголосовали «за» при двух голосах «против» – США и

[593] The Compacts of Free Association // Congressional Research Review. – 2024. – URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12194
[594] Voting Practices in the United Nations, 2022 // US Department of State. – URL: https://www.state.gov/voting-practices-in-the-united-nations-2022/
[595] Jerusalem: UN resolution rejects Trump's declaration // BBC. – 2017. – URL: https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42446027
[596] UN Resolution ES-10/19.

Израиль – и ни одна страна не воздержалась от голосования). Представляется, что в данном эпизоде солидарность с независимым государством и обеспечением его экономического выживания поборола неформальные союзнические обязательства перед США (что нельзя сказать об Израиле как государстве находящимся в постоянной опасности на Ближнем Востоке) . В целом данная модель двусторонних отношений представляется наименее подверженной трансформации после завершения Холодной войны; кроме того, зависимость островных государств от США может увеличиться на фоне эскалации конфронтации последних с Китаем. В этой связи представляется объяснимым нежелание Тувалу заключать договор с Австралией под названием «Союз Фалепили», который подразумевает «предоставление помощи первому в ответ на крупные стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения и военную агрессию против полинезийской нации» в обмен на необходимость «взаимного согласования с Австралией любых форм международного партнерства, договоренностей или взаимодействий с любым другим государством или организацией по вопросам, связанным с безопасностью и обороной»[597] – попадая в ловушку ассоциации, выход из неё может оказаться невозможным.

Так как вопросы защиты являются одними из наиболее важных для выживания и обеспечения функционирования государств на международной арене, модели осуществления обороны у отдельных микро- и малых государств, **не имеющих постоянные вооруженные силы**, могут демонстрировать примеры наиболее тесных отношений малых политий с более крупными и мощными государствами, что в свою очередь может говорить о наличии **патрон-клиентских связей** между ними. Иными словами, если параметры обороны малой страны значимым образом определяются характером отношений с какой-либо более крупной и мощной державой,

[597] Shabashewitz D. Tuvalu’s New Treaty with Australia Effectively Makes It an Associated State – Analysis // Eurasia Review. – 2023. – URL: https://www.eurasiareview.com/14112023-tuvalus-new-treaty-with-australia-effectively-makes-it-an-associated-state-analysis/

спектр внешнеполитических выборов первой при прочих равных будет более ограниченным. Как видно из перечня малых и микрогосударств, не имеющих вооруженные силы, или имеющих ограниченные вооруженные силы (см. таблицу 3.3.1.), у ряда малых политий наблюдаются несколько моделей осуществления собственной обороны. Как представляется, это определяется несколькими факторами: традиционными историческими связями с покровительствующими государствами, локализация в пространстве (характерная для островных государств, не способных реально поддерживать свой суверенитет), желанием переложить бремя обороны и воспользоваться «мирным дивидендом» за счет региональных структур или отдельных более мощных государств.

Таблица 3.3.1. Перечень малых и микрогосударств, не имеющих вооруженные силы, или имеющих ограниченные вооруженные силы.

Государство	**Наличие вооруженных сил**	**Государства, обеспечивающие оборону**
Андорра	Нет с XIII века.	Испания и Франция + добровольная церемониальная армия.
Лихтенштейн	Нет с 1868 года.	Австрия и Швейцария.
Монако	Ограниченные	Франция.
Сан-Марино	Ограниченные	Италия.
ФШМ	Нет	США. Договор о свободной ассоциации.
Маршалловы ос-ва	Нет	США. Договор о свободной ассоциации.
Палау	Нет	США. Договор о свободной ассоциации.
Тувалу	Нет	Австралия.
Науру	Нет	Австралия.
Самоа	Нет	Новая Зеландия.
Кирибати	Нет (запрет Конституции)	Австралия и Новая Зеландия.
Доминика	Нет с 1981 года.	Карибская региональная система обороны (RSS) с 1982 г.
Гренада	Нет с 1983 года.	Карибская региональная система обороны (RSS) с 1982 г.
Сент-Люсия	Нет	Карибская региональная система обороны (RSS) с 1982 г.
Сент-Винсент и Гренадины	Нет	Карибская региональная система обороны (RSS) с 1982 г.
Соломоновы Острова	Нет с 1946 года.	Региональная миссия по оказанию помощи (12 стран) в 2003-2017 гг. Полицейские силы проходят обучение в Австралии и Новой Зеландии.
Маврикий	Нет с 1968 года.	Индия. Полицейские и пара-военные силы.
Исландия	Нет с 1869 года.	Член НАТО, но нет постоянных подразделений. США, Норвегия, Дания.
Коста-Рика	Нет с 1948 года.	Полицейские и пара-военные силы, проходящие подготовку в США и Колумбии.
Панама	Нет с 1990 года.	Полицейские и пара-военные силы.
Вануату	Нет	Полицейские и пара-военные силы, проходящие обучение в Австралии, Китае, Франции, Новой Зеландии и США.

Источник: The World Factbook: официальный сайт. – URL: https://www.cia.gov/the-world-factbook/

Так, ряд государств применяет полицейские и пара-военные силы, члены которых могут проходить обучение в сторонних государствах (Панама, Коста-

Рика, Вануату). Вместе с тем значительное число стран из перечня заключает формальные и неформальные соглашения со своими бывшими колониями (Кирибати), историческими партнерами (Лихтенштейн, Сан-Марино) или другими ведущими государствами (Маврикий). Примечательным является тот факт, что значительно число латиноамериканских стран распустили армию после Второй мировой войны (некоторые в связи с вторжением контингента США), и четыре из них теперь опираются на многостороннюю Карибскую систему региональной обороны. При этом для многих государств проблема обороны – в связи с расположением и историческим статусом практически полностью нивелирована (в частности, стабильные европейские микрогосударства – «осколки» феодальной раздробленности).

Хотя «покровительские» отношения между вышеприведенными государствами не ограничены только военным сотрудничеством, нужно признать, что **внешнеполитическая самостоятельность отдельных европейских микрогосударств** в конце XX – начале XXI века формально несколько **укрепилась**. Так, после принятия Конституции Андорры в 1993 году, государство начало выступать в качестве самостоятельной стороны в подписываемых соглашениях, а его соуправление президентом Франции и епископом Урхельским (Испания) стало формальным, а не фактическим: с одной стороны, страна перестала считаться протекторатом, но, с другой стороны, интересы Андорры при ООН продолжают представляться главами дипломатических миссий Франции и Испании[598]. Схожая «мягкая трансформация» отмечается и между Францией и Монако – в 2002 году в новом договоре о сотрудничестве подчёркивается, что отношения между странами больше не носят характер протектората, а основываются на общности судьбы[599]. Хотя данные изменения в первую очередь носят легалистский характер и могут представляться в качестве попытки усилить

[598] Нефёдова М.Б. Карликовые государства Европы на мировой политической шахматной доске: история и современность // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №11(67).
[599] Traité destiné à adapter et à confirmer les rapports d'amitié et de coopération entre la République française et la principauté de Monaco. – 2002. – URL: http://www.axl.cefan.ulaval.ca/europe/france-monaco-traite-2002.htm

контроль над своими «подопечными», всё же представляется, что в контексте европейских межгосударственных отношений в 1990-2010-ых на фоне становления и расширения Европейского Союза они отражают общий тренд на интенсификацию путей сотрудничества и достижения равноправия. Косвенным признаком данного посыла является тот факт, что именно в 1990-ых Лихтенштейн, Сан-Марино и Монако стали полноправными членами ООН.

Возвращаясь к обсуждению военных параметров, стоит отметить, что вышеприведенные модели являются скорее исключением из правил. Для абсолютного большинства малых государств характерно наличие относительно значимой численности вооруженных сил, расходов на оборону, а также различное соотношение экстенсивной и интенсивной развитости военных технологий хотя бы по той причине, что наличие вооруженных сил является слишком символическим маркером суверенитета, чтобы отказаться от него даже при прагматичном понимании невозможности защитить себя в случае реальной опасности. Хотя с учетом военных параметров ведущих держав за пределами Европы такие показатели являются скорее формальными и в гипотетическом случае военных конфликтов между государствами, малые страны не смогут оказать сопротивления, при прочих равных такие малые государства не будут полностью ориентироваться на ведущие державы, но стремиться **к осуществлению стратегии хеджирования**[600] с оговоркой о том, что присоединение к интеграционным форматам и альянсам в целом ограничивает использование подобного инструмента.

Нельзя не отметить ряд малых государств, которые не только имеют самостоятельные вооруженные силы, но также тратят значительные средства на оборону: Польша (31,6 млрд дол.), Нидерланды (16,6 млрд дол.), Сингапур (13,2 млрд дол.), Швеция (8,8 млрд дол.), Норвегия (8,7 млрд дол.); Дания (8,1 млрд дол.), Кувейт (7,8 млрд дол.); а также малые государства, тратящие значительный процент своего ВВП на оборону: Ливан (8,91%), Южный Судан

[600] Lobell S.E., Jesse, N.G., Williams K.P. Why do secondary states choose to support, follow or challenge? // International Politics. – 2015. – Vol. 52. No. 2. – P. 146–162.

(6,26%), Армения (5,45%), Иордания (4,91%), Кувейт (4,90%), Азербайджан (4,60%), Того (4,01%)[601] – главным образом, в связи с усиливающимся противостоянием между ведущими державами (Россия и ЕС/США, США/КНР) и их поддержкой увеличения статуса отдельных малых государств (в частности стремление Польши играть более фактурную роль в рамках ЕС на фоне противостояния с Россией), нестабильной стратегической конъюнктурой на периферии бывших сфер влияния в рамках биполярного противостояния и продолжающимися конфликтами на их территории или в сопредельных государствах. Впрочем, как это не парадоксально, для отдельных малых государств нестабильная ситуация в региональном измерении является стимулом для развития военных технологий и обеспечения собственной повышенной защищенности: так, несмотря на свой малый размер Сингапур, который тратит больше средств на оборону в абсолютных показателях, чем, например, стратегический партнёр США по НАТО, Турция, получил репутацию «самой вооруженной и защищенной страны в мире», интенсивно развивая вооруженные силы во многом благодаря военно-техническому сотрудничеству с США на фоне опасения перед Китаем и их возможного противостояния с первыми по поводу тайваньского вопроса[602].

Увеличение уровня самостоятельности отмечается и у одного из традиционно изолированных государств – Бутана, который не имеет дипломатических отношений ни с одним государством-постоянным членом Совета Безопасности ООН и традиционно воспринимается в качестве сюзерена Индии с 1940-ых годов. Так, в 2007 году Индия пересмотрела условия первого договора 1949 года с Бутаном и подписала новый договор о дружбе, в котором было исключено положение, требующее от Бутана консультироваться с Индией по поводу внешней политики. Также Бутану

[601] SIPRI Military Expenditure Database – 2023. – URL: https://milex.sipri.org/sipri
[602] This Tiny Island Is the Most Densely Defended Country in the World | WSJ // Wall Street Journal. – 2024. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=LddXjew1V2Q

больше не требовалось получение разрешения Индии на импорт оружия[603]. В 2009-2020 годы Бутан установил официальные дипломатические отношения с 25 государствами, в два раза расширив своё представительство, а в 2017 году на фоне конфликта Индии и Китая по поводу плато Доклан умело применил инструмент «стратегического молчания» с целью предотвращения эскалации конфронтации между двумя ведущими державами несмотря на то, что конфликт напрямую затрагивал его территорию[604]. В целом модель внешнеполитического поведения Бутана представляется весьма сдержанной и реактивной, а не про-активной, возможно, с целью свести к минимуму возможные провокации со стороны КНР.

В то время как выстраивание тесных конструктивных отношений малых государств со своими историческими партнерами и патронами в долгосрочной перспективе является широко распространённой стратегией, отдельные малые страны могут прибегать и к **конфронтационным тактикам**. Подобное складывание негативного образа на региональном уровне может являться одним из главных элементов внешней политики, например, в случае Польши, стран Балтии и некоторых восточноевропейских государств по отношению к России. В отдельных случаях частое проявление конфронтации к существующему порядку и в особенности на глобальном уровне международной системы может привести к тому, что страна может получить репутацию ревизионистского государства или государства-изгоя, что демонстрируют примеры контуров внешней политики таких стран, как Северная Корея, или Эритрея[605]. Несмотря на свой малый размер и более зависимое положение при определенных обстоятельствах малые государства

[603] India-Bhutan friendship treaty – 2007. – URL: https://mea.gov.in/Images/pdf/india-bhutan-treaty-07.pdf
[604] Куприянов А. Конфликт на плато Доклам: причины и возможные последствия // Международный дискуссионный клуб Валдай – 2017. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konflikt-na-plato-doklam-prichiny-i-vozmozhnye-pos/
[605] Орехова В.Д. Концепция «Государств-изгоев»: проект структурных изменений в системе международных отношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2015. – №4. – С.70-75.

способы воспользоваться **принципом асимметрии** и достичь своих ограниченных целей[606].

Так, в качестве одних из типичных эпизодов конфронтации подобного рода можно признать так называемые «*Тресковые войны*» между Исландией и Великобританией в 1958-1976 годах по поводу контроля над рыбными ресурсами, когда Исландия в соответствии с решением Международного суда ООН последовательно увеличивала свою исключительную экономическую зону сначала с 3 до 4 морских миль, затем до 12 и, наконец, 200 морских миль, сокращая соответствующие возможности Великобритании по вылову рыбы, которая предпринимала различные меры для сохранения своего преимущества, включая демонстрацию силы и экономические меры принуждения. Однако, тем не менее, все эпизоды противостояния заканчивались благоприятным для Исландии исходом[607]. Исландские политики умело использовали важное значение страны для Североатлантического альянса, прекратили дипломатические отношения с Британией и даже угрожали выходом из НАТО, что могло бы привести к непропорционально высоким издержкам и потере доступа альянса к Фареро-Исландскому рубежу, по сравнению с чем претензии Великобритании по поводу вылова рыбных ресурсов казались практически ничтожны. Отмечается, что победы в «Тресковых войнах» привели к укреплению исландского чувства самосознания как состоятельной нации и укрепили представление о том, что страна может добиться успеха односторонними действиями или в рамках двусторонних отношений, а не только идти на компромисс[608].

Схожий пример может быть найден на другой стороне планеты в Тихом океане между США и Новой Зеландией в рамках Тихоокеанского пакта

---

[606] Womack B. Asymmetry and International Relationships. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 216 p.

[607] How Iceland Beat the British in the Four Cod Wars // Atlas Obscura – 2018. – URL: https://www.atlasobscura.com/articles/what-were-cod-wars

[608] Thorhallsson B. Iceland and European Integration: On the Edge. Routledge, 2004.

безопасности (АНЗЮС), заключенного в 1951 году между ними, а также Австралией. В 1984 году Новая Зеландия, следуя политике создания безъядерной зоны на своей территории, запретила доступ в свои территориальные воды тем судам, на которых могли располагаться ядерные боеголовки, что на практике закрывало доступ любым американским военно-морским кораблям, наличие ядерного оружия на которых «ни подтверждалось, ни опровергалось». В результате Вашингтон не только понизил статус Новой Зеландии с «союзника» до «друга» в своих официальных заявлениях, но также вынес на периферию ряд военных и дипломатических контактов, что, однако, не повлияло на политическую волю новозеландских политиков и оставило принятое решение в силе несмотря на разочарование со стороны своих американских коллег. В конце 2012 года, по всей видимости, на фоне потенциального увеличения соперничества с Китаем и Россией США, однако, были вынуждены отменить 26-летний запрет на посещение новозеландскими военными кораблями баз Министерства обороны и береговой охраны США по всему миру, взвесив риски и посчитав, что могут поступиться своими принципиальными установками в отношении союзника[609].

Конфронтационные эпизоды и модели поведения не являются характерными только для периода Холодной войны, хотя и наиболее рельефны в связи с типичной пассивностью малых государств в данный период, но также наблюдаются и на современном этапе развития международно-политической системы. Так, как отмечает В.А.Смирнов, современная внешняя политика государств Балтии – Латвии, Эстонии и Литвы – является примером того, как малые государства не просто интернализируют риски (в данном случае вдоль оси отношений «Россия – Запад»[610]), но превращают эти риски в ресурсы и «торгуют» угрозами[611], что позволяет

[609] In Warming US-NZ Relations, Outdated Nuclear Policy Remains Unnecessary Irritant // Federation of American Scientisits. – 2012. – URL: https://fas.org/publication/newzealand/

[610] Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая Газета. – 2006.

[611] Смирнов В.А. Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. – 2016. - № 5(71).

говорить о приоритете конфликтной модели внешней политики, так как акцентировка внимания регионального или глобального сообщества на противоречиях и угрозах, исходящих от других стран (в данном случае, России), позволяет данным малым государствам извлекать дополнительные выгоды. До украинского кризиса (2022 год) символический статус «прифронтового государства» на восточных границах НАТО и ЕС позволял Литве, Латвии и Эстонии заметно повышать свой скромный дипломатический вес и тормозить собственное вытеснение на периферию внимания Североатлантического альянса, что, в частности, отражалось в различных резких заявлениях лидеров стран по отношению к России, нередко нарушающих базовые дипломатические принципы[612], сворачиванию устоявшихся инфраструктурных проектов в ущерб экономической выгоде (например, отключение от единой энергосистемы БРЭЛЛ с Белоруссией и Россией), расширению внутриполитической «советской оккупационной доктрины»[613]. Подобная конъюнктура, в частности, позволила Эстонии приобрести особую специализацию в рамках НАТО как **форпоста кибербезопасности** начиная с 2007 года – после беспрецедентных кибератак на своей территории якобы с территории России[614]. Привлечение внимания альянса к проблемам кибербезопасности властями Эстонии, а также предложение считать кибератаки тождественным конвенциальным нападениям среди прочего интенсифицировало тесное сотрудничество Эстонии с другими государствами альянса и привело к разработке единой стратегии борьбы с кибератаками, а также признанию стратегической важности данного направления для всего альянса[615]. Отражением важности данной специализации является расположение Центра НАТО по

[612] Президент Литвы назвала Россию «террористическим государством». – 2014. – РБК. – URL: https://www.rbc.ru/politics/20/11/2014/546dd439cbb20fbe188fb6a9

[613] Межевич Н.М., Шадурский А.В., Грозовский А.М. Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013.

[614] Crandall M. Soft Security Threats and Small States: the Case of Estonia // Defence Studies. – 2014. – Vol. 14. No. (1). – P. 30–55.

[615] Карасев П. Кибервойска Европы и НАТО // РСМД. – 2018. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kibervoyska-evropy-i-nato/

сотрудничеству в сфере кибероборонь (NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence (NATO CCD COE) в Таллине с 2008 года. Центр является одним из ключевых элементов системы НАТО в данной сфере[616]. Стоит отметить, что в целом значимая роль Эстонии как центр цифровых и электронных технологий подчеркивается и на глобальном уровне[617]. Изменение стратегической обстановки в Европе после начала острой фазы украинского конфликта, вступление Финляндии и Швеции в НАТО ещё в большей степени актуализировал эскалирующую роль балтийских государств. Ярким свидетельством нового периода являются слова главы Генштаба Сил обороны Эстонии в сентябре 2024 года о том, что Эстония будет готова нанести превентивный удар по России, чтобы защитить НАТО[618].

Ещё одним важным примером конфронтационных эпизодов в асимметричных отношениях малых государств может служить позиция Венгрии под руководством В.Орбана, который в контексте российского вектора в рамках украинского кризиса, хотя и подчеркивает солидарность с партнерами по Европейскому Союзу, в то же самое время, в некотором роде, в противовес модели поведения Балтийских государств, прежде всего ориентируется на национальную энергетическую и экономическую безопасность страны. Так, применяя угрозу блокировки решений Европейского Союза о введении 6-го пакета санкций в отношении России (нефтяное эмбарго) и 11-го пакета (запрет поставки нефти из России по северной ветке нефтепровода «Дружба») Венгрия добилась временного исключения трубопроводных поставок в той части нефтепровода, который непосредственно транспортирует нефть на территорию страны, а также

---

[616] В Таллине начал работу центр киберзащиты НАТО // SecurityLab. – 2008. – URL: https://www.securitylab.ru/news/353773.php

[617] Estonia: a global leader. Amplifying small states' voices // A Colombia University Capstone Project. – 2019. – URL: https://www.sipa.columbia.edu/sites/default/files/migrated/downloads/Estonia%2527s%2520Capstone%25202019-compressed.pdf

[618] Эстония готова нанести превентивный удар по России, чтобы защитить НАТО — Карус. // EurAsia Daily. - –2024. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2024/09/26/estoniya-gotova-nanesti-preventivnyy-udar-po-rossii-chtoby-zashchitit-nato-karus

отказывается от введения санкций в отношении российской атомной энергетики и использует инструмент конструктивного воздержания по ряду вопросов, предполагающих отказ от согласия с решением ЕС с одновременным согласием с обязательностью принятого решения для ЕС[619]. По сути, правительство Венгрии балансирует между приоритетами ЕС, национальными интересами и желанием сохранить сотрудничество с Россией, хотя в европейском дискурсе выступает в качестве «белого лебедя», тормозя процессы совместного принятия решений[620]. Та же конфронтационная логика может быть идентифицирована и в отношении Венгрии к принятию Финляндии и Швеции в члены НАТО – помимо Турции, именно Венгрия последовательно блокировала вступление скандинавских стран в альянс[621], что сближает её с конфронтационной позицией Дании в период 1982–1988 годов (так называемая «политика оговорок»)[622]. Помимо Венгрии, по-видимому, похожие установки наблюдаются и у Австрии и Чехии – в частности, идея о создании нового альянса «Патриоты Европы» представляется российскому политологу А.Рару попыткой правых партий усилить суверенитет национальных государств и снизить роль Брюсселя в делах ЕС[623].

Дипломатическая сфера

Основа дипломатической сферы взаимодействия – сеть посольств и официальных представительств государств на территории друг друга. Среди малых государств в период с 1990 по 2022 наибольшее число

---

[619] Лисенкова А.Д. Российский фактор в современном внешнеполитическом курсе Венгрии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2024. – №1(854). – С.16-22.

[620] Viktor Orban : « Les européennes décideront de la guerre ou de la paix » // Le Point. – 2024. – URL: https://www.lepoint.fr/politique/europeennes-2024-victor-orban-estime-que-le-scrutin-decidera-de-la-guerre-ou-de-la-paix-29-05-2024-2561516_20.php#11

[621] Why are Turkey and Hungary against Sweden joining NATO? – Reuters. – 2023. – URL: https://www.reuters.com/world/europe/after-finland-joins-nato-why-is-turkey-making-sweden-wait-2023-04-04/

[622] Белухин Н.Е. «Бунтующий парламент»: период «политики оговорок» в отношениях Дании и НАТО (1982–1988) // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 4. – С. 47-57.

[623] Фахрутдинов Р. Рар: Австрия, Чехия и Венгрия начинают борьбу за переустройство ЕС // Взгляд. – 2024. – URL: https://vz.ru/news/2024/6/30/1275601.html

дипломатических представительств было открыто Катаром (с 29 до 93 ед.), ОАЭ (с 29 до 91 ед.), Кувейтом (с 42 до 84 ед.), Кубой (с 80 до 123 ед.) и Ирландией (с 32 до 64 ед.) не считая постсоветские государства, которые были вынуждены нарастить своё дипломатическое присутствие «с нуля». Примечательным стоит считать уменьшение числа диппредставительств у Бельгии (с 91 до 83 ед.), Дании (с 71 до 68 ед.), Болгарии (с 72 до 77 ед.). Данная трансформация демонстрирует важное разделение между целеполаганием у различных групп малых государств. В то время как для «старых» европейских малых государств открытие новых представительств является скорее инструментальным, для новых суверенных малых государств и акторов, стремящихся нарастить свою дипломатическую активность и узнаваемость в мире, данный инструмент представляется достаточно релевантным.

Дипломатическое признание как отдельный ресурс легитимности для ведущих держав и **дополнительный источник развития** для малых государств ярче всего прослеживается на примере Китайской Народной Республики (КНР) и Китайской Республики (Тайвань), и связанной с ними «политики одного Китая», согласно которой любое государство может иметь дипломатические отношения только с «одним из Китаев». Последними крупными государствами, установившими дипломатические отношения с КНР, были Республика Корея в 1992 году и ЮАР в 1998 году. В период с 2000 по 2023 гг. КНР признали еще 12 государств, все из которых являются микро- и малыми государствами. По состоянию на 2023 год, из 192 государств 181 страна имеет дипломатические отношения с КНР и только 11 суверенных государств мира признают Тайвань в качестве суверенного государства: Гватемала, Гаити, Парагвай (единственный в Южной Америке), Эсватини (единственная в Африке), Тувалу, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Белиз, Маршалловы Острова, Палау. Последним на данный момент государством, прекратившим формальные отношения с

Тайванем, стало Науру[624], которое уже признавало КНР в период с 2002 по 2005 гг. Помимо Науру, Сент-Люсия является единственной страной, которая имела дипломатические отношения с КНР в период с 1997 по 2007 гг., но в настоящий момент признаёт Тайвань[625]. Интересы трех сторон в данной ситуации весьма различны. Для КНР – это прежде всего вопрос репутации и достижения формального превосходства над Тайванем, который она считает своей «отколовшейся» провинцией. Так, на саммите Форума китайско–африканского сотрудничества в Пекине в 2018 году представитель КНР заявил о надеждах на «полную и счастливую семью», намекая на необходимость установления дипломатических отношений с Эсватини, являющейся последней африканской страной, не имеющих формальных отношений с КНР[626]. Для Тайваня же малые государства, продолжающие признание острова в качестве суверенной страны – едва ли не стратегические партнеры, имеющие жизненно важное значение для стратегической безопасности острова, ради которой он готов много платить[627]. **Для малых государств** данный инструмент является не только способом повышения собственной значимости и поводом для появления в новостных сообщениях, но и важным источником развития и пополнения государственной казны, так как и КНР, и Тайвань предоставляют огромные займы и программы помощи для «колеблющихся государств». Так, в 2019 году КНР предложила Сальвадору около 150 млн. дол. на социальные проекты и 3 тыс. тонн риса тысячам сальвадорцев, пострадавших от засухи[628] (в 2019 году Сальвадор признал КНР), а в 2020 году правительству Гаити обещала помочь с предоставлением вакцины против

---

[624] Taiwan loses ally Nauru, accuses China of post-election ploy // Reuters. – 15.01.2024. – URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/taiwan-loses-first-ally-post-election-nauru-goes-over-china-2024-01-15/

[625] China suspends ties with St Lucia // Aljazeera. – 2007. URL: https://www.aljazeera.com/news/2007/5/6/china-suspends-ties-with-st-lucia

[626] China angles for Swaziland to ditch Taiwan before major African summit // Reuters. – 01.06.2018. – URL: https://www.reuters.com/article/us-china-taiwan-swaziland/china-angles-for-swaziland-to-ditch-taiwan-before-major-african-summit-idUSKCN1IX450/

[627] Paraguay: Repensando las relaciones con China. – REDCAEM. – 2021. – URL: https://chinayamericalatina.com/paraguay-repensando-las-relaciones-con-china/

[628] El Salvador president says China relations fully established // Reuters. – 28.06.2019. - https://www.reuters.com/article/us-el-salvador-politics-china-idUSKCN1TS39O/

COVID-19[629]. Бывший президент Гватемалы в 2014 году признался, что получал огромные взятки за продолжение признания Тайваня суверенным, будучи президентом страны в 2000-2004 гг.[630]. The Guardian и национальная газета The Solomon Star в связи с признанием Соломоновых Островов КНР в 2019 году отмечали, что депутатам островного государства были предложены взятки в размере сотен тысяч долларов для того, чтобы принять «нужное» решение[631]. После признания Соломоновыми островами КНР в стране прошла серия демонстраций и массовых беспорядков. Таким образом, на фоне редеющих сторонников Тайваня «предельная полезность» каждого государства повышается и для КНР, и для Тайваня, а «денежная дипломатия» сохраняет свою значимость для малых государств на современном этапе, хотя эксперты отмечают, что, скорее всего, на фоне увеличения экономического доминирования КНР и распространения инфраструктуры «Одного пояса и одного пути» все оставшиеся 11 государств рано или поздно признают КНР в качестве «настоящего Китая»[632]. Различия в целеполагании дипломатического признания также отмечаются и по вопросу признания Абхазии и Южной Осетии в качестве суверенных государств – в то время как Никарагуа, Венесуэла и Сирия солидаризируются с Россией в связи с рядом других политических вопросов, для Науру, Тувалу и Вануату дипломатическое признание Абхазии и Южной Осетии носит более конъюнктурный характер[633]. Характерно, что последние два государства отказались от признания Абхазии и Южной Осетии и восстановили отношения с Грузией. Значение

---

[629] US-China rivalry hangs over Haiti a month after president's killing // NIKKEI Asia. – 2021. – URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-China-rivalry-hangs-over-Haiti-a-month-after-president-s-killing

[630] Guatemala: Ex-President Admits Taking Taiwan Bribes // The New York Times. – 2014. – URL: https://www.nytimes.com/2014/03/19/world/americas/guatemala-ex-president-admits-taking-taiwan-bribes.html?partner=rss&emc=rss&_r=0

[631] Bribery attempt exposed // Solomon Star. – 2019. – URL: https://www.solomonstarnews.com/bribery-attempt-exposed/

[632] Эсватини — последний африканский союзник Тайваня: вызовы для КНР и возможности для новых игроков // РСМД. – 2023. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/esvatini-posledniy-afrikanskiy-soyuznik-tayvanya-vyzovy-dlya-knr-i-vozmozhnosti-dlya-novykh-igrokov/

[633] This Tiny Pacific Island Nation Just Gave Russia a Big Bruise // The New Republic. – 2014. – URL: https://newrepublic.com/article/117238/tuvalu-bruises-russia-establishing-diplomatic-ties-georgia

дипломатического ресурса признания нередко определяется скоростью его задействования, так как имеет особо важное и символическое значение для новых государств, так как первые даты официального признания навсегда сохраняются в дипломатическом дискурсе и сознании политических элит. Так, например, Бутан стал первой после Индии страной в мире, признавшей суверенитет Бангладеш, что до сих пор часто упоминается в качестве одного из факторов построения тесных и конструктивных отношений между странами[634].

Еще один важный элемент дипломатической сферы – посредничество. В целом у малых государств наблюдаются важные преимущества в посредничестве в конфликтах по сравнению с крупными государствами[635]. Для отдельных малых государств институт миротворчества и оказания посредничества сторонам в разного рода конфликтах представляется важной идентичностной характеристикой, которая не доступна для ведущих держав как возможных заинтересованных сторон ввиду глобальности их интересов[636]. В частности, об особой роли малых государств в качестве «наводителей мостов» высказывался Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун[637].

В частности, традиционная модель посреднической деятельности характерна для Швейцарии, которая, выступая в статусе державы-покровительницы для третьих стран в случае разрыва дипломатических отношений и как принимающая сторона на международных конференциях или встречах на высшем уровне содействует разрешению многих международных конфликтов. Так, за последние несколько десятилетий Швейцария провела около 30 переговоров в более чем 20 странах – Судане, Шри-Ланки,

---

634 Recognition of Bangladesh in 1971: Accountability to History // Center for Bangladesh Genocide Research. – URL: http://www.cbgr1971.org/history/historical-milestones/77-recognition-of-bangladesh

635 Лисоволик Я. Малые страны как посредники в урегулировании конфликтов // Валдай. – 2022. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/malye-strany-kak-posredniki/

636 Mason S., Sguaitamatti D. Mapping Mediators. A Comparison of Third Parties and Implications for Switzerland. Center for Security Studies, Swiss Federal Institute of Technology. Zurich, 2011.

637 Letter dated 16 October 2012 from the Chargé d' affaires a.i. of the Permanent Mission of Singapore to the United Nations addressed to the Secretary-General // UN. – 2012. – URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-186176/

Мозамбике, Непале и других странах; а также по состоянию на 2022 год проводит семь мандатов между конфликтующими государствами[638]. Однако, как уже отмечалось выше, после начала активной фазы украинского конфликта, репутация Швейцарии как нейтрального посредника была поставлена под вопрос в связи с присоединением к санкциям против России[639].

Стоит отметить, что высокий потенциал в посредничестве наблюдается не только у Швейцарии и Катара, но также и ОАЭ, Норвегии, Уганды, Швеции, а также Ватикана[640] в различных формах и практиках, что также является важным инструментом повышения их глобального и регионального статусов[641]. Кроме того, данная деятельность повышает репутацию государств и среди своих контрагентов, что после завершения конфликтных фаз противостояния может приводить к усилению сотрудничества и улучшению регионального и глобального положения самих малых стран.

В той же степени операции по поддержанию мира и миротворчество позволяют малым государствам заявить о себе, а также своей солидарности с международным сообществом, внося свой моральный вклад в достижение стабильности в конфликтные зоны по всему миру.

Так, например, как отмечается на портале операций ООН по поддержанию мира, государство Фиджи, направляющее около 350 военнослужащих для семи миротворческих операций ООН по всему миру, «демонстрируют высокий уровень профессионализма и преданность делу»[642]. Несмотря на кажущееся малое число персонала, страна находится на втором месте среди всех членов ООН по количеству предоставленных

---

638 Посредническая деятельность Швейцарии // Presence Switzerland. – 2021. – URL: https://www.eda.admin.ch/aboutswitzerland/ru/home/politik-geschichte/die-schweiz-und-die-welt/die-guten-dienste-der-schweiz.html

639 МИД Швейцарии предложил России свое посредничество // РИА Новости. – 2024. – URL: https://ria.ru/20240124/posrednichestvo-1923302802.html

640 Севастьянов Л. Наследие Римской империи может помочь миру // Взгляд. – 2024. – URL: https://vz.ru/opinions/2024/6/29/1275450.html

641 Mason S.J.A., Sguaitamatti D.A. Mapping Mediators A comparison of third parties and implications for Switzerland // CSS ETH Zurich. – 2011. – URL: https://peacemediation.ch/wp-content/uploads/2014/01/Mapping-Mediators.pdf

642 Фиджи // UN peacekeeping. – URL: https://peacekeeping.un.org/ru/fiji-0

военнослужащих с учетом доли населения (первое место – Руанда)[643]. Страна известна своей активной ролью в миротворческих операциях ООН с 1978 года во время Ливанского кризиса – через 8 лет после достижения независимости от Великобритании, а начиная с 1990-ых утвердилась в качестве одного из важных символических акторов в данной сфере, что принесло очевидные выгоды для молодой фиджийской нации и международное признание в качестве «добропорядочного гражданина»[644]. Так, в 2004 году Фиджи стало первой страной, добровольно предоставившей войска для защиты должностных лиц ООН в Ираке, а в 2010 году, несмотря на отказ ООН увеличить квоту военнослужащих, направляющихся на миротворческие операции от Фиджи (в связи с лоббированием Новой Зеландией и Австралией)[645], страна, тем не менее, выразила готовность и желание направлять дополнительные войска для участия в миротворческих операциях ООН[646].

Трагический опыт геноцида в Руанде в 1994 году привел к осознанию необходимости малым государством осуществлять защиту гражданских лиц и не допускать распространение конфликтов за рубежом[647]. Участие в миротворческих операциях Сил обороны Руанды закреплена в новой Конституции страны, что является уникальным случаем подобного рода[648]. В этой связи Руанда регулярно участвует в миротворческих миссиях в Африке и в настоящее время является одним из крупнейших поставщиков персонала для миссий ООН (на четвёртом месте по абсолютным показателям), высоко

---

643 Troop and police contributors // UN peacekeeping. – URL: https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors

644 The unintended consequences of Fiji's UN peacekeeping operations // The Strategist. – 2012. – URL: https://www.aspistrategist.org.au/the-unintended-consequences-of-fijis-un-peacekeeping-operations/

645 UN bars Fijian peacekeepers in future missions // China View. – 2009. – URL: https://web.archive.org/web/20121024055012/http://news.xinhuanet.com/english/2009-05/02/content_11296917.htm

646 Fiji Envoy Meets UN Head To Discuss Country's Role In International Relations // All Headline News. – URL: http://www.allheadlinenews.com/articles/7018116708

647 Rwanda's Peacekeeping Missions: Promoting Global Peace and Security // Diplomat. – 2021. – URL: https://diplomatmagazine.eu/2021/10/31/rwandas-peacekeeping-missions-promoting-global-peace-and-security/

648 Constitution of Rwanda, 2003. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Rwanda_2015

оценивается дипломатами по всему миру[649]. Как отмечается на портале Министерства обороны Руанды, участие страны в операциях по поддержанию мира в основном продиктовано необходимостью взять на себя международную ответственность в качестве активного члена международного сообщества[650].

Стоит отметить, что активное участие в миротворческих операциях не является отличительной характеристикой всех малых государств. Так, такие страны как Армения, Катар, Сан-Томе и Принсипи, Азербайджан, Бельгия, Кипр, Эстония, Латвия, Папуа-Новая Гвинея, Тимор-Леште отправляют не более двух военнослужащих на миротворческие операции[651], таким образом не уделяя внимание данному внешнеполитическому инструменту, что ещё раз указывает на дифференциацию малых государств и их различные подходы к поддержанию собственного статуса.

Культурная и спортивная сферы

Термин «мягкая сила» был предложен Дж.Наем во второй половине 1980-х годов и означает форму политической власти, ориентированной на достижение желаемых результатов от контрагентов на основе создания образа привлекательности и добровольного участия, в отличие от «жёсткой силы», подразумевающей принуждение или угрозу осуществления насилия[652]. При этом мягкая сила может пониматься как *конечный результат* политического курса страны, так и *средства, или ресурсы*, с помощью которых оно теоретически может достичь выполнения своих требований или пожеланий. Для большинства малых государств инвестирование в создание ресурсов мягкой силы или их актуализацию может являться единственной стратегией

---

[649] Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел, сотрудничества и Восточноафриканского сообщества Республики Руанда Л.Мушикивабо, Кигали, 3 июня 2018 года // МИД РФ. – 2018. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/rw/1572414/

[650] RDF in Peacekeeping Mission // Rwandan Ministry of Defense. – URL: https://www.mod.gov.rw/rdf/peacekeeping

[651] Troop and police contributors // UN peacekeeping. – URL: https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors

[652] Дж. Най. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Smart Power Journal. – 2013. – URL: https://smartpowerjournal.ru/soft-power/

по увеличению собственного статуса в связи с невозможностью (или нежеланием) улучшения ресурсов жёсткой силы. В то же самое время размер государства в целом имеет значение, так как, как и в случае с распространением коммерческих брендов, отсутствие «физической и ментальной доступности» мешает становлению брендов малых стран, которые «теряются» на фоне успехов более крупных государств[653].

Аналитически ресурсы мягкой силы могут быть представлены как имеющие **эпизодический характер** (например, разовые спортивные и культурные мероприятия), так и быть **длящимися** (например, деятельность образовательных центров или функционирование новостных агентств). Ежегодно эксперты Института государственного управления и медиакомпании Monocle отмечают наиболее заметные *эпизодические* примеры использования мягкой силы – несмотря на кажущуюся субъективность данный подход представляется состоятельным, так как характерной особенностью мягкой силы является её ненавязчивость, а значит её эффективность строится не столько на масштабах усилий со стороны государства, сколько на восприятии мягкой силы в качестве таковой референтными объектами, а значит – экспертная оценка здесь является важной.

Так, в 2023 году эксперты отметили Данию за успехи фармкомпании Novo Nordisk и победу Йонаса Вингегора в «Тур де Франс», который закрепил статус северной страны в качестве велосипедной нации; Норвегию за успехи в зимних видах спорта (страна лидирует по количеству золотых наград в истории Олимпийских игр в зимних видах спорта)[654]. Ранее также были отмечены успехи Новой Зеландии в борьбе с пандемией COVID-19. Среди прочего, успешные коммерческие бренды также являются важным слагаемым мягкой силы отдельных малых стран – например, IKEA, H&M и Spotify

[653] Global Soft Power Index 2023 // Brand Finance. – 2024.
[654] Французская дипломатия и итальянская еда: как разные страны используют «мягкую силу» // Forbes. – 2024. – URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/503841-francuzskaa-diplomatia-i-ital-anskaa-eda-kak-raznye-strany-ispol-zuut-magkuu-silu?image=478270

Швеции[655], повышающие узнаваемость страны в глазах обывателей из других стран.

Стремление малых стран по увеличению использования ресурсов мягкой силы может отражаться в их заявках на проведение глобальных мировых культурных и спортивных событий. Например, следующие малые страны стремились[656] провести на своей территории *Летние Олимпийские игры*: Австрия (0/1), Азербайджан (0/2), Бельгия (1/3), Куба (0/3), Чехия (0/2), Финляндия (0/2), Венгрия (0/6), Ирландия (0/1), Нидерланды (1/5), Катар (0/2), Швеция (2/2), Швейцария (0/5), Сербия (0/2); и *Зимние Олимпийские игры*: Андорра (0/1), Австрия (2/4), Болгария (0/3), Финляндия (0/5), Грузия (0/1), Норвегия (2/5), Польша (0/2), Словакия (0/1), Швеция (0/11), Швейцария (2/10), Босния и Герцеговина (1/1). Как видно из перечня, лишь немногие заявки малых государств были поддержаны, однако для отдельных стран, в частности, Швеции и Финляндии, рутинизация заявочных кампаний на протяжении достаточно долгого времени подчеркивает их ориентацию на проведение высоких спортивных событий и минимизирует конъюнктурные соображения отдельных политиков, из чего можно сделать вывод, что для них стремление задавать тон в мировых зимних видах спорта, в частности, стало частью национальной культуры.

Нормативное предпринимательство

Как уже отмечалось выше, способность малых государств изменять параметры жёсткой силы являются весьма ограниченными. В этой связи изменение идеационных параметров международной политики может служить важным способом увеличения собственного статуса малых государств, которые выступают в роли **нормативных предпринимателей**. Одна из сущностных характеристик нормативного предпринимательства как

[655] Small Country, Big Impact: Sweden's Soft Power Marvel // Transatlantic Dialogue Center. – 2023. – URL: https://tdcenter.org/2023/11/02/small-country-big-impactswedens-soft-power-marvel/

[656] Первое число означает количество игр, проведенных в стране; второе число – количество поданных, но не поддержанных заявок.

концепта, перешедшего из экономики в политику и международные отношения, состоит комплексе действий по предложению, внедрению и изменению социальных норм и ценностей[657]. Конечная цель нормативного предпринимательства – убедить значительное число членов международного сообщества в том, что ту или иную модель поведения можно считать легитимной, состоятельной и возможной к распространению на международном уровне[658]. В качестве одних из первых примеров нормативного предпринимательства современные исследователи выделяют малые скандинавские страны, которые своей деятельностью начиная с эпохи международной разрядки постепенную заслуживают высокую репутацию в сферах разработки экологической политики, поддержания мира и международной помощи[659].

В рамках теории сдерживания, связанной с концепцией взаимного гарантированного уничтожения, в середине и третьей четверти XX века была широко распространена точка зрения о том, что обладание ядерным оружием является стабилизирующим фактором на глобальную международную систему, так как защищает от нападения других государств, имеющих ядерное вооружение[660]. Однако в 1980 году впервые в мировой политике власти тихоокеанского государства Палау предложили новацию в данной сфере, объявив о создании безъядерной зоны в границах собственной суверенной территории[661]. Несмотря на то, что в дальнейшем данный статус был исключен из конституции страны, позднее, в 1987 году на фоне затяжной кампании активистов за мир соседняя Новая Зеландия стала первой страной, имеющей

---

[657] Pedi R., Sarri K. From the ‘Small but Smart State’ to the ‘Small and Entrepreneurial State’: Introducing a Framework for Effective Small State Strategies within the EU and Beyond. Baltic Journal of European Studies. – 2019. – Vol. 9. – P. 3-19.

[658] Ingebritsen C. Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics // Cooperation and Conflict. – 2002. – Vol. 37. – P. 11-23. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. – 2024. – №1. – С. 7-20.

[659] Там же.

[660] Марьин А.К. Особенности стратегического сдерживания в современных условиях // Военная мысль. – 2023. – №12. – С.21-28.

[661] Clark R., Roff S. R. Micronesia: the problem of Palau, 1984.

близкие отношения с США, которая приняла закон о создании национальной зоны, свободной от ядерного оружия, и фактически отказалась от ядерного сдерживания[662]. По мнению экспертов, подобная законодательная новация стала важной вехой в развитии морального авторитета Новой Зеландии[663] как малой державы, нацеленной на продвижение мира, предотвращение ядерной катастрофы и укрепление экологии, прежде всего **с моральной точки зрения**. В дальнейшем концепция создания безъядерных зон была принята на вооружение Австрией и Среднеазиатскими странами и нормализовалась в мировой политике как один из шагов, нацеленных на снижение глобальной ядерной угрозы. Стоит отметить, что похожий дискурс наблюдался и в Скандинавских странах в 1970-ых годах, но не получил официального закрепления в виде законодательства[664]. В целом следует признать, что пример создания безъядерных зон, артикулируемый малыми государствами, является одним из наиболее ярких примеров нормативного предпринимательства **в сфере стратегической безопасности**, который сыграл значимую роль в биполярную эпоху на фоне опасений перед ядерным оружием, но и в современную эпоху – в случае последовательного отстаивания большинством международного сообщества. Так, своеобразным пиком актуальности данного вопроса является принятие Договора о запрещении ядерного оружия в 2017 году.

Другим примером использования дискурса нормативного предпринимательства и связанного с ним укрепления репутации на международном уровне можно считать принятие концепции нейтралитета и соответствующей **роли постоянного нейтрального государства** в качестве краеугольного камня внешней политики отдельных малых государств. Как отмечалось выше, политический и военный нейтралитет всегда являлся

---

[662] Lange D. Nuclear Free: The New Zealand Way. New Zealand: Penguin Books, 1990.
[663] Lange's impact on NZ and world // BBC. – 2005. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/asia-pacific/4150550.stm
[664] Barth M. The Movement for a Nuclear-Weapon-Free Zone in the Nordic Region: Impact of the Karlskrona Incident". Bulletin of Peace Proposals. – 1982. – Vol. 13. No. 2. – P. 145–148.

отличительным инструментом малых государств на всём протяжении истории и играл для них особую роль во время двух мировых войн, хотя и с переменным успехом. В постбиполярную эпоху ряд государств принял в одностороннем порядке обязательства о проведении нейтрального политического курса, в то время как некоторые отказались от данного принципа, что является еще одним основанием дифференциации, а также подтверждает тезис об идеи нейтралитета скорее спектра, а не контрарного статуса (см. таблицу 3.3.2.).

Таблица 3.3.2. Трансформация нейтралитета малых государств после 1990 года

№	Страна	Дата	Тип нейтралитета
Объявившие о нейтралитете после 1990			
1	Молдавия	1994–…	Статья 11 Конституции 1994 года провозглашает "постоянный нейтралитет".
2	Монголия	2015–…	Объявление Президентом Монголии на ГА ООН о проведении "политики постоянного нейтралитета".
3	Панама	1990–…	Нейтралитет Панамского канала закреплен специальным международным договором.
4	Руанда	2009–…	После геноцида 1994 года Руанда объявила о постоянном нейтралитете, вступив в Содружество наций.
5	Сербия	2007–…	Национальная ассамблея объявила о военном нейтралитете страны.
6	Туркменистан	1995–…	Заявил о своем полном нейтралитете и официально признан ООН 12 декабря 1995 года.
7	Узбекистан	2015–…	Принят закон Республики Узбекистан "Об утверждении Концепции внешней политики Республики Узбекистан".
Прекратившие нейтралитет после 1990			
1	Финляндия	1956–2022	Отказалась от нейтралитета в пользу того, чтобы стать кандидатом на вступление в НАТО в 2022 году. С 2023 года – член НАТО.
2	Швеция	1814–2022	Отказалась от нейтралитета в пользу того, чтобы стать кандидатом на вступление в НАТО в 2022 году. С 2024 года – член НАТО.
3	Украина	1991–2014	В Декларации о суверенитете (1990) Украина заявила, что у нее есть "намерение стать постоянно нейтральным государством, которое не участвует в военных блоках и придерживается трех принципов безъядерности". В 2017 году Украина закрепила желание вступить в НАТО в своей конституции.

Кроме того, как отмечают политологи, формальный статус нейтрального государства может предполагать получение финансирования и помощи со стороны военных блоков, как это было в годы холодной войны у Швеции, что

демонстрирует еще одну степень нейтралитета – своего рода «псевдонейтралитет»[665].

В конце XX – начале XXI века на фоне новых параметров международной безопасности данный институт претерпевает трансформацию, которая, в частности становится заметна во внешнеполитическом курсе Монголии и Швейцарии. Так, в сентябре 2015 года президент Монголии во время своей речи на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН официально объявил о проведении политики постоянного нейтралитета и призвал международное сообщество признать нейтралитет Монголии[666]. Как отмечают специалисты по внешней политике государства, данный шаг являлся вполне закономерным и, как отмечает сам президент Ц.Элбэгдорж, «не является сиюминутной прихотью», но отражает эволюцию становления нового политического курса страны начиная с 1990/1992 годов, в частности, после того, как Россия вывела свои войска с территории государства[667]. С одной стороны, завершение Холодной войны и становление демократического правительства позволило властям страны поддерживать дружеские и сбалансированные отношения с двумя крупными соседями, а также применить концепцию «третьего соседа» в построении многовекторных отношений с США, Японией, Индией, Кореей и ЕС. С другой стороны, нестабильная ситуация на Корейском полуострове, территориальный спор между Россией и Японией, эскалация соперничества Китая и США в восприятии Монголии увеличивает вероятность «оказаться не в той команде», что также служит дополнительной мотивацией к осуществлению политики нейтралитета, которая позволяет не только увеличить доверие со стороны соседей и международного сообщества, но и путем «эффекта перелива» одновременно

---

[665] В США заявили о возможности спонсирования Украины НАТО и при ее нейтральном статусе / Известия. – 2024. – URL: https://iz.ru/1720708/2024-07-01/v-ssha-zaiavili-o-vozmozhnosti-sponsirovaniia-ukrainy-nato-i-pri-ee-neitralnom-statuse

[666] Mongolia – Neutrality // Permanent Mission of Mongolia to the United States. – 2015. – URL: https://www.un.int/mongolia/news/mongolia-neutrality

[667] Mongolia as a neutral state // World Economic Forum. – 2016. – URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/01/mongolia-as-a-neutral-state/

подстегнуть собственное экономическое сотрудничество[668]. Квинтэссенцией политического курса можно признать тот факт, что в 2022 году генеральный секретарь ООН А.Гутерриш назвал Монголию «символом мира на неспокойной планете»[669]. Статус страны не изменился и в связи с негативными следствиями антироссийских санкций, введенных западными странами в связи с украинским конфликтом. В этой связи глава МИД страны отметил: «наша страна неуклонно следует принципу нейтралитета, не занимая ни одну из сторон, и продолжает успешно развивать добрососедское сотрудничество с двумя нашими вечными соседями — Россией и Китаем»[670]. Нейтралитет страны был еще раз подтвержден в 2024 году во время визита Президента России в Монголию, власти которой отказались исполнять предписания Международного уголовного суда, так как иначе это нарушало бы договорные обязательства и дипломатический иммунитет[671].

То же самое нельзя сказать о Швейцарии, внешнеполитическая модель которой до последних событий являлась идеальным примером постоянного, добровольного и вооруженного нейтралитета, так как отельные внешнеполитические решения властей страны на фоне украинского конфликта вызвали дискуссии о современном значении и статусе всего Швейцарского нейтралитета[672]. В частности, в феврале 2022 года Швейцария поддержала введенные Европейским Союзом санкции против России, что запустило публичный дискурс о «разрыве почти 500-летнего нейтралитета». С одной стороны, подобный ход несколько увеличили солидаризацию с доминирующими взглядами западного сообщества, однако в то же самое

---

[668] Dashnyam A. Small States' Security and Foreign Policy: A Case Study of Mongolian Permanent Neutral Status // Political Science, International Relations and Sociology. – 2018. – Vol. 37. - P. 104-119.

[669] Глава ООН: Монголия – «символ мира на неспокойной планете» // ООН. – 2022. – URL: https://news.un.org/ru/story/2022/08/1429292

[670] Пострадавшая от антироссийских санкций Монголия ратует за свой «принцип нейтралитета» // EurAsia Daily. – 2023. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2023/05/12/postradavshaya-ot-antirossiyskih-sankciy-mongoliya-ratuet-za-svoy-princip-neytraliteta

[671] МУС и Украина призвали Монголию арестовать Путина // RTVI. – 2024. – URL: https://rtvi.com/news/mus-i-ukraina-prizvali-mongoliyu-arestovat-putina/

[672] How two years of war in Ukraine have marked Switzerland // Swiss Info – 2024. – URL: https://www.swissinfo.ch/eng/foreign-affairs/russia-ukraine-war-how-switzerland-has-reacted-to-two-years-of-conflict-in-europe/72897134

время закрыл путь швейцарским дипломатам для медиации конфликта между Россией и Украиной, так как, как отметил посол России в Швейцарии, «швейцарский авторитет оказался подорван»[673]. В целом, несмотря на существование различных трактовок относительно того, какие действия и заявления первых лиц нарушают нейтралитет, а какие нет (так, страна до 2002 года не являлась членом ООН из-за опасения негативного влияния членства на её статус), современный общественный и политический дискурс, как представляется, имеет большее значение, чем легальные формулировки. Данный пример демонстрирует тот факт, что даже традиционные стратегии, репутация и роли отдельных малых государств могут трансформироваться в рамках новых условий современной мировой политики.

Также специфическим примером защиты суверенитета малыми государствами можно признать так называемые **законы об иностранных агентах**, или зарубежных представителях, которые налагают ограничения на деятельность физических и юридических лиц, если в их отношении имеются свидетельства о том, что они могут представлять опасность безопасности страны из-за иностранного влияния. Хотя подобный дискурс появился в середине XX века в США и скорее был связан с лоббизмом, в XXI веке подобные законы были приняты в Грузии и Киргизии. Так, в Грузии новый закон предлагал всем неправительственным организациям и СМИ раскрывать источники своего финансирования и регистрироваться в качестве «агентов иностранного влияния», если они получают более 20 % финансирования из-за рубежа и был встречен в грузинском обществе противоречиво[674]. В целом представляется, что подобный подход к мониторингу деятельности политических и общественно значимых персон и организаций для ряда малых государств может представляться в качестве релевантного способа защиты

[673] Посол РФ в Швейцарии считает, что нейтралитет страны подорван ее властями // ТАСС. – 2024. – URL: https://tass.ru/politika/19935121

[674] «Нет — российскому закону»: в Тбилиси прошел митинг против законопроекта об иноагентах // Газета.ру. – 2024 – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2024/04/16/18599540.shtml

собственного суверенитета, но ао многом зависит от прозрачности использования.

Примером нормативного предпринимательства **в социально-экономической сфере** может служить выдвижение Бутаном концепции валового национального счастья, артикулируемого страной с 1970-ых и закрепленного в конституции государства в 2008 году[675]. Концепция подразумевает, что устойчивое развитие любого государства должно придавать равное значение неэкономическим аспектам благополучия и является альтернативой ВВП, так как учитывает такие показатели, как психологическое благополучие, здоровье, использование времени, образование, культурное разнообразие, благое управление, жизнеспособность сообщества, экологическое разнообразие, а также уровень жизни людей. Концепция не ограничена внутриполитическим измерением страны: в 2011 году Генеральная Ассамблея ООН призвала её государства-члены последовать примеру Бутана и учитывать счастье и благополучие в качестве фундаментальных целей развития человека, приняв резолюцию 65/309 «Счастье: на пути к целостному подходу к развитию»[676]. В настоящий момент концепция является важной составной частью внешней политики и продвигается Бутаном на международном уровне, отражая ключевые культурные буддистские ценности высокогорной изолированной страны, хотя существуют мнения о том, что таким образом власти страны стараются отвлечь внимание международного сообщества от проблем бедности, распространения болезней и нарушения прав человека не-буддистского населения[677]. Вместе с тем эксперты отмечают, что комплексный учет факторов в рамках концепции оказал влияние на эффективность реакции властей Бутана на пандемию COVID-19, в результате чего в стране

---

[675] Конституция Бутана. URL: http://www.nationalcouncil.bt/assets/uploads/files/Constitution%20%20of%20Bhutan%20English.pdf

[676] A/RES/65/309 // UN General Assembly. – 2011. – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n11/420/70/pdf/n1142070.pdf?token=Oz8DpqoJBIFUJXMxFW&fe=true

[677] Gross National Happiness of Bhutan and its False Promises // Global South. – 2013. – URL: https://www.gsdmagazine.org/the-false-promises-of-bhutans-gross-national-happiness/

наблюдается самый низкий уровень летальности от COVID-19 (0,05%) при общемировом показателе в 4,34%[678]. Примечательными стоит считать слова Короля Бутана от 20 марта 2020 года: «Как маленькая страна с небольшим населением, мы можем преодолеть любые трудности, с которыми сталкиваемся, если народ и правительство будут работать сообща»[679]. Вместе с тем, представляется, что помимо вышеназванных факторов, высокогорная местность и низкая транспортная доступность сыграли более важную роль для замедления распространения эпидемии.

Позиционирование себя в качестве **защитника окружающей среды и борца с изменением климата** также может считаться важным слагаемым построения репутации как нормативного предпринимателя. Так, в настоящее время около 60% национального энергоснабжения Швеции обеспечивается за счет возобновляемых источников, и к 2045 году страна планируется полностью отказаться от ископаемого топлива, что имеет важно значение для ускорения темпов перехода к новому типу энергетики и успешности внедрения принципов устойчивого развития на всех уровнях общества и бизнеса[680]. Марокко также отмечается в качестве пионера в реализации проектов по использованию возобновляемых источников энергии, правительство которого построило одну из крупнейших солнечных электростанций в мире – Нуур[681]. Эти цели, наряду с другими направлениями политики в области изменения климата, помогли Марокко первое место среди неевропейских государств в рейтинге стран, наиболее подготовленных к изменению климата в 2018 и 2019 годах[682]. Коста-Рика позиционирует себя в качестве эколаборатории мирового уровня в борьбе с глобальным изменением

---

[678] Crunching the numbers for coronavirus // Imperial. – 2020. – URL: https://www.imperial.ac.uk/news/196137/crunching-numbers-coronavirus/

[679] «Together we can defeat COVID-19"» // Royal Government of Bhutan. – 2020. – URL: https://web.archive.org/web/20210124052639/https://www.gov.bt/covid19/

[680] Global Soft Power Index 2023 // Brand Finance. – 2024.

[681] Noor Solar Power Plant (Morocco) // Heidelberg Materials. – 2024. – URL: https://www.heidelbergmaterials.com/en/noor

[682] MOROCCO: Ranked second worldwide in climate change control // Afrik21. – 2020. -URL: https://www.afrik21.africa/en/morocco-ranked-second-worldwide-in-climate-change-control/

климата, 27% территории которой составляют природоохранные зоны. В 2007 году Коста-Рика заявила о стремлении достигнуть углеродной нейтральности к 2021 году, став, тем самым, одним из первых государств мира, поставивших углеродную нейтральность как цель государственного развития[683]. Хотя в реальности достичь данного статуса на данный момент не удалось, примеру Коста-Рики последовал сосед страны Барбадос – в 2019 году страна заявила о намерениях достигнуть углеродной нейтральности к 2030 году и отказе от использования минерального топлива в том же году, что сделает его первым островным государством в мире, свободным от негативного воздействия углерода[684]. Как представляется, проблематика сохранения климата и достижения устойчивого развития является наиболее важной для тех малых государств, которые в первую очередь испытывают негативные последствия от существующих проблем в данной сфере. Кроме того, учитывая, что проблема неделимости климатических условий подразумевает коллективную ответственность, модель поведения отдельных малых государств позволяет привлекать на регулярной основе внимание международного сообщества к существующим проблемам даже при отсутствии продвижения в их разрешении.

В настоящий момент статус единственной страной с отрицательным выбросом углерода (государства, политика которых по снижению выбросов углерода приводят к тому, что они совокупно нивелируют больше углерода, чем выбрасывают в атмосферу) имеет только Бутан, при этом Панама и Суринам максимально приблизились к данному пороговому значению. Ещё четыре страны имеют устоявшийся статус «стран с нулевым выбросом углерода»: Коморские Острова, Габон, Гайана, Мадагаскар[685]. Помимо

---

[683] Ковалев Ю.Ю. Климатическая политика стран Латинской Америки и Карибского Бассейна // История и современное мировоззрение. – 2022. – №3. – С.41-50.

[684] Carbon Neutral by 2030 for Barbados // Business Barbados. – 2019. - URL: https://www.businessbarbados.com/articles/carbon-neutral-by-2030-for-barbados#:~:text=Barbados'%20commitment%20to%20achieving%20100,before%20it%20was%20'trending'.

[685] Carbon-Negative Countries 2024 // World Population Review. – 2024. – URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/carbon-negative-countries

отсутствия негативного воздействия на окружающую среду, как представляется, данные страны способы **подавать важный дискурсивный пример** остальным государствам и иметь в этой связи определенное моральное превосходство, что также положительно влияет на их положение в климатическом разрезе международной иерархии.

Нельзя не отметить значимую роль и высокую международную репутацию Сейшельских Островов **в сфере сохранения океана**. Так, в 2011 году правительство государства инициировало международную кампанию по продвижению дискурса «синей экономики» как дискурсивного концепта, включающего в себя сложный комплекс эксплуатации, сохранения и регенерации морской среды в целях устойчивого развития (по аналогии с «зеленой экономикой»)[686]. Хотя концепт синей экономики использовался в международном дискурсе и ранее, и установить его авторство достоверно не представляется возможным, тем не менее, правительство страны продвигает данный подход не только дискурсивно, но и институционально – так, для этой цели в 2014 году власти страны даже создали Министерство финансов, торговли и синей экономики для координации инициатив, связанных с океанскими и морскими ресурсами, содействии реализации международных проектов по устойчивому использованию[687], что является флагаманским проектом. Правительство Сейшел использует свои экспертные знания и навыки в этой относительно новой сфере международного взаимодействия для получения доступа в мировую политику[688]. Создание ведущего исследовательского института в данной сфере, а также принятие стратегии по развитию синей экономики были восприняты многими институциональными структурами, включая Африканский Союз и ООН[689].

---

[686] Blue Economy of Seychelles. – URL: https://blueeconomyseychelles.org/

[687] Концепция «синей экономики» Обзор международных практик устойчивого управления // Минэкономразвития России. - https://www.economy.gov.ru/material/file/4f3bdf9df55157624f13ff2440275880/130821.pdf

[688] Bueger C., Wivel A. How do small island states maximize influence? Creole diplomacy and the smart state foreign policy of the Seychelles // Journal of the Indian Ocean Region. – 2018. – Vol.14. No. 2. – P. 170–188.

[689] Blue Economy // ECA. – URL: https://www.uneca.org/eastern-africa/blue-economy

Нельзя не отметить привлечение внимания мирового сообщества островным государством Тувалу к проблеме затопления территории страны и его фактическому исчезновению к 2100 году. В отличие от Мальдивских Островов у Тувалу нет ресурсов по созданию искусственных островов. В этой связи властями Тувалу впервые в мире в конституцию страны были внесены изменения, согласно которым государство продолжит свое существование в том случае, если вся его территория исчезнет из-за повышения уровня Тихого океана[690]. По словам члена парламента и бывшего министра иностранных дел страны Саймона Кофи, Тувалу стало первой страной в мире, которая зафиксировала свою государственность и суверенитет в такой форме. Также власти страны осуществляют «дижитализацию» островов с целью сохранения культуры, знаний и истории страны. Данный вклад является существенным в развитие концепции **государств как сообществ** в отличие от традиционно вестфальской концепции государств как территорий[691]. Иными словами, неважно, будут ли тувалуанцы жить в океане, путешествуя на кораблях, или в специально созданной территории в Австралии, таким образом они пытаются сохранить собственную государственность, что представляется важным прецендентом в рамках современного мира. Представляется, что актуальность дижитализации суверенитета будет подтверждаться в будущем не только для малых государств и в связи с их физическим уничтожением из-за климатических изменений, но и в случае территориальных изменений после конфликтов как попытка сохранить статус-кво хотя бы в цифровом пространстве.

Таким образом, можно констатировать, что инструменты актуализации нормативного предпринимательства малыми государствами представляются для международного сообщества наиболее эффективными при сочетании двух

---

[690] Tuvalu amends constitution to protect its statehood should its territory disappear due to rising sea levels // Constitution Net. – 2023. – URL: https://constitutionnet.org/news/tuvalu-amends-constitution-protect-its-statehood-should-its-territory-disappear-due-rising-sea

[691] Окунев И.Ю. Мировые порядки и беспорядки // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. № 3. – С. 10–18.

условий: во-первых, относительная новизна предлагаемых изменений и низкая международная институционализация в момент разворачивания деятельности, что определяет «спрос» на подобную деятельность, и, во-вторых, отсутствие явных противоречий с ведущими государствами в сфере предложения новых норм, при наличии которых распространение дискурсивных практик может встретить сопротивление.

Научно-техническая и инновационная сферы

Разработка инновационных технологий для малых государств тесно связана с нормативным предпринимательством, но более ориентирована на увеличение конкурентоспособности в новых сферах международного взаимодействия и может быть связана как с нахождением определенной ниши и **роли инноватора** в международном разделении труда, так и с обеспечением собственной безопасности.

Ярким примером возможности занять технологическую нишу представляет пример финской транснациональной компании Нокиа, которая в 1990-е годы и в первом десятилетии XXI в. доминировала на мировом рынке мобильных телефонов. Более современным примером, например, в сфере развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) следует назвать Израиль, который в 2023 году занял одно из лидирующих мест среди всех стран, ориентированных на развитие актуальных технологий в связи с увеличением числа ИИ старт-апов с 67 до 144 ед. всего за пять месяцев[692]. Эти стартапы связаны с различными генеративными приложениями по созданию текстов, кода, визуальных медиа и видео в различных областях, включая видеоигры, развлечения, образование, коммерцию и здравоохранение, значимость которых для международного сообщества значительно выросла с 2020 года. Эксперты отмечают, что развитие сектора косвенно связано с длящимся конфликтом государства с Палестинскими территориями и

[692] Artificial Intelligence 2023 Country Rankings: Top 20 // Insider Monkey. – URL: https://www.insidermonkey.com/blog/artificial-intelligence-2023-country-rankings-top-20-1226363/

значительно определяется необходимостью для использования в военных операциях[693].

Несмотря на свой малый размер, в середине 2010-ых Люксембург вносит важный вклад в глобальное освоение космоса, создав правовую базу для мониторинга космической деятельности как со стороны правительственных органов, так и коммерческих фирм. В частности, в 2016 году правительство Люксембурга заявило о том, что намерено «дать толчок промышленному сектору по освоению ресурсов на астероидах в космосе путем создания правовой базы для компаний, вовлеченных в отрасль». Позднее было заявлено, что Люксембург намерен инвестировать более 200 млн дол. в исследования, демонстрацию технологий и покупку акций зарубежных компаний, осуществляющих смежную деятельность, которые смогут переехать в страну. В 2017 году Люксембург стал первой европейской страной, принявшей закон, который предоставляет коммерческим компаниям право собственности на любые ресурсы, которые они добывают из космоса, а в 2018 году было основано Люксембургское космическое агентство. Данная структура оказывает финансовую поддержку частным компаниям и организациям, занимающимся добычей полезных ископаемых на астероидах[694].

В связи с острой необходимостью осуществления борьбы с увеличением уровня океана правительство Мальдивских Островов (при текущем неизменном тренде страна может исчезнуть с лица Земли к концу столетия) вынуждено проводит работу над развитием ряда инновационных инфраструктурных проектов, связанных с насыпанием территорий[695]. В частности, создание острова Хулхумале, возведение которого началось в 1997 году, в настоящий момент являющимся четвертым по величине островом в стране, на котором проживает 53 тыс. чел., является одним из самых

---

[693] ‘The Gospel’: how Israel uses AI to select bombing targets in Gaza // The Guardian. – URL - https://www.theguardian.com/world/2023/dec/01/the-gospel-how-israel-uses-ai-to-select-bombing-targets

[694] Luxembourg establishes space agency and new fund // Space News. – 2018. – URL: https://spacenews.com/luxembourg-establishes-space-agency-and-new-fund/

[695] Speelman L; Nicholls R.; Safra R. The role of migration and demographic change in small island futures. Asian and Pacific Migration Journal. – 2021. – Vol. 30. – P. 282-311.

передовых проектов по рекреации территорий, актуальность которого для множества островных государств в ближайшее время будет только расти[696].

Для островного государства Маврикий важное значение имеет поддержание репутации наиболее инновационной африканской страны[697]. В 2017 году власти страны поставили перед собой задачу превратить остров в «африканский Сингапур»[698]. Для этой цели правительство проектирует инфраструктуру и поддерживает различные проекты и старт-апы «цифровой экономики» для создания конкурентноспособных инноваций. Так, в настоящий момент в активной разработке технологического сектора страны находится цифровая валюта центрального банка, агентство по продвижению финансовых технологий и регуляторная песочница, ориентированная на создание приложений, использующих технологию блокчейна. Маврикийский совет по исследованиям и инновациям выполняет важную функцию финансирования инновационных проектов в области робототехники, ИИ и облачных вычислений, концептуальная основа которого была заложена ещё в начале XXI века[699]. Хотя Маврикию еще далеко до становления глобальным инновационным центром, на региональном уровне среди Африканских государств он уже является лидером и считает развитие инновационных технологий одним из способов повышения своего статуса и окончательного отхождения от статуса монокультурной экономики по производству сахара, которая для него была избрана бывшей метрополией, к фактическому статусу космической державы, запускающей спутники[700]. Важно отметить, что выгодное стратегическое положение между Африкой и Азией определяет

---

[696] A new island of hope rising from the Indian Ocean // BBC. – 2020. – URL: https://www.bbc.com/travel/story/20200909-a-new-island-of-hope-rising-from-the-indian-ocean

[697] Mauritius, most innovative African country by the GII, according to Forbes Africa // Economic Development Board. – 2024. – URL: https://edbmauritius.org/newsroom/mauritius-most-innovative-african-country-by-the-gii-according-to-forbes-africa

[698] Лачминарайду: мы ставим целью превратить Маврикий в "африканский Сингапур" // РИА-новости. – 2017. – URL: https://ria.ru/20171213/1510858978.html

[699] Next Wave: Known for financial services, Mauritius wants the tech brand // Techcabal. – 2024. – URL: https://techcabal.com/2023/08/21/mauritius-wants-the-tech-brand/

[700] Маврикий запустит спутник с помощью Индии // ТАСС.Наука // 2024. – URL: https://nauka.tass.ru/nauka/20608635?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

активность прямых иностранных инвестиций со стороны ряда государств. Франция является одним из основных инвесторов малого островного государства, хотя не является единственным его «донором»[701].

Предоставление международной гуманитарной помощи

Предоставление иностранной помощи также является важным двусторонним инструментом государств в целях содействия экономическому развитию и благосостояния, а также оказанию гуманитарной помощи. Как отмечает Ю.Трефилова, политика содействия международному развитию изначально была приоритетом для развитых государств Запада в отношении стран третьего мира и своей целью провозглашала сведение к минимуму негативных последствий их экономического отставания, но с течением времени трансформировалось в неотъемлемую часть внешней политики и пополнило арсенал средств государств для воздействия на внешний мир[702]. Официальный ориентир Комитета содействия развитию ОЭСР по объему предоставляемой помощи развивающимся странам составляет 0,7% от Валового Национального Дохода стран-доноров, при этом в 2019 году Люксембург внес наибольший вклад в процентном отношении (1,05%), и только Норвегия (1,02%), Швеция (0,99%) и Дания (0,71%) из числа членов организации соответствовали вышеуказанной рекомендации[703]. Среди государств-не членов ОЭСР выделяется Катар, который в 2017 году направил 2 млрд долларов на эти цели, что составило 1,17% ВНД[704].

Стоит отметить, что данный инструмент применим только для малых государств, которые сами не имеют проблемы с экономическим развитием.

---

[701] Foreign investment trends and qualities in Mauritius // OECD. – 2024. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4d0e4b69-en.pdf?expires=1727664241&id=id&accname=guest&checksum=E3CD3C0472CBAEE6A1B83BB12BA11C12

[702] Трефилова Ю. Беспомощная помощь // РСМД. – 2020. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/bespomoshchnaya-pomoshch/

[703] Aid by DAC members increases in 2019 with more aid to the poorest countries // OECD. – 2019. – URL: https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/ODA-2019-detailed-summary.pdf

[704] Qatar’s annual development aid stands at $2bn, says minister // Gulf Times. – 2017. – URL: https://www.gulf-times.com/story/571701/Qatar-s-annual-development-aid-stands-at-2bn-says-

Вместе с тем в случае релевантности данный инструмент может положительно влиять на восприятие статуса малого государства среди его контрагентов, так как высокий показатель доли официальной помощи развитию и связанный с ним «передовой международной опыт» представляются дополнительным преимуществом на международной арене[705]. В частности, в исследовании, проведенном лабораторией AidData в 2016 году, было установлено[706], что лидеры 40 стран-реципиентов международной помощи назвали Данию своим главным партнером в области развития. Помимо достижения целевого показателя внешней помощи ООН, Дания заняла второе место среди всех стран по полезности политических консультаций (после Швеции), второе место по влиянию на формирование повестки дня (после США) и первое место по полезности в проведении реформ, таким образом в совокупности заняв первое место в индексе положительного восприятия со стороны значительного числа контрагентов среди малых держав. В 2009 году власти страны сделали больший упор на поддержку развития частного сектора и социального прогресса в рамках сотрудничества в целях развития, что свидетельствует об эффективности стратегии страны, направленной на долгосрочное партнерство и целенаправленные инвестиции в ограниченное число приоритетных стран[707]. В частности, Датское агентство международного развития уделяет особое внимание Афганистану, Сомали и Нигеру, стремясь улучшить в них условия проживания и сократить нищету, не просто предоставляя средства, но инвестируя их в подготовку учителей, организацию правительственных учреждений и развитие здравоохранения, стремясь избежать проблему увеличения зависимости стран-реципиентов от международной помощи.

---

[705] Ulriksen S. Deployments for Development? Nordic Peacekeeping Efforts in Africa // International Peacekeeping. – 2007. – Vol. 14. – P. 553 - 568.

[706] Parks B. C., Custer S., Masaki T., Sethi T., Latourell R. Danish Development Cooperation from a Partner Country Perspective. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2016. – URL: https://www.aiddata.org/publications/danish-development-cooperation-from-a-partner-perspective

[707] 5 facts about Denmark’s foreign aid // The Borgen Project. – URL: https://borgenproject.org/denmarks-foreign-aid/

Развитие двусторонних контактов с малыми государствами как часть стратегии ведущих держав на примере Китая

Отдельный интерес представляет система построения ведущими державами двусторонних отношений с малыми государствами в глобальном масштабе. Если примеры СССР и США и конструирование ими идеологических иерархических блоков, включающих институт вмешательства (Венгерское восстание 1956 года или Вторжение США на Гренаду в 1983 году), можно признать традиционными моделями, то пример усиливающегося Китая как нового центра силы в XXI веке знаменует собой качественно новые характеристики.

С политической точки зрения, важной особенностью современной внешнеполитической модели поведения Китая является следование его **принципу равенства и взаимной выгоды**, который исторически является одним из пяти принципов мирного сосуществования[708]. С экономической же точки зрения, концепция **общего развития**, подразумевающая задействование внутренних ресурсов страны в региональном и глобальном измерениях для ускорения собственного развития, а также развития партнёров, определяет активизацию внешнеэкономической деятельности страны начиная с конца 1990-ых[709].

Сочетание данных принципов на практике отражает стремление Китая интенсифицировать экономические контакты, в частности, с малыми государствами – особенно теми, которые представляются ему стратегическими. Так, как отмечает бывший посол Китая в Нидерландах У Цзяньминь, «равное отношение Китая к малым и большим странам является важным аспектом нового типа международных отношений Китая»[710]. Выше

[708] Wen Jiabao. Carrying Forward the Five Principles of Peaceful Coexistence in the Promotion of Peace and Development // Speech by Wen Jiabao Premier of the State Council of the People's Republic of China At Rally Commemorating the 50th Anniversary of The Five Principles of Peaceful Coexistence. – 2004. – URL: http://tr.china-embassy.org/eng/xwdt/t140777.htm

[709]

[710] У Цзянмин. 重视小国 Ценность малых государств // 中国观察 (Китайский обозреватель). – 2015. – URL: http://www.chinatoday.com.cn/chinese/sz/zggc/201512/t20151203_800043996.html

была обозначена важность интенсификации дипломатического признания Китая со стороны ряда малых государств, однако данное измерение является лишь одним из элементов его внешнеполитической стратегии.

В частности, **«Пояс и путь»** является определяющей политической инициативой властей Китая в области международного экономического развития в XXI веке. Цель инициативы – усиление экономического лидерства страны посредством проведения обширной инвестиционной программы по строительству инфраструктуры (включая аэропорты, трубопроводы, шоссейные и железные дороги, порты и другие важные объекты) в государствах по всему миру и продвижение роли Китая как ответственного помощника развития[711]. Так, практически вся современная крупная инфраструктура островного африканского государства Кабо-Верде, включая Национальный стадион, Национальную библиотеку и Президентский дворец, построены китайскими рабочими в рамках сотрудничества[712]. Особое внимание Китай уделяет малым государствам, входящим в *Морской Шёлковый путь XXI века*: Сингапур, Шри-Ланка, Джибути, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Маврикий, Сейшелы, Мальдивы среди прочих[713]. С целью интенсификации перевозок товаров Китай с 2015 по 2022 год арендовал порты Джибути (на 10 лет), Шри-Ланки (99 лет), Брунея (60 лет), Мальдив (50 лет)[714]. Пытаясь разрешить проблему продовольственной безопасности Китай вкладывается в строительство предприятий по переработке рыбы, развитие портов и покупку морских концессий, в частности, в Кабо-Верде, Габоне, Гвинее-Бисау, Маврикии, Брунее, Кирибати, Тонге, Тувалу, Вануату,

---

[711] Си Цзинпин. 习近平“一带一路”构想战略意义深远 «Один пояс и один путь» имеет большое стратегическое значение // 中国国际广播电台. (Международнее радио Китая) – 2015. - https://web.archive.org/web/20171222185449/http://gb.cri.cn/42071/2014/10/10/882s4720906.htm

[712] Cape Verde: A Blueprint for China’s Positive Role in Africa // The Diplomat. 2016. – URL: https://thediplomat.com/2016/10/cape-verde-a-blueprint-for-chinas-positive-role-in-africa/

[713] Xinhua-Baltic international shipping center development report 2018. – URL: https://safety4sea.com/wp-content/uploads/2018/07/Baltic-Exhchange-Xinhua-ISCD-Index-Report-2018_07-min.pdf

[714] The 21st century maritime silk road. Security implications and ways forward for the European Union // Friedrich Ebert Stiftung – 2018. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-09/the-21st-century-maritime-silk-road.pdf

Бахрейне, Фиджи и Папуа-Новой Гвинее, все из которых являются типичными малыми державами. Также, являясь современной «мастерской мира» и производителем высокотехнологической продукции, Китай уделяет особое внимание интенсификации связей с малыми государствами, располагающими редкими ресурсами: Намибией (уран), Гвинеей, Ямайкой, Суринамом и Гайаной (бокситы), Тринидадом и Тобаго (битум), Ботсваной (алмазы), Папуа-Новой Гвинеей (золото)[715].

Некоторые эксперты отмечают нео-меркантилистскую сущность подобной стратегии Китая, так как, по сути, он, используя риторику свободной торговли, суверенитета и взаимного уважения добивается долгосрочных преимуществ путем использования экономической, политической и военной мощи, в частности, не в форме безвозмездных субсидий, а в форме займов[716]. В результате это проявляется в усилении долгового бремени отдельных государств и попадании стран в долговую ловушку[717]. Однако однозначно говорить о том, что Китай действует исключительно корыстно, закабаляя страны глобального юга, некорректно[718]. Так или иначе, несмотря на существование полярных оценок целей внешнеэкономической деятельности Китая, следует признать, что его модель подразумевает опору на малые государства, которые не только предоставляет важные ресурсы для самого Китая, но и получают нужную инфраструктуру для собственного развития и увеличения влияния.

Тем не менее, расширение присутствия в малых государствах в последнее время не является характерным только для Китая. Так, как отмечается экспертами института Лоуи с 2017 года в Южной части Тихого

---

[715] Boon H. T., Ardy C. China and Lilliputians: Small States in a Big Power's Evolving Foreign Policy // Asian Security. – 2017. – Vol. 13. No. 2. – P. 116–131.

[716] Collins N., O'Brien D. Neo-mercantilism in action: China and small states // International Politics – 2023. – Vol. 60. No. 3. – P. 635–658.

[717] Debt Relief with Chinese Characteristics // China Africa Research Initiative. – 2020. – URL: https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/60353345259d4448e01a37d8/1614099270470/WP+39+-+Acker%2C+Brautigam%2C+Huang+-+Debt+Relief.pdf

[718] $385 млрд скрытых долгов: как Китай загнал бедные страны в долговую ловушку // Forbes. – 2021. – URL: https://www.forbes.ru/biznes/441767-385-mlrd-skrytyh-dolgov-kak-kitaj-zagnal-bednye-strany-v-dolgovuu-lovusku

океана, наблюдаются **самые высокие темпы роста числа новых иностранных дипломатических представительств** среди всех регионов мира[719]. Всплеск дипломатического внимания отражает растущую конкуренцию за влияние в небольших, стратегически расположенных тихоокеанских островных государствах, в которых за последнее время было открыто около 15 представительств Австралией, Китаем, странами Европы и Соединенными Штатами. В частности, США вновь открыли посольство на Соломоновых островах и впервые – в Тонге. Также власти объявили о намерении открыть по крайней мере еще два представительства в Вануату и Кирибати, что вызвано прежде всего стратегическими соображениями[720]. Тем временем и Китай расширяет свое присутствие в регионе – власти открыли посольство на Соломоновых островах и расширили своё неофициальное присутствие на Кирибати. Данные инициативы осуществляются Китаем параллельно официальным заявлениям соответствующих малых государств о признании КНР[721].

Резюмируя, следует согласиться с продолжением и нарастанием тренда на осуществление соперничества между ведущими государствами как за ресурсы малых государств, так и самих малых государств как легитимизирующих акторов. Как представляется, помимо инвестирования и приглашений к сотрудничеству данная «медаль» имеет обратную сторону – неслучайно число государственных переворотов в Африке, государствах Центральной и Латинской Америки интенсифицируется, что нередко атрибутируется США и их союзникам, а также КНР и России. Самым ярким примером последних месяцев 2024 года являются протесты в Северной Каледонии, заморской территории Франции в связи с поправками в конституцию, позволяющими мигрантам участвовать в избирательных

---

[719] Global Diplomacy Index // Lowy Institute – 2024. URL: https://globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org/key_findings

[720] Why the United States Needs an Embassy in Tuvalu // The Dilpomat. – 2023. – URL: https://thediplomat.com/2023/12/why-the-united-states-needs-an-embassy-in-tuvalu/

[721] Global Diplomacy Index // Lowy Institute – 2024. URL: https://globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org/key_findings

процессах, якобы поддерживаемые Азербайджаном[722]. Хотя разрешение данного кризиса ещё только впереди, сам он является ярким примером уменьшения стабильности на периферии мировой системы и появления у менее мощных акторов возможностей оказывать ассимметричное воздействие на своих контрагентов.

Многосторонние институционализированные форматы

Как уже отмечалось выше именно эпоха мультилатерализма, основа которого была заложена после завершения Второй мировой войны предоставляет самые значительные возможности по выходу малых государств на глобальный уровень взаимодействия. Именно в рамках международных организаций и других институционализированных форматах малые государства способны задействовать ряд своих имманентных ресурсов, а также коллективный ресурс «силы в числе» для привлечения внимания к собственным проблемам и повышения влиятельности. Так, например, в рамках многостороннего формата отдельные малые государства на глобальном уровне стремятся продемонстрировать свою роль **в качестве поборников международного права и сторонников различных форм сотрудничества**. Например, высокий комиссар Новой Зеландии в Австралии в 2018 году в своей речи обращал особое внимание на соблюдение Новой Зеландией условий Договора о запрещении ядерного оружия, Парижского соглашения, Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транс-тихоокеанском партнерстве[723].

В свою очередь ряд международных межправительственных организаций имеет важное значение для малых государства, так как предоставляет им формальное равенство, возможность принимать решения на

[722] Продолжаются протесты в Новой Каледонии // Рыбар – 2024. – URL: https://rybar.ru/prodolzhayutsya-protesty-v-novoj-kaledonii/?utm_source=ru.wikipedia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ru.wikipedia.org&utm_referrer=ru.wikipedia.org

[723] Ministry statements & speeches: 16 November 2018 Delivered by Chris Seed, New Zealand High Commissioner to Australia, at Sir James Plimsoll Lecture on 29 October 2018. // New Zealand Foreign Affairs and Trade Ministry. – 2018. – URL: https://www.mfat.govt.nz/en/media-and-resources/a-small-states-diplomacy-in-challenging-times

основе консенсуса, а также пропорциональность влияния своему вкладу в деятельность организаций.

Глобальные и региональные международные организации и группировки

Исторически, одной из первых международных межправительственных организаций, в которых малые государства в качестве отдельной группы развивающихся государств могли проявлять элементы субъектности, являлось уже упоминавшееся Движение неприсоединения. С тех пор число различных многосторонних институционализированных форматов в которых малые государства составляют большинство и/или играют значимую роль заметно увеличилось (см. таблицу 3.3.3.).

Таблица 3.3.3. Основные многосторонние институционализированные форматы участия, где малые государства играют значимую роль

Наименование	**Состав участников в данный момент**	**Дата основания**	**Направление деятельности**
Движение неприсоединения (NAM)	120 государств	1961 год, Югославия, Индия, Египет	ММО. Цель: «третий курс» для государств развивающегося мира между Западным и Восточным блоками во время Холодной войны.
Группа 77 (G77)	134 государства	1964 год, Швейцария	ММО. Цель: продвижение коллективных экономических интересов развивающихся государств.
Франкофония (OIF)	54 государства	1970 год, Франция	ММО. Цель: продвижение сотрудничества франкоязычных стран и государств, имеющих тесные связи с Францией
Южнотихоокеанский форум (SPF)/ Форум тихоокеанских островов (PIF)	9 государств (5 стран Микронезии покинули Форум в 2021 году)	1971 год/ 2000 год, Фиджи	Цель: повысить экономическое и социальное благосостояние народов южной части Тихого океана.
Карибское сообщество (CARICOM)	14 государств	1973 год, Барбадос, Ямайка, Гайана, ТиТ	ММО. Цель: продвижение экономической интеграции и сотрудничества, координация внешней политики.
Организация стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (OACPS)	62 государства	1975 год, Бельгия	ММО. Цель: экономическое развитие стран-участников, большинство из которых являлись ранее французскими и британскими колониями.
Комиссия по Индийскому океану (COI)	5 стран [*Коморы, Мадагаскар, Маврикий, Франция (Реюньон), Сейшелы*]	1982 год, Маврикий	ММО. Цель: рациональное использование и охрана окружающей среды
После завершения биполярной эпохи			
Альянс малых островных государств (AOSIS)	39 государств (16 в Карибском бассейне, 15 в Тихом океане, 8 в Африке)	1990 год	ММО. Цель: координация низменных прибрежных и

			малых островных стран в борьбе с глобальным климатом.
Форум малых государств (FOSS)[724]	108 государств[725] (<10 млн чел.)	1992 год, Сингапур	Неформальная группа. Цели: решение проблемы недопредставительства, поддержка на выборах, продвижение общих взглядов.
Содружество португалоязычных стран (CPLP)	9 государств [*Кабо-Верде, Гвинея-Бисау, Сан-Томе и Принсипи, Тимор-Леште, Экв.Гвинея*]	1996 год, Португалия	ММО. Цель: укрепление сотрудничества стран, в которых португальский является официальным языком
Малые островные развивающиеся государства (SIDS)	39 государств	1992 год	Неформальная группа стран, разделяющих схожие задачи в области устойчивого развития
Сеть безопасности человека (The Human Security Network)[726]	12 государств [*Австрия*, Чили, *Коста-Рика*, *Греция, Ирландия, Иордания*, Мали, *Норвегия, Панама, Словения, Швейцария* и Таиланд]	1999 год, Австрия	Ассоциация. Цель: продвижение концепции безопасности человека
Группа «Малой пятерки» (S-5)	5 государств. *[Швейцария, Коста Рика, Иордания, Лихтенштейн, Сингапур]*	2005 год, Швейцария	Ad hoc группа. Цель: ограниченное реформирование СБ ООН
Группа глобального управления (Global Governance Group, 3G)	30 государств. *[Бахрейн, Бруней, Кувейт,* Малайзия, Филиппины, *Катар, Сингапур, ОАЭ,* Вьетнам. *Финляндия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Черногория, Сан-Марино, Словения, Швейцария. Багамы, Барбадос, Коста-Рика, Гватемала, Ямайка, Панама, Ботсвана, Руанда, Сенегал.* Чили, Перу, *Уругвай. Новая Зеландия]*	2009 год, Сингапур	Неформальная группа малых и средних стран. Цель: обеспечение лучшего представительства и более эффективной коллективной агрегация взглядов в G20.
Рабочая группа по вопросам подотчетности, согласованности и транспарентности (Working Group on Transparency, Accountability and Openness)	26 государств. [*Австрия,* Чили, *Коста Рика, Дания,* Эквадор, *Эстония, Финляндия, Габон, Гана, Венгрия, Ирландия, Иордания, Латвия, Лихтенштейн, Люксембург, Мальдивы, Новая Зеландия, Норвегия, Папуа Новая Гвинея,* Португалия, *Руанда,* Саудовская Аравия, *Словения, Швеция, Швейцария, Уругвай]*	2013 год, Швейцария	Межрегиональная группа. Цель: вопросы улучшения методов работы СБ ООН.
«Группа малых государств» (SSG)	55 государств из Форума малых государств	2023 год	Неформальная группа. Цель: кросс-региональное обсуждение Саммита Будущего, запланированного на сентябрь 2024 года.

[724] Министерство иностранных дел Сингапура [Electronic Resource]: Small States (accessed 08.04.2024). URL: https://www.mfa.gov.sg/SINGAPORES-FOREIGN-POLICY/International-Issues/Small-States

[725] FOSS for Good Technical Assistance Package // Ministry of Public Administration of Trinidad and Tobago. – URL: https://mpa.gov.tt/sites/default/files/file_upload/psacourses/SCPTA/Annex.pdf

[726] The Human Security Network // Austrian Embassy in Washington. – URL: https://www.austria.org/the-human-security-network

Источник: составлено автором в том числе на основе: Suilleabhain A.O. Small States at the United Nations: Diverse Perspectives, Shared Opportunities [Electronic Resource]: New York: International Peace Institute, 2014. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/publications/ipi_e_pub_small_states_at_un.pdf.

Аналитически данные организации возможно разделить на следующие группы. Во-первых, **глобальные и трансрегиональные международные межправительственные организации (ММО)**, в которых малые государства не выделяются в качестве отдельной группы в связи с широким составом участников – *Движение неприсоединения, Группа 77, «Страны Африки, Карибского бассейна и Тихого океана»*. В подобных организациях «голос» малых государств теряется на фоне проблем группы развивающихся государств, которая является аналитически нетождественной малым, поэтому потенциал для продвижения собственного статуса малыми государствами в подобных организациях представляется ограниченным, хотя исторически они являлись первыми форматами в рамках мультилатерализма. Во-вторых, **ММО на основе колониального прошлого, культурной близости или использования одного языка** – *Франкофония, Британское содружество, Содружество португалоязычных стран и другие*. Хотя в данных организациях доля малых государств выше, чем в предыдущей группе, сама цель образования данных организаций не предполагает активного участия последних, так как наиболее деятельны в них бывшие государства-метрополии. В-третьих, **ММО, практически полностью состоящие из малых государств и ориентированные на решение узкоспециализированных вопросов и/или имеющие региональный характер** (например, проблема изменения климата – *Альянс малых островных государств*, рациональное использование и охрана окружающей среды – *Комиссия по Индийскому океану*, региональное многосоставное сотрудничество – *Форум тихоокеанских островов, КАРИКОМ*). Государства-члены данных организаций способны прилагать усилия для разрешения проблем, которые представляются узкоспециальными, или привлекать внимание международного сообщества с целью повышения значимости

данных проблем в долгосрочной перспективе. В-четвертых, **неформальные ассоциации, форумы, группировки и группы давления малых государств, которые могут создаваться как на базе других организаций, так и самостоятельно инициативными членами**. Это могут быть группы для продвижения отдельных вопросов, представляющих интерес для малых государств *(«Рабочая группа по вопросам подотчетности, согласованности и транспарентности», «Группа глобального управления», «Группа малой пятерки», «Сеть безопасности человека»*), так и комплексные форматы – *Форум малых государств*. В-пятых, **формальные группы, созданные для технических целей и не предполагающие участие в каких-либо отдельных форматах** – *Малые островные развивающиеся государства (МОРАГ), Малые государства согласно Всемирному Банку*[727] *и т.д*. Данная группа чаще всего используется в различных докладах и отчетах международных организаций, так как подобная категоризация государств хотя не носит институционализированный характер, тем не менее, объединяет малые государства на основе близости моделей их развития. В данную группу также попадают *группа малых государств, выделяемых ЮНКТАД*; и малые государства в перекрестных переговорных группах в рамках ВТО (Африканская группа, Азиатские развивающиеся страны-члены, АПЕК, АСЕАН, Развивающиеся внутриконтинентальные государства; МЕРКОСУР, Группа-90, Наименее развитые страны, Малые уязвимые экономики, Государства-члены «Статьи 12», Страны с низким уровнем дохода в переходный период; Кернская группа, группа стран-производителей тропических продуктов, Группа-10, Группа-20, Группа-33, Группа «Хлопок-4», Группа «Нама-11», Группа «Параграфа 6» и другие[728]). *Малые государства Содружества Наций*[729] также формально могут быть отнесены в данную группу, так как несмотря на то, что Секретариат Содружества Наций

[727] World Bank Group Support to Small States. – URL: https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview
[728] World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/negotiating_groups_e.htm
[729] Small States according to the Commonwealth. – URL: https://thecommonwealth.org/our-work/small-states

добивается того, чтобы международная политика и правила в большей степени учитывали потребности малых государств, помогает им получать доступ к финансированию, повышать устойчивость и высказывать мнения на мировой арене, данная категория выделяется лишь формально в рамках более крупной организации Содружества[730].

При этом важно отметить, что диверсификация многосторонних платформ наблюдается в 1990-ые и начале XXI века, что, с одной стороны, отражает новые параметры системы и усложнение комплекса взаимоотношений государств как на региональном, так и глобальном уровнях и, с другой стороны, увеличивающиеся возможности и стремления малых государств по достижению своих интересов и повышению статуса.

Отражение динамичности параметров участия малых государств в международных организациях может быть проиллюстрировано следующим образом. Если в 1991 году «общее число членства»[731] в международных организациях составило 9154 ед. при среднем арифметическом 49,8 ед. и медианой 52 ед. на одну страну, в то время как в 2002 году общее членство в международных организациях составило 11368 ед. (+2 214), среднее арифметическое 61,8 ед. (+12), медиана – 60,5 (+8,5). В 2014 году общее членство в международных организациях составило 12000 ед. (+632 ед.), среднее арифметическое 65,2 ед. (+3,4), медиана – 64,0 (+3,5). Порядок данных цифры означает, что в целом в мире наблюдается тренд на увеличение участия государств в международных организациях, как и само число ММО, хотя темпы участия в период 2002-2014 снизились почти в 3,5 раза. В первую очередь это объясняется завершением переходного периода после появления

[730] Opening Address by The Hon Dr Kenny D Anthony Prime Minister & Minister For Finance, Economic Affairs, Planning & Social Security At The Third Commonwealth Biennial Conference On Small States Bay Gardens Hotel. – 2014. – URL: https://production-new-commonwealth-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/migrated/news-items/documents/KDA-Address-CommonwealthSmallStatesConference-20140326.pdf

[731] Используется база данных проекта Correlates of War в части участии государств в ММО (Pevehouse J. C.W., Nordstron T., McManus R. W., Jamison A.S., Tracking Organizations in the World: The Correlates of War IGO Version 3.0 datasets, Journal of Peace Research, 2014). Полноправное участие государства в конкретной международной организации кодируется в качестве «1». Сумма полученных единиц представляет собой количество международных организаций, в которых участвует государство. Общее число всех единиц составляет «общее число членства».

большого числа новых государств в 1990-ых годах и достижении ими приемлемых показателей участия в многосторонних форматах как способ увеличить собственную субъектность, а также репутацию и узнаваемость. Необходимо отметить, что наибольший прирост в период 1991-2002 отмечается в странах постсоветского пространства (образование новых государств), Намибии и ЮАР (отход от изоляции), здесь наблюдается прирост от 45 до 28 ед.; а в 2002-2014 – в странах Юго-Восточной Азии, Балтийских странах, Балканах и отдельных государствах – Руанда, Мальта, Вануату (прирост от 20 до 10 ед.).

Несмотря на то, что в целом частое участие в ММО характерно больше для крупных государств, в Европе имеется ряд малых государств, которые пользуются данным инструментом с похожей частотой (Норвегия, Финляндия, Бельгия, Швеция, Дания, Португалия, Швейцария) – Приложение № 5. При этом наибольший прирост (от 59 до 30 ед.) за период 1991-2014 наблюдался во всех государствах, бывших частью СССР, для которых обретение независимости, с одной стороны, открыло новые возможности, а с другой – ограничило ресурсы, которые в прошлом могли бы быть перераспределены союзным центром. Отдельными кейсами следует считать страны Балтии, ставшие членами ЕС, в отношении которых за рассматриваемый период наблюдался огромный скачок по участию в ММО (+59, +55 и +52 для Эстонии, Латвии и Литвы соответственно). Данная модель, с одной стороны, как представляется, демонстрирует желание трех государств дистанцироваться от России (перекрестное участие в ММО между странами сведено к минимуму), а с другой – развивать сотрудничество с другими государствами в регионе (Скандинавия, Центральная Европа и другие регионы) в многочисленных форматах. Следует также заметить, что почти все государства бывшего СССР, кроме Беларуси, за рассматриваемый период имели более частую динамику присоединения к ММО, чем Россия. Данный факт подтверждает стремление новых государств к построению

многовекторной политики, в то время как Россия, как представляется, была сфокусирована на укреплении уже устоявшейся архитектуры взаимодействия, значительную часть которой сама и построила. В рамках ЕС крупные региональные лидеры за рассматриваемый период либо сокращали участие в ММО, либо незначительно его приращивали, в то время как все малые государства (за исключением Бельгии и Дании) значительно увеличивали участие в ММО. Данный тренд скорее демонстрирует стремление малых государств-членов ЕС достичь показателей своих более крупных соседей, ориентированных на многостороннее сотрудничество. В среднем, тренд на увеличение участия в ММО характерен и для неинтегрированных государств Европы (Исландия, Андорра, Сербия, Швейцария, Норвегия), которые осуществляют это в среднем темпе. Неформально зависимые Монако, Сан-Марино и Лихтенштейн присоединяются к ММО более медленными темпами, что демонстрирует их сохраняющуюся зависимость. Таким образом, наблюдается тренд на выравнивание участия малых государств в ММО с участием более крупных государств.

Как и в Европе, крупные государства в Азии склонны к участию в ММО чаще, чем малые государства (Приложение № 6). Также, как и на Европейском континенте, в Азии имеются относительно изолированные малые государства – Бутан, Туркменистан, Бруней, Мальдивы. При этом, малые государства БВСА склонны участвовать в ММО чаще, чем другие регионы в Азии, но всё же уступают европейским малым государствам по причине ограниченности форматов взаимодействия на субконтиненте. При этом можно выделить модель быстрого наращивания темпа участия, замеченного у Бахрейна и Омана на фоне модели Катара, Кувейта и Ливана, которые имеют более медленные темпы присоединения к ММО. Вместе с тем большинство малых государств-соседей Китая, России и Индии склонны наращивать темпы участия в ММО примерно на уровне своих крупных соседей. Несмотря на различие в темпах, тот факт, что они примерно соотносятся с

соответствующим уровнем темпов прироста участия крупных государств-соседей малых государств, свидетельствует о том, что новые площадки взаимодействия стремятся институционализировать взаимодействие разновесных государств между собой. В то же самое время такие непохожие государства как Сингапур или Мьянма демонстрируют более скромные темпы прироста участия по сравнению со своим ближайшим гегемоном, Китаем.

В целом, можно сделать вывод, что более высокие темпы присоединения малых государств к ММО по сравнению с более крупными соседями знаменуют собой тренд на конвергенцию формата многостороннего взаимодействия и отражают стремление малых государств к достижению параметров влияния своих более крупных соседей на основе принципа равенства. Кроме того, разноскоростные темпы присоединения к ММО подтверждают релевантность увеличения диверсификации между малыми государствами в рамках общий группы. В целом на самом общем уровне анализа вышеуказанные тренды о распространении феномена мультилатерализма среди малых государств подтверждаются.

«Форум малых государств» как координационный формат современных малых государств

«Форум малых государств», добровольное, неформальное и неидеологическое объединение стран в рамках Организации Объединенных Наций, является важной структурой для понимания процессов, связанных с деятельностью малых государств в современном комплексе многосторонних отношений. Его декларируемая цель – повышение международного авторитета малых государств и продвижение диалога о роли и вкладе малых государств в международную повестку дня[732]. В данное объединение входят больше всего государств, считающихся малыми – 108 суверенных стран, большинство из которых имеют численность населения менее 10 млн человек, что формально является единственным требованием для участия в формате.

[732] Letter dated 16 October 2012 from the Chargé d' affaires a.i. of the Permanent Mission of Singapore to the United Nations addressed to the Secretary-General // UN. – 2012. – URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-186176/

Однако у 16 государств численность населения составляет от 10,1 до 20 млн человек. Во многом из-за наблюдаемых существенных различий (в группу входят как наиболее развитые, так и наименее развитые страны; богатые и испытывающие нехватку ресурсов; островные и внутриконтинентальные государства), до 1991 года малые государства имели ограниченную возможность объединяться в единый переговорный блок. Однако, как отмечает премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун, «малые государства оказываются способны более оперативно реагировать и легче адаптироваться к меняющимся обстоятельствам. Наше чувство незащищенности и даже паранойя конструктивны, поскольку побуждают нас более решительно реагировать на вызовы и угрозы. Поскольку наши возможности более ограничены, коллективное сознание малых государств имеет больше преимуществ, именно поэтому региональные интересы и различия для нас менее важны, чем для более крупных стран»[733]. По сути, ФМГ является первым полноценным форматом участия наиболее обширного числа государств, которые так или иначе являются малыми.

Стоит отметить, что важную роль в создании ФМГ в 1992 году сыграл сингапурский дипломат Бурхан Гафур, который с 2016 года является постоянным представителем Сингапура в ООН. Сингапур является неформальным лидером группировки. Б.Гафур вспоминает, что после завершения Холодной войны представители малых государств осознали, что «всякий раз, когда проводились выборы в органы ООН, будь то Совет Безопасности или ЭКОСОС, малым государствам часто было трудно конкурировать с более крупными странами; мы поняли, что если бы малые страны могли работать друг с другом и поддерживать друг друга, то не было бы причин, по которым мы не могли бы избраться»[734]. Первыми членами

[733] Lee H.L. PM Lee Hsien Loong at the Forum of Small States (FOSS) Reception // PM´S Office Singapore. – 2019. – URL: https://www.pmo.gov.sg/Newsroom/PM-Lee-at-the-Forum-of-Small-States-FOSS-Reception

[734] Garfoor B. Small Countries Are Crucial for the UN's Long-Term Survival, and Singapore Leads the Way // PassBlue. – 2024. – URL: https://www.passblue.com/2024/02/27/small-countries-are-crucial-for-the-uns-long-term-survival-and-singapore-leads-the-way/

группы-де факто основателями являлись 16 государств, являющиеся самыми активными участниками формата: *Бахрейн, Барбадос, Ботсвана, Вануату, Джибути, Габон, Гондурас, Кабо-Верде, Мальта, Монголия, Папуа - Новая Гвинея, Сингапур, Суринам, Тунис, Уругвай, Ямайка*[735]. По словам Б.Гафура, малые государства являются защитниками многосторонней системы принятия решений, хранителями международного права и Устава ООН, сторонниками сближения между государствами и, в целом, искателями решений. В связи с частым «параличом» Совета Безопасности ООН в последнее время именно всеохватывающая, универсальная и, таким образом, легитимная Генеральная Ассамблея ООН, считает он, продемонстрировала свою способность действовать[736]. Не соглашаясь полностью с мнением Б.Гафура о том, что Генеральная Ассамблея ООН является идеальной моделью координации по различным вопросам, следует отметить, что в целом его слова отражают дискурс о необходимости реформирования обоих институтов.

Стоит отметить ряд инициатив ФМГ, способствующих закреплению и продвижению идентичности малых государств на мировой арене: *стипендиальная программа ФМГ*, в рамках которой постоянные представители в ООН ряда малых стран, другие дипломаты делятся опытом и лучшими практиками, связанными с развитием малых государств (с 2015 года)[737]; *программа «ФМГ во Благо»*, в которой могут принять участие официальные представители стран ФМГ для взаимного обмена опытом, передовой практикой и возможными решениями общих проблем (с 2022 года); *серия интервью, докладов и репортажей, проводимых нью-йоркской некоммерческой организацией PassBlue на базе ФМГ*, раскрывающих достоинства мультилатерализма и успешные практики решения общих

[735] Koh T., Li L.C. 50 Years of Singapore and the United Nations. World Scientific Publishing Co, 2015.
[736] Garfoor B. Small Countries Are Crucial for the UN's Long-Term Survival, and Singapore Leads the Way // PassBlue. – 2024. – URL: https://www.passblue.com/2024/02/27/small-countries-are-crucial-for-the-uns-long-term-survival-and-singapore-leads-the-way/
[737] Visit to Singapore under the 11th Forum of Small States Fellowship Programme by Permanent Representatives to the United Nations, 24 to 28 July 2023 // Ministry of foreign affairs of Singapore. – 2024. – URL: https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2023/07/11th-FOSS-Fellowship-2023

проблем, стоящих перед малыми государствами (с 2024 года). Нельзя не отметить важность грядущего **Саммита Будущего** для малых государств, запланированного на конец 2024 года, целью которого является активизация усилий по выполнению существующих международных обязательств и осуществление конкретных шагов в ответ на возникающие вызовы и возможности в рамках мультилатерализма, апогеем которого, как ожидается, станет подписание **Пакта Будущего**[738].

Формирование повестки в ООН и выдвижение инициатив

Некоторые малые государства выполняют важную роль **двигателя законотворческих инициатив** на международном уровне. Так, создание *Международного уголовного суда (МУС)* было инициировано правительством Тринидад и Тобаго на фоне завершения Холодной войны, которое обратилось с письмом в Генеральную Ассамблею ООН в 1989 году с просьбой возобновить работу над вопросом создании суда, который обладал бы юрисдикцией в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств[739]. После продолжительных обсуждений на фоне кровопролитных столкновений в Югославии и Руанде, в 2002 году Римский статут, являющийся правовой основой для создания постоянного Международного уголовного суда, вступил в силу[740]. В настоящее время МУС не является частью семьи ООН и представляет собой отдельную международную организацию, декларируемое значение которого, в частности, выросло на фоне конфликта в Украине и Палестине в 2020-ых, хотя субъектность и реальная акторность, всё же, находится под вопросом, учитвая невозможность привидения в исполнение ряда вынесенных решений и отсутствием участия в формате США, а также России.

---

[738] The Summit of the Future // UN. – 2024. – URL: https://www.un.org/en/summit-of-the-future

[739] Statement by Mr. Eden Charles. Head of Delegation of Trinidad and Tobago // 8th Session of the Assembly of State Parties to the Rome Statute of the International Criminal Court. – 2009. – URL: https://asp.icc-cpi.int/sites/asp/files/asp_docs/ASP8/Statements/ICC-ASP-ASP8-GenDeba-Trinidad%20and%20Tobago-ENG.pdf

[740] Международный уголовный суд: Исторический обзор // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/law/icc/overview.shtml

В 1989 году правительство Мальдивских Островов после неудачной попытки государственного переворота Народной организацией освобождения Тамил-Илама выступило с инициативной резолюцией ГА ООН 44/51 **«Защита и безопасность малых государств»**, признающей, что «малые государства могут быть особенно уязвимы для внешних угроз и актов вмешательства в их внутренние дела, и призывающей региональные и международные организации оказывать малым государствам по их просьбе помощь в укреплении их безопасности»[741]. Примечательно, что в ходе дальнейших обсуждений в Совете Безопасности ООН представители Европейского сообщества и США подчеркивали, что проведение каких-либо различий между государствами в отношении их безопасности недопустимо, поскольку Устав ООН основан на суверенном равенстве всех государств[742]. Этот эпизод может быть признан яркой демонстрацией «обратной стороны» принципа суверенного равенства всех государств, который не позволяет получить привилегированный статус малым государствам в сфере безопасности.

Однако более удачной инициативой в сфере безопасности следует признать появление *Международного договора о торговле оружием*, который вступил в силу в 2014 году, установив новые стандарты для экспорта обычных вооружений (запрет на экспорт обычных вооружений в нарушение эмбарго и санкций, для совершения геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и терактов)[743]. Инициатива по принятию данного договора принадлежала Коста-Рике, которая является частью более масштабных глобальных усилий, начатых в 1997 году президентом страны и лауреатом Нобелевской премии мира Оскаром Ариасом[744]. На сегодняшний день 130 стран подписали и 113 ратифицировали данный договор.

---

[741] Резолюция ГА ООН 44/51 // ООН. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/552/92/img/nr055292.pdf?token=9RCtD4K895bAa3Ayh2&fe=true

[742] Psaila S. Small States at the United Nations. - Dissertation presented to the Faculty of Arts, University of Malta, for the degree of Master's in Contemporary Diplomacy, 2010.

[743] ООН одобрила первый в истории договор о торговле оружием. // Война и мир. – 2013. – URL: https://www.warandpeace.ru/ru/news/view/78658/

[744] 107 Nations Sign Costa Rica Arms Trade Treaty Initiative // QCostaRica. – 2013. – URL: https://qcostarica.com/107-nations-sign-costa-rica-arms-trade-treaty-initiative/

Конвенция ООН по морскому праву, вступившая в силу в 1994 году и в настоящее время ратифицированная 165 государствами, в значительной степени была сформирована тремя небольшими, но значимыми морскими государствами — Мальтой[745], Сингапуром и Новой Зеландией[746].

Одним из важных примеров инициатив **в сфере устойчивого развития**, предложенных непосредственно группой малых государств, является *Барбадосская программа действий по устойчивому развитию малых островных развивающихся государств 1994 года*, санкционированная резолюцией ГА ООН 47/189, которая была дополнена *Маврикийской стратегией по дальнейшему осуществлению* 2005 года[747]. Основным результатом принятия данной программы является признание мирового сообщества, что МОРАГ являются отдельной категорией развивающихся государств, перед которыми стоит целый ряд характерных проблем. Привлечение внимания мирового сообщества к проблемам МОРАГ позволяет последним получать дополнительное финансирование производить обмен опытом по решению проблем развития. Например, за последние два с половиной десятилетия Глобальный экологический фонд (The Global Environment Facility) оказывал поддержку МОРАГ в таких сферах, как сохранение биоразнообразия, адаптация к изменению климата, использование возобновляемых источников энергии и энергоэффективность, снижение деградации земель, регулирование открытого моря и обработка химических веществ. В общей сложности с 1992 года ГЭФ предоставил МОРАГ более 1,23 миллиарда долларов США для достижения целей устойчивого развития[748].

---

[745] Malta At UNGA: Small States Are A Big Voice In International Diplomacy // The Ministry for Foreign and European Affairs and Trade of Malta. – URL: https://foreign.gov.mt/malta-360-insights/malta-at-unga-small-states-are-a-big-voice-in-international-diplomacy/

[746] Súilleabháin A.O. Small States Bring Big Ideas to the United Nations // Global Observatory. – 2013. – URL: https://theglobalobservatory.org/2013/06/small-states-bring-big-ideas-to-the-un/

[747] Малые островные развивающиеся государства // UN - URL: https://sdgs.un.org/ru/node/75

[748] The Global Environment Facility Secretariat. Small Island Developing States and the Global Environment Facility. Building Lasting Partnerships [Electronic resource]: Thegef.org. – 2018. URL: https://www.thegef.org/sites/default/files/publications/GEF%20and%20SIDS%20October%202018_r2.pdf

Наконец, коллективная роль малых государств **в сфере борьбы с изменением климата** была ярко продемонстрирована представителем Самоа Т.Н.Слейдом от Альянса малых островных государств (АМОГ) во время конференции ООН по изменению климата в 1998 году: «Мальдивские Острова, являющиеся местом подписания одной из первых министерских деклараций о последствиях изменения климата; Мальта, предложившая резолюцию ГА ООН, которая положила начало переговорам по Конвенции об изменении климата; Вануату, первое государство, представившее сущностный проект конвенции; Маврикий, Сейшельские Острова и Маршалловы Острова, первые ратифицировавшие конвенцию; Тринидад и Тобаго, спонсор протокола АМОГ, который стимулировал процесс принятия Берлинского мандата; Фиджи, Антигуа и Барбуда, первые государства, ратифицировавшие Киотский протокол, и многие другие островные государства, делегации которых неустанно трудятся в этом процессе, защищая передовые позиции малых государств в борьбе с глобальным потеплением»[749]. Подобная активная роль ряда островных малых государств объясняется прежде всего тем, что проблема изменения климата и связанная с ней проблема повышения уровня океана имеют наибольшее значение именно для малых островных государств, но не ограничивается лишь ими.

Вышеуказанные примеры деятельности малых государств в коллективном формате взаимодействия, прежде всего в рамках системы ООН, не являются исчерпывающими, но позволяют сделать вывод о том, что инструмент **формирования повестки** по целому ряду вопросов и сфер взаимодействия позволяет активным малым государствам привлекать внимание международного сообщества путем **амплификации или секьюритизации угроз** (иными словами малые государства доказывают, что определенные вопросы важны и ценны не только для них самих, но и для более обширного числа акторов или мирового сообщества в целом) и, таким

[749] UNFCCC Climate Change: Small Island Developing States. – Bonn, 2005.

образом, укреплять свои лидирующие позиции в отдельных сферах, продвигая собственный **статус экспертов** или демонстрируя **моральный авторитет**.

Таким образом, малые государства могут играют ведущую роль в различных многосторонних инициативах, направленных на содействие сотрудничеству в борьбе с угрозами, которые первые не в состоянии устранить самостоятельно. Представляется, что данный инструмент **является наиболее близким** для активных малых государств и типичных средних держав, которые также отмечаются в литературе **как сторонники и проводники глобальных нормативных изменений** – в этой связи нельзя не отметить наиболее яркий пример Оттавского договора 1997 года о запрете противопехотных мин, в котором правительство Канады играло ключевую роль[750].

В то же самое время не все инициативы малых государств получают широкое распространение. Так, попытка Мальты в 1967 году признать общим наследием человечества дно морей и океанов за пределами национальной юрисдикции[751], а также инициатива Сейшельских Островов в 1979 году по признанию всего Индийского океана в качестве заповедника китов натолкнулись на противодействие со стороны ряда ведущих держав и в результате не были приняты[752]. Подобную судьбу ждал и Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года, от обсуждения которого отказалась вся «ядерная пятерка».

В целом, как сами отмечают официальные представители ряда малых государств, их деятельность в рамках системы ООН сталкивается с разного рода барьерами и ограничениями в связи с незначительным числом дипломатических представительств и относительно высокими издержки

---

[750] Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on their Destruction // UN. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XXVI-5&chapter=26&clang=_en

[751] Орлов А.С. Концепция общего наследия человечества и ее влияние на развитие международного права // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2017. – №6.

[752] Bueger C., Wivel A. How do small island states maximize influence? Creole diplomacy and the smart state foreign policy of the Seychelles // Journal of the Indian Ocean Region. – 2018. – Vol.14. No. 2. – P. 170–188.

взаимодействия из-за необходимости обработки огромных объемов информации[753]. Кроме того, как отмечалось выше, важным фактором является противодействие со стороны крупных ведущих держав, которые в многосторонних форматах также имеют равный статус с малыми государствами и право на вето. Вместе с тем вышеуказанные примеры демонстрируют **практическую возможность** эффективного использования инструмента формирования повестки. В целом, следует констатировать, что число инициатив малых государств в данной сфере значительно возросло, хотя они в случае приведения в исполнение всё также представляют собой «мягкое право».

Малые государства и Совет Безопасности ООН

Совет Безопасности – один из шести основных органов ООН и, вероятно, самая важная структура, ответственная за поддержание международного мира и безопасности, к решениям которого обращено всё внимание мирового сообщества. СБ ООН состоит из «постоянной пятёрки» – США, Россия, КНР, Великобритания и Франция и 10 непостоянных членов, избираемых Генеральной Ассамблеей на двухлетний срок по 5 каждый год. При этом пять государств должны быть из Африки и Азии, два из Латинской Америки, одно из Восточной Европы, два из Западной Европы и других государств. Непостоянные члены избираются всеми государствами-членами ООН, при этом для прохождения в Совет государство-кандидат должно получить не менее двух третей всех голосов.

Исходным условием для получения мандата СБ ООН является политическая воля ЛПР государства, готовность играть более активную роль в организации, и мотивация направить заявку в ГА ООН с целью принятия участия в избирательной процедуре. Далее, государства, претендующие на избрание в СБ ООН, должны доказать мировому сообществу серьезность своих намерений. Таким образом, государства, желающие быть избранными в

[753] Small States // Pass Blue. – 2024. – URL: https://www.passblue.com/category/small-states/

Совет, должны разработать программу работы на период своего пребывания, умело отстаивать свою позицию, а также демонстрировать свою приверженность уставным целям деятельности ООН. Кроме того, ожидается, что государства, избираемые в Совет впервые, должны предложить новые пути решения существующих проблем, проявить креативность или продемонстрировать экспертные знания для того, чтобы избрание в Совет для них не оказалось последним в ближайшей перспективе.

Как видно из таблицы 3.3.4., только одно государство из 26 с населением менее 500 тыс. чел. было избрано в СБ ООН – Сент-Винсент и Гренадины – в 2019 году. Основным конкурентом страны являлся Сальвадор, который до выборов также ни разу не избирался в Совет, однако, власти Сент-Винсент и Гренадин смогли доказать, что именно их страна привержена принципу устойчивого развития и будет тесно сотрудничать с другими членами Совета[754]. Другими активными микрогосударствами с населением менее 1 млн чел. являлись Мальта (два раза), Кабо-Верде, Люксембург и Гайана.

Таблица 3.3.4. Численное распределение стран, являвшихся и не являвшихся членами СБ ООН с 1941 по 2024 гг. с учетом численности их населения

Численность населения	**<0,5 млн чел.**	**0,5 млн. чел. - 1 млн чел.**	**1 млн. чел. - 5 млн чел.**	**5 млн. чел. - 12 млн чел.**	**12 млн. чел. - 41 млн чел.**	**Более 41 млн чел.**	**ИТОГО**
Группа	Малые				Крупные		
Общее число	26	11	34	43	46	33	**193**
Не являлись членами СБ ООН	25	7	11	11	7	-	**61**
Являлись членами СБ ООН	*1*	*4*	23	33	38	33	**132**

Источник: составлено автором на основе UN SC. – URL: https://www.un.org/securitycouncil/content/current-members

Начиная с порога в 1 млн., большинство государств в рамках своих аналитических групп всё же имели возможность сопредседательствовать в СБ ООН хотя бы один раз. Подробный перечень данных государств с учетом размера их дипкорпуса приведён в Приложении 7.

[754] St. Vincent and the Grenadines breaks a record, as smallest ever Security Council seat holder // UN. – 2019. – URL: https://news.un.org/en/story/2019/06/1040071

В целом, исходя из наблюдаемых данных можно сделать два вывода. С одной стороны, избрание в СБ ООН является более сложной процедурой для малых государств, чем крупных, так как только 7 номинально крупных стран по населению никогда не были избраны в СБ ООН: Камбоджа, Малави, КНДР, Узбекистан, Саудовская Аравия (отказалась после избрания в 2013 году), Мьянма и Афганистан. С другой стороны, ряд малых государств избирался в СБ ООН более одного раза (например, Габон – 4, Коста-Рика – 3, Бельгия – 6), что косвенно отражает степень их ответственности, а также высокую репутацию среди мирового сообщества. П.Ханссон и Б.Торхалльссон выделяют следующие факторы, которые позволяют малым государствам играть особую роль в рамках СБ ООН: компетенции и возможность осуществления приоритетизации, дипломатические навыки и восприятие, инициативность и лидерство, возможность строительства коалиций[755].

Так, для избрания в СБ ООН на период 2023-2024 годов правительство Мальты опубликовало программный документ, в котором рассказывалось о значительном вкладе Мальты в систему ООН, детализировался её вклад в обеспечение мира и безопасности в прошлом, а также, в частности, ставились цели по проработки вопросов изменения климата и безопасности океанов, статуса детей и женщины в вооруженных конфликтах, проблемы грамотности[756]. Мальта уже избиралась в Совет на двухлетний срок в 1983 году после того, как её первая попытка в 1977 году не увенчалась успехом на последнем этапе голосования. Уже в XXI веке Мальте последовательно стремилась к получению места в СБ ООН с 2013 года[757]. В 2022 году кандидатура страны была поддержана 97% голосов без выдвижения конкурирующих заявок. 1 апреля 2024 года представитель Мальты вступил в должность председателя СБ ООН на один месяц. Данное окно возможностей

[755] Thorhallsson B. Small States in the UN Security Council: Means of Influence? // The Hague Journal of Diplomacy. – 2012. – Vol. 7. – P. 135-160.
[756] Malta UNSC Candidate // Foreign Mission of Malta to UN – URL: https://missionsforeign.gov.mt/en/Embassies/Pr_New_York/Documents/MFEA%20UNSC%20Brochure.pdf
[757] Malta elected to UN security council // Times Malta. – 2022. – URL: https://timesofmalta.com/article/malta-elected-to-un-security-council.960719

позволило Мальте предложить к обсуждению вопросы статуса детей в вооруженных конфликтах, проблемы безопасности Средиземного моря, вопросы статуса женщин и сексуального насилия, связанного с конфликтами, а также утверждение доклада о миссии ООН в Южном Судане[758].

Гайана, получившая центральное место в Совете в феврале 2024 года, подняла вопрос влияния проведения региональных и глобальных вооруженных конфликтов на окружающую среду и продовольственную безопасность, в частности, по результатам анализа нарушения продовольственных цепочек в 2022 году после начала активной фазы украинского конфликта. С этой целью представителями страны был подготовлен обширный доклад[759]. Участие в формате СБ ООН также позволило стране привлечь внимание мирового сообщества к проблеме нелегитимного притязания соседней Венесуэлы на район Эссекибо, составляющий 2/3 территории Гайаны[760].

Спустя несколько недель после избрания карибского государства Сент-Винсент и Гренадины в Совет, неожиданно для международного сообщества страна присоединилась к африканской коалиции Нигера, Южной Африки и Туниса (A3+1). Данный шаг был во многом продиктован совпадением позиций стран о «необходимости оказания более активной поддержки миротворцам в целях смягчения последствий нападений путем проведения надлежащей подготовки и наращивания потенциала, а также использования современных и интеллектуальных технологий»[761]. Кроме того, на высокую солидарность

---

[758] Malta assumes UN Security Council Presidency; council to discuss reports on Libya and Kosovo // Malta Independent. – 2024. – URL: https://www.independent.com.mt/articles/2024-04-01/local-news/Malta-assumes-UN-Security-Council-Presidency-council-to-discuss-reports-on-Libya-and-Kosovo-6736259881

[759] Guyana unveils major report at UN Security Council on the impact of war on climate and food security // Kaieteur News. – 2024. – URL: https://www.kaieteurnewsonline.com/2024/02/15/guyana-unveils-major-report-at-un-security-council-on-the-impact-of-war-on-climate-and-food-security/

[760] Guyana taking border dispute with Venezuela to UN Security Council // Jamaica Observer. – 2023. – URL: https://www.jamaicaobserver.com/2023/12/06/guyana-taking-border-dispute-with-venezuela-to-un-security-council/

[761] Statement by Ambassador Jerry Matjila, Permanent Representative of South Africa on behalf of Niger, Tunisia, Saint Vincent and the Grenadines & South Africa (A3+1), during the Security Council Meeting on Peacekeeping Operations, 14 September 2020. – URL: https://dirco.gov.za/statement-by-ambassador-jerry-matjila-permanent-representative-of-south-africa-on-behalf-of-niger-tunisia-saint-vincent-and-the-grenadines-south-africa-a31-during-the-security-council-meeting/

косвенно влияет тот факт, что более 70% страны имеют африканское происхождение. Как отмечает посол страны Р.Кинг, политический курс Сент-Винсент и Гренадин – достаточно неконвенциональный: страна имеет тёплые отношения с Британией, Францией и США, но склонна солидаризироваться с Россией и Китаем по ряду важных вопросов, при этом формально не имея дипломатических контактов с последним[762]. Во время своего президентства в ноябре 2020 года страна ставила в повестку обсуждения проблемы, которые стоят перед полицейскими силами ООН на Гаити, а также проблемы пандемии, экологии, изменения климата и его последствий для безопасности, взаимосвязи между развитием и безопасностью и стремилась поддерживать репутацию государства, которое делает глобальный вклад в ООН наравне с другими государствами Карибского бассейна, несмотря на свою чрезмерную малость.

Наконец, отдельно стоит отметить, что проблема реформирования ООН стала одной из центральной в XXI веке, в продвижении которой важную роль играют не только крупные государства – Индия, Германия, Япония, Бразилия, но и малые страны. Так, ещё в 2006 году так называемая «малая пятёрка», состоящая из Швейцарии, Иордании, Коста-Рики, Лихтенштейна и Сингапура, последовательно представляет проекты резолюции об обеспечение прозрачности и подотчетности организации[763]. В 2013 году в ООН была сформирована переговорная кросс-региональная группа «Подотчетность, согласованность и прозрачность», по большей части состоящая из ряда малых государств, которые призывают не столько к расширению состава Совета (к чему как раз стремятся ведущие страны), сколько к совершенствованию методов работы, которые стали бы более прозрачными, инклюзивными,

[762] King I.R. The Smallest State to Ever Lead the UN Security Council: St. Vincent and the Grenadines // PassBlue. – 2020. – URL: https://www.passblue.com/2020/11/02/the-smallest-state-to-ever-lead-the-un-security-council-st-vincent-and-the-grenadines/

[763] «Малая пятерка» представила проект резолюции об улучшении методов работы Совета Безопасности // ООН. – 2006. – URL: https://news.un.org/ru/story/2006/03/1084461

согласованными, легитимными и подотчетными[764]. Представители некоторых малых стран, например Литвы, призывают к включению в постоянные члены ряда ведущих стран – Германии и Японии[765], другие, как, например, Мальта, в связи с последними конфликтными событиями призывают к ограничению прав вето текущих постоянных членов Совета Безопасности. В целом, вопросы признания ограниченности эффективности ООН, предложения к её реформированию характерны практически для всех государств, оставляющих заявку на временное членство в СБ ООН, однако именно малые государства склонны делать на этом особый акцент в своих программных документах.

В целом следует признать существование возможностей, предоставляемых международными организациями и институализированными площадками малым государствам для оказания воздействия в рамках «ограниченного коридора» на фоне усложнения комплекса межгосударственных отношений, проявления деятельности негосударственных акторов, секьюритизации новых угроз, роста значимости внутригосударственных столкновений и сохранения значимости межгосударственных конфликтов, которые после завершения биполярного противостояния отнюдь не исчезли. Многосторонние форматы участия прежде всего позволяют малым государствам быть услышанными и действовать на равных с другими суверенными государствами. Как показывает эмпирическая практика, инструментарий по увеличению собственного статуса малых государств является весьма разнообразным, но так или иначе основывается на их стремлении доказать свою состоятельность в глазах мирового сообщества. Хотя успешность отдельных инициатив может быть ограниченной, особенно в условиях СБ ООН, где у «постоянной пятёрки» имеется безотлагательное право вето, в случаях отсутствия

[764] Súilleabháin A.O. Small States Bring Big Ideas to the United Nations // Global Observatory. – 2013. – URL: https://theglobalobservatory.org/2013/06/small-states-bring-big-ideas-to-the-un/

[765] Statement by H.E.Antanas Valionis, Minister of foreign affairs of the republic of Lithuania at the general debate of the 58th session of the general assembly of the United Nations // UN – 2023. – URL: https://www.un.org/webcast/ga/58/statements/litheng031001.htm

сопротивления у последних, отдельные малые государства способны внести свой вклад в глобальную архитектуру безопасности, устойчивого развития и сохранения идентичности.

Несмотря на то, что идентифицированные роли малых государств в какой-либо из функциональных сфер международного взаимодействия, в рамках двусторонних отношений и в многостороннем формате не являются исчерпывающими, тем не менее, их общий профиль, подтвержденный широкими эмпирическими примерами позволяет подтвердить вывод о том, что современная политическая реальность является более сложной и многоаспектной, чем середина XX века, что подтверждает теорию функциональной дифференциации[766]. Хотя значимость материальных факторов сохраняется, военная мощь более не является единственным критерием получения высокого статуса в международной иерархии.

Стоит сделать важную оговорку, что страны, как и люди, согласно теории ролей не играют лишь одну роль, но в отношениях с разным контрагентами могут иметь непохожие, а порой и противоречивые роли. В этом отношении Швейцария, продолжающая позиционировать себя в качестве нейтральной страны, но в отношении России, избравшей тактику солидаризации с другими европейскими государствами, является ярким примером (который может негативно повлиять на статус страны в глазах обоих контрагентов при систематическом проявлении двойных стандартов). Характерным является тот факт, что отдельные малые государства склонны диверсифицировать инструменты увеличения своего статуса. Важно отметить, что не только европейские малые государства стремятся осуществлять полноформатное участие практически во всех сферах взаимодействия, но также и ряд азиатский, ближневосточных, латиноамериканских и африканских государств. Возможно отметить, что с учетом общего профиля во всех сферах

[766] Несмашный А.Д., Жорнист В.М., Сафранчук И.А. Международная иерархия и функциональная дифференциация государств: результаты экспертного опроса // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №15(3). – С. 7-38.

международного взаимодействия ряд незападных государств демонстрирует признаки глобальной среднедержавности (Катар, ОАЭ, Сингапур) и региональных лидеров по отдельным вопросам (Коста-Рика, Панама, Маврикий), при этом официально не претендуя на подобный статус, который традиционно увязывается со странами Большой двадцатки.

Однако стоит отметить, что данные «счастливчики» составляют абсолютное меньшинство малых государств. Именно для данной группы, как представляется, более всего применима концепция трансформации их роли. В частности, они способны занимать определенную «нишу» или специализацию в конкретных сферах мировой политики и экономики; для них характерна высокая степень гибкости и адаптации к нештатным ситуациям, как, например, в случае коронакризиса; различные проявления эффекта масштаба (начиная от более высоких показателей индекса человеческого развития и склонности к внутренней стабильности и консенсусу вследствие высокой гомогенности населения до низких расходов на содержание государственного аппарата и оборону); превращение внимания со стороны мирового сообщества в отдельный ценный ресурс; готовность к проведению разного рода экономических, управленческих и инновационных экспериментов и высокая креативность в международных отношениях и мировой политике, включая «нормативное предпринимательство»; репутация «поборников международного права» и дипломатических посредников-медиаторов; возможность концентрации ресурсов на одной конкретной проблеме, что повышает вероятность её успешного разрешения; стремление к сохранению статуса-кво; возможность влиять на легитимность инициатив путем присоединения к ним в больших количествах («сила в числе»); также способность саботировать и блокировать международные процессы и проекты, и в отдельных случаях – играть на противоречиях между великими державами. Кроме того, зачастую асимметрия потенциалов ведет к асимметрии внимания: для ведущего государства малое государство не будет

располагаться в центре его внимания, в то время для малого государства великая держава всегда будет находиться в приоритете. В асимметричных отношениях более слабая сторона подвержена влиянию со стороны более сильной стороны, но последняя не обладает возможностью односторонне диктовать условия, на которых строятся их взаимодействие. Иными словами, ассиметричные отношения скорее являются дорогой с двусторонним движением, нежели односторонним.

Представляется, что парадигма социального конструктивизма с его акцентом на нормах, идеях и идентичностях также стремится подчеркивать сильные стороны малых государств как суверенных участников международных отношений, хотя и вынужденных участвовать в мировой системе, где тон задают сильные государства. В этой связи кажется справедливым относительно частое использование в англоязычной литературе в отношении отдельных малых государств емкой идиомы «to punch above one's weight» («прыгать выше головы», или дословно «выступать в более тяжёлой весовой категории по сравнению с собственной»). Это становится возможным благодаря принципу нелинейности и асимметрии, в соответствии с которыми объективно более слабая сторона подвержена влиянию со стороны более сильной стороны, но последняя не обладает возможностью односторонне диктовать условия, на которых строится их взаимодействие.

С другой стороны, на практике существует целый ряд малых государств, отмеченных низкой внешнеполитической активностью, которые, как правило, имеют значимые проблемы развития, не позволяющие им тратить ресурсы на повышение собственного статуса. Для таких государств, как Гаити, Эритрея, Экваториальная Гвинея, проблема безопасности в условной пирамиде потребностей А.Маслоу на данный момент не является закрытой, потому они не отмечены характерными активными ролями в мировой политике и склонны сохранять статус с момента своего появления на мировой арене в период биполярного противостояния. При этом снижение субъектности малых и даже

средних государств является правдивой реальностью, принимая во внимание примеры несостоявшихся Ливии, Сирии, ставшими такими из-за международного вмешательства. Представляется, что и это не является пределом объектности.

Проведя анализ имеющихся ресурсов и моделей поведения малых государств в различных сферах международного взаимодействия, возможно констатировать, что значимый фактор эффективности повышения собственного статуса у малых государств заключается в наличии определённой географической и пространственной близости к ведущим державам, позволяющей, с одной стороны, поддерживать автономность, а с другой стороны – изыскивать ресурсы для собственного развития с целью повышения собственной безопасности. Еще один фактор – качество и развитость организационных ресурсов, которые в первую очередь зависят от возможностей и мотивационной составляющей политических элит малых государств. Третье – это возможность и способность долгосрочного планирования особенно с учетом появления спроса на редкие ресурсы, которые могут закончиться в любой момент, что можно проследить на противопоставлении примеров Норвегии и Науру. Наконец, эффективность модели во многом связана с инвестированием в человеческий капитал, который является основой настоящего и будущего любой страны. Неслучайно, практически все политически активные малые государства обладают относительно высоким значением индекса человеческого развития, будь это ОАЭ, Джибути, Тринидад-и-Тобаго или Мальдивы.

В целом следует констатировать, что несмотря на наличие ограниченных ресурсов у малых государств, в XXI веке у отдельных малых государств появляются более осязаемые возможности по достижению собственных национальных интересов, а также повышенная манёвренность. Так или иначе малые страны должны продолжать адаптироваться к изменчивой внешней среде и балансировать между великими державами. В

этой связи нельзя занижать роль стратегической конкуренции между великими державами, в частности реальной конфронтацией между Россией и США, нарождающейся конфронтацией между США и КНР, и скрытой конкуренцией, сочетающейся с усиливающимся сотрудничеством между КНР и Россией, рядом региональных лидеров, которые прямо влияют на стратегическую, энергетическую, продовольственную и климатическую безопасность для ряда малых государств – европейскими в первом случае, восточноазиатскими и тихоокеанскими во втором случае и среднеазиатскими в третьем случае. По-видимому, современная международно-политическая система для малых государств больше всего похожа на период поляризации Венского концерта 1890-1914 гг., когда манёвренность малых стран была наиболее высокой за счёт соответствующей низкой безопасности. В нынешнее время безопасность малых держав также не является высокой, но в отличие от прошлого определяется не возможностью оказаться захваченными, а негативными невоенными последствиями стратегической конкуренции между ведущими державами.

§ 3.4. Трансформация ролей малых государств в мировой политике на примере аравийского кластера

Идентификация трансформации роли малых государств в начале XXI века может быть осуществлена на системных основаниях с учетом избранной типологии международно-политических ролей на примере малых государств аравийского кластера, которые, как отмечают многие эксперты[767], приобрели особую важность в рассматриваемый период. Для этого автором в качестве рассматриваемых кейсов три малых государства региона, классифицированные на основе Индекса размера государства А.И.Трейвиша в три различные группы: Бахрейн (микрогосударство), Катар (малое государство) и Объединенные Арабские Эмираты (условное среднее государство). Далее автором осуществляется идентификация значимых ролей трёх государств в основных сферах взаимодействия на глобальном и региональном уровнях с учетом динамики операционализируемых переменных в два временных «среза» – начала 90-ых годов XX века и начала 20-ых годов XXI века.

Несмотря на существенные различия в политических режимах и принадлежность к разным позиционным группам, выделенным на основе фундаментальных материальных показателей, три малые монархии объединены рядом важных структурных факторов, являющихся характерными для Аравийского полуострова, а именно: исторически тесными связями с Великобританией, от которой они получили независимость в 1971 году (и имели теоретическую возможность оказаться в составе одной федерации), а затем – США; сдерживающими развитие климатическими условиями и пустынным ландшафтом (которые, впрочем компенсируются выгодным геополитическим и геоэкономическим положением в Персидском заливе); относительно малым населением и близостью к двум противоборствующим региональным лидерам – Саудовской Аравии и Ирану.

[767] Сурков Н. Разрядка в Заливе и курс на Евразию Ближний Восток превращается в один из новых мировых полюсов // Свободная мысль. – 2024. – № 1(1703). – С. 85-96.

Кроме того, вне всяких сомнений, обнаружение огромных запасов углеводородов и природного газа в середине XX века привело к значительной трансформации бедных территорий, заселённых преимущественно бедуинами и рыбаками, которые занимались главным образом добычей рыбы и жемчуга, в один из самых богатых регионов мира. Вместе с тем отождествлять текущие роли Бахрейна, Катара и ОАЭ лишь с поставщиками нефтяных и газовых ресурсов было бы непозволительным упрощением.

В этой связи возникает вопрос – изменились ли роли трех малых аравийских монархий в постбиполярную эпоху, и какие из них можно считать значимыми в рамках глобальной системы и сложного в конфликтном измерении региональной системы? Представляется, чтобы дать комплексный и системный ответ на данный вопрос, необходимо проанализировать динамику основных структурных переменных, имеющих значение для места указанных политий в социально-демографическом и экономическом измерении мировой политики (см. рисунок 3.4.1.).

Рисунок 3.4.1. Основные структурные параметры трёх аравийских монархий

№	Структурные параметры	Бахрейн				Катар				ОАЭ			
1	Население (1990 / 2022), чел.	*158*	*20*	535 415	+275%	*160*	*21*	456 486	+590%	*136*	*16*	2 008 383	+470%
		150	*20*	1 472 233		*138*	*19*	2 695 122		*96*	*12*	9 441 129	
2	Мигранты (1990 / 2015), % населения	*8*	*4*	35%	+16%	*4*	*2*	65%	+10%	*1*	*1*	72%	+16%
		7	*4*	51%		*2*	*2*	75%		*1*	*1*	88%	
3	ИРЧП (1990 / 2022), ед.	*27*	*3*	0,733	+0,155	*20*	*1*	0,764	+0,111	*27*	*5*	0,717	+0,220
		34	*2*	0,888		*40*	*3*	0,875		*17*	*1*	0,937	
4	ВВП (1990 / 2022), млрд.	*106*	*17*	13 313,77	+677%	*81*	*13*	26 034,00	+1180%	*35*	*4*	165 033,22	+506%
		97	*14*	90 171,59		*60*	*7*	307 376,58		*33*	*3*	835 435,92	
5	Природная рента (1990 / 2021), % ВВП	*7*	5	40,87%	-24,2%	3	1	51,16%	-33,5%	11	*7*	36,60%	-9,31%
		32	7	16,64%		14	3	17,63%		29	6	27,29%	

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка, порталов Our World in Data, Human Development Index.

Так, за 30 лет все три государства смогли нарастить свои демографические показатели более чем в два раза. Однако важно сделать оговорку, что увеличение населения произошло главным образом за счет активизации международной экономической иммиграции. Численность мигрантов, которая наблюдается в трех арабских монархиях, в относительных значениях не встречается более нигде в мире, что теоретически могло бы негативно сказаться на криминогенной обстановке в странах, учитывая, что

большинство мигрантов происходит из более бедных государств с иной политической культурой, многие из которых зачастую не являются высококвалифицированными работниками, однако в реальности подобная весьма специфическая *роль аттракторов экономических мигрантов* вносит значимый вклад в экономический рост и строительство инфраструктуры монархий благодаря «критической массе». В частности, на сегодняшний день около 95% всех работников в Катаре являются мигрантами, а сами катарцы находятся на четвертом месте по численности населения в стране, составляя немногим более 10%[768]. Вместе с тем нельзя не отметить случаи весьма жесткой эксплуатации наёмных работников, несоблюдения техники безопасности на строительных объектах, да и просто конфискации паспортов и ограничения передвижения мигрантов, о чем систематически пишут различные СМИ[769]. Хотя мигранты из Индии, Бангладеш, Непала и других стран получают возможность поправить своё финансовое положение, они не имеют право на натурализацию, как и их дети даже в случае заключения брака с подданными страны. Представляется, что, если подобные эпизоды будут проявляться систематически и дальше, это может достаточно негативно повлиять на международную репутацию Катара и ОАЭ.

Далее, важно отметить тренд на увеличение индекса развития человеческого потенциала и стремление сократить зависимость экономики стран от экспорта углеводородов и газа («природной ренты»), что заметно удалось достичь за 30 лет. Подобная модель развития демонстрирует не только конвертацию конечных материальных ресурсов в диверсифицированную экономики, способную на производство инноваций и услуг, но также и возможность увеличения собственного политического веса наперекор феномену «ресурсного проклятия». В начале XXI века, в частности, в Катаре

---

[768] Political Stability: The Mysterious Case of Qatar // Middle East Political and Economic Institute. – URL: https://mepei.com/political-stability-the-mysterious-case-of-qatar/

[769] Amnesty report: Qatar migrant workers trapped and exploited before World Cup // The Guardian. – 2022. – URL: https://www.theguardian.com/football/2021/nov/16/qatar-migrant-workers-trapped-exploited-before-world-cup-amnesty-report

реализуются значимые долгосрочные инфраструктурные мегапроекты за счет привлечения уже упоминавшейся дешевой рабочей силы, включая футбольные стадионы мирового класса, газовые оффшорные установки, международный аэропорт и морской порт Хамад и многие другие. Как отмечает К.Б.Демидов, успешная экономическая политика Катара основала базис для противостояния многим разрушительным тенденциям, в частности, связанным с негативным воздействием на катарский социум событий «арабской весны»[770]. С конца 2000-х гг., осознавая риски, связанные с неустойчивыми ценами на газ и нефть, Катар выдвигает стратегию «Национальное видение – 2030» и проводит политику диверсификации экономики, развивая туризм, обрабатывающую промышленность, торговлю, логистику, сферу обслуживания, информационно-коммуникационные технологии, рынки банковских и страховых услуг[771], а в 2019 году выходит из состава ОПЕК с целью фокусирования на развитии технологий в сфере газодобычи. В 2015-2019 годы страна является единственным государством Ближнего Востока, которая больше инвестирует, чем получает прямых иностранных инвестиций[772]. Помимо осуществления инвестиций в различные производственные и инновационные цепочки с целью получения прибыли, шейхи Катара также активно скупают имиджевые активы, среди которых футбольный клуб «Пари сен-Жермен», 87-этажный небоскреб в Лондоне «The Shard», отель «InterContinental New York Barclay Hotel» и другие. Однако представляется, что подобный инструмент увеличения репутации может оказаться неэффективным и весьма ресурсозатратным, не принося дополнительные политические дивиденды.

---

[770] Демидов К.Б. Катар – нарождающаяся региональная "сверхдержава" и ее внутренние проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2022. – №4. – С.35-51.

[771] Жилина И.Ю. Провал экономической блокады Катара // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. – 2020. – №2. – С. 41-52.

[772] Qatar Foreign Direct Investment // CEIC. – 2024. – URL: https://www.ceicdata.com/en/indicator/qatar/foreign-direct-investment

В целом можно сделать вывод, что это связано с концепцией развития так называемых ресурсов мягкой силы, которая стала проявляться особенно ярко во втором десятилетии XXI века. Среди наиболее значимых событий следует отметить проведение ОАЭ международной выставки EXPO в 2020 году и 28-ой конференции ООН по изменению климата в 2023 году в Дубае, а также важной ролью страны в подписании Соглашений Авраама в 2020-2021 годах[773]. В 2022 году Катар провёл на своей территории Чемпионат мира по футболу, потратив рекордные 200 млрд дол. по сравнению с 19,7 млрд дол., потраченные Бразилией в 2014 году и 16 млрд дол., инвестированные Россией в 2018 году[774]. Хотя многие эксперты отмечают факт подкупа большинства членов жюри при выборе Дохи в качестве места проведения Чемпионата, проведение мероприятия действительно произошло на высоком организационном уровне, подготовка к которому шла с 2012 года и влила огромное количества инвестиций и строительство объектов мега уровня. Одновременно важно отметить необходимость составления долгосрочных планов по использованию уже имеющейся инфраструктуры, что является типичной проблемой для государств, на территории которых проходят «штучные» мероприятия глобального масштаба - стадионы требуют значительных средств на техническое обслуживание и редко используются на полную мощность. После завершения мероприятия у стадионов сложились разные судьбы – так, стадион «Рас Абу Абуд 974» оказался разобран и отправлен в Уругвай для дальнейшего использования, стадион «Город образования» будет использоваться для обслуживания студентов и преподавателей из различных университетов и школ, стадион «Аль-Тумама» будет реконструирован в спортивную клинику и отель, а стадион «Яйцо Фаберже» будет преобразован в общественный центр и жилой район.

[773] Global Soft Power Index 2022: USA bounces back better to top of nation brand ranking // Brand Finance. – 2023. – URL: https://brandfinance.com/press-releases/global-soft-power-index-2022-usa-bounces-back-better-to-top-of-nation-brand-ranking

[774] Economics of Qatar 2022 FIFA World Cup // You Exec. – 2023. – URL: https://youexec.com/reports/the-economics-of-the-2022-world-cup

Оставшуюся инфраструктуру Катар планирует использоваться для будущих спортивных событий - принять у себя Азиатские игры 2030 года, как это уже произошло с Чемпионатом Азии по футболу в 2023 году, что ещё раз говорит о понимании катарскими элитами долгосрочных целей развития[775].

Примером успешной информационной инфраструктуры и настоящего актива, имеющего мирополитическую значимость, является международная телекомпания Аль-Джазира, которая была основана в 1996 году в Катаре и с начала XXI века признается эффективным инструментом внешней политики эмирата, чьей главной особенностью является сочетание новостей на арабском языке с западными стандартами журналистики[776]. Широкая доступность Аль-Джазиры в арабском мире и модель «контекстуальной объективности» оценивается экспертами как игравшая важную роль в Арабской весне, включая революции в Тунисе и Египте[777]. В целом деятельность телеканала оценивается экспертами противоречиво: с одной стороны, высокие стандарты вещания приковывают внимание телезрителей по всему миру (150 стран и 430 млн зрителей), а, с другой стороны, признается идеологическим и пропагандистским и запрещено в ряду арабских стран и Израиле (с 2024 года)[778]. В этой связи нельзя не отметить возможность использования Аль-Джазиры, основываясь на принципе «двойного назначения» - как продвигать собственные ценности и осуществлять фреймирование дискурса, так и осуществлять дестабилизирующий эффект в отношении контрагентов. Представляется, что данный ресурс является ярким примером использования традиционных форм мягкой силы в виде силы уже жесткой.

Стремление играть более интегрированную роль в глобальных процессах, а также сделать ставку на более тесные дипломатически отношения

---

[775] Here’s What Will Happen to Qatar’s Billion Dollar Stadiums Now That the World Cup Is Over // Time. – 2022. – URL: https://time.com/6242292/what-happens-to-qatar-world-cup-stadiums/

[776] Мирзаян Г. Катару придется протрезветь // Эксперт - 2012. – URL: https://web.archive.org/web/20140724192839/http://expert.ru/expert/2012/17/kataru-pridetsya-protrezvet/

[777] Nawawy M., Iskandar A. Al-Jazeera: How the Free Arab News Network Scooped the World and Changed the Middle East, Westview, 2002.

[778] Israel bans Al Jazeera: What does it mean and what happens next? // Aljazeera. – 2024. – URL: https://www.aljazeera.com/news/2024/5/6/israel-bans-al-jazeera-what-does-it-mean-and-what-happens-next

как с государствами запада, так и глобального юга со стороны Катара и ОАЭ может быть подтверждено значительным увеличением числа посольств, которые монархии открыли в других странах за прошедшие 30 лет – в частности, данный показатель увеличился с 29 до 93 и 91 страны, соответственно. По данному показателю оба государства сопоставимы с отдельными ведущими державами и составляют конкуренцию наиболее активным малым государствам мира, а потому данные дипломатические роли следует признать значимыми. Бахрейн, однако, на сегодняшний день имеет представительства только в 25 государствах, увеличив соответствующий показатель с 12 единиц в 1990 году, что, как представляется, отражает его более скромные политические амбиции. При этом участие в международных межправительственных организациях примерно равно важно для всех трех государств – общее число членства в них для Бахрейна за 30 лет увеличилось с 37 до 54, для Катара – с 47 до 57 и ОАЭ с 51 до 61 ед. в 2014 году. Характерно, что почти все они числятся в одних и тех же организациях, а отличаются только по весьма специфических «инструментальным» вопросам. Так, например, только Катар участвует в формате Всемирной дорожной ассоциации в то время, как только ОАЭ является активным участником Форума лидеров по секвестрации углерода и т.д.

Также необходимо ответить, что всем трём монархиям удалось стать временным членом Совета безопасности ООН, при этом ОАЭ удалось сделать это второй раз (см. рисунок 3.4.2.).

Рисунок 3.4.2. Мультилатеральные структуры

Мультилатерализм	СБ ООН	Членство в ММО	Посольства
Бахрейн	1998-1999	1990 = 37 ед. 2014 = 54 ед.	1990 = 12 ед. 2014 = 25 ед.
Катар	2006-2007	1990 = 47 ед. 2014 = 57 ед.	1990 = 29 ед. 2014 = 93 ед.
ОАЭ	1986-1987, 2022-2023	1990 = 51 ед. 2014 = 61 ед.	1990 = 37 ед. 2014 = 91 ед.

Источник: составлено автором на основе Revehouse J. C.W., Nordstron T., McManus R. W., Jamison A.S., Tracking Organizations in the World: The Correlates of War IGO Version 3.0 datasets, Journal of Peace Research, 2014

После завершения срока ОАЭ в качестве члена СБ ООН, власти страны положительно оценивают результаты, которые стране удалось достичь, в частности, в сфере приближения прекращения огня в Газе. ОАЭ удалось добиться принятия Резолюции 27/20 о «существенных и конкретных шагах по увеличению потока жизненно необходимой помощи палестинцам в Газе при одновременной защите ООН и гуманитарного персонала, доставляющего ее»[779]. Также Совет ООН по правам человека принял проект резолюции, ОАЭ совместно с Великобританией, касающийся достижения равенства в обеспечении права девочек на образование. Как отмечает аналитический центр Эмирейтс, данное событие отражает высокую репутацию страны на международной арене, значительный потенциал мягкой силы и возможность убеждать другие государства с целью достижения стабильности и процветания в мире[780]. Также Совет принял историческую резолюцию, разработанную совместно ОАЭ и Великобританией о толерантности, мире и международной безопасности. В целом, пребывание ОАЭ в Совете Безопасности ООН сыграло ключевую роль в укреплении позиции государства в качестве важного участника процесса разработки и принятия резолюций ООН, касающихся важнейших вопросов и событий на мировой арене.

Несмотря на распространение практик мягкой силы, дипломатических процедур и экономического развития, политическое руководство малых монархий осознает значимость вопросов стратегической безопасности и военного сотрудничества, которые являются не менее важными, принимая во внимание сложную конфликтогенную обстановку в регионе. Так, в постбиполярный период наблюдается расширение перечня зарубежных военных баз не только за счет традиционных партнеров – США и Британии, но и Саудовской Аравии и Турции. Катар продолжает оставаться местом

[779] Resolution 27/20 // UN. – URL: https://news.un.org/en/story/2023/12/1145022
[780] The UAE’s UNSC Membership Furthered Multilateral Action in a Polarized World // Emirates Policy Center – 2023. – URL: https://epc.ae/en/details/brief/the-uae-s-unsc-membership-furthered-multilateral-action-in-a-polarized-environment

расположения крупнейшей военной базы США на всём Ближнем Востоке. Как представляется, это вызвано трансформационными процессами, вызванными «Арабской весной», а также распространением терроризма в регионе и двусторонними конфликтами между отдельными странами в регионе (см. рисунок 3.4.3.).

Рисунок 3.4.3. Основные параметры в военно-стратегической сфере

Иностранные военные базы	**США**	**Британия**	**Саудовская Аравия**	**Турция**
Бахрейн	1971, 2009	-	2011	-
Катар	1996	1996	-	2016
ОАЭ	1983	-	-	-

Военная сфера	**Численность вооруженных сил**	**Миротворческий персонал ООН**	**Расходы на оборону от ВВП (2020)**
Бахрейн	18 000	-	1,5%
Катар	26 550	1	4,4%
ОАЭ	44 000	-	5,5%

Источник: составлено автором на основе Revehouse J. C.W., Nordstron T., McManus R. W., Jamison A.S., Tracking Organizations in the World: The Correlates of War IGO Version 3.0 datasets, Journal of Peace Research, 2014

Страны региона достаточно серьезно обращаю внимание на финансирование обороны – так, Катар и ОАЭ входят в топ-15 стран мира по величине расходов в данной сфере от ВВП согласно индексу Международного института стратегических исследований[781], несмотря на то, что в численном выражении находятся на 36 и 103 местах по показателю численности вооруженных сил, соответственно. С момента Войны в заливе в постбиполярный период Вооруженные силы ОАЭ принимали участие в операции «Возрождение надежды» и миротворческих операциях ООН в Сомали, Международных силах содействия безопасности в Афганистане, гражданской войне в Йемене – среди наиболее значимых операций. Значимое внимание руководства уделяется вопросу импорта вооружения (самолетов, ракет, военно-морских судов и сложных систем обороны, закупаемых у различных международных поставщиков, главным образом, США). Так, за

[781] IISS Military Balance 2021. The Military Balance. № 121 (1). – International Institute for Strategic Studies.

период 2019-2024 Катар находился на третьем месте по объему соответствующего показателя среди всех стран мира, а ОАЭ – на 10 месте[782].

Качественно новая международно-политическая роль в XXI веке наблюдается у Катара как нового нейтрального примирителя, что укрепляет его международный авторитет и влияние. Так, Катар являлся единственным арабским государством, оказавшим помощь Ливану после конфликта между Израилем и Хезболлой в 2006 году. После того, как в Ливане вспыхнули бои из-за продолжающегося политического кризиса, Катар пригласил основные ливанские политические партии в свою столицу с тем, чтобы попытаться положить конец конфликту и избежать возможной полномасштабной гражданской войны. В результате в 2008 году было подписано Дохийское соглашение[783]. Кроме того, Катар выступил посредником в переговорах между США и движением «Талибан» (по состоянию на 01.10.2024 запрещенная в России террористическая организация), подписании нескольких мирных соглашений по Йемену, Дарфуру и Газе, а также принимал политические представительства ХАМАС в Дохе[784]. На 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2022 году эмир Катара шейх Тамим бен Хамад Аль Тани заявил, что «посредничество в конфликтах является ключевым элементом внешней политики Катара, направленной на превращение страны в надежного международного союзника»[785]. В 2023-2024 годах Катар сыграл важную посредническую роль в репатриации украинских детей, разлученных со своими семьями на фоне конфликта между Украиной и Россией[786], а также заложников, захваченных ХАМАС после атаки на Израиль[787]. Кроме того, в

[782] SIPRI Military Expenditure Database – 2023. – URL: https://milex.sipri.org/sipri
[783] Makhzoumi F. Lebanon's Crisis of Sovereignty // Survival: Global Politics and Strategy. - 2010. – Vol. 52. No. 2. – P. 5–12.
[784] Kamrava Mehran. Mediation and Qatari Foreign policy // The Middle East Journal. – 2011. – Vol. 65. – P. 539-556.
[785] Gaza war: how Qatar used its business connections to become a leading mediator in the Middle East // The Conversation. – 2023. – URL: https://theconversation.com/gaza-war-how-qatar-used-its-business-connections-to-become-a-leading-mediator-in-the-middle-east-218461
[786] Russia returns four Ukrainian children in Qatari deal // BBC News. – 2023. – URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-67121574
[787] Катар заявил о финальной стадии переговоров с ХАМАС по заложникам // РБК. – 2024. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/11/2023/655ca19d9a794789fadda3c9

августе 2024 году Украина и Россия собирались направить делегации именно в Доху для переговоров по соглашению о прекращении ударов по объектам энергетической инфраструктуры с обеих сторон[788]. По мнению экспертов Катар может сыграть значимую роль в достижении перемирия между странами и завершении военных действий.

Принимая во внимание характер политических систем и режимов Бахрейна, Катара и ОАЭ, а также степень их внешнеполитической активности представляется, что они представляют собой яркий пример того, как деятельность политических лидеров, сформированная на основе внутренних черт и мотиваций может выступать в качестве значимого фактора развития малых государств. Так, в современной истории Катара значимо выделяется фигура 7-го эмира Хамада ибн Халифа Аль Тани, в 1995 году свергнувшего своего отца с престола и которому приписывается ключевая роль в развитии вооружённых сил на основе полученного опыта в Британской Королевской военной академии в Сандхёрсте[789], основании новостного канала Аль-Джазира, привлечению иностранных инвестиций крупнейших нефтегазовых компаний ExxonMobil, Шелл, Total и создании суверенного инвестиционного фонда. Именно за его 18-летнее правление добыча природного газа в Катаре достигла 77 млн тонн, сделав страну самой богатой в мире на душу населения, а также страна начала проводить международные события глобального уровня[790]. Сын Хамада ибн Халифа Аль Тани, Тамим ибн Хамад Аль Тани перенял пост управления государством в 2013 году после отречения и по оценкам многих экспертов продолжает управление страной на высоком уровне, продолжая поддерживать высокую репутацию эмирата в международном сообществе, которая, хотя и не лишены конфликтной

[788] Ukraine’s offensive derails secret efforts for partial cease-fire with Russia, officials say \\ Washington Post. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/17/kursk-ukraine-russia-energy-ceasefire/

[789] الأمير الديوان | ثاني آل خليفة بن حمد الشيخ الوالد الأمير السمو صاحب // Diwan.gov.qa. – URL: https://web.archive.org/web/20190204122250/https://www.diwan.gov.qa/ar-qa/about-qatar/qatars-rulers/father

[790] Emir of Qatar profile: Who is Sheikh Hamad bin Khalifa Al Thani, how did he turn Qatar into the world’s richest nation and why has he decided to abdicate? // Indeprndent. – URL: https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/emir-of-qatar-profile-who-is-sheikh-hamad-bin-khalifa-al-thani-how-did-he-turn-qatar-into-the-world-s-richest-nation-and-why-has-he-decided-to-abdicate-8672997.html

переменной (в частности, дипломатические кризисы в отношениях с Саудовской Аравией, Египтом, ОАЭ и Бахрейном из-за поддержки Катаром исламистских группировок и оппозиции наследственным правителям стран Персидского залива, что вылилось в блокаде Катара в 2017-2021 годах).

Пример Катара демонстрирует, что фигура политического лидера в малых странах может выступать в качестве весомого оранизационного ресурса, имеющего значимые последствия для статуса и ролей малых государств, ставших на суверенные рельсы относительно позже большинства мирового сообщества. При этом не обязательным условием является наличие монархических режимов или значимых материальных ресурсов – фигура Ли Куан Ю в Сингапуре имеет не меньшую значимость для становления города-государства в качестве «азиатского тигра». Обратный пример 2-го президента Экваториальной Гвинеи Теодоро Обианга Нгема Мбасого показывает, что даже наличие значимых материальных ресурсов и достижение пика по показателям аккумулирования богатства в случае непродуманной социально-экономической политики и откровенных злоупотреблений не улучшает положение ни граждан, ни страны в международном сообществе или региональном комплексе. Данный принцип действует не только в малых государствах, но, как показывает эмпирика, имеет намного более важное дя них значение.

Резюмируя трансформацию международно-политических ролей ОАЭ, Катара и Бахрейна в XXI веке можно сделать вывод, что малые аравийские монархии значимо опираются на свои геополитические и геоэкономические ресурсы, стремясь воспользоваться сохранением значения углеводородных и газовых ресурсов, но стремятся не тратить, а инвестировать их не только в материальную инфраструктуру, но и свою репутацию. Среди характерных ролей, свойственных для всех трех государств – «аттрактор экономических мигрантов», «финансовый центр», «региональный хаб», «импортер оружия», «дипломатический посредник», «помощник развитию», «меценат», которые

являются теми ролями, несвойственными для всех трех государств в период с момента их независимости до 1990-ых годов прошлого века.

Выводы к Главе III

Анализ традиционных ролей пространственно ограниченных и слабых политий и их места до середины XX века и в биполярный период продемонстрировал, что проблемы безопасности и опасения по поводу собственной территориальной целостности являлись основными, определяющими традиционные роли малых государств в качестве балансеров, нейтральных государств и государств, придерживающихся стратегии примыкания. Важными системными свойствами послевоенной системы международных отношений является появление глобальной системы мультилатерализма, позволяющей малым государствам выходить на уровень глобального международного сообщества и отхождение от принципов захватнической войны в качестве приемлемого инструмента ведения политики[791]. Об этом, в частности, говорят представители английской школы международных отношений – при приближении к мировому обществу «смертность» государств значительно падает, что обусловлено новыми нормами взаимодействия (силы права, а не право силы[792]), появлением и укреплением функции производителя общественных благ у ведущих государств и осознания необходимости сохранить систему государств[793].

С середины XX века оформляются обособленные сферы международного взаимодействия, в рамках которых наблюдаются лидеры и аутсайдеры, и у некоторых малых государств появляются возможности играть более значимые роли, признаваемые своими контрагентами.

---

[791] Fazal T.M. State Death in the International System. International Organization. – 2004. – Vol. 58. № 2. – P. 311-344.

[792] Миронов В.В. «Международный порядок» Хедли Булла и английская школа теории международных отношений // Вестник ОмГУ. – 2011. – №3.

[793] Bull H., Watson A., Bull's H. Hedley Bull, states systems and international societies. // Review of International Studies. – 1987. – № 13. – P. 147 - 153.

Параметры современной мировой политики характеризуются продолжающимся разрушением однополярности и укреплением многополярности с одновременным увеличением роли незападных стран, многие из которых являются малыми государствами. Увеличение конкуренции между Россией и США, США и КНР, КНР и Россией, и другими региональными лидерами по разным вопросам и в рамках отличных сфер международного взаимодействия по-разному влияет на отдельные малые государства, предоставляя одним возможность усилить собственную субъектность, а другим – понижает статус и влияет на безопасность. Степень географической и пространственной близости к ведущим державам в этой связи представляется важным фактором развития малых государств.

Принимая во внимание множественность ролей малых государств, целесообразно выделить значимые роли в отдельных сферах международного взаимодействия – социально-демографической сфере, сфере международных транспортных коридоров, экономической и финансовой сферах, военной сфере и сфере стратегической безопасности, дипломатической, культурной и спортивной сферах, нормативном предпринимательстве, научно-технической и инновационной деятельности, предоставлении международной помощи, в рамках двусторонних контактов и многосторонних институализированных форматах. Анализ показывает, что ряд незападных малых государств, локализированных в восточной Азии, карибском бассейне и Латинской Америке, аравийском полуострове демонстрируют значимую трансформацию ролей в мировой политике, так как некоторые из них чаще занимают лидирующие позиции в конкретных сферах, сопоставимые со средними и даже ведущими державами. Однако это является скорее исключением, так как абсолютное большинство малых государств продолжают играть скромные мирополитические роли на глобальном уровне, многие из которых находятся на грани несостоятельности. Это демонстрирует увеличение дивергенции всей аналитической категории малых государств в XXI веке.

Анализ международно-политических ролей малых аравийских монархий в XXI веке показал, что по сравнению с предыдущим периодом биполярного противостояния у них появился широком набор новых международно-политических ролей, которые больше не ограничены функциональной спецификацией «поставщика углеводородов и газа», но представляют гораздо более сложное измерение, сочетающее как признаки мягкой силы, так и «жестких» параметров силы во многом из-за нестабильной обстановкой на Ближнем Востоке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность исследований внутриполитического развития и внешнеполитического поведения малых государств, особенно незападных политий, в последнее время только возрастает, что подтверждается увеличением числа научных исследований, конференций по проблематике достижения стабильного развития, наконец, дискурсом официальных представителей государств и международных организаций. Как представляется, это вызвано, прежде всего, новыми параметрами современной международно-политической системы, распространением концепции многополярного мирового порядка, а также дивергенцией государств как между аналитическими группами малых, средних и великих держав, так и внутри них. Перспективы трансформации статуса и набора ролей всех государств – традиционных великих держав, новых ведущих государств, средних и малых стран в нынешнее десятилетие сопоставимо с периодами после завершения глобальных войн, а также завершения биполярного противостояния и распада СССР, о чем говорят многие эксперты. При этом трансформация может быть разнонаправленной – как в сторону увеличения статусности и субъектности, так и их уменьшения.

Как показывают результаты анализа, данное наблюдение является характерным и для малых государств. В современную информационную эпоху отдельные малые государства становятся всё более заметными акторами, часть из которых имеют высокий авторитет и важное конструктивное значение для мировой политики, а другая часть представляются в качестве источника проблем и вызовов развития. Современные примеры таких государств, как Сингапур, Коста-Рика, Панама, Маврикий, Катар и многие другие демонстрируют реальную возможность малых государств иметь значимость не только на региональном уровне, но и в глобальном измерении в отдельных сферах международного взаимодействия. Это становится возможным благодаря укреплению отдельных сфер взаимодействия, увеличению значения

подсистем мировой политики, где традиционная сфера безопасности и военная сфера хотя и сохраняют свою значимость, тем не менее более не являются исключительными. Как показали события XXI века глобальное значение приобретают такие подсистемы, как сфера здравоохранения, сфера критических и инновационных технологий и другие, в которых отдельные малые государства могут играть значимые роли.

Анализ современного состояния исследований международной иерархии показал многосоставность данного феномена, который может иметь три различные логики: логику компромиссов, логику конструирования и логику позиционности. Как представляется, именно логика позиционности отражает наиболее всеобъемлющую категоризацию государств на великие, средние и малые. Несмотря на то, что тождественности между физическим размером государства и его геополитической мощью нет, первый является необходимым, но недостаточным фактором для того, чтобы государство находилось в самом верху международной иерархии. Следует признать, что несмотря на отхождение на второй план факторов военной мощи, неореалистическая логика построения международной иерархии сохраняется.

Как представляется, социологическая теория ролей представляет важный и полезный инструментарий для объяснения того, почему схожие государства по материальным показателям могут играть разные международно-политические роли. Теория ролей позволяет учитывать как идентичность государства, сформированного под влиянием политической культуры, а также восприятие государства в глазах его основных контрагентов и международного сообщества в целом. Данное диссертационное исследование исходило из концептуализации роли как доступной для наблюдения модели поведения, однако в дальнейшем, применение концепта роли как того, что сами ЛПР в малых государствах считают таковым, как представляется, позволит ещё лучше учесть идентитарные параметры в рамках конструктивистской парадигмы теории международных отношений. В

частности, анализ корпуса официального дискурса отдельных малых государств представляется актуальным направлением исследований. Принимая во внимание, что у отдельных государств роли могут быть многосоставны, представляется целесообразным систематизировать их по двум осям – референтному объекту и сферам международного взаимодействия. Таким образом, одно и то же государство может играть разные роли на глобальном уровне, региональном уровне и в отношениях с конкретным государством (чаще всего – региональным или глобальным лидером, ведущей державой). При этом для исключения идентификации незначительных ролей, важным представляется ввести концепт значимой роли. Значимая роль на конкретном уровне референтного объекта наблюдается в определённой сфере международного взаимодействия в том случае, если государство играет указанную роль с сопоставимым значением с лидерами в данной сфере. Как представляется, данный инструментарий подходит и для малых государств.

В результате анализа исторического становления категории малых государств был сделан вывод о связи первых исторических пространственно ограниченных политий (древних городов и полисов) с современными малыми государствами. Как показывает эмпирический опыт, наличие малого населения и территории не детерминирует дальнейшую модель развития или внешнеполитического поведения государств (детерминизм), но также и не характеризуется отсутствием влияния (нигилизм). Более правильным будет использование концепции поссибилизма, согласно которой фундаментальные параметры, связанные с размером государства могут как оказывать положительное влияние, так и негативное на вышеуказанные модели поведения. В целом, данный посыл демонстрируется уже упоминавшейся дивергенцией малых государств, одни из которых своими стратегиями приближаются к статусу средних, а другие – накапливают проблемы и опускаются в сторону несостоявшихся государств.

По результатам исследования приходится согласиться с отсутствием единственно правильного способа концептуализировать и операционализировать малые государства. Многочисленные исследователи малых государств в XX и XXI веков по-разному решали данную проблему – кто-то совсем её игнорировал, кто-то использовал принципы эконометрики и статистики для создания сложных индексов, а кто-то использовал многосоставные качественные методы с разной степенью успешности. Однако сложность концептуализации не является препятствием на пути фиксации основных отличительных характеристик малых государств. В частности, сочетание абсолютного и относительного подхода, основанного на позиционной материальной логике отражения международной иерархии, позволяет сгруппировать государство относительно их размера, или потенциала мощи. Применение индекса размера государства А.И.Трейвиша позволяет произвести подобную категоризацию с достаточно высокой степенью успеха – в частности, полученный перечень малых государств совпал с идентитарным перечнем малых государств на 74%. В целом можно сделать вывод о состоятельности подобного подхода, однако как отмечается в спектральной модели международной иерархии, чем ближе государство находится к центру условной оси физического размера, тем больше амбивалентных признаков геополитической мощи разных групп оно может демонстрировать. Именно по этой причине государства, располагающиеся в верху группы малых и внизу группы средних часто практически невозможно отличить друг от друга. Это побуждает совершенствовать имеющиеся подходы к формальному разделению малых и средних держав.

Так, например, столбчатая модель международной иерархии может служить выходом из данной ситуации. В этом случае условным малым государством может быть признана страна, либо не имеющая значимую важность ни в одной из сферах международного взаимодействия, либо имеющая важность только в одной из сфер, а средняя – имеющая значимость

в нескольких сферах. С подобной точки зрения, например, Катар, Норвегия и Сингапур определенно будут являться средними странами. Совершенствование подобных подходов также представляется важным направлением исследований.

Говоря в целом, в отличие от великих и средних государств, малые государства составляют большинство современных суверенных политий и включают как наиболее и наименее развитые страны, страны с богатыми и дефицитными ресурсами, островные и внутриконтинентальные страны, демократии и авторитарные режимы. Можно было бы сделать вывод, что аналитическая группа малых государств лишена эвристического потенциала, так как объединяет слишком непохожие кейсы, однако факт создания консультационной и координационной группы Форума малых государств в 1990-ых говорит об обратном. Катар, Коста-Рика, Сент-Винсент и Гренадины, Ливан, Сингапур, Белоруссия – все осознают себя в качестве малых государств, признавая своё более зависимое и уязвимое положение в международно-политической системе. Существование различных программ помощи, форматов обсуждения вопросов и интеграционных моделей, в которых отдельные малые государства играют значительную роль доказывает состоятельность выделения данной категории в качестве отдельной. Кроме того, отсутствие единого подхода к операционализации может означать широкий простор для исследователей, вольных совершенствовать современный научный аппарат для лучшего отражения сути современных малых государств.

В рамках исследования было осуществлено важное разведение понятий субъектности и объектности, соотношение между которыми имеет особое значение для малых государств как отдельной категории анализа. Одни и те же малые государства могут иметь высокую независимость и самостоятельность в одних сферах международного взаимодействия, но быть зависимыми от ведущих держав в других сферах. В частности, это может

проявляться в наличии противоречащих международно-политических ролей, которые малые государства могут играть в отношении своих различных контрагентов (например, изоляционный Израиль и проводник США в регионе Ближнего Востока). Механистическое объединение параметров субъектности и объектности разных малых государств и приводит к такой ситуации, при которой малые государства как отдельная группа государств одновременно характеризуется противоречащими посылками – например в части поддержания нейтральных позиций и опоры на влиятельные державы, на что справедливо обратила внимание И.В.Кудряшва[794]. Таким образом, дальнейший анализ сочетаемости субъектных и объектных ролей малых государств может предоставить новые перспективы для исследователей в рамках школы изучения малых государств.

Анализ ролей малых государств в Главе III не носит исчерпывающий характер, так как основным замыслом данной главы являлось не перечисление всех возможных ролей в трёх плоскостях взаимодействий, но идентификация наиболее характерных и значимых ролей, которые чаще всего применяются рядом малых государств для увеличения собственного статуса. В этой связи, перечень ролей может и должен быть дополнен в будущих исследованиях. Вместе с тем, представляется, что идентифицированные роли и эмпирически подтверждающие примеры смогли доказать основные тренды трансформации роли отдельных малых государств в мировой политике. Как было отмечено выше, новые структурные параметры мировой политики оказывают различное влияние на отдельные подгруппы малых государств, поэтому гипотезы, сформулированные в начале исследования следует признать подтвержденными.

Как представляется, проведенное диссертационное исследование позволило автору дать ответы на поставленные во введении исследовательские вопросы. Трансформация роли отдельных малых

[794] Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим… // Международные процессы. – 2008. – № 3 (18). – С. 78-83.

государств и их групп проявляется в увеличении или уменьшении их субъектности, которая выражается в получении более лидирующих или отстающих позиций в отдельных сферах международного взаимодействия и потому не является одинаковой для всех малых государств, хотя новые параметры мирового порядка представляют больше возможностей динамики статуса – как для малых держав, так и всех суверенных государств. Наиболее успешными примерами трансформации роли малых государств в части увеличения их статуса и субъектности являются такие государства, которые преследуют стратегию стратегического хеджирования, умело задействуют свои ограниченные ресурсы с опорой на будущее, стремятся диверсифицировать экономику и участвуют в процессах на региональном и глобальном уровнях, которые потенциально смогут повысить репутацию страны в глазах мирового сообщества, привлечь инвестиции и новых партнеров. Самые успешные малые государства, среди которых Сингапур, Катар, ОАЭ и ряд других не лишены проблем безопасности и находятся в географической и пространственной близости к ведущим государствам и региональным лидерам, но осознают имеющиеся угрозы, а их политическое руководство имеет стратегическое видение.

Вместе с тем выводы, полученные в результате проведенного анализа, потребуют более обширного и углубленного эмпирического анализа с учетом увеличения числа кейсов, а также более комплексного анализа показателей всех государств, например, с учетом методов эконометрики. Актуальными направлениями исследований в этой связи может стать применение полученных концептуальных представлений, выводов и моделей к несуверенным зависимым территориям, а также государствам среднего уровня. Современная международно-политическая действительность демонстрирует сохранение актуальности вопросов трансформации международной иерархии и мирового порядка в целом. Как представляется, тренд на увеличение диверсификации группы малых государств будет

продолжаться. Вопрос состоит лишь в том, насколько успешно отдельные государства, принадлежащие данной группе, могут и будут актуализировать имеющиеся ресурсы, двусторонние отношения и многосторонние форматы для увеличения своего статуса.

Список использованных сокращений и аббревиатур

АМОГ – Альянс малых островных государств

ВТО – Всемирная торговая организация

ГА ООН – Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций

ЕС – Европейский Союз

ИИ – Искусственный интеллект

ЛПР – Лица, принимающие решения

МОРАГ – Малые островные развивающиеся государства

ООН – Организация Объединенных Наций

ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития

СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединенных Наций

СРИ – Священная Римский Империя

ФМГ – Форум малых государств

Список использованных источников и литературы

Официальные документы

На русском языке:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации от 31.03.2023 г. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 г. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/
3. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел, сотрудничества и Восточноафриканского сообщества Республики Руанда Л.Мушикивабо, Кигали, 3 июня 2018 года // МИД РФ. – 2018. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/rw/1572414/
4. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на совещании министров иностранных дел «Группы двадцати» «на полях» 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 25 сентября 2024 года // МИД РФ. – 2024. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1971398/
5. Концепция «синей экономики» Обзор международных практик устойчивого управления // Минэкономразвития России. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/4f3bdf9df55157624f13ff2440275880/130821.pdf
6. Резолюция ГА ООН 44/51 // Организация Объединенных Наций. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/552/92/img/nr055292.pdf?token=9RCtD4K895bAa3Ayh2&fe=true
7. Резолюция ГА ООН A/RES/65/309 // Организация Объединённых Наций. – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n11/420/72/pdf/n1142072.pdf?token=4YFVKbvyUCL8Epm9uu&fe=true
8. Резолюция ГА ООН ES-10/19 // Организация Объединённых Наций. – URL: https://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/ES-10/19&Lang=R
9. Резолюция СБ ООН 27/20 // Организация Объединённых Наций. – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/424/90/pdf/n2342490.pdf?token=h3jf8ePIra17KI7N0c&fe=true
10. Устав ОДКБ // Организация Договора Коллективной Безопасности. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/
11. Устав ООН // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text

На английском языке:

12. Constitution of Bhutan, 2008. – URL: http://www.nationalcouncil.bt/assets/uploads/files/Constitution%20%20of%20Bhutan%20English.pdf
13. Constitution of Rwanda, 2003. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Rwanda_2015
14. Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on their Destruction // United Nations. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XXVI-5&chapter=26&clang=_en
15. Forum of Small States – Report of the Conference of Small States – Letter from Singapore. // United Nations. – URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-186176/
16. FOSS for Good Technical Assistance Package // Ministry of Public Administration of Trinidad and Tobago. – URL: https://mpa.gov.tt/sites/default/files/file_upload/psacourses/SCPTA/Annex.pdf
17. His Majesty King Abdullah II Ibn Al Hussein. Address by His Majesty King Abdullah II - Joint Meeting of Congress, Americans for peace now – [Electronic resource] – 2007. URL: https://archive.peacenow.org/entries/archive3512.
18. India-Bhutan friendship treaty – 2007. – URL: https://mea.gov.in/Images/pdf/india-bhutan-treaty-07.pdf
19. Letter dated 16 October 2012 from the Chargé d’ affaires a.i. of the Permanent Mission of Singapore to the United Nations addressed to the Secretary-General // UN. – 2012. – URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-186176/
20. Malta UNSC Candidate // Foreign Mission of Malta to UN – URL: https://missionsforeign.gov.mt/en/Embassies/Pr_New_York/Documents/MFEA%20UNSC%20Brochure.pdf

21. Ministry statements & speeches: 16 November 2018 Delivered by Chris Seed, New Zealand High Commissioner to Australia, at Sir James Plimsoll Lecture on 29 October 2018. // New Zealand Foreign Affairs and Trade Ministry. – 2018. – URL: https://www.mfat.govt.nz/en/media-and-resources/a-small-states-diplomacy-in-challenging-times
22. Mongolia – Neutrality // Permanent Mission of Mongolia to the United States. – 2015. – URL: https://www.un.int/mongolia/news/mongolia-neutrality
23. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. [Electronic resource] UN, 1933. – URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf
24. Statement by Ambassador Jerry Matjila, Permanent Representative of South Africa on behalf of Niger, Tunisia, Saint Vincent and the Grenadines & South Africa (A3+1), during the Security Council Meeting on Peacekeeping Operations, 14 September 2020. – URL: https://dirco.gov.za/statement-by-ambassador-jerry-matjila-permanent-representative-of-south-africa-on-behalf-of-niger-tunisia-saint-vincent-and-the-grenadines-south-africa-a31-during-the-security-council-meeting/
25. Statement by Foreign Minister, Prof S Jayakumar at the 55th Session of the United Nations General Assembly, 20 Sep 00 // Ministry of Foreign Affairs of Singapore – URL: https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2002/09/Statement-by-Foreign-Minister-Prof-S-Jayakumar-at-the-55th-Session-of-the-United-Nations-General-Ass
26. Statement by H.E.Antanas Valionis, Minister of foreign affairs of the republic of Lithuania at the general debate of the 58th session of the general assembly of the United Nations // UN – 2023. – URL: https://www.un.org/webcast/ga/58/statements/litheng031001.htm
27. Statement by Mr. Eden Charles. Head of Delegation of Trinidad and Tobago // 8th Session of the Assembly of State Parties to the Rome Statute of the International Criminal Court. – 2009. – URL: https://asp.icc-cpi.int/sites/asp/files/asp_docs/ASP8/Statements/ICC-ASP-ASP8-GenDeba-Trinidad%20and%20Tobago-ENG.pdf
28. The Compacts of Free Association // Congressional Research Review. – 2024. – URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12194

Материалы статистики, статьи и доклады национальных, региональных международных институтов, агентств и организаций

На русском языке:

29. Большой толковый словарь русского языка Кузнецова. – URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%B9
30. Малые островные развивающиеся государства // ООН. – URL: https://sdgs.un.org/ru/node/75
31. Международный уголовный суд: Исторический обзор // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/law/icc/overview.shtml
32. Обзор доклада о человеческом развитии за 2023-2024 гг. // United Nations Development Programme. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf
33. Организация Объединённых Наций. Рост численности государств — членов // ООН. – 2024. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/growth-in-un-membership
34. Офис главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армения. – URL: http://diaspora.gov.am/ru
35. Посредническая деятельность Швейцарии // Presence Switzerland. – 2021. – URL: https://www.eda.admin.ch/aboutswitzerland/ru/home/politik-geschichte/die-schweiz-und-die-welt/die-guten-dienste-der-schweiz.html
36. Сан-Томе и Принсипи: тщательный поиск нефти в течение 11 лет // Extractive Industries Transparency Initiative. – 2014. – URL: https://eiti.org/ru/news/san-tome-i-prinsipi-tschatelnyy-poisk-nefti-v-techenie-11-let
37. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021621744 Российская Федерация. Структура современных международных отношений: пространственные веса соседства, основанные на геополитической близости государств мира: № 2021621393: заявл. 08.07.2021: опубл. 16.08.2021 / И. Ю. Окунев; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации».
38. Толковый словарь Даля. – URL: https://slovardalja.net/word.php?wordid=15390
39. Толковый словарь Ожегова. – URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13787
40. Фиджи // ООН Миротворчество. – URL: https://peacekeeping.un.org/ru/fiji-0

На английском языке:

41. Aid by DAC members increases in 2019 with more aid to the poorest countries // OECD. – 2019. – URL: https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/ODA-2019-detailed-summary.pdf
42. Alliance of Small Island States – URL: https://www.aosis.org/
43. Alstadsaeter A., Godar S., Nicolaides P., Zucman G. Global Tax Evasion Report 2024. Eu-Tax Observatory. – 2023. – 91 p.
44. Artificial Intelligence 2023 Country Rankings: Top 20 // Insider Monkey. – URL: https://www.insidermonkey.com/blog/artificial-intelligence-2023-country-rankings-top-20-1226363/
45. Blue Economy // ECA. – URL: https://www.uneca.org/eastern-africa/blue-economy
46. Blue Economy of Seychelles. – URL: https://blueeconomyseychelles.org/
47. Carbon-Negative Countries 2024 // World Population Review. – 2024. – URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/carbon-negative-countries
48. Corporate Tax Haven Index - 2021 Results// Tax Justice Network. – 2023. – URL: https://cthi.taxjustice.net/en/
49. Crunching the numbers for coronavirus // Imperial. – 2020. – URL: https://www.imperial.ac.uk/news/196137/crunching-numbers-coronavirus/
50. Debt Relief with Chinese Characteristics // China Africa Research Initiative. – 2020. – URL: https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/60353345259d4448e01a37d8/1614099270470/WP+39+-+Acker%2C+Brautigam%2C+Huang+-+Debt+Relief.pdf
51. Djibouti, foreign military bases on the horn of Africa; who is there? What are they up to? // Defaakto. – 2019. – URL: https://defaakto.com/2019/01/02/djibouti-foreign-military-bases-on-the-horn-of-africa-who-is-there-what-are-they-up-to/
52. Djibouti's cultural sites, natural attractions and long-standing stability increase its tourism potential // Oxford Business Group. – 2018. – URL: https://oxfordbusinessgroup.com/reports/djibouti/2018-report/economy/diverse-draws-the-country-is-being-recognised-for-its-cultural-sites-natural-attractions-and-long-standing-stability
53. Doing Business Report. – 2020. – URL: https://www.worldbank.org/en/businessready
54. Economic poverty trends: global, regional and national // Development Initiatives. – 2023. – URL: https://devinit.org/resources/poverty-trends-global-regional-and-national/
55. Economics of Qatar 2022 FIFA World Cup // You Exec. – 2023. – URL: https://youexec.com/reports/the-economics-of-the-2022-world-cup
56. Education and Sustainable Development in Small States // Commonwealth Foundation. – 2015. – URL: https://commonwealthfoundation.com/education-and-sustainable-development-in-small-states/
57. Equatorial Guinea // Confidus Solutions. – 2024. - URL: https://www.confiduss.com/en/jurisdictions/equatorial-guinea/
58. Estonia: a global leader. Amplifying small states' voices // A Colombia University Capstone Project. – 2019. – URL: https://www.sipa.columbia.edu/sites/default/files/migrated/downloads/Estonia%2527s%2520Capstone%25202019-compressed.pdf
59. Favaro E. M., Small States, Smart Solutions: Improving Connectivity and Increasing the Effectiveness of Public Services / E.M.Favaro. Public Sector Governance. Washington, DC: World Bank. – 2008.
60. Fragile States Index. – 2022. – URL: https://fundforpeace.org/
61. From Crisis to Resilience // World Bank. – URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/c1fc87482d6c4a962083f7217ac3640b-0290032023/original/SmallStates-2023-Brochure.pdf
62. Garfoor B. Small Countries Are Crucial for the UN's Long-Term Survival, and Singapore Leads the Way // PassBlue. – 2024. – URL: https://www.passblue.com/2024/02/27/small-countries-are-crucial-for-the-uns-long-term-survival-and-singapore-leads-the-way/
63. Global Diplomacy Index // Lowy Institute – 2024. URL: https://globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org/key_findings
64. Global Passport Power Rank 2024 // Passport Index. – 2024. – URL: https://www.passportindex.org/byRank.php
65. Global Soft Power Index 2022: USA bounces back better to top of nation brand ranking // Brand Finance. – 2023. – URL: https://brandfinance.com/press-releases/global-soft-power-index-2022-usa-bounces-back-better-to-top-of-nation-brand-ranking
66. Global Soft Power Index 2023 // Brand Finance. – 2024.

67. Guinness World Records. Most countries to have gained independence from the same country [Electronic resource]. – 2024. – Guinness World Records Limited 2024. URL: https://www.guinnessworldrecords.com/world-records/most-countries-to-have-gained-independence-from-the-same-country
68. New Report: If not Norway, then who? // Norwegian Church Aid. – 2023. – URL: https://www.kirkensnodhjelp.no/en/news/latest-news/new-reportif-not-norway-then-who/
69. Norges Bank Investment Management. – 2024. – URL: https://www.nbim.no/no/
70. OECD OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2021. Times of Crisis and Opportunity: Times of Crisis and Opportunity. OECD Science, Technology and Innovation Outlook // OECD Publishing. – 2021. URL: https://books.google.ca/books?id=Vo0TEAAAQBAJ&pg=PA42#v=onepage&q&f=false
71. Offshore Financial Centers IMF Background Paper // IMF. – 2000. - URL: https://www.imf.org/external/np/mae/oshore/2000/eng/back.htm
72. Opening Address by The Hon Dr Kenny D Anthony Prime Minister & Minister For Finance, Economic Affairs, Planning & Social Security At The Third Commonwealth Biennial Conference On Small States Bay Gardens Hotel. – 2014. – URL: https://production-new-commonwealth-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/migrated/news-items/documents/KDA-Address-CommonwealthSmallStatesConference-20140326.pdf
73. Overseas Military Bases // HKU Data Repository. – 2022. – URL: https://datahub.hku.hk/articles/dataset/Overseas_Military_Bases/20438805/1
74. Personal remittances, received (current US$) // World Bank. – 2024. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?most_recent_value_desc=true
75. Pevehouse J. C.W., Nordstron T., McManus R. W., Jamison A.S., Tracking Organizations in the World: The Correlates of War IGO Version 3.0 datasets, Journal of Peace Research, 2014
76. Planning & Social Security At The Third Commonwealth Biennial Conference On Small States Bay Gardens Hotel. – 2014. – URL: https://production-new-commonwealth-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/migrated/news-items/documents/KDA-Address-CommonwealthSmallStatesConference-20140326.pdf
77. Political stability index. – 2022. – URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_political_stability/
78. Political Stability: The Mysterious Case of Qatar // Middle East Political and Economic Institute. – URL: https://mepei.com/political-stability-the-mysterious-case-of-qatar/
79. Qatar Foreign Direct Investment // CEIC. – 2024. – URL: https://www.ceicdata.com/en/indicator/qatar/foreign-direct-investment
80. RDF in Peacekeeping Mission // Rwandan Ministry of Defense. – URL: https://www.mod.gov.rw/rdf/peacekeeping
81. Recognition of Bangladesh in 1971: Accountability to History // Center for Bangladesh Genocide Research. – URL: http://www.cbgr1971.org/history/historical-milestones/77-recognition-of-bangladesh
82. Singapore Ministry of Foreign Affairs: Small States. – URL: https://www.mfa.gov.sg/SINGAPORES-FOREIGN-POLICY/International-Issues/Small-States
83. SIPRI Military Expenditure Database – 2023. – URL: https://milex.sipri.org/sipri
84. Small Country, Big Impact: Sweden's Soft Power Marvel // Transatlantic Dialogue Center. – 2023. – URL: https://tdcenter.org/2023/11/02/small-country-big-impactswedens-soft-power-marvel/
85. Small States // Pass Blue. – 2024. – URL: https://www.passblue.com/category/small-states/
86. Small States according to the Commonwealth. – URL: https://thecommonwealth.org/our-work/small-states
87. The 21st century maritime silk road. Security implications and ways forward for the European Union // Friedrich Ebert Stiftung – 2018. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-09/the-21st-century-maritime-silk-road.pdf
88. The Dynamics of Migration and Development in Small States // Commonwealth of Nations. – 2011. – URL: https://www.thecommonwealth-ilibrary.org/index.php/comsec/catalog/download/777/777/6079?inline=1
89. The Financial Secrecy Index // Tax Justice Network. – 2023. – URL: https://taxjustice.net/indexes-tools/
90. The Global Environment Facility Secretariat. Small Island Developing States and the Global Environment Facility. Building Lasting Partnerships [Electronic resource]: Thegef.org. – 2018. URL: https://www.thegef.org/sites/default/files/publications/GEF%20and%20SIDS%20October%202018_r2.pdf
91. The Global Environment Facility Secretariat. Small Island Developing States and the Global Environment Facility. Building Lasting Partnerships [Electronic resource]: Thegef.org. – 2018. URL: https://www.thegef.org/sites/default/files/publications/GEF%20and%20SIDS%20October%202018_r2.pdf
92. The Global Financial Centers Index 34 // Long finance. - 2023. - URL: https://www.longfinance.net/media/documents/GFCI_34_Report_2022.09.28_v1.0.pdf
93. The Human Security Network // Austrian Embassy in Washington. – URL: https://www.austria.org/the-human-security-network

94. The Summit of the Future // UN. – 2024. – URL: https://www.un.org/en/summit-of-the-future
95. The UAE's UNSC Membership Furthered Multilateral Action in a Polarized World // Emirates Policy Center – 2023. – URL: https://epc.ae/en/details/brief/the-uae-s-unsc-membership-furthered-multilateral-action-in-a-polarized-environment
96. The Medical Tourism Index. – 2021. – URL: https://www.medicaltourism.com/mti/home
97. The World Bank https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL
98. Troop and police contributors // UN peacekeeping. – URL: https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors
99. UN Standard M.49 // UN. – URL: https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/ Дата обращения: 01.06.2023.
100. UNCTAD. Developing Island Countries. New York: United Nations Publications, 1971.
101. UNCTAD´s unofficial list of SIDS // UNCTAD. – URL: https://web.archive.org/web/20140201195759/http://unctad.org/en/pages/aldc/Small%20Island%20Developing%20States/UNCTAD´s-unofficial-list-of-SIDS.aspx
102. UNFCCC Climate Change: Small Island Developing States. – Bonn, 2005.
103. UNITAR. Small States and Territories. New York: Arno Press, 1971.
104. United Nations Department of Economic and Social Affairs. Gaps, Challenges and Constraints in Means of Implementing Biodiversity Objectives in Small Island Developing States [Electronic resource]: 2022. URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2022-02/SIDS_Biodiversity_and_Means_of_Implementation-Gap_Assessment.pdf
105. Visit to Singapore under the 11th Forum of Small States Fellowship Programme by Permanent Representatives to the United Nations, 24 to 28 July 2023 // Ministry of Foreign Affairs of Singapore. – URL: https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2023/07/11th-FOSS-Fellowship-2023
106. Voting Practices in the United Nations, 2022 // US Department of State. – URL: https://www.state.gov/voting-practices-in-the-united-nations-2022/
107. Vulnerability: Small States in the Global Society. Report of a Commomwealth Consultative Group, 1985
108. World Bank Group Support to Small States. – URL: https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview
109. World Development Indicators // Washington, DC: World Bank. – URL: https://databank.worldbank.org/).
110. World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/negotiating_groups_e.htm
111. Xinhua-Baltic international shipping center development report 2018. – URL: https://safety4sea.com/wp-content/uploads/2018/07/Baltic-Exhchange-Xinhua-ISCD-Index-Report-2018_07-min.pdf

Научная литература

На русском языке:

112. «Концерт великих держав» XXI в. – многосторонний диалог великих держав в постатлантическую эпоху / Под ред. А.И. Никитина. М: МГИМО-Университет, 2015.
113. Азиззода Г.М. Проблема дефицита пресной воды в контексте международной политики // ELS. – 2024. – № 2. – С.46-50.
114. Алимова-Нефёдова М.Б. Перспективы изменения статуса малых и карликовых государств в новом мироустройстве // Актуальные проблемы мировой политики. X Ежегодная международная научная конференция молодых ученых, 8 декабря 2023 г. (сборник статей) / отв. ред. О.А. Тимакова; Дипломатическая академия МИД России. – М., 2024. – 874 с.
115. Алимова-Нефёдова М.Б. ОЭСР и деофшоризация карликовых государств Европы // Правоприменение. – 2022. – №3.
116. Ачкасов В.А. Политология: проблемы теории. — СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 383 с.
117. Балахова З. О. Концепция роли во внешней политике современного государства // Наука и мир. – 2016. – № 7-2 (35). – С. 108-110.
118. Балацкий Е.В. Модель Сингапурского чуда: уроки для России. Рецензия на книгу: Ли Куан Ю (2018) из третьего мира - в первый. История Сингапура (1965-2000). М.: Манн, Иванов и Фербер // Мир России. Социология. Этнология. – 2021. – №4. – С. 188-208.
119. Барабаш Б. А. Современные малые государства: подходы к операционализации, классификации и уровни комплексного анализа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2023. – Т. 45. – С. 101-117.
120. Барабаш Б.А. Политико-географическая типология современных малых государств на глобальном и региональном уровнях // Псковский регионологический журнал. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 3-25.

121. Барабаш Б.А. Релятивистская концептуализация малых государств с помощью индекса национального потенциала и соседства: пространственный статистический анализ // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 262-281.
122. Басак Е.Г. Социальные основы иерархии в организациях. дисс. канд. социол. наук: 22.00.04 / Е.Г.Басак; науч. рук. В.А.Чуланов; Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (Новочеркас. политехн. ин-т). – М., 2002. – 145 с.
123. Белухин Н.Е. «Бунтующий парламент»: период «политики оговорок» в отношениях Дании и НАТО (1982–1988) // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 4. – С. 47-57.
124. Бербэнк Д. Купер Ф. Взлет и падения великих империй. – М.: АСТ, 2015.
125. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт, 1997. – 352 с.
126. Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая Газета. – 2006.
127. Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004.
128. Боришполец К.П. Мир и диаспоры // Портал МГИМО – 2011. – URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/216064/?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru
129. Бурова Е. С. Новый мировой порядок: взгляд из Сингапура // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2024. №1. – С. 108-115.
130. Вебер М. Город. Понятие и категории города // Избр. произведения: образ общества. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.
131. Вершинина В. В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов / В. В. Вершинина // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 25-40.
132. Вершинина В.В. Региональные организации во внешней политике Вьетнама: Взгляд через призму концепта держав среднего уровня / В. В. Вершинина. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2023. – 191 с.
133. Волынчук А. Б., Волынчук Я. А. Геополитический статус государства: теоретическое основание научной категории // Территория новых возможностей. – 2018. – № 1(40). – С. 57-67
134. Воронков Л.С. Международные организации в системе международных отношений: тенденции и перспективы развития // Вестник МГИМО. – 2012. – № 3. – С. 7-15.
135. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2 (8). – С. 30-58.
136. Геворгян О.З. Фактор диаспоры в отношениях Армении с ЕС и США // Постсоветские исследования. –2018. – №6. – С. 567-573.
137. Горшкова Е. А. К вопросу об участии Сардинского королевства в Крымской войне в 1855 - 1854 гг. // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – №4-2 (25). – С. 140-141.
138. Грачев Н.И. Империя как объект политико-правового анализа // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – №1(2). – С. 133-138.
139. Губанов Н. И. Роль менталитета в преодолении антропогенных кризисов // Историческая психология и социология истории. – 2013. – Т. 6, № 1. – С. 166-180.
140. Демидов К.Б. Катар – нарождающаяся региональная "сверхдержава" и ее внутренние проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2022. – №4. – С.35-51.
141. Дегтерев Д.А., Буторов А.С. Международный статус стран постсоветского пространства: традиционный и реляционный подходы к оценке иерархии // Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 95 – 103.
142. Дж. Най. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Smart Power Journal. – 2013. – URL: https://smartpowerjournal.ru/soft-power/
143. Елманова Д. С. Типология малых стран зарубежной Европы по изменению основных демографических показателей за 2000-2015 гг / Д. С. Елманова // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания : Материалы всероссийской научной конференции "Вторые Максаковские чтения", Москва, 12 апреля 2017 года / Под общей редакцией Д.В. Зайца. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2017. – С. 151-163.

144. Ефремова К.А. Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений: На примере Китая, Индии и Мьянмы. дисс. канд. полит. наук: 23.00.04 / К.А.Ефремова; науч. рук. А.Д.Воскресенский; МГИМО (У) МИД РОССИИ. – М., 2004. – 223 с.
145. Жилина И.Ю. Провал экономической блокады Катара // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. – 2020. – №2. – С. 41-52.
146. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 5. – С. 181-191.
147. Зимин Б.Н. Малые высокоразвитые страны Западной Европы — теоретические итоги исследований // Известия РАН. Серия географическая. – 1993. – № 2. – С. 95-104.
148. Зонова Т.В. Вестфальская система // Вестник МГИМО – Университета. – 2008. – № 1. – С. 78-80.;
149. Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. – №3(5). – С. 11-19.
150. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – № 4. – С. 8-41.
151. Ильин М.В. Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах // Политическая наука. – 2016. – №. 4. – С. 22-73.
152. Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 432 с.
153. Ильин М.В., Мелешкина Е. Ю., Мельвиль А. Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // ПОЛИС. Политические исследования. – 2010. – №. 3. – С. 26-39.
154. Исаев Б.А. Геополитика: Хрестоматия. – СПб.: Питер, 2007.
155. Исаев Г.Г. Суэцкий кризис: сверхдержавы и Ближний Восток // ПОЛИТЭКС. – 2009. – №2. – С. 244-253.
156. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. - М: Аспект пресс, 2018. – 296 с.
157. Истомин И.А. Перераспределение потенциалов США и их союзников и его политические последствия // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2017. №2. – С. 3-36
158. Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. – 2008. – Т. 6, № 3(18). – С. 84–92.
159. Карасев П. Кибервойска Европы и НАТО // РСМД. – 2018. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kibervoyska-evropy-i-nato/
160. Клепацкий Л.Н. Роль государства в международных отношениях в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – № 14. – С. 133-144.
161. Ковалев А.А. Актуальные вопросы стратегии безопасности малых государств // Вопросы безопасности. 2021. – №2. – С.28-40.
162. Ковалев Ю.Ю. Климатическая политика стран Латинской Америки и Карибского Бассейна // История и современное мировоззрение. – 2022. – №3. – С.41-50.
163. Ковальский Н.А. Ватикан на мировой арене // Современная Европа. – 2001. – №2(6).
164. Кокшаров А. «Кельтский тигр» на переправе // Журнал Эксперт, 2008. – URL: https://webcitation.org/66O1WXdrq?url=http://expert.ru/expert/2008/15/keltskiy_tigr_na_pereprave/
165. Коломер Ж. М. Великие империи, малые нации: неясное будущее суверенного государства (Реферат) / Ж.М.Коломер // Современное государство: политико-правовые и экономические исследования. – 2010. – №2010. С. 119-137
166. Кон И.С. Социология личности. – М.: Издательство политической литературы, 1967.
167. Коровяков Д. Д. Выходные роли // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890-1907.
168. Кошелева Ю. П. Теоретические подходы к ролевому поведению и межролевой конфликт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2018. – № 1(790). – С. 132-152.
169. Крылов С.А. Движение неприсоединения: история и современность // Обозреватель - Observer. – 2018. – №3(338). – С. 26-43.
170. Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим… // Международные процессы. – 2008. – № 3 (18). – С. 78-83.

171. Кузнецова Е.И. Классификация стран мира по роли международного въездного туризма в национальной экономике // Скиф. – 2020. – №7(47). – С. 104-111.
172. Куприянов А. Конфликт на плато Доклам: причины и возможные последствия // Международный дискуссионный клуб Валдай – 2017. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konflikt-na-plato-doklam-prichiny-i-vozmozhnye-pos/
173. Куприянов А.В. Опасный миф Вестфаля // Российский совет по международным делам (РСМД). – 25.04.2019. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyy-mif-vestfalya/
174. Ланко Д. А., Долженкова Е. Латвия в территориальной системе европейской безопасности // Балтийский регион. – 2015. – № 1. – С. 73-78.
175. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО. – 2013. – №1(28) – С. 38-42.
176. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО. – 2016. – № 2 (47). – С. 125-132.
177. Лисенкова А.Д. Российский фактор в современном внешнеполитическом курсе Венгрии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2024. – №1(854). – С.16-22.
178. Лисоволик Я. Малые страны как посредники в урегулировании конфликтов // Валдай. – 2022. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/malye-strany-kak-posredniki/
179. Луман Н. Введение в системную теорию (Под редакцией Дирка Веккера). Пер. с нем. / К. Тимофеева. М.: Издательство "Логос", 2007.
180. Марьин А.К. Особенности стратегического сдерживания в современных условиях // Военная мысль. – 2023. – №12. – С.21-28.
181. Межевич Н. М., Шимов В.В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик "средней страны" (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 436-450.
182. Межевич Н.М., Шадурский А.В., Грозовский А.М. Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013.
183. Мельвиль А.Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике / Мельвиль А. Ю. – Полис. Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 114-119.
184. Мельвиль А.Ю. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 173-200.
185. Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: Изд-во МГИМО Университет, 2007. – 268 с.
186. Мухаметов Р. С. Внешняя политика Белоруссии: малое государство в поисках убежища / Р. С. Мухаметов // Koinon. – 2020. – Т. 1, № 1-2. – С. 281-297.
187. Несмашный А.Д., Жорнист В.М., Сафранчук И.А. Международная иерархия и функциональная дифференциация государств: результаты экспертного опроса // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №15(3). – С. 7-38.
188. Нефёдова М.Б. Карликовые государства Европы на мировой политической шахматной доске: история и современность // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №11(67).
189. Николаев Н. Ю. Проблемы войны и мира на страницах журнала "Вестник Европы" в 1898-1899 гг. (по материалам Л. З. Сломнимского) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – №1. – С. 86-91.
190. Новикова И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – №3. – С. 219 – 242.
191. Окунев И. Ю. Моделирование пространственных факторов развития микрогосударств и территорий океании: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Окунев Игорь Юрьевич. – Москва, 2011. – 33 с.
192. Окунев И. Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4, 2011 – С. 162-174.
193. Окунев И.Ю. Атлас международных отношений. Пространственный анализ индикаторов мирового развития. – М.: Аспект-Пресс, 2020. – 448 с

194. Окунев И.Ю. География международных отношений: структура и элементы мирового политического пространства / И.Ю. Окунев // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2019. – №13(3). С. 5-16.
195. Окунев И.Ю. Мировые порядки и беспорядки // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. № 3. – С. 10–18.
196. Окунев И.Ю. Размер государства и уровень развития демократии // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности: сборник докладов / Под ред. И.М. Бусыгиной, Л.В. Смирнягина, М.Г. Филиппова; Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – (Книги и брошюры ИМИ. Т. 15) – С. 51–60.
197. Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. – 2018. – №1. – С.18-25.
198. Окунев И.Ю., Барабаш Б.А. Город-государство в современном мире: Отличительные черты, преимущества и проблемы // Историческая география. – 2020. – № 4. – С. 391-415.
199. Опарина М. В. Правовое регулирование применения силы в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2010. – №4(47). – С. 71-84.
200. Орехова В.Д. Концепция «Государств-изгоев»: проект структурных изменений в системе международных отношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2015. – №4. – С.70-75.
201. Орлов А.С. Концепция общего наследия человечества и ее влияние на развитие международного права // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2017. – №6.
202. Панкратов С.А., Клиньшанс Е.В. Россия в современной архитектуре международных отношений: прогнозные сценарии и границы допустимой реструктуризации // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – №3. – С.226-238.
203. Перминова В. А. Идея колониализма и оценка результатов иностранного присутствия в Китае // Общество и государство в Китае. – 2012. – Т. 42, № 3. – С. 176-182.
204. Песцов С. К. Малые государства в системе современных международных отношений: стратегия Сингапура // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2016. – Т. 18, № 3. – С. 24-38.
205. Печников Б.А. Цифрами на карте обозначены... 1986. – 288 с.
206. Пилипенко И. В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с.;
207. Родионов В. А. «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии // Вестник КИГИ РАН. – 2022. – №2. – С.228-243.
208. Рцхиладзе Г.В. Фактор внешнего авторитета для «малых» государств и интеграция на постсоветском пространстве // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 33-48.
209. Рыкун Г.Н., Огаркова И.В. Исторический опыт формирования Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – №4. – С.105-109.
210. Сазонова К.Л. «Великие державы» в системе миротворчества Организации Объединенных Наций: специальность 23.00.04 "Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Сазонова Кира Львовна. – Москва, 2010. – 182 с.
211. Сафранчук И.А., Несмашный А.Д., Чернов Д.Н. Подвижная карта восприятия // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 3(121). – С. 90-102.
212. Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. – 2018. – № 3 (27). – С. 95-105;
213. Свенцицкий А. Л., Гуриева С. Д. Социальная психология: традиции и современность: монография, 2020.
214. Сильченко Ю. С. Еще раз о принципе единогласия в международном праве // ВЭПС. – 2011. – №3. – С. 136-140.
215. Сидорова Е.А. Особенности Еврейской общины в США // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 69-78.
216. Сирота Н.М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. – С. 177-181.

217. Скриба А. С. Реализм и политика малых государств в XXI в // Политика и общество. – 2014. – № 3(111). – С. 347-357.
218. Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. – 2014. – № 12(4). – С. 88-100.
219. Смирнов В. А. Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. – 2016. – № 5(71). – С. 44-54.
220. Смирнов В. А. Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Балтии) / В.А. Смирнов // Вестник МГИМО. – 2015. – №6(45). – С. 135-144.
221. Смирнягин Л. В. Общественная география. Федерализм. Регионализм: публ. 1989-2005 гг. – Москва: КомКнига, 2005. – 464 с
222. Соловьев Э. Г. Геополитический анализ международных проблем современности: Pro et Contra // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 6. – С. 116-130.
223. Сушенцов А.А. Конфликтное поведение в современной теории международных отношений (психологический аспект) // Вестник МГИМО. – 2011. – №5. – С. 12-20.
224. Сурков Н. Разрядка в Заливе и курс на Евразию Ближний Восток превращается в один из новых мировых полюсов // Свободная мысль. – 2024. – № 1(1703). – С. 85-96
225. Табаринцева-Романова К.М. Политика и дипломатия Европейских микрогосударств в сфере культуры // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2023. – №3(33). – С. 146-156.
226. Таганова А.А. Личностная идентичность и понимание значимых Других: Автореферат диссертации канд. психол. наук. – Краснодар, 2004.
227. Тойнби А.Д. Современная западная философия. Словарь, 1991.
228. Тормошева В.С. Акторы современного политического пространства в контексте транснационализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – №37. – С. 280-290.
229. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – Москва: Новый хронограф, 2009. – 372 с.
230. Трейвиш А.И. Россия среди стран-гигантов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. – №1. – С. 141-158.
231. Трейвиш А.И. Что такое государства-гиганты и как с ними «бороться» // Страны-гиганты: проблемы
232. Трефилова Ю. Беспомощная помощь // РСМД. – 2020. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/bespomoshchnaya-pomoshch/
233. Фельдман Д.М., Барабанов О.Н. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. – 2007. – Т. 5. – № 3. – С. 104-113.
234. Фергюсон Н. Восхождение денег. – М.: Астрель: CORPUS, 2010.
235. Филатов А.С. Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении. – М.: Проспект, 2015.
236. Фокина С.В. Основные этапы становления и развития нейтралитета в европейском пространстве (на примере Швейцарии и Австрии) // Манускрипт. – 2016. – №3-1(65). – С. 183-187.
237. Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999.
238. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность / в кн.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Academia, 1995.
239. Харитонова О.Г. Изучая терроризм: основные контуры дискуссии // Политическая наука. – 2018. – №4. – С. 13-33.
240. Харкевич М.В. Государство в современной мировой политике // Вестник МГИМО. – 2010. – № 6. – С. 160-165.
241. Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: НОФМО, 2008. – 230 с.
242. Хрусталев М.А. Теория политики и политический анализ. – М., 1992.
243. Худолей К. К., Ланко Д. А. Финская дилемма безопасности. НАТО и фактор Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. - Т. 63, № 3. – С. 13-20.
244. Цыганков П. А. Мировая политика и ее содержание / П. А. Цыганков // Международные процессы. – 2005. – Т. 3, № 1(7). – С. 53-65.
245. Цыганков П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – №1. – С. 25-40.
246. Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М.: Радикс, 1994.

247. Черевичко Т. В. Туризм как инструмент «мягкой силы» международной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2022. – №2. – С.214-218.
248. Чжоу Л. О концепции "дипломатии великой державы с китайской спецификой новой эпохи" / Л. Чжоу // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3(96). – С. 83-86.
249. Чиджиев Б. Малые государства и геополитика // Обозреватель - Observer. – 2012. – №10. – С. 75-83.
250. Чихарев И.А., Полулях Д.С. Сравнительная мировая политика: основное течение или одно из направлений? // Политическая наука. – 2015. – № 4. – С. 7-21.
251. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – 456 с.
252. Чупик А.Ю. Людские ресурсы как важнейший фактор экономической безопасности государства // КЭ. – 2015. – №3. – С. 279-288.
253. Шаклеина Т.А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке / Т. А. Шаклеина // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Ответственный редактор книги и всей серии: О.В. Гаман-Голутвина. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 313-324.
254. Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Том 9. – №2(26) – С. 29-39.
255. Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 3(66). – С. 6-21.
256. Шаклеина, Т. А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века (2022) // Россия и США: К новому мировому порядку. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2023. – С. 527-543.
257. Шаумян Т.Л. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. – 2013. – Том 4. № 3 (13). – С. 44-64.
258. Шашкова А.В. Проблемы территориального деления Италии // Социально-политические науки. – 2018. –№1.
259. Швейцер В.Я. Европа: большой опыт малых стран // Современная Европа. – 2008. – № 4(36). – С. 46-58.
260. Шилов В.В. Историко-социологический аспект понятия "Великая держава" / В. В. Шилов // Власть. – 2020. – Т. 28, № 3. – С. 181-189.
261. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. – 2024. – №1. – С. 7-20.
262. Юнгблюд В.Т., Воробьева Т.А. Советско-китайский раскол в американской политике разрядки международной напряжённости (1968-1973гг.) // Вестник ННГУ. – 2018. – №1. – С.47-58.
263. Юрьева Т.В. Вестфальский мир: межкафедральный «Круглый стол» в МГИМО (у) МИД России 27 февраля 2008 года // Вестник МГИМО. – 2008. – № 1. – С. 78-87.
264. Якунин В.И. От Лиги Наций к ООН: аксиологическая повестка и проблема ценностной конвенциональности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2019. – №4. – С. 11-21.

На английском языке:

265. Abramson S. F. The Economic Origins of the Territorial State. International Organization – 2017. – Vol. 71 (1). – P. 97–130.
266. Alesina A. F., Spolaore E. War, Peace and the Size of Countries // Journal of Public Economics. – 2000. – Vol. 89. – P. 1333-1354.
267. Alesina A. The size of countries: Does it matter? // Journal of the European Economic Association. – 2003. – Vol. 1. No. 2-3. – P. 301-316.
268. Alesina A., Spolaore E. On the Number and Size of Nations // The Quarterly Journal of Economics. – 1997. – Vol. 112. No. 4. – P. 1027–1056.
269. Almond G. The Return to the State // American Political Science Review. – 1988. – Vol. 83. – P. 853-901.
270. Amstrup N. The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts // Cooperation and Conflict. – 1976. – Vol. 11. – P. 163-182.
271. Anderson T. Human Development Strategy in Small States. World Review of Political Economy. – 2018. – Vol. 8. – P. 350-364.

272. Andrew F.C., Bessma M. Qatar and Expanded Contours of Small State Diplomacy // International Spectator. – 2011. – Vol. 46. No. 3.
273. Andrew F.C., Schulz C.-A. How secondary states can take advantage of networks in world politics: the case of bridges and hubs // Globalizations. – 2023. – Vol. 20. No. 7. – P. 1083-1101.
274. Armstrong H., Kervenoael R., Li X., Read R. A Comparison of the Economic Performance of Different Micro-states, and Between Micro-states and Larger Countries // World Development. – 1998. – Vol. 26. No. 4. – P. 639-656.
275. Aron R., Howard R., Fox A.B. Peace and War: A Theory of International Relations, 1966.
276. Attanayake C. Why do small states matter in Bay of Bengal geopolitics? The case of Sri Lanka // Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs. – P. 1-16.
277. Aurobindo S. The Ideal of Human Unity. – L.: Sri Aurobindo Ashram Publication Department, 1970.
278. Aydin U. Rule-takers, rule-makers, or rule-promoters? Turkey and Mexico's role as rising middle powers in global economic governance. / U. Aydin // Regulation & Governance. – 2019. – Vol. 15. – No. 3. – 544-560 p.
279. Baehr P.R. Review: Small states: a tool for analysis // World Politics. – 1975. – Vol. 27. No. 3. – P. 456-466.
280. Bailes A.J.K., Thayer B.A., Thorhallson B. Alliance theory and alliance 'Shelter': the complexities of small state alliance behavior // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2016. – Vol. 1. No. 1. – P. 9-26.
281. Baker F. A. The Power of Small States: Diplomacy in the World War II – Chicago: Chicago University Press, 1959.
282. Baldacchino G. Mainstreaming the study of small states and territories. Small States and Territories. – 2018. – Vol. 1. No.1. – P. 3–16.
283. Barder A. Empire Within International Hierarchy and its Imperial Laboratories of Governance. / A. Barder. –Routledge. – 2015. – 180 p.
284. Barston, R. P. The Other Powers: Studies in the Foreign Policies of Small States. New York: Barnes and Noble, 1973.
285. Barth M. The Movement for a Nuclear-Weapon-Free Zone in the Nordic Region: Impact of the Karlskrona Incident". Bulletin of Peace Proposals. – 1982. – Vol. 13. No. 2. – P. 145–148.
286. Behr H. A History of International Political Theory. Ontologies of the International. – L.: Palgrave Macmillan, 2010.
287. Blair P.W. The Ministate Dilemma. Occasional Papers. – New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1968.
288. Bodley J. H. The Small Nation Solution: How the World's Smallest Nations Can Solve the World's Biggest Problems. United Kingdom: Altamira Press, 2013.
289. Boon H. T., Ardy C. China and Lilliputians: Small States in a Big Power's Evolving Foreign Policy // Asian Security. – 2017. – Vol. 13. No. 2. – P. 116–131.
290. Bouilding K.E. Conflicts and Defense. – New York, 1962.
291. Boysariyev M. Diasporas in the modern world: the evolution of phenomena and concepts. Общество и инновации. – 2020. - № 1. – P. 106-122.
292. Bray, Mark. (1990). Making small practical: the organisation and management of Ministries of Education in small states.
293. Breuning M. Role Theory in Politics and International Relations // The Oxford Handbook of Behavioral Political Science. – 2019.
294. Breuning M. Words and Deeds: Foreign Assistance Rhetoric and Policy Behavior in the Netherlands, Belgium, and the United Kingdom // International Studies Quarterly. – 1996. – Vol. 39. No. 2. – P. 235-254.
295. Bridge R., Bullen R. The Great Powers and the European States System 1814-1914. – Harlow, England; New York: Pearson Longman, 2005. – 382 p.
296. Brito J. A. Defining Country Size: A Descriptive Analysis of Small and Large States // MPRA Paper 66149, University Library of Munich, Germany, 2015.
297. Browning C.S. Small, Smart and Salient? Rethinking Identity in the Small States Literature // Cambridge Review of International Affairs. – 2006. – Vol. 19. No. 4. – P. 660-684
298. Bueger C., Wivel A. How do small island states maximize influence? Creole diplomacy and the smart state foreign policy of the Seychelles // Journal of the Indian Ocean Region. – 2018. – Vol.14. No. 2. – P. 170–188.
299. Bull H., Watson A., Bull's H. Hedley Bull, states systems and international societies. // Review of International Studies. – 1987. – № 13. – P. 147 - 153.

300. Burton B. Problems of Smaller Territories / B. Burton. – London: University of London, 1967. – 153 p.
301. Caporaso J.A. International relations theory and multilateralism: the search for foundations // International Organization. – 1992. – Vol. 46. – P. 599 - 632.
302. Carney C.P. International patron-client relationships: A conceptual framework // Studies In Comparative International Development. – 1989. – Vol. 24. – P. 42-55.
303. Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach // Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Vol. 68. No. 1. – P. 70-84.
304. Carr E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. – New York: Harper Perennial, 1964. – 244 p.
305. Carvalho B., Neumann I. Small State Status Seeking: Norway's Quest for International Standing. – Routledge, 2014.
306. Cederman L-E, Galano Toro P, Girardin L, Schvitz G. War Did Make States: Revisiting the Bellicist Paradigm in Early Modern Europe. International Organization. – 2023. – 77 (2). – P. 324-362.
307. Chapnick A. The Middle Power // Canadian Foreign Policy Journal. – 1999. – Vol. 7. No. 2. – P. 73-82.
308. Chong A. Small State Security in Asia: Political and Temporal Constructions of Vulnerability. In: Clive Archer, Alyson J.K. Bailes and and Anders Wivel (eds.), Small States and International Security: Europe and Beyond (Routledge Advances in International Relations and Global Politics). – Abingdon: Routledge, 2014.
309. Chong A. Small State Soft Power Strategies: Virtual Enlargement in the Cases of the Vatican City State and Singapore. – Cambridge Review of International Affairs. – Vol. 23. No. 3, 2010.
310. Christmas-Moller W. Some Thoughts on the Scientific Applicability of the Small State Concept: A Research History and a Discussion. In: O. Holl (ed.) Small States in Europe and Dependence. – Boulder, CO: Westview Press, 1983.
311. Clark R., Roff S. R. Micronesia: the problem of Palau, 1984.
312. Clarke C., Payne T. Politics, Security, and Development of Small States. – London: Allen and Unwin, 1987.
313. Claude L.L. States and the Global System: Politics, Law and Organization. – New York: St. Martin Press, 1988.
314. Claude L.L. Swords into plowshares: the problems and progress of international organization. Random House, 1984.
315. Codevilla A. Between the Alps and a Hard Place: Switzerland in World War II and Moral Blackmail Today. –Washington, D.C.: Regnery, 2000.
316. Collins N., O'Brien D. Neo-mercantilism in action: China and small states // International Politics – 2023. – Vol. 60. No. 3. – P. 635–658.
317. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. – London; New York: Routledge, 2007. – 128 p.
318. Cook B.A. Belgium: a history. – New York: Peter Lang, 2004.
319. Corbett J., Veenendaal W. Why Small States are Beautiful // Political Insight. – 2019. – Vol. 10. No. 1. – P. 4-8.
320. Corbett J., Veenendaal W., Ugyel L. Why monarchy persists in small states: the cases of Tonga, Bhutan and Liechtenstein. / J. Corbett, W. Veenendaal, L. Ugyel // Democratization. – 2017. Vol. 24. No. 4. – P. 689-706.
321. Corbett J., Xu Y., Weller P. Norm entrepreneurship and diffusion "from below" in international organisations: How the competent performance of vulnerability generates benefits for small states. // Review of International Studies – 2019. – Vol. 45. No. 04. – P. 647–668.
322. Coyne C. J. In Search of Monsters to Destroy: The Folly of American Empire and the Paths to Peace. Independent Institute, 2022.
323. Cox R.W. Middlepowermanship, Japan, and future world order. International Journal. – 1989. – Vol. 44. No. 4. – P. 823-862.
324. Crandall M. Soft Security Threats and Small States: the Case of Estonia // Defence Studies. – 2014. – Vol. 14. No. (1). – P. 30–55.
325. Crollen L. Small Powers in International Systems. – Katholieke Universiteit Te Leuven, 1974.
326. Crowards T. Defining the Category of Small States // Journal of International Development. – 2002. – Vol. 14. No. 14. – P. 143-179.
327. Dabbagh P. G. Compact of Free Association-Type Agreements: A Life Preserver for Small Island Sovereignty in an Era of Climate Change? // Hastings Envt'l LJ. – 2018. – T. 24. – C. 431.
328. Dahrendorf R. Reisen nach innen und außen - Aspekte der Zeit, Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1984.

329. Daniken F. Is the Notion of Small State Still Relevant. In: L. Goetschel (ed.) Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies. – Boston: Kluwer Academic Publishers, 1998.
330. Dashnyam A. Small States' Security and Foreign Policy: A Case Study of Mongolian Permanent Neutral Status // Political Science, International Relations and Sociology. – 2018. – Vol. 37. - P. 104-119.
331. Davenport M. A Study of Alternative Special and Differential Arrangements for Small Economies. London: Commonwealth Secretariat, 2001.
332. Day A. Where Now for the Zurich of Asia? Banking on Singapore's Future // International Journal of Bank Marketing. – 1986. – Vol. 4 No. 1. – P. 71-78.
333. Demas W.G. The Economies of Development in Small Countries with Special Reference to the Caribbean. – McGill University Press: Montreal, 1965
334. Dollinger P. The German Hansa. – Stanford University Press, 1970.
335. Dolman A.J. The Development Strategies of Small Island Countries: Issues and Options. In Small Island Countries Regional Cooperation and the Management of Marine Resources. The Hague: Foundation for Reshaping the International Order. 1982
336. Dumienski Z. Microstates as Modern Protected States: Towards a New Definition of Micro-Statehood. Occasional Paper. – University of Auckland, Centre for Small State Studies, 2014.
337. Dumienski Z. Political Survival and Economic Development in Microstates: The Cases of Liechtenstein, the Cook Islands and Niue. Ph.D. Thesis, University of Auckland, 2017.
338. East M. Stratification and International Polities: An Empirical Study Employing the International Systems Approach. – Princeton University, 1970.
339. East M.A. Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models // World Politics. – 1987. – Vol. 25. No. 4. – P. 556-576.
340. Easton D. Introduction: The Current Meaning of Behavioralism. Political Science — Philadelphia: American Academy of Political and Social Science, 1962.
341. Eckhaus R. Is it beautiful to be small, or is it a burden? // Journal of Eastern Caribbean Studies. – 1997. – Vol. 22. No. 4. – P. 1-30.
342. Efremova K. Small States in Great Power Politics: Understanding the "Buffer Effect" // Central European Journal of International and Security Studies. – 2019. – Vol. 13, №1. – P. 100-121
343. Emirbayer M. Manifesto for a relational sociology // American Journal of Sociology. – 1997. – Vol. 103. No 2. – p. 281-317.
344. Epstein S.R. The Rise and Decline of Italian City-states. – L.: London School of Economics, 1999.
345. Favaro E. M., Small States, Smart Solutions: Improving Connectivity and Increasing the Effectiveness of Public Services / E.M.Favaro. Public Sector Governance. Washington, DC: World Bank. – 2008.
346. Fazal T.M. State Death in the International System. International Organization. – 2004. – Vol. 58. № 2. – P. 311-344.
347. Feinsilver J.M. Fifty years of Cuba's medical diplomacy: from idealism to pragmatism // Cuban Studies. – 2010. – Vol. 41. – P. 85-104.
348. Fox A.B. The Power of Small State: Diplomacy in World War II. – Chicago: The University of Chicago Press, 1959.
349. Fox W.T.R. The Super-Powers: The United States, Britain, and the Soviet Union – Their Responsibility for Peace. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1944. – 162 p.
350. Galal M.A. External behavior of small states in light of theories of international relations // Review of Economics and Political Science. – 2020. – Vol. 5. No. 1 – P. 38-56.
351. Gigleux V. Explaining the diversity of small states' foreign policies through role theory // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2016. – Vol. 1(1). – P. 27–45.
352. Goetschel L. The Foreign and Security Policy Interests of Small States in Today's Europe. In: Small States inside and outside the European Union. – Boston, MA: Kliwer Academic Publishers, 1998.
353. Goldhamer H. The Foreign Powers in Latin America. – Princeton: Princeton University Press, 1972. – 321 p.
354. Grytten O. Modern Norwegian Economic History // Economics and Finance – 2021.
355. Handel M. Weak States in the International System. – London: Frank Cass and Company Limited, 1981. – 318 p.
356. Hanggi G. Small Staet as a Third State: Switzerland and Asia-Europe Interregionalism. In: Goetschel (ed.) Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies. – Boston: Kluwer Academic Publishers, 1998.
357. Hansel M., Möller M. Indian Foreign Policy and International Humanitarian Norms: A Role-Theoretical Analysis // Asian Politics & Policy – 2015. – Vol. 7. No. 1. – P. 79-104.

358. Harnisch S. Role theory Operationalization of key concepts In: Role Theory in International Relations. Approaches and analyses, 2011. 322 p.
359. Henrikson A.K. A coming «Magnesian» age? Small states, the global system, and the international community // Geopolitics. – 2001. – Vol. 49. – P. 49-86.
360. Herbut M. The Application of Role Theory in Explaining the Policies of Small States. In: Georgia and Moldova in the Context of Russian Imperialistic Foreign Policy. – Publisher: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2017.
361. Hermann C. F. Changing Course: When Governments Choose to Redirect Foreign Policy // International Studies Quarterly. – 1990. – Vol. 34. No. 1. – P. 3-21.
362. Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behaviour. Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2003.
363. Holmes J. Is There a Future for Middlepowermanship? Canada's Role as a Middle Power. – Toronto: Canadian Institute of International Affairs, 1966.
364. Holsti K.J. International Politics. A framework for Analysis. – Englewood Cliffs, New Jersey, 1967.
365. Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. – 1970. – Vol. 14. No 3. – P. 233-309.
366. Hudson V. M. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations // Foreign Policy Analysis. – 2005. – Vol. 1. No. 1. – P. 1-30.
367. Ingebritsen C. Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics // Cooperation and Conflict. – 2002. – Vol. 37. – P. 11-23.
368. Jackson R. Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World. – Cambridge University Press, 1993. – 227 p.
369. Jackson R.H., Rosberg C.G. Why Africa's Weak Sates Persist: the Empirical and the Juridical in Statehood. In: The State and Development in the Third World / Kohli A. – Princeton: Princeton University Press, 1987.
370. Jalan B. Problems and Policies in Small Economies. London: Croom Helm, 1982
371. Jesse N. G., Dreyer J. R. Small states in the international system: at peace and at war. – Lanham: Lexington Books, 2016. – 197 p.
372. Jones P. The Italian City-State: From Commune to Signoria. – L.: Oxford University Press, 1997.
373. Jordaan E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // Politikon. – 2003. – Vol. 30. No. 1.
374. Kahler M. Multilateralism with Small and Large Numbers // International Organization. – 1992. – Vol. 46. No. 3 – P. 681-708.
375. Kamrava Mehran. Mediation and Qatari Foreign policy // The Middle East Journal. – 2011. – Vol. 65. – P. 539-556.
376. Katzenstein P. J. Small States in World Markets: Industrial Policy in Europe. – Cornell University Press, 1985. – 269 p.
377. Kaul N. Beyond India and China: Bhutan as a Small State in International Relations // International Relations of the Asia-Pacific. – 2021. – Vol. 00. – pp. 1-41.
378. Kelley H.H., Thibaut J.W. Interpersonal relations: A theory of interdependence, 1978.
379. Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. – No. 2. – P. 291-310.
380. Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. – 1990. – Vol. 45. – P. 731-764.
381. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. - Little, Brown, 1977. – 273 p.
382. King I.R. The Smallest State to Ever Lead the UN Security Council: St. Vincent and the Grenadines // PassBlue. – 2020. – URL: https://www.passblue.com/2020/11/02/the-smallest-state-to-ever-lead-the-un-security-council-st-vincent-and-the-grenadines/
383. Kjellén R. The State as Lifeform. – 1917.
384. Klotz A. Norms in International Relations. – Ithaca: Cornell University Press, 1995.
385. Knudsen O.F. Analyzing Small-State Security: The Role of External Factors. In: Small States and the Security Challenge in the New Europe. – London: Brassey's, 1996. – P. 3-20.
386. Koh T., Li L.C. 50 Years of Singapore and the United Nations. World Scientific Publishing Co, 2015.
387. Kohr L. The Breakdown of Nations, 1978.
388. Koht H. Neutrality and Peace: The View of a Small Power // Foreign Affairs. – 1937. – Vol. 15. No. 2. – P. 789-793.

389. Krasner S. Sovereignty: organized hypocrisy. / S. Krasner. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 264 p.
390. Kurečić P. Small States and Regional Economic Integrations in the Multi-Polar World: Regional Differences in the Levels of Integration and Patterns of Small States' Vulnerability. // World Review of Political Economy. – 2018. – Vol. 8. – P. 317-348.
391. Kurecic P., Kozina G., Kokotovic F. Revisiting the definition of small state through the use of relational and quantitative criteria. In: Book of proceedings. 19th International scientific conference on economic and social development. – Melbourne: Varazdin development and entrepreneurship agency. – 2017. – P. 129-142.
392. Kurečić P., Luša Đ. The economic growth of small states and small economies in regional economic organizations and integrations: similarities and differences // Journal of Education Culture and Society. – 2020. – Vol. 5(1). – P. 261-284.
393. Kuznets S. Economic Growth of Small Nations. In E. A. G. Robinson (ed.), Economic Consequences of the Size of Nations. – New York: St. Martins Press, 1960
394. Lake D.A. Hierarchy in International Relations. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. – 248 p.
395. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – University of Chicago Press, 1980.
396. Lange D. Nuclear Free: The New Zealand Way, The Right Honourable. – Penguin Books, New Zealand,1990
397. Lange's impact on NZ and world // BBC. – 2005. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/asia-pacific/4150550.stm
398. Larson D.W., Paul T.V., Wohlforth W.C. Status and World Order. In: Status in World Politics, ed. by T.V. Paul, D.W.Larson, and W.C.Wohlforth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
399. Larson D.W., Shevchenko A. Quest for Status: Chinese and Russian Foreign Policy. – New Haven: Yale University Press, 2019.
400. Larson D.W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. // International Security. – 2010. – Vol. 34. No. 4. – P. 63–95.
401. Leatherman J. Conflict Transformation in the CSCE: Learning and Institutionalization // Cooperation and Conflict. – 1993. – Vol. 28. No. 4.
402. Lee H.L. PM Lee Hsien Loong at the Forum of Small States (FOSS) Reception // PM´S Office Singapore. – 2019. – URL: https://www.pmo.gov.sg/Newsroom/PM-Lee-at-the-Forum-of-Small-States-FOSS-Reception
403. Lee M. How Do Small States Affect the Future Development of the EU? – New York: Nova Science Publishers, 2006.
404. Linton R. The Study of Man, 1936.
405. Little R. The balance of power in international relations: Metaphors, myths and models. – Cambridge: Cambridge university press, 2007. – 317 p.
406. Lobell S.E., Jesse, N.G., Williams K.P. Why do secondary states choose to support, follow or challenge? // International Politics. – 2015. – Vol. 52. No. 2. – P. 146–162.
407. Long T.A Small State´s Guide to Influence in World Politics. - Oxford University Press, 2022.
408. Lowenthal D. Social features. In: Clarke C., Payne T. Politics, Security, and Development of Small States. – London: Allen and Unwin, 1987.
409. Luhmann N. The Differentiation of Society. New York: Columbia University Press, 1982. – 482 p.
410. Maass M. Small states in world politics: The story of small state survival, 1648-2016. – Manchester University Press. – 2017.
411. Maass M. The Elusive Definition of the Small State // International Politics. – 2009. – Vol. 46. No. 1. – P. 65-83.
412. MacDonald P. K., Parent J. M. The Status of Status in World Politics // World Politics. – 2021. – Vol. 73. No. 2. – P. 358–391.
413. Macridis R., Cox R. Research in Comparative Politics. Report on the SSRC Interuniversity Research Seminar on Comparative Politics, Evanston 1952 // American Political Science Review. – 1953. – Vol. 47. – P. 641–675.
414. Madison J. The Federalist Papers. In: The Federalist Papers, ed. L. Goldman. Oxford: Oxford University Press, 2008.
415. Maila J. Buffer States: The Issue of Sovereignty. In: Buffer States in World Politics, ed. Chay J., Ross T.E. – Boulder, CO: Westview Press, 1986.
416. Makhzoumi F. Lebanon's Crisis of Sovereignty // Survival: Global Politics and Strategy. - 2010. – Vol. 52. No. 2. – P. 5–12.

417. March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. – 1983. – Vol. 78. No 3. – P. 734-749.
418. Mares D. Middle Powers under Regional Hegemony: To Challenge or Acquiesce in Hegemonic Enforcement // International Studies Quarterly. – 1988. – Vol. 32. No. 453. – P. 456.
419. Marriott J. A. R. Federalism and the Problem of the Small State. – London: Allen and Unwin, 1943.
420. Masaryk T. G. The Problem of Small Nations in the European Crisis. – London: University of London, Athlone Press, 1966.
421. Mason S., Sguaitamatti D. Mapping Mediators. A Comparison of Third Parties and Implications for Switzerland. Center for Security Studies, Swiss Federal Institute of Technology. Zurich, 2011.
422. Mason S.J.A., Sguaitamatti D.A. Mapping Mediators A comparison of third parties and implications for Switzerland // CSS ETH Zurich. – 2011. – URL: https://peacemediation.ch/wp-content/uploads/2014/01/Mapping-Mediators.pdf
423. Mathisen T. The Functions of Small States in the Strategies of the Great Powers. – Oslo, 1971. – 287 p.
424. Matthias M. Small States as Small Countries and Little States 2008
425. McCourt D. M. The roles states play: a Meadian interactionist approach // Journal of International Relations and Development. – 2011. – Vol. 15. No. 3. – P. 370–392.
426. McNamara R. The Status of Status in International Relations. Western University, 2022.
427. Mehdiyeva N. Power Game in Caucasus. – New York: Palgrave Macmillan, 2011.
428. Menon S. The Rule of Law, the International Legal Order, and the Foreign Policy of Small States // Asian Journal of International Law. – 2020. – Vol. 10. No. 1. – P. 50-67.
429. Merchant fleet // UNCTAD - 2023. - URl: https://hbs.unctad.org/merchant-fleet/
430. Mikaberidze A. Conflict and Conquest in the Islamic World: A Historical Encyclopedia // ABC-CLIO. – 2011. – 861 p.
431. Miller D.H., Butler N.M. The Drafting of the Covenant. – New York and London: G.P.Putnam's Sons, 1928. – VIII, 555 p.
432. Modelsky G. Long Cycles in World Politics. Houndmills: Macmillan Press, 1987. – 225 p.
433. Mohammadzadeh B. Status and Foreign Policy Change in Small States: Qatar's Emergence // The International Perspective. – 2017. – Vol. 52. No. 2. – P. 19-36.
434. Montesquieu S. About the spirit of the laws. Book 1-9. Moscow: Direct Media, 2011. – 232 p.
435. Moravcsik A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. // International Organization, - 1997. – Vol. 51. No. 4. - P. 513–553.
436. Morgentau H.J. Politics among Nations. – N.Y.: A.A.Knopf, 1948.
437. Mosser M.W. Engineering Influence: The Subtle Power of Small States in the CSCE/OSCE / Reiter E., Gärtner H. Small States and Alliances. – Physica Heidelberg, 2001. – P. 63-84.
438. Moyer J. D., David K. Bohl, Sara Turner, Katherine Lombarde, Thomas Hadeed, Charlie Lemke-Bell, Austin S. Matthews, Collin J. Meisel, and Adam Szymanski-Burgos. Diplomatic Representation Data Codebook. Diplometrics. Denver, CO: Frederick S. Pardee Center for International Futures, Josef Korbel School of International Studies, University of Denver, 2023.
439. Mueller K.P. Strategy, Asymmetric Deterrence, and Accommodation: Middle Powers and Security in Modern Europe. – Princeton: PhD dissertation, 1991.
440. Murray M. The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers. Oxford: Oxford University Press, 2019.
441. Nadav Safran, From War to War (New York: Pegasus, 1969), pp. 256-265.
442. Nawawy M., Iskandar A. Al-Jazeera: How the Free Arab News Network Scooped the World and Changed the Middle East, Westview, 2002.
443. Neumann I.B., Gstohl S. Lilliputians in Gulliver's World? Small States in International Relations. – Centre for Small State Studies. Institute for International Affairs. University of Iceland, 2004. – 24 p.
444. Nicholls D.H. Roles and locations in relational hierarchies: imperial role-authority order in Cold War Latin America // International Politics. – 2022.
445. Norrloff C. Hegemony // Oxford Bibliographies. – 2019. – URL: https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0122.xml#
446. Notteboom T., Pallis A., Rodrigue J.P. Port Economics, Management and Policy, New York: Routledge, 2022. - 690 p. URL: https://porteconomicsmanagement.org/pemp/contents/part1/maritime-shipping-and-international-trade/global-hierarchy-shipping-lanes/
447. Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept. Journal of Political Power. – 2021. – Vol 14. No. 1. – P. 196–208.

448. Nye J.S.Jr. The Changing Nature of World Power // Political Science Quarterly. – 1990. – Vol. 105. No. 2. – P. 177-192.
449. Olafsson B.G. Small States in the Global System. Analysis and Illustrations from the Case of Iceland. – Aldershot, UK: Ashgate, 1998
450. Onuf N. World of our making: rules and rule in social theory and international relations. - Columbia, S.C. : University of South Carolina Press, 1989.
451. Pain A. Re-reading “mountainous”, “isolated”, “inaccessible” and “small”: the case of Bhutan // The European Journal of Development Research. – 1996. – Vol. 8. No. 1. – P. 63-76.
452. Parks B. C., Custer S., Masaki T., Sethi T., Latourell R. Danish Development Cooperation from a Partner Country Perspective. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2016. – URL: https://www.aiddata.org/publications/danish-development-cooperation-from-a-partner-perspective
453. Parsons T. The Social System. – Routledge, 1951.
454. Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. Status in World Politics. – New York: Cambridge University Press, 320 p.
455. Pedi R., Sarri K. From the ‘Small but Smart State’ to the ‘Small and Entrepreneurial State’: Introducing a Framework for Effective Small State Strategies within the EU and Beyond. Baltic Journal of European Studies. – 2019. – Vol. 9. – P. 3-19.
456. Pennings P., Keman H., Kleinnjenhuis J. Global Comparative Methods / T. Landman and N. Robinson (eds). In: The Sage Handbook of Comparative Politics. – Los Angeles; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage. – 2009. – P. 35-49.
457. Ponížilová M. The regional policy and power capabilities of Jordan as a small state // Central European Journal of International and Security Studies. – 2013. – Vol. 7. No.1. – P. 82–102.
458. Porta D.D., & Keating M. Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 365 p.
459. Preston E., Martin J.G.J. All Possible Worlds: A History of Geographical Ideas. - New York: Wiley, 1981.
460. Psaila S. Small States at the United Nations. - Dissertation presented to the Faculty of Arts, University of Malta, for the degree of Master’s in Contemporary Diplomacy, 2010.
461. Putnam R. D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. – 1998. – Vol. 42. No. 3. – P. 427–460.
462. Qin Y. A relational theory of world politics. – Cambridge University Press, 2018.
463. Raadschelders J. B. Definitions of smallness: a comparative study. In R. A. Baker (Ed.), Public administration in small and island states / J.B. Raadschelders. – West Hertford, CT: Kumarian Press, 1992 – p. 26-33.
464. Rabby F. Small states in international relations: rearranging the puzzle of defining the ‘Small State’. – 2015.
465. Ranke v. L. Die großen Mächte, 1833.
466. Rapaport J., Muteba E., Therattil J.J. Small States & Territories: Status and Problems. – New York: Arno Press, 1971.
467. Rappard W.E. Small States in the League of Nations // Political Science Quarterly. – Vol. 49, № 4. – 1934. – pp. 544-575.
468. Rassett B., Starr H. World politics. Menu for Choice.– San Francisco, 1981. – 596 p.
469. Read R. Growth, Economic Development and Structural Transition in Small Vulnerable States. – UNU/WIDER, Discussion Paper 2001/59.
470. Reid G. L. The Impact of Very Small Size on the International Behavior of Microstates. – Sage Professional Papers, International Studies Series, 1974.
471. Renshon J. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. – Princeton: Princeton University Press, 2017.
472. Robertson J., Carr A. Is anyone a middle power? The case for historicization, International Theory – 2023. Vol. 15. No. 3. – P. 379–403.
473. Rothstein R. L. Alliances and Small Powers. Institute of War and Peace Studies. – New York: Columbia University Press, 1968.
474. Sanches E. Review of Democracy in Small States. Persisting Against All Odds by Jack Corbett and Wouter Veenendaal. Oxford: Oxford University Press, in Small States & Territories. – Vol. 1. No. 2. – 2018. – P. 215-216.
475. Sarbin T. R., Allen, V. R. Role theory. In: Lindssay, G. & Aronson, E. (Eds.) The handbook of social psychology. – Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1968.

476. Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. – 1970. – Vol. 64. No. 4. – P. 1033-1053.
477. Schaffer B. The Politics of Dependence. In Development Policies in Small Countries. – London: Croom Helm Ltd. 1985. – P. 33
478. Schatzki T.R., Knorr-Cetina K., von Savigny E. The Practice Turn in Contemporary Theory. – New York: Psychology Press, 2001.
479. Schweller R.L., Pu X. After Unipolarity: China's Visions of International Order in an era of US Decline. // International security. – 2011. – Vol. 36. No. 1. – P. 41-72.
480. Scott J. C. The Art of Not Being Governed. Anarchist History of Upland Southeast Asia. – Yale University Press 2009.
481. Shand R.T. Island Smallness: some definitions and implications, 1980.
482. Snyder J. One World, Rival Theories. Foreign Policy, 2004. – URL: https://foreignpolicy.com/2009/10/26/one-world-rival-theories/
483. Speelman L; Nicholls R.; Safra R. The role of migration and demographic change in small island futures. Asian and Pacific Migration Journal. – 2021. – Vol. 30. – P. 282-311.
484. Spence J. E. Republic Under Pressure: A Study of South African Foreign Policy. – London: Oxford University Press, 1967.
485. Spruyt H. The Sovereign State and its Competitors: An Analysis of Systems Change. – Princeton: Princeton University Press. – 1994.
486. Steinberger P.J. The State as a Universe of Discourse. In: The Concept of the State in International Relations / edited by Schuett R. and Stirk P.M.R. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. – P. 48-80.
487. Steven R.D. Expalining Third World Alignment // World Politics. – 1991. – Vol. 43. No. 2. – P. 233-256.
488. Stewart P. The Unruled World: The Case for Good Enough Global Governance // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93. No. 1. – P. 58-73.
489. Súilleabháin A.O. Small States Bring Big Ideas to the United Nations // Global Observatory. – 2013. – URL: https://theglobalobservatory.org/2013/06/small-states-bring-big-ideas-to-the-un/
490. Sutton P. The Concept of Small States in the International Political Economy // The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs, 2011. – P. 141-153.
491. Taulbee J., Grosvenor P.C., Kelleher A. Lesser States and Niche Diplomacy. In: Norway's Peace Policy. Soft Power in a Turbulent World. – Palgrave Macmillan New York, 2014.
492. Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848-1918. – London, 1971.
493. Taylor C.L. Statistical typology of micro-states and territories. Social Science Information. – 1969. – Vol. 8. No, 3. – P. 101–117.
494. Teschke B. The Myth of 1648. – L.: Verso, 2003. – 241 p.
495. Thies C. The United States, Israel, and the Search for International Order: Socializing States. – New York and London: Routledge, 2013.
496. Thorhallsson B. Iceland and European Integration: On the Edge. Routledge, 2004.
497. Thorhallsson B. Small States in the UN Security Council: Means of Influence? // The Hague Journal of Diplomacy. – 2012. – Vol. 7. – P. 135-160.
498. Thorhallsson B. Studying small states: A review // Small States & Territories. – 2018. – Vol. 1. No. 1. – P. 17-34.
499. Thorhallsson B. The Size of States in the European Union: Theoretical and Conceptual Perspectives // Journal of European Integration. – 2006. – Vol. 28. No. 1. – P. 7-31.
500. Thorhallsson B., Steinsson S. Small State Foreign Policy. Oxford Research Encyclopedia of Politics, 2017.
501. Thorhallsson B., Wivel A. Small States in the European Union: What Do We Know and What Would We Like to Know? // Cambridge Review of International Affairs. – 2006. – Vol. 19. No. 4. – P. 651-668.
502. Toynbee A.J. A Study of History. – London: Oxford University Press, 1934. – 756 p.
503. Ulriksen S. Deployments for Development? Nordic Peacekeeping Efforts in Africa // International Peacekeeping. – 2007. – Vol. 14. – P. 553 - 568.
504. Vandenbosch A. Dutch Foreign Policy since 1815. The Hague: Martinus Nijhoff, 1959.
505. Vandenbosch A. The Small State in International Politics and Organization // The Journal of Politics. – 1964. – Vol. 26. No. 2. – P. 292-312.
506. Väyrynen R. On the Definition and Measurement of Small Power Status // Cooperation and Conflict. – 1971. –Vol. 6, № 2. – P. 91-102.
507. Väyrynen R. Small States: Persisting Despite Doubts. In: The National Security Problem of Small States in a Changing World edited by Efraim Inbar and Gabriel Sheffer. – L.-Portland (Or): Frank Cass, 1997.

508. Veenendaal W. Does Smallness Enhance Power-Sharing? Explaining Suriname's Multiethnic Democracy / W. Veenendaal // Ethnopolitics. – 2020. – Vol. 19. – P. 64-84.
509. Veenendaal W. How instability creates stability: the survival of democracy in Vanuatu / W. Veenendaal // Third World Quarterly. – 2021. – 2021. – Vol. 42. no. 6. – P. 1330-1346;
510. Veenendaal W. When Things Get Personal: How Informal and Personalized Politics Produce Regime Stability in Small States / W. Veenendaal // Government and Opposition. – 2020. – Vol. 55. No. 3 – P. 393-412.
511. Vellut J.-L. Smaller States and the Problem of War and Peace: Some Consequences of the Emergence of Smaller States in Africa // The Journal of Peace Research. – 1967. – Vol. 4. – P. 252-269.
512. Vicente P. C. Does Oil Corrupt? Evidence from a Natural Experiment in West Africa // Public Choice & Political Economy eJournal. – 2006.
513. Vital D. The Analysis of Small Power Politics // Small States in International Relations. / Ed. by August Schou and Arne Olav Brundtland. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1971
514. Vital D. The Inequality of States: A Study of the Small Power in International Relations. – L.: Oxford University Press - Clarendon Press, 1967.
515. Vital D. The Survival of Small States: Studies in Small Power/Great Power Conflict. – L.: Oxford University Press, 1971.
516. Volgy T.G., Corbetta R., Grant K.A., Baird R.G. Major Powers and the Quest for Status in International Politics. Global and Regional Perspectives. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011.
517. Waltz K. N. Theory of International Politics. – New York: Random House, 1979.
518. Ward S. Status and the Challenge of Rising Powers. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
519. Wehner L.E. Role Expectations As Foreign Policy: South American Secondary Powers' Expectations of Brazil As A Regional Power // Foreign Policy Analysis. – 2014. – Vol. 0. – P. 1-21.
520. Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. – 1987. – Vol. 41. No. 3. – P. 335–370.
521. Wills J. Breaking the paradigm(s): A review of the three waves of international relations small state literature // Pacific Dynamics: Journal of Interdisciplinary Research. – 2021. – Vol 5. No. 1. – C. 19-32.
522. Wivel A., Baldacchino G. Small States: Concepts and Theories. In: Handbook on the Politics of Small States. / A. Wivel, G. Baldacchino. – Edward Elgar Publishing, 2020. – 448 p.
523. Wivel A., Oest K. J. N. Security, profit or shadow of the past? Explaining the security strategies of microstates // Cambridge Review of International Affairs. – 2010. - Vol. 23. No. 3. – P. 429–453.
524. Wivel F., Thorhallsson B. Small States in the European Union: What Do We Know and What Would We Like to Know / Cambridge Review of International Affairs. – Vol. 19. No 4. – 2006. – P. 651-668.
525. Wivel A., Crandall M. Punching Above Their Weight but Why? Explaining Denmark and Estonia in the transatlantic relationship // Journal of Transatlantic Studies. – 2019. Vol 17. – P. 392-419.
526. Wohlforth W.C. How (Not) to Evaluate US Decline and the Emerging Great Power Rivalry // Journal of International Analytics. – 2021. – Vol. 12. No. 3. – P. 12-18.
527. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The John Hopkins Press, 1962.
528. Womack B. Asymmetry and International Relationships. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 216 p.
529. Wrede M. Small States, Large Unitary States and Federations // Public Choice. – 2004. – Vol. 119. No. 1/2. – P. 219–240.
530. Wright A. A Study of War. – Chicago, 1942.
531. Xiang C., Xin Q. Small states as helpless pawns? Panama's diplomatic strategy over the Taiwan Strait // Cambridge Review of International Affairs. – 2023. - Vol 1. No. 19.
532. Zakaria F. The Rise of the Rest, 2008. – URL: https://fareedzakaria.com/columns/2008/05/12/the-rise-of-the-rest
533. Zarakol A. Hierarchies in World Politics. – Cambridge University Press, 2017. – 344 p.
534. Zarakol A., Mattern J. B. Hierarchies in world politics (IO) // International Organization. – 2016. – Vol. 70. No. 3. – P. 623-54.

Интернет-ресурсы

На русском языке:

535. $385 млрд скрытых долгов: как Китай загнал бедные страны в долговую ловушку // Forbes. – 2021. – URL: https://www.forbes.ru/biznes/441767-385-mlrd-skrytyh-dolgov-kak-kitaj-zagnal-bednye-strany-v-dolgovuu-lovusku
536. «Малая пятерка» преставила проект резолюции об улучшении методов работы Совета Безопасности // ООН. – 2006. – URL: https://news.un.org/ru/story/2006/03/1084461
537. «Панамский архив»: как СМИ вскрыли гигантскую сеть офшоров по всему миру // РБК. – 2016. – URL: https://www.rbc.ru/politics/04/04/2016/5701f96a9a79473339170e1b
538. В постпредстве РФ при ООН считают, что победа в холодной войне была общей для России и США. // ТАСС. – 08.02.2023. – URL: https://tass.ru/politika/16999833
539. В Таллине начал работу центр киберзащиты НАТО // SecurityLab. – 2008. – URL: https://www.securitylab.ru/news/353773.php
540. Глава ООН: Монголия – «символ мира на неспокойной планете» // ООН. – 2022. – URL: https://news.un.org/ru/story/2022/08/1429292
541. Катар заявил о финальной стадии переговоров с ХАМАС по заложникам // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/11/2023/655ca19d9a794789fadda3c9
542. Лачминарайду: мы ставим целью превратить Маврикий в "африканский Сингапур" // РИА-новости. – 2017. – URL: https://ria.ru/20171213/1510858978.html
543. Маврикий запустит спутник с помощью Индии // ТАСС.Наука // 2024. – URL: https://nauka.tass.ru/nauka/20608635?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
544. МИД Швейцарии предложил России свое посредничество // РИА Новости. – 2024. – URL: https://ria.ru/20240124/posrednichestvo-1923302802.html
545. Наступление на офшоры: Великобритания хочет открыть BVI и Каймановы острова // Forbes. – 2013. – URL: https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/239548-nastuplenie-na-ofshory-velikobritaniya-hochet-otkryt-bvi-i-kaimanovy-ostro
546. «Нет — российскому закону»: в Тбилиси прошел митинг против законопроекта об иноагентах // Газета.ру. – 2024 – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2024/04/16/18599540.shtml
547. ООН одобрила первый в истории договор о торговле оружием. // Война и мир. – 2013. – URL: https://www.warandpeace.ru/ru/news/view/78658/
548. Посол РФ в Швейцарии считает, что нейтралитет страны подорван ее властями // ТАСС. – 2024. – URL: https://tass.ru/politika/19935121
549. Пострадавшая от антироссийских санкций Монголия ратует за свой «принцип нейтралитета» // EurAsia Daily. – 2023. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2023/05/12/postradavshaya-ot-antirossiyskih-sankciy-mongoliya-ratuet-za-svoy-princip-neytraliteta
550. Президент Литвы назвала Россию «террористическим государством». – 2014. – РБК. – URL: https://www.rbc.ru/politics/20/11/2014/546dd439cbb20fbe188fb6a9
551. Французская дипломатия и итальянская еда: как разные страны используют «мягкую силу» // Forbes. – 2024. – URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/503841-francuzskaa-diplomatia-i-ital-anskaa-eda-kak-raznye-strany-ispol-zuut-magkuu-silu?image=478270
552. Эсватини — последний африканский союзник Тайваня: вызовы для КНР и возможности для новых игроков // РСМД. – 2023. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/esvatini-posledniy-afrikanskiy-soyuznik-tayvanya-vyzovy-dlya-knr-i-vozmozhnosti-dlya-novykh-igrokov/
553. Эстония готова нанести превентивный удар по России, чтобы защитить НАТО — Карус. // EurAsia Daily. -–2024. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2024/09/26/estoniya-gotova-nanesti-preventivnyy-udar-po-rossii-chtoby-zashchitit-nato-karus

На английском языке:

554. ‘The Gospel’: how Israel uses AI to select bombing targets in Gaza // The Guardian. – URL - https://www.theguardian.com/world/2023/dec/01/the-gospel-how-israel-uses-ai-to-select-bombing-targets
555. 107 Nations Sign Costa Rica Arms Trade Treaty Initiative // QCostaRica. – 2013. – URL: https://qcostarica.com/107-nations-sign-costa-rica-arms-trade-treaty-initiative/
556. 5 facts about Denmark’s foreign aid // The Borgen Project. – URL: https://borgenproject.org/denmarks-foreign-aid/
557. A new island of hope rising from the Indian Ocean // BBC. – 2020. – URL: https://www.bbc.com/travel/story/20200909-a-new-island-of-hope-rising-from-the-indian-ocean

558. Bribery attempt exposed // Solomon Star. – 2019. – URL: https://www.solomonstarnews.com/bribery-attempt-exposed/
559. Bougainville to vote on whether to become world's newest country // Aljazeera. – 2019. – URL: https://www.aljazeera.com/news/2019/11/20/bougainville-to-vote-on-whether-to-become-worlds-newest-country
560. Cape Verde: A Blueprint for China's Positive Role in Africa // The Diplomat. 2016. – URL: https://thediplomat.com/2016/10/cape-verde-a-blueprint-for-chinas-positive-role-in-africa/
561. Carbon Neutral by 2030 for Barbados // Business Barbados. – 2019. - URL: https://www.businessbarbados.com/articles/carbon-neutral-by-2030-for-barbados#:~:text=Barbados'%20commitment%20to%20achieving%20100,before%20it%20was%20'trending'.
562. China angles for Swaziland to ditch Taiwan before major African summit // Reuters. – 01.06.2018. – URL: https://www.reuters.com/article/us-china-taiwan-swaziland/china-angles-for-swaziland-to-ditch-taiwan-before-major-african-summit-idUSKCN1IX450/
563. China suspends ties with St Lucia // Aljazeera. – 2007. URL: https://www.aljazeera.com/news/2007/5/6/china-suspends-ties-with-st-lucia
564. Djibouti Country Report // Crisis24. – 2024. – URL: https://crisis24.garda.com/insights-intelligence/intelligence/country-reports/djibouti
565. El Salvador president says China relations fully established // Reuters. – 28.06.2019. - https://www.reuters.com/article/us-el-salvador-politics-china-idUSKCN1TS39O/
566. Equatorial Guinea VP loses appeal against French embezzlement verdict // Reuters. – 2021. – URL: https://www.reuters.com/world/africa/equatorial-guinea-vp-loses-appeal-against-french-embezzlement-verdict-2021-07-28/
567. EU blacklist names 17 tax havens and puts Caymans and Jersey on notice // The Guardian. – 2017. – URL: https://www.theguardian.com/business/2017/dec/05/eu-blacklist-names-17-tax-havens-and-puts-caymans-and-jersey-on-notice
568. Exclusive: U.S., allies pressure Liberia, Marshall Islands, Panama over Russia oil sanctions // Reuters - 2023. - URl: https://www.reuters.com/business/energy/us-allies-pressure-liberia-marshall-islands-panama-over-russia-oil-sanctions-2023-12-02/
569. Fiji Envoy Meets UN Head To Discuss Country's Role In International Relations // All Headline News. – URL: http://www.allheadlinenews.com/articles/7018116708
570. Four Years Later, China-Backed Nicaragua Canal Struggles to Take Off the Ground // Panam Post. – 2017. – URL: https://web.archive.org/web/20200710091509/https://panampost.com/adriana-peralta/2017/05/08/four-years-later-china-backed-nicaragua-canal-struggles-to-take-off-the-ground/?cn-reloaded=1
571. Gaza war: how Qatar used its business connections to become a leading mediator in the Middle East // The Conversation. – 2023. – URL: https://theconversation.com/gaza-war-how-qatar-used-its-business-connections-to-become-a-leading-mediator-in-the-middle-east-218461
572. Gross National Happiness of Bhutan and its False Promises // Global South. – 2013. – URL: https://www.gsdmagazine.org/the-false-promises-of-bhutans-gross-national-happiness/
573. Guatemala: Ex-President Admits Taking Taiwan Bribes // The New York Times. – 2014. – URL: https://www.nytimes.com/2014/03/19/world/americas/guatemala-ex-president-admits-taking-taiwan-bribes.html?partner=rss&emc=rss&_r=0
574. Guyana taking border dispute with Venezuela to UN Security Council // Jamaica Observer. – 2023. – URL: https://www.jamaicaobserver.com/2023/12/06/guyana-taking-border-dispute-with-venezuela-to-un-security-council/
575. Guyana unveils major report at UN Security Council on the impact of war on climate and food security // Kaieteur News. – 2024. – URL: https://www.kaieteurnewsonline.com/2024/02/15/guyana-unveils-major-report-at-un-security-council-on-the-impact-of-war-on-climate-and-food-security/
576. How Iceland Beat the British in the Four Cod Wars // Atlas Obscura – 2018. – URL: https://www.atlasobscura.com/articles/what-were-cod-wars
577. How two years of war in Ukraine have marked Switzerland // Swiss Info – 2024. – URL: https://www.swissinfo.ch/eng/foreign-affairs/russia-ukraine-war-how-switzerland-has-reacted-to-two-years-of-conflict-in-europe/72897134
578. How Washington's Budget Fights Are Affecting Three Critical Pacific Island States // Council on Foreign Relations. – 2023. – URL: https://www.cfr.org/blog/how-washingtons-budget-fights-are-affecting-three-critical-pacific-island-states

579. In Warming US-NZ Relations, Outdated Nuclear Policy Remains Unnecessary Irritant // Federation of American Scientists. – 2012. – URL: https://fas.org/publication/newzealand/
580. Israel bans Al Jazeera: What does it mean and what happens next? // Aljazeera. – 2024. – URL: https://www.aljazeera.com/news/2024/5/6/israel-bans-al-jazeera-what-does-it-mean-and-what-happens-next
581. Jerusalem: UN resolution rejects Trump's declaration // BBC. – 2017. – URL: https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42446027
582. Luxembourg establishes space agency and new fund // Space News. – 2018. – URL: https://spacenews.com/luxembourg-establishes-space-agency-and-new-fund/
583. Malta assumes UN Security Council Presidency; council to discuss reports on Libya and Kosovo // Malta Independent. – 2024. – URL: https://www.independent.com.mt/articles/2024-04-01/local-news/Malta-assumes-UN-Security-Council-Presidency-council-to-discuss-reports-on-Libya-and-Kosovo-6736259881
584. Malta At UNGA: Small States Are A Big Voice In International Diplomacy // The Ministry for Foreign and European Affairs and Trade of Malta. – URL: https://foreign.gov.mt/malta-360-insights/malta-at-unga-small-states-are-a-big-voice-in-international-diplomacy/
585. Malta elected to UN security council // Times Malta. – 2022. – URL: https://timesofmalta.com/article/malta-elected-to-un-security-council.960719
586. Mauritius, most innovative African country by the GII, according to Forbes Africa // Economic Development Board. – 2024. – URL: https://edbmauritius.org/newsroom/mauritius-most-innovative-african-country-by-the-gii-according-to-forbes-africa
587. Mongolia as a neutral state // World Economic Forum. – 2016. – URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/01/mongolia-as-a-neutral-state/
588. MOROCCO: Ranked second worldwide in climate change control // Afrik21. – 2020. -URL: https://www.afrik21.africa/en/morocco-ranked-second-worldwide-in-climate-change-control/
589. Nauru Airlines launches first direct flights from Australia to Palau // Karryon. – 2024. – URL: https://karryon.com.au/industry-news/airline/nauru-airlines-start-au-palau/
590. Nauru Overview // Global Detention Project. – URL: https://www.globaldetentionproject.org/countries/asia-pacific/nauru
591. Next Wave: Known for financial services, Mauritius wants the tech brand // Techcabal. – 2024. – URL: https://techcabal.com/2023/08/21/mauritius-wants-the-tech-brand/
592. Noor Solar Power Plant (Morocco) // Heidelberg Materials. – 2024. – URL: https://www.heidelbergmaterials.com/en/noor
593. Qatar’s annual development aid stands at $2bn, says minister // Gulf Times. – 2017. – URL: https://www.gulf-times.com/story/571701/Qatar-s-annual-development-aid-stands-at-2bn-says-
594. Rojas D. Addressing Disparities of Human Development // The Caricom Reparations Commission. – 2020. – URL: https://caricomreparations.org/addressing-disparities-of-human-development/
595. Robinson J. The Human Development Index and the Caribbean (Party Time?) // The University of the West Indies. – 2024. – URL: https://fiveislands.uwi.edu/news/human-development-index-and-caribbean-party-time
596. Russia returns four Ukrainian children in Qatari deal // BBC News. – 2023. – URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-67121574
597. Rwanda’s Peacekeeping Missions: Promoting Global Peace and Security // Diplomat. – 2021. – URL: https://diplomatmagazine.eu/2021/10/31/rwandas-peacekeeping-missions-promoting-global-peace-and-security/
598. Seychelles wins World's Most Romantic Destination for 4th consecutive year // Seychelles News Agency. – 08.12.2023. – URL: http://www.seychellesnewsagency.com/articles/19740/Seychelles+wins+World%27s+Most+Romantic+Destination+for+th+consecutive+year
599. Shabashewitz D. Tuvalu’s New Treaty with Australia Effectively Makes It an Associated State – Analysis // Eurasia Review. – 2023. – URL: https://www.eurasiareview.com/14112023-tuvalus-new-treaty-with-australia-effectively-makes-it-an-associated-state-analysis/
600. St. Vincent and the Grenadines breaks a record, as smallest ever Security Council seat holder // UN. – 2019. – URL: https://news.un.org/en/story/2019/06/1040071
601. Taiwan loses ally Nauru, accuses China of post-election ploy // Reuters. – 15.01.2024. – URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/taiwan-loses-first-ally-post-election-nauru-goes-over-china-2024-01-15/

602. The island nation of Tuvalu is being kept afloat by its domain name // News.com.au. – 2016. – URL: https://www.news.com.au/technology/the-island-nation-of-tuvalu-is-being-kept-afloat-by-its-domain-name/news-story/9af6c78e14c071013ddd7fa9ac64aa7f
603. The top 10 busiest container ports in the world // Ship Technology. – 2024. – URL: https://www.ship-technology.com/features/the-top-10-busiest-container-ports-in-the-world/
604. The unintended consequences of Fiji's UN peacekeeping operations // The Strategist. – 2012. – URL: https://www.aspistrategist.org.au/the-unintended-consequences-of-fijis-un-peacekeeping-operations/
605. The World's Biggest Diasporas [Infographic] // Forbes. – 2022. – URL: https://www.forbes.com/sites/katharinabuchholz/2022/11/11/the-worlds-biggest-diasporas-infographic/?sh=19ec9f664bde
606. These are the world's most vital waterways for global trade // World Economic Forum – 2024. – URL: https://www.weforum.org/agenda/2024/02/worlds-busiest-ocean-shipping-routes-trade/
607. This Tiny Island Is the Most Densely Defended Country in the World | WSJ // Wall Street Journal. – 2024. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=LddXjew1V2Q
608. This Tiny Pacific Island Nation Just Gave Russia a Big Bruise // The New Republic. – 2014. – URL: https://newrepublic.com/article/117238/tuvalu-bruises-russia-establishing-diplomatic-ties-georgia
609. Top 15 countries where you can obtain a passport by investment // Immigrant Invest. – 2024. – URL: https://immigrantinvest.com/blog/top-countries-get-passport-for-investment-en/
610. Tuvalu amends constitution to protect its statehood should its territory disappear due to rising sea levels // Constitution Net. – 2023. – URL: https://constitutionnet.org/news/tuvalu-amends-constitution-protect-its-statehood-should-its-territory-disappear-due-rising-sea
611. Tuvalu cashes in on its coveted internet domain name amid rise in online streaming // The World. – 2022. – URL: https://theworld.org/stories/2022/01/24/tuvalu-cashes-coveted-internet-domain-twitch-tv
612. UN bars Fijian peacekeepers in future missions // China View. – 2009. – URL: https://web.archive.org/web/20121024055012/http://news.xinhuanet.com/english/2009-05/02/content_11296917.htm
613. Uncle Sam wants Micronesians for US military // The Christian Science Monitor. – 2010. – URL: https://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2010/0505/Uncle-Sam-wants-Micronesians-for-US-military
614. US Pressure on Russian Oil Sees Dark Fleet Turn to Gabon's Flag // Bloomberg. – 2024. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-05/us-pressure-on-russian-oil-sees-dark-fleet-turn-to-gabon-s-flag
615. US-China rivalry hangs over Haiti a month after president's killing // NIKKEI Asia. – 2021. – URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-China-rivalry-hangs-over-Haiti-a-month-after-president-s-killing
616. What Should Norway Do with An Extra $170 Billion From Oil and Gas Revenues? // Forbes. – 2023. – URL: https://www.forbes.com/sites/bobeccles/2023/07/24/what-should-norway-do-with-an-extra-170-billion-from-oil-revenues/?sh=61a3f9cf73f4
617. Why are Turkey and Hungary against Sweden joining NATO? – Reuters. – 2023. – URL: https://www.reuters.com/world/europe/after-finland-joins-nato-why-is-turkey-making-sweden-wait-2023-04-04/
618. Why the United States Needs an Embassy in Tuvalu // The Dilpomat. – 2023. – URL: https://thediplomat.com/2023/12/why-the-united-states-needs-an-embassy-in-tuvalu/

На других языках:

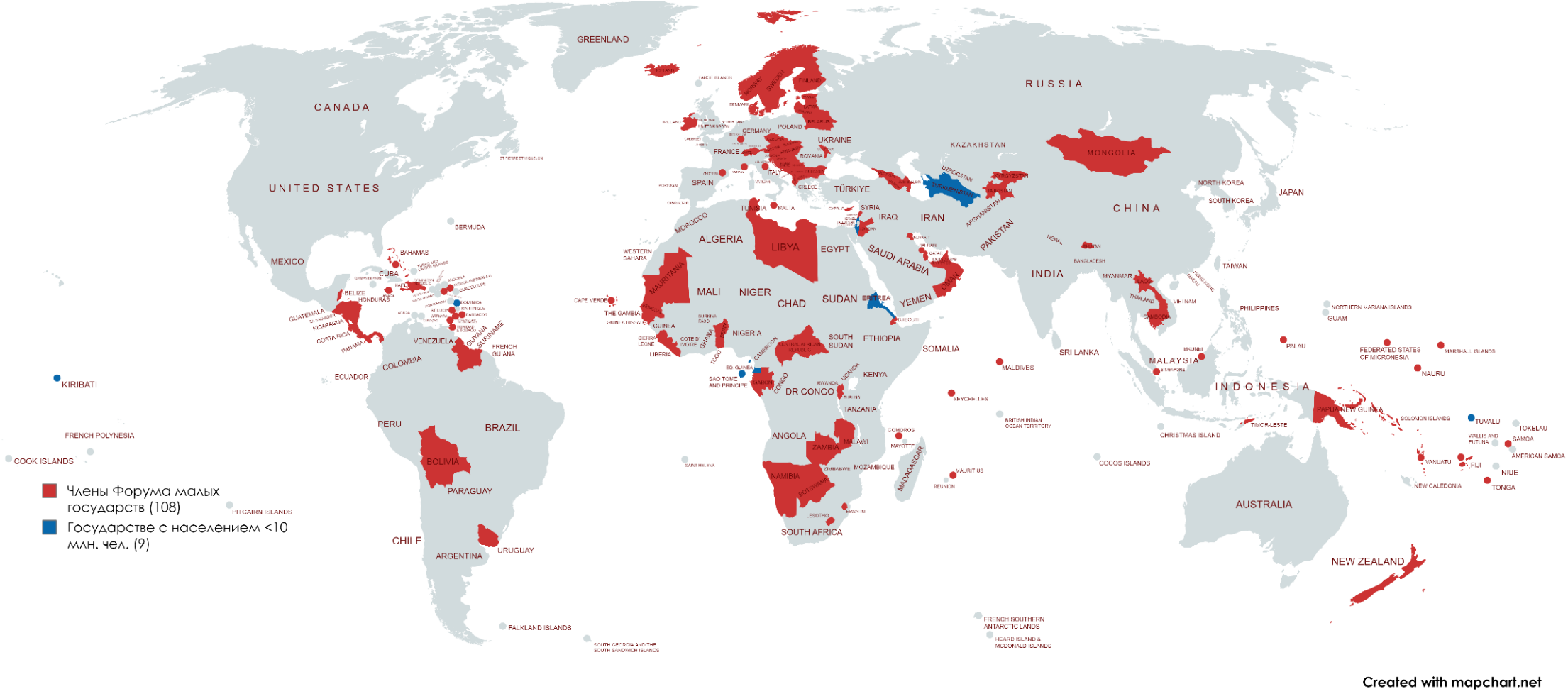
619. Вэн Дзябяо. Carrying Forward the Five Principles of Peaceful Coexistence in the Promotion of Peace and Development // Speech by Wen Jiabao Premier of the State Council of the People's Republic of China At Rally Commemorating the 50th Anniversary of The Five Principles of Peaceful Coexistence. – 2004. – URL: http://tr.china-embassy.org/eng/xwdt/t140777.htm
620. Си Цзинпин. 习近平"一带一路"构想战略意义深远 «Один пояс и один путь» имеет большое стратегическое значение // 中国国际广播电台. (Международное радио Китая) – 2015. - https://web.archive.org/web/20171222185449/http://gb.cri.cn/42071/2014/10/10/882s4720906.htm
621. У Цзянмин. 重视小国 Ценность малых государств // 中国观察 (Китайский обозреватель). – 2015. – URL: http://www.chinatoday.com.cn/chinese/sz/zggc/201512/t20151203_800043996.html

622. Paraguay: Repensando las relaciones con China. – REDCAEM. – 2021. – URL: https://chinayamericalatina.com/paraguay-repensando-las-relaciones-con-china/
623. Traité destiné à adapter et à confirmer les rapports d'amitié et de coopération entre la République française et la principauté de Monaco. – 2002. – URL: http://www.axl.cefan.ulaval.ca/europe/france-monaco-traite-2002.htm
624. Viktor Orban : « Les européennes décideront de la guerre ou de la paix » // Le Point. – 2024. – URL: https://www.lepoint.fr/politique/europeennes-2024-victor-orban-estime-que-le-scrutin-decidera-de-la-guerre-ou-de-la-paix-29-05-2024-2561516_20.php#11

Список таблиц и иллюстраций

Рисунок 1.1.1. Пирамидальная модель международной иерархии 57
Рисунок 1.1.2. Столбчатая модель международной иерархии 59
Таблица 1.1.1. Типологизация государств в зависимости от положения в международной иерархии и их идеал-типические черты 65
Рисунок 1.1.3. Соотношение физического размера и геополитического веса государств 68
Таблица 1.2.1. Концептуализация ролей в социологии и социальной психологии 72
Таблица 1.2.2. Основные теории ролевого поведения в антропологии, социологии и психологии 73
Таблица 1.2.3. Сущность роли в театральном искусстве, социологии и теории международных отношений 75
Рисунок 1.2.4. Модель формирования роли государства по К. Холсти (воспроизведение) 76
Таблица 1.2.4. Типология международно-политических ролей для глобальных компаративных сравнений 82
Рисунок 2.1.1. Предпочтительность использования терминов и частота упоминаний категорий государств в научных трудах. 96
Рисунок 2.1.2. Рост числа государств в мире. 98
Таблица 2.1.1. Соотношение между терминами «малая страна», «малая держава» и «малое государство». 101
Рисунок 2.1.3. Соотношение основных концепций и объектов анализа. 107
Таблица 2.1.2. Обзор основных сложившихся в литературе подходов к концептуализации малых государств. 108
Таблица 2.1.3. Шесть категорий размера государства. 112
Таблица 2.1.4. Типология критериев малых государств. 114
Таблица 2.1.5. Типология подходов к концептуализации малого государства. 115
Таблица 2.1.6. Основные количественные параметры для категоризации малых государств 116
Таблица 2.1.7. Корреляционная матрица между фундаментальными показателями 193 суверенных государств. 116
Таблица 2.1.8. Некоторые подходы к операционализации малых государств с использованием абсолютных критериев. 119
Таблица 2.1.9. Уровни комплексного анализа при относительном подходе. 123
Рисунок 2.2.1. Противопоставление узкого и широкого подходов к операционализации малых государств 129
Рисунок 2.2.2. Типология малых государств на основе абсолютных и относительных критериев в пространстве 131
Таблица 2.2.1. Типология малых государств на основе принципа относительности в разрезе политико-экономических интеграционных объединений 136
Таблица 3.1.1. Основные исторические субъекты комплекса межполитийных отношений. 145
Таблица 3.1.2. Исторические конструктивные роли городов-государств (ГГ). 149
Таблица 3.1.3. Основные периоды и структурные параметры (под)систем международных отношений с точки зрения внешнеполитической деятельности малых государств. 169
Таблица 3.2.1. SWOT-матрица эмпирических характеристик малых государств. 184
Таблица 3.2.2. Возможности и ограничения в двусторонних асимметричных отношениях с более мощным контрагентом. 193
Таблица 3.2.3. Перспективы трансформации статуса малых государств в зависимости от типа международной иерархии. 195
Рисунок 3.3.1. Значимые роли малых государств в сфере воспроизводства демографических ресурсов. 198
Рисунок 3.3.2. Роли малых государств, основанные на инвестиции в человеческий капитал 207
Рисунок 3.3.3. Идеал-типическая модель роли моста и узла (хаба) государств. 213
Рисунок 3.3.4. Роли малых государств, основанные на общем экономическом развитии.. 216
Рисунок 3.3.5. Глобальные потери налоговых поступлений вследствие перемещения прибыли в налоговые гавани (% от общемирового объема поступлений налога на прибыль предприятий). 222
Таблица 3.3.1. Перечень малых и микрогосударств, не имеющих вооруженные силы, или имеющих ограниченные вооруженные силы. 234
Таблица 3.3.2. Трансформация нейтралитета малых государств после 1990 года 255
Таблица 3.3.3. Основные многосторонние институционализированные форматы участия, где малые государства играют значимую роль 274
Таблица 3.3.4. Численное распределение стран, являвшихся и не являвшихся членами СБ ООН с 1941 по 2024 гг. с учетом численности их населения 290
Рисунок 3.4.1. Основные структурные параметры трёх аравийских монархий 301
Рисунок 3.4.2. Мультилатеральные структуры 306
Рисунок 3.4.3. Основные параметры в военно-стратегической сфере 308

Приложение № 1. Картограмма членов Форума малых государств (108 государств-членов).

Приложение № 2. Позиционная иерархия государств согласно значению Индекса размера государства Трейвиша.

№	Страна	Индекс	№	Страна	Индекс
1	Китай	0,144073	98	Доминик. Республика	0,001345
2	Индия	0,091807	99	Камбоджа	0,001321
3	США	0,089263	100	Оман	0,001319
4	Россия	0,057144	101	Беларусь	0,001307
5	Канада	0,043737	102	Дания	0,001288
6	Бразилия	0,037171	103	Гвинея	0,001260
7	Индонезия	0,024401	104	Тунис	0,001225
8	Австралия	0,022993	105	Малави	0,001214
9	Япония	0,018111	106	Республика Конго	0,001119
10	Мексика	0,016258	107	Лаос	0,001025
11	Германия	0,015751	108	Куба	0,001013
12	Пакистан	0,014886	109	Болгария	0,001004
13	Нигерия	0,014021	110	Азербайджан	0,001002
14	Франция	0,012144	111	Бенин	0,000946
15	Турция	0,012089	112	Иордания	0,000946
16	Великобритания	0,011239	113	Таджикистан	0,000855
17	Иран	0,011181	114	Киргизия	0,000855
18	Аргентина	0,011068	115	Гондурас	0,000851
19	Саудовская Аравия	0,011049	116	Сербия	0,000823
20	Египет	0,010475	117	Габон	0,000818
21	Бангладеш	0,010146	118	Словакия	0,000799
22	Демокр. Респ. Конго	0,010027	119	Катар	0,000767
23	Италия	0,009858	120	Уругвай	0,000765
24	Алжир	0,008774	121	Кувейт	0,000730
25	Эфиопия	0,008613	122	Руанда	0,000722
26	Казахстан	0,008547	123	Панама	0,000718
27	Филиппины	0,007971	124	Хорватия	0,000703
28	Испания	0,007955	125	Никарагуа	0,000701
29	Республика Корея	0,007847	126	**Гаити**	0,000632
30	Вьетнам	0,007619	127	**Бурунди**	0,000632
31	ЮАР	0,007369	128	**Коста-Рика**	0,000616
32	Таиланд	0,007263	129	**Гайана**	0,000615
33	Колумбия	0,007116	130	**Сьерра-Леоне**	0,000569
34	Судан	0,006850	131	**Литва**	0,000569
35	Польша	0,005792	132	**Того**	0,000555
36	Перу	0,005539	133	**Либерия**	0,000505
37	Танзания	0,005417	134	**Грузия**	0,000475
38	Ангола	0,004974	135	**Сальвадор**	0,000460
39	Ливия	0,004801	136	**Эритрея**	0,000459
40	Малайзия	0,004534	137	**Суринам**	0,000439
41	Мьянма	0,004449	138	**Ливан**	0,000419
42	Кения	0,004294	139	**Босния и Герцеговина**	0,000396
43	Нигер	0,004202	140	**Латвия**	0,000392
44	Мали	0,004022	141	**Словения**	0,000358
45	Монголия	0,003967	142	**Исландия**	0,000317
46	Украина	0,003953	143	**Эстония**	0,000297
47	Венесуэла, РБ	0,003913	144	**Албания**	0,000296
48	Ирак	0,003896	145	**Армения**	0,000295
49	Чили	0,003883	146	**Молдова**	0,000269
50	Чад	0,003865	147	**Бахрейн**	0,000248
51	Нидерланды	0,003532	148	**Северная Македония**	0,000237
52	Афганистан	0,003425	149	**Люксембург**	0,000228
53	Мозамбик	0,003392	150	**Ямайка**	0,000214
54	Марокко	0,003382	151	**Экватор. Гвинея**	0,000197
55	Боливия	0,003374	152	**Гвинея-Бисау**	0,000184
56	Узбекистан	0,003264	153	**Лесото**	0,000182
57	Швеция	0,003157	154	**Кипр**	0,000175
58	Норвегия	0,003065	155	**Тринидад и Тобаго**	0,000163
59	Румыния	0,003048	156	**Гамбия**	0,000155
60	Йемен	0,002828	157	**Бутан**	0,000145
61	Уганда	0,002826	158	**Маврикий**	0,000127
62	Замбия	0,002798	159	**Эсватини**	0,000118
63	Мадагаскар	0,002754	160	**Джибути**	0,000116
64	Мавритания	0,002715	161	**Фиджи**	0,000110
65	Камерун	0,002559	162	**Тимор-Лешти**	0,000105
66	Гана	0,002420	163	**Соломоновы острова**	0,000103
67	ОАЭ	0,002334	164	***Бруней-Даруссалам***	0,000096
68	Кот-д'Ивуар	0,002330	165	***Черногория***	0,000095

69	Сомали	0,002322	166	***Мальта***	0,000086
70	Бельгия	0,002189	167	***Багамские Острова***	0,000085
71	Намибия	0,002131	168	***Белиз***	0,000081
72	Швейцария	0,002090	169	***Мальдивы***	0,000050
73	Южный Судан	0,002016	170	***Коморские острова***	0,000046
74	Непал	0,001932	171	***Кабо-Верде***	0,000045
75	Австрия	0,001888	172	***Вануату***	0,000045
76	Эквадор	0,001839	173	***Барбадос***	0,000023
77	Ирландия	0,001781	174	***Самоа***	0,000019
78	Чехия	0,001761	175	***Монако***	0,000017
79	Финляндия	0,001751	176	***Андорра***	0,000016
80	Шри-Ланка	0,001742	177	***Лихтенштейн***	0,000016
81	ЦАР	0,001730	178	***Сент-Люсия***	0,000016
82	Буркина-Фасо	0,001726	179	***Сан-Томе и Принсипи***	0,000014
83	Зимбабве	0,001705	180	***Сейшельские острова***	0,000013
84	Сингапур	0,001704	181	***Гренада***	0,000010
85	Туркменистан	0,001626	182	***Антигуа и Барбуда***	0,000010
86	Папуа-Новая Гвинея	0,001621	183	***Сент-Винсент и Гренадины***	0,000009
87	Португалия	0,001601	184	***Кирибати***	0,000008
88	Ботсвана	0,001594	185	***Тонга***	0,000008
89	Греция	0,001580	186	***Федератив. Штаты Микронезии***	0,000007
90	Венгрия	0,001485	187	***Доминика***	0,000007
91	Сирия	0,001476	188	***Сан-Марино***	0,000006
92	Парагвай	0,001475	189	***Сент-Китс и Невис***	0,000006
93	Израиль	0,001470	190	***Маршалловы острова***	0,000003
94	КНДР	0,001467	191	***Палау***	0,000002
95	Новая Зеландия	0,001402	192	***Науру***	0,000001
96	Гватемала	0,001373	193	***Тувалу***	0,000001
97	Сенегал	0,001347			

Малые государства на глобальном уровне (всего 68) выделены **полужирным начертанием**.
Микрогосударства (всего 30) выделены *курсивом*.
Условные «переходные средние» (всего 20) подчеркнуты.
108 членов Форума малых государства выделены жёлтым (из них государства, имеющие население свыше 10 млн чел. напечатаны красным, всего 16).
***
Для справки:
Члены Большой семёрки выделены зелёным
Члены Большой двадцатки выделены тёмно-зелёным.

Приложение № 3. Рейтинг оффшорных зон/налоговых бухт и легкости ведения бизнеса (первые 30 позиций).

№	Индекс финансовой секретности (2022)	Индекс корпоративного налогового убежища (2021)	Индекс легкости ведения бизнеса (2020)
1	США	*Брит. Виргинские о-ва*	Новая Зеландия
2	Швейцария	*Каймановы о-ва*	Сингапур
3	Сингапур	*Бермуды*	*Гонконг*
4	*Гонконг*	Нидерланды	Дания
5	Люксембург	Швейцария	Южная Корея
6	Япония	Люксембург	США
7	Германия	*Гонконг*	Грузия
8	Объединенные Арабские Эмираты	*Джерси*	Великобритания
9	*Брит. Виргинские о-ва*	Сингапур	Норвегия
10	*Гернси*	Объединенные Арабские Эмираты	Швеция
11	КНР	Ирландия	Литва
12	Нидерланды	Багамы	Малайзия
13	Великобритания	Великобритания	Маврикий
14	*Каймановы о-ва*	Кипр	Австралия
15	Кипр	Маврикий	*Тайвань*
16	Южная Корея	Бельгия	Объединенные Арабские Эмираты
17	*Тайвань*	*Гернси*	Северная Македония
18	Панама	Франция	Эстония
19	*Джерси*	КНР	Латвия
20	Катар	*Остров Мэн*	Финляндия
21	Италия	Мальта	Таиланд
22	Багамы	Испания	Германия
23	Таиланд	Германия	Канада
24	Вьетнам	Венгрия	Ирландия
25	Саудовская Аравия	США	Казахстан
26	Бельгия	Швеция	Исландия
27	Ирландия	Италия	Австрия
28	Канада	Панама	Россия
29	Испания	*Кюрасао*	Япония
30	Франция	*Гибралтар*	Испания

Источник: Tax Justice Network. – 2023. – URL: https://taxjustice.net/indexes-tools.
Doing Business Report. – 2020. – URL: https://www.worldbank.org/en/businessready.
Оранжевым выделены малые государства.
Серым – несуверенные территории.

Приложение № 4. Профили финансовых центров (2023 год).

	Широкий и глубокий профиль		**Относительно широкий профиль**		**Относительно глубокий профиль**		**В процессе становления**	
	Глобальные лидеры		***Глобальные диверсификаторы***		***Глобальные специалисты***		***Глобальные претенденты***	
Глобальный уровень	Сингапур	Сингапур	Париж	Франция	Пекин	КНР	Москва	Россия
	Лондон	Британия	Сеул	Сеул	Гонконг	КНР, Гонконг		
	Нью-Йорк	США	Вашингтон	США	Дубай	ОАЭ		
	Франкфурт	Германия	Чикаго	США	Люксембург	Люксембург		
	Шанхай	КНР	Лос-Анджелес	США	Шэньчжэнь	КНР		
	Токио	Япония	Сан-Франциско	США	Абу-Даби	ОАЭ		
	Торонто	Канада			Касабланка	Марокко		
	Амстердам	Нидерланды						
	Цюрих	Швейцария						
	Сидней	Австралия						
	Широкий и глубокий		**Относительно широкий**		**Относительно глубокий**		**В процессе становления**	
	Международные лидеры		***Международные диверсификаторы***		***Международные специалисты***		***Международные претенденты***	
Межрегиональный уровень	Берлин	Германия	Мехико-Сити	Мексика	Гуанчжоу	КНР	Санкт-Петербург	Россия
	Бангкок	Таиланд	Афины	Греция	Мумбаи	Индия	Стамбул	Турция
	Мадрид	Испания			Нью-Дели	Индия	Сан-Паулу	Бразилия
	Куала-Лумпур	Малайзия			Чэнду	КНР	Кейптаун	ЮАР
	Пусан	Сеул			Рияд	Сауд. Аравия	Панама	Панама
	Бостон	США			Далянь	КНР	Бермуды	ЗТ
	Штутгарт	Германия			Кайм. О-ва	ЗТ	Найроби	Кения
	Эдинбург	Британия			МФЦ Гуджарата	Индия	Виргин. О-ва	ЗТ
	Мельбурн	Австралия			Циндао	КНР	Бахрейн	Бахрейн
	Майами	США			Кигали	Руанда	Йоханнесбург	ЮАР
	Гамбург	Германия			Тайбэй	Тайвань	Маврикий	Маврикий
	Дублин	Ирландия			Астана	Кахазстан	Будапешт	Венгрия
	Женева	Швейцария			Джерси	ЗТ	Лагос	Нигерия
	Брюссель	Бельгия			Тель-Авив	Израиль	Доха	Катар
	Осака	Япония			Гернси	ЗТ		
	Монреаль	Канада			Лихтенштейн	Лихтенштейн		
	Ванкувер	Канада						
	Стокгольм	Швеция						
	Милан	Италия						
	Рим	Италия						
	Широкий и глубокий		**Относительно широкий**		**Относительно глубокий**		**В процессе становления**	
	Региональные лидеры		***Региональные диверсификаторы***		***Региональные специалисты***		***Региональные претенденты***	
Местный уровень	Варшава	Польша	Сантьяго	Чили	Ханчжоу	КНР	Буэнос-Айрес	Аргентина
	Атланта	США	Вена	Австрия	Кувейт	Кувейт	Баку	Азербайджан
	Мюнхен	Германия			Тяньцзинь	КНР	Хошимин	Вьетнам

	Осло	Норвегия			Нанкин	КНР	Богота	Колумбия
	Глазго	Британия			Мальта	Мальта	Трин. и Тобаго	Трин. и Тобаго
	Прага	Чехия			Тегеран	Иран	Алматы	Казахстан
	Копенгаген	Дания			Гибралтар	ЗТ	Манила	Филиппины
	Миннеаполис	США			Монако	Монако	Братислава	Словакия
	Лиссабон	Португалия			Лугано	Швейцария	Джакарта	Индонезия
	Калгари	Канада			Остров Мэн	ЗТ	Рио-де-Жанейро	Бразилия
	Сан-Диего	США			Рейкьявик	Исландия	Вильнюс	Литва
	Хельсинки	Финляндия					Кипр	Кипр
	Веллингтон	Австралия					Багамы	Багамы
							Ухань	КНР
							София	Болгария
							Рига	Латвия
							Сиань	КНР

Источник: The Global Financial Centres Index 34 // Longfinance. - 2023. - URL: https://www.longfinance.net/media/documents/GFCI_34_Report_2022.09.28_v1.0.pdf
Оранжевым выделены малые государства.
Серым – несуверенные территории.

Приложение № 5. Количественное участие в ММО некоторых государств в Европе.

Таблица 1. Количественное участие в ММО некоторых государств в Европе

Государство-член ЕС	**Государство, бывшее в составе СССР**	**Остальные страны**	**Общее число ММО, в которых состоит государство в 2014 году**	**Прирост участия в ММО в 1991-2002**	**Прирост участия в ММО в 2002-2014**	**Прирост участия в ММО 1991-2014**
Эстония			*67*	40	19	**59**
Латвия			*64*	36	19	**55**
Литва			*65*	33	19	**52**
	Молдова		*56*	45	7	**52**
	Азербайджан		*53*	43	7	**50**
	Грузия		*51*	41	8	**49**
	Армения		*46*	36	7	**43**
		Албания	*60*	26	12	**38**
	Россия		*88*	28	5	**33**
Чехия			*75*	24	8	**32**
Словакия			*74*	21	10	**31**
	Беларусь		*48*	24	6	**30**
Болгария			*78*	17	8	**25**
Хорватия			*74*	6	14	**20**
Мальта			*64*	10	10	**20**
Венгрия			*75*	14	5	**19**
		Исландия	*71*	9	9	**18**
Словения			*72*	5	13	**18**
		Андорра	*22*	10	7	**17**
		Сербия	*68*	-1	15	**14**
		Швейцария	*93*	11	3	**14**
Португалия			*97*	10	3	**13**
Финляндия			*102*	11	2	**13**
		Норвегия	*105*	9	4	**13**
Кипр			*65*	7	5	**12**
		Монако	*39*	6	3	**9**
		Сан-Марино	*25*	3	5	**8**
Люксембург			*83*	2	6	**8**
Ирландия			*76*	3	4	**7**
Греция			*84*	4	1	**5**
Швеция			*101*	4	1	**5**
Австрия			*83*	7	-2	**5**
		Лихтенштейн	*20*	4	0	**4**
Италия			*100*	3	-1	**2**
Франция			*116*	6	-5	**1**
Бельгия			*102*	-2	2	**0**
Дания			*99*	-1	0	**-1**
Германия			*101*	0	-1	**-1**
		БиГ	*52*	-15	13	**-2**
Великобритания			*100*	1	-3	**-2**
		С. Македония	*49*	-13	8	**-5**

В рамках региона Ближний Восток и Северная Африка	**Юго-Восточная Азия**	**Остальные страны**	**Общее число ММО, в которых состоит государство**	**Прирост участия в ММО в 1991-2002**	**Прирост участия в ММО в 2002-2014**	**Прирост участия в ММО 1991-2014**
		Кыргызстан	48	45	-1	44
		Таджикистан	46	37	5	42
		Туркменистан	39	35	1	36
		Россия	88	28	5	33
	Камбоджа		54	15	15	30
	Китай		80	19	7	26
	Бруней		43	10	15	25
	Монголия		50	16	7	23
	Лаос		46	11	10	21
Бахрейн			54	13	4	17
Иран			63	9	7	16
Оман			57	12	3	15
Саудов. Аравия			67	5	8	13
	Сингапур		52	8	5	13
Иордания			63	9	4	13
Турция			78	9	4	13
	Мьянма		45	9	4	13
		Бутан	33	6	6	12
		Непал	47	6	6	12
		Мальдивы	44	3	8	11
		Индия	91	2	8	10
		Афганистан	40	3	7	10
Израиль			61	3	6	9
Египет			88	11	-2	9
		Шри-Ланка	70	3	5	8
ОАЭ			60	5	3	8
Катар			56	7	1	8
Кувейт			56	1	1	2
Ливан			56	2	0	2
Сирия			55	-2	-1	-3
Ирак			55	-7	3	-4

Источник: Pevehouse J. C.W., Nordstron T., McManus R. W., Jamison A.S., Tracking Organizations in the World: The Correlates of War IGO Version 3.0 datasets, Journal of Peace Research, 2014;
Барабаш, Б. А. Количественный анализ участия малых государств в межправительственных международных организациях в начале XXI века: основные тенденции / Б. А. Барабаш // Современные процессы глобализации и регионализации: к новой пространственной организации общества : Материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 10–11 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО "Медиапапир", 2024. – С. 57-64.

Приложение № 6. Количественное участие в ММО некоторых государств в Азии.

В рамках региона Ближний Восток и Северная Африка	**Юго-Восточная Азия**	**Остальные страны**	**Общее число ММО, в которых состоит государство**	**Прирост участия в ММО в 1991-2002**	**Прирост участия в ММО в 2002-2014**	**Прирост участия в ММО 1991-2014**
		Кыргызстан	48	45	-1	44
		Таджикистан	46	37	5	42
		Туркменистан	39	35	1	36
		Россия	88	28	5	33
	Камбоджа		54	15	15	30
	Китай		80	19	7	26
	Бруней		43	10	15	25
	Монголия		50	16	7	23
	Лаос		46	11	10	21
Бахрейн			54	13	4	17
Иран			63	9	7	16
Оман			57	12	3	15
Сауд. Аравия			67	5	8	13
	Сингапур		52	8	5	13
Иордания			63	9	4	13
Турция			78	9	4	13
	Мьянма		45	9	4	13
		Бутан	33	6	6	12
		Непал	47	6	6	12
		Мальдивы	44	3	8	11
		Индия	91	2	8	10
		Афганистан	40	3	7	10
Израиль			61	3	6	9
Египет			88	11	-2	9
		Шри-Ланка	70	3	5	8
ОАЭ			60	5	3	8
Катар			56	7	1	8
Кувейт			56	1	1	2
Ливан			56	2	0	2
Сирия			55	-2	-1	-3
Ирак			55	-7	3	-4

Источник: Pevehouse J. C.W., Nordstron T., McManus R. W., Jamison A.S., Tracking Organizations in the World: The Correlates of War IGO Version 3.0 datasets, Journal of Peace Research, 2014;
Барабаш, Б. А. Количественный анализ участия малых государств в межправительственных международных организациях в начале XXI века: основные тенденции / Б. А. Барабаш // Современные процессы глобализации и регионализации: к новой пространственной организации общества : Материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 10–11 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО "Медиапапир", 2024. – С. 57-64.

Приложение № 7. Перечень государств с населением менее 14 млн чел., которые являлись членами Совета Безопасности ООН хотя бы один срок.

Государство	Население (млн чел.)	Размер дипкорпуса постоянного представительства ООН в Нью-Йорке (чел.)	Число лет в СБ ООН	Член ФМГ
Руанда	13,8	6	4	+
Бенин	13,4	3	4	+
Бурунди	12,9	5	2	+
Тунис	12,4	10	8	+
Боливия	12,2	6	6	+
Бельгия	11,7	12	12	0
Иордания	11,3	11	6	+
Доминиканская Республика	11,2	19	2	+
Куба	11,2	48	6	0
Чехия	10,7	13	2	+
Швеция	10,5	22	8	+
Гондурас	10,4	5	2	+
Греция	10,4	17	4	0
Португалия	10,4	12	6	0
Азербайджан	10,1	12	2	+
Венгрия	9,6	14	4	+
ОАЭ	9,4	18	4	+
Австрия	9,0	19	6	+
Того	8,8	9	4	+
Швейцария	8,8	33	2	+
Сьерра-Леоне	8,6	31	3	+
Никарагуа	6,9	7	4	+
Ливия	6,8	15	4	+
Парагвай	6,8	11	2	+
Болгария	6,5	8	6	+
Республика Конго	6,0	12	4	0
Дания	5,9	10	8	+
Сингапур	5,6	14	2	+
Финляндия	5,6	14	4	+
Ливан	5,5	4	4	+
Норвегия	5,5	17	10	+
Словакия	5,4	9	2	+
Либерия	5,3	16	1	+
Коста-Рика	5,2	6	6	+
Ирландия	5,1	16	7	+
Новая Зеландия	5,1	7	7	+
Мавритания	4,7	13	2	+
Оман	4,6	7	2	+
Панама	4,4	10	10	+
Кувейт	4,3	8	4	+
Хорватия	3,9	8	2	+
Уругвай	3,4	9	4	+
Босния и Герцеговина	3,2	7	2	+
Литва	2,8	7	2	+
Ямайка	2,8	9	4	+
Албания	2,8	8	2	+
Гамбия	2,7	6	2	+
Катар	2,7	13	2	+
Ботсвана	2,6	12	2	+
Намибия	2,6	10	2	+
Габон	2,4	19	8	+
Словения	2,1	27	3	+
Гвинея-Бисау	2,1	5	2	+
Экваториальная Гвинея	1,7	12	2	0
Тринидад и Тобаго	1,5	5	2	+
Бахрейн	1,5	4	2	+
Эстония	1,3	8	2	+
Маврикий	1,3	4	2	+
Джибути	1,1	6	2	+
Гайана	0,8	12	5	+
Люксембург	0,7	9	2	+
Кабо-Верде	0,6	3	2	+
Мальта	0,5	13	4	+
Сент-Винсент и Гренадины	0,1	7	2	+

Источник: составлено автором на основе UN Blue Book. - 2024. - URL: https://bluebook.unmeetings.org/